Мы на земле,

где вы живете...

ЗЕМЛЯКИ

Нижегородский альманах

Выпуск двадцать четвертый

«КНИГИ»

Нижний Новгород

2018

УДК 821.161.1(082)

ББК 84 (2 Рос-Рус)6 я43

З53

Редактор-издатель *О. А. Рябов*

Редактор *А. И. Иудин*

Составители *А. И. Иудин, О. А. Рябов*

Общественная редколлегия:

Н. А. Бенедиктов, И . С. Горюнова, Е. Н . Крюкова, З. Прилепин, В. И. Седов, А. М. Цирульников, Г. В. Щеглов, Е. Р. Эрастов

Адрес редакции: 603057, Нижний Новгород, ул. Бекетова, 24/2, издательство «Книги». Тел. (831) 412-16-04

E-mail: zemlyaki-nn@yandex.ru

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

Издание осуществлено при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

З53 **Земляки.** Нижегородский альманах. Выпуск двадцать третий. Составители А. И. Иудин, О. А. Рябов. – Нижний Новгород: издательство «Книги», 2018. – 480 с.

Очередной выпуск альманаха составлен из новых текстов писателей и поэтов – как наших земляков, так и проживающих в других городах России и зарубежья.

Ряд публикаций посвящен 150-летию со дня рождения А. М . Горь-кого. Отдельно представлены произведения победителей литературных конкурсов, прошедших на нижегородской земле.

Читатель сможет ознакомиться с новыми материалами по истории края, с творчеством литераторов иронического жанра, а также пишущих для детей и подростков.

Альманах зарегистрирован в Управлении Роскомнадзора по Нижего-родской области.

Свидетельство о регистрации: ПИ № ТУ 52-0246

© Иудин А. И., Рябов О. А. Составление, 2018

ISBN 978-5-94706-204-5

© Издательство «Книги», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Нижегородский почерк

Олег РЯБОВ

ПОГОРЕЛЫЙ 6

НЕ ЗОВИ ПРОШЛОЕ 13

ЛЁЛЯ – КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ 24

Павел ЛАПТЕВ

РОЯЛЬ 34

БАБОЧКИ 42

ШНУРКИ 46

Владимир СЕДОВ

ЧЕСТНЫЙ МЕНТ 49

Пётр РОДИН

БАБУШКА КЛАВА 54

МАЗАНКА 64

Евгений АЛЮТИН

НЮРКА И КОТ 71

Михаил ЧИЖОВ

СОСЕДКА 74

Лирический портрет

Марина КУЛАКОВА

ТЮТЧЕВСКИЙ ОВСТУГ 81

Сергей НОСОВ

КАК БУДТО Я ТЕБЯ ОБНЯЛ СЛОВАМИ... 85

Роман ПОПЛАВСКИЙ

А Я ПОДДАКИВАТЬ УСТАЛ... 90

Из свежей прозы

Бахытжан КАНАПЬЯНОВ

ЖАЛГЫЗ АГАШ 95

БАХЧИСАРАЙ 98

Андрей ИВАНОВ

КАРЛИК И ГОРБУН 104

Михаил СМИРНОВ

ЧЕРЁМУХОВЫЕ РАССВЕТЫ 152

Виктория ДЕМЧЕНКО

СЧАСТЬЕ НА ВКУС 159

Дмитрий КОЛИСНИЧЕНКО

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ИСХОД 162

Лирический портрет

Геннадий ЁМКИН

И ВСПОМНИЛОСЬ МНЕ ВДРУГ
СОВСЕМ НЕ О ЛЮБВИ... 190

Наталья СТРУЧКОВА

А РЯДОМ НЕРОЖДЁННОЕ, НЕСКАЗАННОЕ СЛОВО... . . 199

Галина ТАЛАНОВА

Я ЗА НИТОЧКУ СВЕТА ДЕРЖУСЬ... 203

Земляки-24

Из будущих книг

Елена КРЮКОВА

ВОЙНА И ЛЮБОВЬ 207

Евгений ШЕСТОВ

СВИСТНИ, РАК, ПОКА ЕСТЬ СИЛЫ 241

150 лет со дня рождения А.М. Горького

Елена ШУВАЕВА-ПЕТРОСЯН

ДИАЛОГ: ГОРЬКИЙ И АРМЕНИЯ 295

ПОЭТЫ-СОРМОВИЧИ – ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО ЗЕМЛЯКА

Виктор АВДЕЕВ 304

Борис КОПЫТОВ 305

Николай СИМОНОВ 306

Юрий СИМОНОВ 308

Александр ФИГАРЕВ 308

ПОЭТИЧЕСКИЙ КОНКУРС ИМ. А. М. ГОРЬКОГО

Вячеслав КАРТАШОВ 310

Владимир КОЛЧИН 311

Ирина ДРУЖАЕВА 311

Дмитрий ТЕРЕНТЬЕВ 313

Григорий СОМОВ 313

Софья АЛЕКСАНДРОВА 314

Ольга КОСОВА 314

Александр МАКАРЫЧЕВ 315

Иллария ШАДРИНА 316

РОССИЙСКИЙ БАРД-ФЕСТИВАЛЬ «МУЗЫКА СЕРДЕЦ»

Анастасия ФРОЛОВА 317

Надежда СОЗИНОВА 321

Андрей АНДРОНОВ 325

Далекое – близкое

Александр КРАМЕР

«МЫ ЧТО, ЗДЕСЬ ВСЕ И... УМРЕМ?» 327

Аркадий ЖУРАВЛЕВ

КОРЮШКА 336

Вехи памяти

Владимир ГОФМАН

ОДИССЕЯ ПОНОМАРЯ БОРИСА 358

Александр ЦИРУЛЬНИКОВ

С ОЛЕГОМ ТАБАКОВЫМ

ЗА ГРАНИЦЕЙ И ДОМА 369

Андрей ДМИТРИЕВ

ЕГО ГРЫЗЛА ТОСКА ПО РОССИИ 380

Андрей ШИМИН 386

«ОБЩИМ УСЕРДИЕМ АРЕСТАНТОВ...» . . . . . .

Земляки-24

Остаются с нами

Сергей КАРАСЕВ

КАРАСЬ. *Предисловие И. Дементьевой* 390

Книжная полка

Татьяна КРИНИЦКАЯ

ПУТЕШЕСТВИЕ КАК ОСМЫСЛЕНИЕ БЫТИЯ 414

Андрей КУЗЕЧКИН

«КОШИНАЯ ПРЫНЦЕССА»

В «СТРАНЕ НЕСЛЫХАННОГО СЧАСТЬЯ» 423
КОРОТКО О НОВИНКАХ 426

Русский смех

Евгений ОБУХОВ

МИСТИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВО 428

Олег ЗАХАРОВ. *Пародии* 431

Светлана СУПРУНОВА. *Пародии* 435

Марина КОПКИНА. *Иронические стихи* 439

Детская страничка

Ирина ДРУЖАЕВА

УХО НА ВЕРЕВОЧКЕ 441

БАРС – ВАСИЛИИ 444

Любовь СИДОРОВА

ПЕТЯ В ГОРОДЕ ЛЕНТЯЕВ 450

Марина ФАДЕЕВА

ТИХАЯ РАДОСТЬ 459

Стихи по кругу

Валентина КОРОСТЕЛЁВА 464

Владимир РЕШЕТНИКОВ 466 **Оганес МАРТИРОСЯН** . . . . . 466 **Ксения СЕВАСТЬЯНОВА** . . . . . 467 **Ольга ТЕЛИЦИНА** . . . . . 468 **Ярослав КАУРОВ** . . . . . 469 **Лариса БУХВАЛОВА** . . . . . 470 **Сергей ФИЛИППОВ** . . . . . 471 **Нина ЯГОДИНЦЕВА** . . . . . 472 **Эльвира КУКЛИНА** 473

Прощальное слово

Эдуард КУЗНЕЦОВ

ОБ АНАТОЛИИ ГРИНЕСЕ 475

Нижегородский почерк

Олег РЯБОВ

ПОГОРЕЛЫЙ

1

– Скажи мне, только честно – ты видела его всего?

– Что значит – всего?

– Ну, ты говорила, что он весь обгоревший, что ему кожу пересаживали по всей спине и на ногах.

– Ну, и что?

– Ничего! Так ты видела его всего?

– Мамуль, ты что – мы же супруги, мы – муж и жена. Как же я его не видела? Я его каждый день вижу.

– Нет, я не то имела в виду. Вот мы с тобой сейчас по телефону говорим, и тебе стесняться нечего. К тому же я – твоя мама.

– Так я и не стесняюсь.

– Ну, и что – это страшно?

– Нет, не страшно, но и ничего красивого тоже нет.

– Ну а как он себя ведёт? Нюша, мы с папкой так вол-нуемся. Ты, пожалуйста, его за руль не пускай. Помнишь, он тебе ещё из госпиталя писал, что у него иногда зрение пропадает? Ну, и что он иногда слепнет как бы!

– Мамуля, у нас всё хорошо, я сама за рулём сидела, когда мы сюда ехали, в деревню.

– А сейчас он где?

– На речку пошёл.

Погорелый

– И вообще, я тут разговаривала со знающими людьми – так говорят, что после такой передряги, в которой побывал твой, в смысле – после войны, люди часто ну, не то чтобы с ума сходят, но подолгу не могут в себя прийти. В Америке такое уже было, когда ребята ихние из Вьетнама вернулись, и называлось это – вьетнамский синдром. И у нас после афганской войны было много случаев, когда мальчишки с ума сходили – ну, так говорят, я точно не знаю. Только ты имей в виду, что все эти мальчишки-солдаты, они там тако-го насмотрятся ужаса, что становятся часто неадекватны-ми. Так вот, расскажи мне: зачем вы в эту деревню поехали, а не поехали к нам сюда, в Болгарию, на море?

– Мамуля, как ты не поймёшь – он должен был встре-титься с мамой Николая, который погиб, спасая его. А ты хочешь, чтобы мы туда к вам, в Болгарию, приехали на солнышке калиться? Ему, Серёже вообще нельзя на солн-це подставлять эту новую пересаженную кожу. Поняла?

– Да, я понимаю. Только всё равно... И расскажи мне подробно: что за Николай? Как он погиб? Я должна знать, а то вы приедете, а я ничего не знаю! Я думала, что твой просто не хочет с нами общаться, что он гордый такой. Или, может, он знает, что мы с папкой не очень рады тако-му зятю?

– Я думаю, что не знает, но догадывается. Хотя что это меняет? Ничего!

– Так я тебе ещё раз – что за Николай и как он погиб?

– Николай родом из этой деревни, где мы сейчас. Он служил с моим Серёжей, и в Чечню, в командировку, они поехали вместе. А когда те страшные бои в Грозном были в марте, их БТР подбили в центре города, прямо на площа-ди Минутка. Все выскочили из машины и разбежались и спрятались кто куда, в укрытия. А моего Серёжу подстре-лил какой-то снайпер в обе ноги. Лежит Серёжа посреди площади, а комбинезон и штаны, видно, в бензине или в масле были, и горят они прямо на нем.

– Эти снайперши там, я слышала, из Прибалтики были.

Говорят, это бывшие биатлонистки.

– Не знаю, мамуля. Так вот: бросить раненого или даже погибшего на войне нельзя! Сначала один лейтенант

пополз за моим Серёжей – его снайпер убил. Второго убил. Третьего ранил. И только вот этот Николай Затёкин, к маме которого мы приехали, вытащил раненого моего Серёжу с открытого места. Но его этот снайпер или снайперша тут же и застрелила. А пока он умирал на руках у товарищей, он попросил Серёжу съездить к его маме в деревню. Так что никаких тут секретов нет. Просто мой Серёжа почти полгода в госпитале лежал в Ростове-на-Дону: ранение в ноги нестрашное было, а вот обгорел сильно. А выписал-ся, приехал ко мне, мы расписались по-быстренькому в за-гсе и поехали вместе в эту деревню. Или село это – Покров называется.

– Так, а большое село-то?

– Нет, домов сто или двести. Но церковь восстановлена, и почта, и магазинчик есть.

– А зачем он, Серёжа твой, на речку-то пошёл?

– Не знаю, говорит – на бережку посижу, на воду погляжу.

– А кто он у тебя по гороскопу, Серёжа твой?

– Огненный он, Лев. Мы день рождения ему будем справлять у вас, передай папке и ждите.

– А вы маму этого Николая-то уже видели?

– Видели – сразу, как приехали, с утра. Зовут её, как и меня, – Аня, Анна Васильевна. Она хорошо нас встрети-ла, ласково, и не плакала – выплакалась уже, говорит. Это она заставила нас до завтрашнего дня остаться. Говорит, вечером родня придет, надо выпить, помянуть. Ну, мы с Серёжей согласились. И, мамуля, знаешь, что интересно: здесь про то, что Николай погиб, спасая Серёжу, все зна-ют, и то, что он горел, тоже все знают, и зовут Серёжу тут про между себя Погорелый.

2

Утка с кряканьем из травы свой выводок выпустила и потянула его каравaнчиком через речку на другой берег. Утята уже большие, через неделю-другую на крыло вста-нут, поднимутся. Ни ветеринки – гладь на речке зеркаль-ная, хоть бы где рыбина плеснула какая, что покрупнее. Только среди листьев кувшинок видно, как окуни мальков

гоняют. Душновато – раздеться бы да купнуться, но при-дется потерпеть: врачи не разрешили на солнышко новую кожу вывешивать год, ни спину, ни ноги.

Интересно – когда в прошлый раз с Николаем приезжал сюда навестить его родных да на рыбалку, деревня эта по-казалась ему такой живой: и дети на велосипедах, и мужики с удочками сидят, и бабы из магазина кучкой идут. А сегод-ня – непонятки сплошные: на улице ни души, на речке ни лодки, ни рыбачка, ни отдыхающих. Может, все сенокосят!

Пришла собака местная, большая. Села рядом, язык вы-сунула, тяжело дышит, жарко. Потом легла. Тишина.

И вдруг, как гроза или молния, – девчонка прибежала, лет семи-восьми, босоногая, растрёпанная:

– Погорелый, а Погорелый, бежим скорее в деревню – там дом горит, а там, в дому, Ванька мой, братик мой ма-ленький. А в деревне нет никого.

Быстро вскочил да бегом побежал, а в голове сумбур:

как так – дом горит, а в деревне нет никого!

До деревни два шага. Девчушка, хоть и босая, бежит быстро. Минута, и вот уже около избы стоят.

– Ну, и где твоя изба? – спрашивает Сергей.

– А вот моя изба, – отвечает девчонка.

– Ну, и где она у тебя горит? И где твой братик Ванька?

– Не горит она вовсе, а Ванька там, в избе, спит он.

– Так зачем же ты меня сдернула?

– Знаешь, Погорелый, в деревне говорят, что у тебя ноги простреленные и что ты не то что бегать, а и ходишь-то плохо. А ещё говорят, что зря Коля тебя горящего вытащил на себе – лучше бы ты сгорел, а он бы вернулся.

– Не знаю – может быть, и лучше. Только вот обманула ты меня напрасно.

– Почему? Я проверила, как ты бегаешь.

– Ну вот, ты проверила, а теперь, случись что – ты за мной прибежишь, а я не поверю тебе и никуда не побегу и не пойду даже.

– А если что-то случится, я за тобой не побегу – я по-прошу кого-нибудь за тобой сбегать.

– Так, а я ни с кем не пойду, если за мной прибежит кто-то из твоей деревни.

– Что это?

– А то, что я думаю, что в твоей деревне все такие же враши, как ты.

– А как же Коля?

– А Коля, может, и был один такой у вас, что честный.

– А я не из этой деревни, а из города. Я к бабушке сюда в гости жить приезжаю.

– Ну вот это – слава богу. А то я подумал, что ошибся адресом.

– Это как – ошибся адресом? Ты же к мамке Колиной приехал.

– Ну да! А Коля никогда не врал, и мама его тоже не врала мне, а вот ты… Я и подумал, что ошибся и не в ту деревню приехал, раз здесь ты живёшь и врешь.

– Нет, я не здесь живу, я живу в городе, а в городе у нас все, ну почти все врут.

– А ты ведь опять мне неправду говоришь: я знаю, что тебя зовут Настей, и братик у тебя есть Ваня, и маму я твою знаю, видел я её сегодня утром. И живешь ты здесь, в Покрове. Так зачем ты мне врёшь?

– Я хочу, чтобы ты уехал и никогда-никогда к нам сюда не приезжал.

– Почему же так?

– А потому, что из-за тебя Колю убили, а я его любила и замуж за него хотела выйти, когда вырасту. А за кого я теперь вот пойду?

– Ну-у, когда ты вырастешь, и мальчишки какие-нибудь хорошие тоже вырастут. Ты им наврёшь чего-нибудь, а по-том и замуж за которого-нибудь да и выйдешь.

– Наврать я им всем навру, а замуж не пойду.

– Что же так-то?

– А я только Колю любила. Кого любят – тому не врут.

– Я не верю тебе, что ты Колю любила.

– Любила.

– Не верю. Ты же мне всё врешь, и про то, что Колю любила, тоже врёшь.

– Нет, про Колю не вру, потому, что я его любила. А ты всё равно уезжай отсюда поскорее. Прямо сегодня уезжай со своей этой женой. Глаза б мои тебя не видели.

3

Что-то и на речку больше не захотелось идти. Вот так – вдруг, да и поймешь, что и воевал напрасно, и приказы вы-полнял зря, и кровь проливал ни за что, а уж о благодар-ности людской теперь и мечтать нечего. Да что об этом, если даже дети это понимают. Нерадостный возвращался Сергей к затёкинскому дому.

Солнце в самой вершинке – палит-разливается.

А тут и Анюта навстречу:

– Анечка, ты куда?

– В магазин – посмотрю, что у них тут продают. Может, и прикуплюсь – вечером же кто-то в гости придет, а что мы – всё на Анну Васильевну навалим?

– Ничего мы на Анну Васильевну не навалим, мы же и так с гостинцами да с подарками приехали, – обнял он её, свою, и погладил, – мы домой сейчас поедем, а не завтра. И дожидаться Анну Васильевну не будем.

– Что случилось, Серёженька?

– А ничего. Просто девочка семилетняя мне объяснила, какие мы дураки, то есть какой я дурак. Объяснила, как на ладошке поднесла.

– Почему мы дураки? Что она тебе поднесла?

– А то – я же виновник смерти Колькиной. Я же причи-на его гибели, он погиб меня спасая. Если бы меня не было там или если бы меня не в ноги подстрелили, а наглухо бы там грохнули – он бы, может, сейчас был бы живой. Ловил бы окуней в своей речке или бы в лугах косил. А так…

– Что так?

– Ну, навестили мы мать его, как я Кольке обещал, и поедем домой. Давай выгрузим все гостинцы, напишем записку и поедем. Не хочу я всех этих поминальных обе-дов. Что – праздник, что ли, – мы приехали? Долг я свой выполнил – привет от покойного передал, а водку пить – повод слабоват, по крайней мере для меня. А местные, де-ревенские – пусть пьют.

– Серёженька, нехорошо как-то!

– Мне тоже нехорошо, а вечером будет ещё хуже. Зна-ешь, что будет вечером? Какие-нибудь пьяные братья

двоюродные да дядья Колькины троюродные будут расспрашивать: откуда в Кольку стреляли, да куда попали и что он перед смертью сказал? А потом попросят, чтобы я показал им, как я обгорел. А ведь всё это лукавство: тот, кто воевал, про такие вещи не спрашивает, а тот, кто там не был, им на всё это насрать! Запомни Анечка: солдат ни-когда не расскажет тебе правду о войне. А тебе вообще ничего про войну знать не надо – женщине, которая соби-рается рожать детишек, о войне думать нельзя. Поехали домой.

– Ну, поехали. Только давай окрошки перед дорогой поедим – Анна Васильевна тут нам наготовила, всё своё свежее, с огорода и сметана своя, и квас свой в подполе, ядрёный, с изюмом. Я уже попробовала.

– Окрошки – давай, поедим. Только потом я за руль сяду, хорошо?

– Хорошо. Но с условием!

– Каким таким условием?

– Моим папке с мамкой не говори, что за рулем сидел. Хорошо?

– Договорились.

НЕ ЗОВИ ПРОШЛОЕ

1

Очень растерялся Михаил Иванович Шульпин, ког-да примерно через год после смерти жены, Лизы, понял, что практически все его контакты, все его связи, все его знакомства в этом мире существовали только благодаря ей и организовывала их она, его ненаглядная. Да и всю его жизнь устраивала супруга, а он только существовал в этой жизни. Даже его контора «Нотариус Шульпин», его частная лавочка, как он её называл, постепенно перешла под крыло какой-то дальней Лизиной многоюродной племянницы, которую он когда-то по рекомендации супруги и приветил, и пристроил, и в дело ввёл. А теперь вот – неин-тересна стала вдруг ему его же работа.

Заходил Михаил Иванович в свой офис всё реже и реже: сначала старался бывать там каждый день, пусть хоть на

час, а со временем стал появляться в своей лавочке раз в неделю, и то внехотячку. И видели все сотрудники, что не работается Михаилу Ивановичу. Но не догадывались они, что и жить ему не больно-то уж и хотелось. То есть так жить, как сейчас все живут, не хотелось, а хотелось как-то по-другому: тянуло его куда-то в прошлое. Ностальгиро-вал он, что ли, таким специфическим образом?

Улицы он стал называть на советский манер: вместо Варварки – Фигнер, а вместо Покровки – Свердловка, начал снова в киосках газеты покупать, а в библиотеке, в которую записался, взял книгу Семёна Бабаевского «Кава-лер Золотой Звезды», которую в детстве читал.

Жил он теперь один в своей двухкомнатной квартире, но грустно было ему и скучно в ней одному. А вот гулять

по улицам Михаилу Ивановичу вдруг полюбилось: нрави-лось ему вспоминать, что было на месте того или иного нового дома пятьдесят лет назад и кто из друзей или зна-комых здесь жил когда-то, где располагались какие мага-зинчики продовольственные или книжные или какие ки-нофильмы и в каких кинотеатрах в добрые старые времена крутились. Глядя на идущие трамваи, вспоминал он, как ловко умел на ходу запрыгивать и спрыгивать с подножки. Представлял Михаил Иванович себе и будки телефонные, стоявшие раньше чуть ли не на каждом большом пере-крестке, из которых он в молодые студенческие годы зво-нил знакомым девушкам, да и Лизе тоже, когда женихать-ся начал. А то так и вовсе: стали ему мерещиться номера телефонов пятизначные, к которым буковки потом стали прибавлять. И что ведь память делает – номер подкинет, а рядом лицо! А друга этого или девушки этой любимой давно уже нет.

И вот тут, с памятью, надо было что-то делать – поба-иваться начал Михаил Иванович, что однажды она может его подвести: не то чтобы откажет, а наоборот – подкинет какую-нибудь каверзу, с которой надо будет бороться. Ведь уже случилось раз, что он встал около кафе «Дружба», или как-то оно по-новому теперь называется, и стал дожидать-ся, когда троллейбус подойдет, забыв, что не ходит трол-лейбус по этой улице уже почти сорок лет. Хорошо, что не стал, как дурак старый, у прохожих спрашивать, где тут троллейбусная остановка, – сам вспомнил, что нигде!

Появилась у него ещё одна новая домашняя забава: перелистывая старую книгу городской телефонной сети, находил Михаил Иванович много знакомых фамилий, вспоминал что-нибудь про их обладателей интересное и набирал этот старый пятизначный номер. Конечно, там никто не отвечал, но и не рассчитывал он на то. Просто это игра такая.

Хотя предупреждал его старый товарищ с детских лет, Вовка Охотов, профессор, замечательный хирург, рыбак, охотник, бабник, единственный человек, с кем Шульпин продолжал поддерживать отношения уже лет пятьдесят, что игры с прошлым очень опасны: в прошлом хранятся

такие секреты, которые лучше не вытаскивать. Охотов пря-мо-таки обеспокоился этим новым увлечением Михаила Ивановича и, каждую неделю отзваниваясь с очередным приглашением съездить на рыбалку, просто умолял его бросить эту новую дерзкую, как он сам её называл, забаву.

Домашние телефоны почти все поснимали уже: мо-бильными пользуются. Только старики по привычке хва-таются дома за телефонную трубку. Михаил Иванович относил себя уже к категории стариков и любил свой ста-рый дисковый телефонный аппарат, хотя и с айфоном, и с компьютером, и с другими гаджетами он был на «ты» и от их услуг не отказывался. Однажды, листая телефонный справочник, он и Лизин старый номер домашнего телефо-на в нем разыскал, там ещё её девичья фамилия была про-печатана, и жила она – этих домов-то уже и нет.

Михаил Иванович набрал в тот раз номер Лизин: В-3-

79-58. После двух длинных гудков на другом конце сняли трубку:

– Баня! – сказал мужской голос.

– Как баня? – удивился Михаил Иванович.

– Так, баня.

Михаил Иванович положил трубку. Он удивился не тому, что там оказалась баня, а тому, что там подняли труб-ку. Но ответить сразу на этот вопрос, как это получилось, Михаил Иванович не смог, а потом уже просто и забыл про такой казус.

Ну и ещё – странные сны стали сниться Михаилу Ива-новичу. Вообще-то ему редко сны снились – ну там раз в год, и то одни и те же, к тому же простенькие: как он экза-мены в институте без подготовки сдает и не может сдать и ещё один, страшный, – будто катится он с крыши высокой и крутой, но не падает, а просыпается. А чтобы философ-ские какие-то, как Татьяне Лариной или Вере Павловне, или у Достоевского которые описаны, – нет, не бывало. Ну, понятно – писатели напридумывают такого, чего в жизни-то и не дождёшься.

А тут вдруг приснилось, будто он женится, и женится снова на своей Лизоньке, только на молодой, той – двадца-тилетней. И такая нежная она с ним, и кожа у неё бархатная,

и губы сочные, и талия упругая и податливая. А что со старой Лизой – не поймёшь: то ли она умерла, но почему-то не похоронена, то ли она всё же не умерла. Потому что она и не рядом, но невдалеке стоит и не то что не одобряет новую женитьбу Михаила Ивановича, а просто корит его

и взглядом, и мимикой. И стыдно Михаилу Ивановичу, и чувствует он, что ещё придётся ему с его старой Лизой объясняться. А что объясняться, если он на ней же женит-ся, только на молодой, а потому ни измен, ни предательств в этом никаких нет. От стыда пришлось Михаилу Ивано-вичу проснуться.

2

То, что умом он немного тронулся, Михаил Иванович уже прекрасно понимал. Понимал он также и то, что на пенсию просто так не отправляют; правда, его и не отправ-ляли – он сам ушел и уже оформил все бумаги и даже «ве-терана труда» получил. Только всё равно кормился он со своей нотариальной конторы: и не только в финансовом плане, а в том смысле, что уж очень много секретов знал старый нотариус Михаил Иванович о своих любимых горожанах-согражданах.

Ведь не только примитивные доверенности на вождение чужой машины оформляют у нотариуса, что может сделать и зелёная девчонка, а и серьёзные наследства на бумажках, запертых в сейфе у Михаила Ивановича, уже разделённые лежат. Если подумать, то становится понятным, что к нотариусу обратится за оформлением завещания по наследству только тот, кому есть что завещать и есть кому завещать, притом по-хитрому завещать, с условием. А если имеются скрытые семейные тайны, о которых до поры до времени не должен никто знать? Имеются в виду не измены и внебрачные дети, а примитивные обиды или симпатии, которые могут меняться и меняются очень часто. А с возрастом эти обиды и новые симпатии могут возникать и пропадать каждый день.

И вот тут хлебом не корми Михаила Ивановича, пря-мо подпитывается он на этих информациях и духовно, и

физически. И материально, конечно, но это его последнее время уже не очень интересовало. А ведь все эти старухи, которые каждый день готовы менять свои завещания, хотя и не дворянки какие-то там столбовые, но всё равно как «из бывших» – ходят уже плохо и просят обычно Михаи-ла Ивановича приехать к ним домой для фиксации нового своего каприза. А живут они часто если и не во дворцах, то в таких хоромах, о которых простым нашим гражданам лучше и не знать. Ведь это по телевизору покажут особняк какого-нибудь министра-жулика или артиста-миллионера, и что? – картинка и картинка. А внутри!.. Это всё равно что по телевизору балет смотреть или аромат новых духов распознать, глядя на ихнюю же телевизионную рекламу, – сути и прелести не узнать! Надо эти чудо-избушки изну-три увидеть и разбираться в тех чудесах, которые в них припрятаны.

Живут эти старухи, а часто и не старухи, а молодые вдовы, в домах своих мужей или зятьёв, но записаны эти особняки и коттеджи на них, на старух. И тешат себя эти хозяйки тем, что могут пока что распоряжаться всем хо-зяйством, временно порученным им. И позванивают эти неожиданные владелицы несметных богатств Михаилу Ивановичу Шульпину, а тот – на такси и к ним уже ле-тит. Сам за руль после смерти Лизы он не садился – тре-вожно и неуютно чувствовал себя на водительском месте. Машину свою племяннику отдал, и возит тот Шульпина на базар по выходным. А к клиентам важным лучше на такси – Михаил Иванович предпочитал клиентов своих в секрете держать.

Но странное дело – сразу после похорон жены и про-фессиональная активность, и интерес к чужой жизни у Михаила Ивановича стали пропадать. Раньше в таких до-мах коллекции картин, или икон, или фарфоровых стату-эток мейсенских, или кинжалов восточных его не просто восхищали, а вызывали любопытство, и просил он хозяев просветить его. Такое внимание было хозяевам приятно, и читалась тогда Шульпину популярная лекция. Ведь прихо-дилось ему давать рекомендации и по страхованию таких коллекций, которые хозяева не очень-то хотели светить.

Раньше такие визиты могли затягиваться на целый день, иногда с обедами, а уж чаю отпить или фужер хорошего вина – так это обязательно. Теперь Михаил Иванович к посторонним и малозначащим беседам стал не просто охладевать, а они его начинали тяготить. Он понимал, что такое его отношение активно мешает делу, что клиента надо расположить, чтобы тот мог довериться его, Михаила Ивановича, советам при принятии решения, но ничего поделать с собой не мог. Раньше он готовился к таким поездкам: подбирал галстук или бабочку, смотрелся в зеркало – хорошо ли повязано кашне, а теперь почему-то не думалось ему даже об этом. Часто, еще только-только зайдя в прихожую и вытирая носовым платком пот со лба, он просил принести ему стакан холодной воды, а выпив его, начинал понимать, что напоминает сам себе чеховского дворника или извозчика, а в лучшем случае постаревшего Ионыча. Но тут же Михаил Иванович брал себя в руки и, входя в гостиную, был предупредителен, галантен и вежлив.

3

В мае городской телефон зазвонил неожиданно, первый раз за год, наверное. Михаил Иванович снял трубку.

– Миша? – с характерным акцентом произнес дребезжащий и вроде бы знакомый, но всё равно неузнанный голос.

– Да, это я, Михаил Иванович Шульпин. А, простите, вы кто будете?

– Миша, это я, тётя Дора Штейн. Ты приедешь?

– Куда мне надо приехать, тётя Дора? – без раздражения и даже с долей иронии ответил Шульпин, спешно сообра-жая, кто бы это мог его разыгрывать.

– Ты всё шутишь, Миша? Ко мне ты хотел приехать.

– А куда мне надо приехать, в Канавино или на Маяков-ку? – решил подыграть незнакомке или незнакомцу Ми-хаил Иванович, вспоминая, что тётя Дора была хорошей портнихой и подругой его мамы и, по самым скромным подсчётам, ей должно быть сейчас уже больше ста лет.

– Конечно, на Кооперативную, то есть на Маяковку, куда ты с папой и с мамой своими ещё приходил! Помнишь?

И тут до Михаила Ивановича дошло, что это не розыг-рыш. Он даже оцепенел. Холодком неприветливым потя-нуло из телефонной трубки.

– Приезжай прямо сейчас, если сможешь. А не смо-жешь – приезжай завтра с утра. Дело серьёзное и спешное, и разговор у нас будет долгий и не телефонный.

– Тётя Дора, да я сейчас и приеду, только напомните мне адресок ваш – полвека уже прошло, а то и больше: запамятовал я, где вы живёте.

– Миша, а ты знаешь ресторан «Волга»?

– Помню, конечно. А что теперь там?

– Что теперь там, что теперь там! Я уж не знаю – что теперь там, а вот рядом с рестораном есть арка. Заходи в эту арку, увидишь гору ящиков деревянных, а дальше кучу шлака, между ними вход в наш подъезд. Поднимешься на второй этаж, увидишь дверь, обитую жёлтой клеенкой, на ней марка номер шесть, это моя квартира. Дверь будет открыта, торкнись и заходи. Я тебя уже буду ждать. А ты лакаголь какой пьешь?

– Да нет, не пью я.

– Хорошо, тогда чай будем.

– Хорошо, тётя Дора, я приеду.

– Миша, я тебе до сих пор не сказала, что звоню я по по-ручению твоего папы покойного, должна я тебе передать бумаги кое-какие для тебя важные.

– Да, хорошо, тётя Дора, я к вам сейчас подъеду.
Наконец-то Михаил Иванович вспомнил тётю Дору

Исааковну, подругу молодости папы и мамы, толстую портниху с базедовой болезнью , которая обшивала маму и многих маминых подруг, и её квартиру с постоянны-ми в ней мелкими племянниками, сопливыми и орущи-ми. Квартира та была трехкомнатная, большая , но бес-толковая: она просто под потолок была забита всякими ненужными вещами. Ещё Шульпин вспомнил, что в том же дворе -колодце, но в другом подъезде собирался мно-гие годы городской неофициальный миньян, и приходил он в этот двор за компанию со своим школьным това-рищем Мариком Шмуклером перед тем, как тот уехал в Израиль.

Вообще-то Маяковка в советские времена была на весь город известна не только своей еврейской общиной, но и тем, что от Ромодановского вокзала и до Ивановской баш-ни кремля она вся была беспардонно занята воровскими малинами, подпольными катранами, точками скупки кра-деного и ночными шинками – этакий истинный центр го-родской теневой жизни. И почему, если уж кому-то так захотелось, её в Рождественскую переименовали, если она раньше Кооперативной была? Кооперативная куда как больше ей подходило.

Михаил Иванович двинулся к тёте Доре пешком. Сначала по родным городским переулкам, потом через кремль по Ивановскому съезду на Кожевенную. Мимо бывшего цеха разлива, где производился «Солнцедар», самое жёсткое вино для самых суровых мужчин эпохи застоя . А там и Рождественская, уже отреставрированная или реконструированная и облитая майским солнцем: вся в брусчатке, в ресторанчиках и в кафе и без привычного трамвая. А вот это обидно: трамвай – первый признак го-родской среды.

В своём длиннополом старомодном плаще и велюровой бежевой шляпе Шульпин несколько выделялся в празд-ничной весенней толпе молодёжи, тусившей на этой вы-ставочной улице. Май безобразничал и гулял. Девчонки красовались в ободранных шортах, потряхивая своими упругими завлекалочками, а молодые мужчины и пацаны в майках с вызывающими надписями обнажали напоказ свои накачанные за зиму в тренажёрных залах бицепсы.

Михаилу Ивановичу всё здесь было любопытно. По непонятной причине не появлялся он на этой почти цент-ральной улице города уже пару лет, а может, и больше. И сейчас, внимательно приглядываясь к обновлённым фаса-дам, платным парковкам, заставленным машинами, ярким витринам, широким тротуарам, Шульпин не мог опреде-литься, нравятся ему такие перемены или нет. Эти про-тиворечивые чувства боролись в нем до тех пор, пока он не дошел до нужного ему двора. Чугунные ворота в арке были перекошены так, что нижние створки их были зали-ты асфальтом уже много раз и много лет назад.

Михаил Иванович даже невольно улыбнулся – что-то родное привиделось ему в этих воротах. Во дворе было мрачно и сыро, несмотря на жаркий и солнечный день. Посреди двора лежала лужа. Два кота, рыжий и белый, но оба до безобразия грязные, стояли, выгнув спины, и истошно орали. Но что шибануло и чуть не свалило с ног Шульпина – весь двор от выбитых подвальных окон и до нависающих ржавых крыш наполняла вонь – пахло тут всем: от кошачьей мочи и человечьей до жареной рыбы и чего-то тухлого. Ящики и кучу шлака Михаил Иванович разглядел без труда и подъезд тёти Доры определил тоже.

4

В подъезде было темно и запах был ещё гуще: добав-лялся непередаваемый словами компонент запаха челове-чьей грязи.

На второй лестничной площадке Михаилу Иванови-чу пришлось достать мобильный телефон и с помощью включенного фонарика разыскивать дверь, обитую жел-той клеёнкой с цифрой шесть.

Дверь была не заперта. Шульпин вошёл. В квартире ни-кого не было. Из кухни негромко доносился голос Джорд-же Марьяновича с его «Маленькой девочкой».

Он снял шляпу, положил на полку при входе и прошёл

в залу, большую комнату с квадратным столом посреди-не. В этой комнате, за этим самым столом, когда-то дав-ным-давно мама с папой играли в козла с тётей Дорой и её подругой, в то время как маленький Миша играл в комна-те налево с местными детьми. Мужа у тёти Доры уже не было: он погиб на фронте. Направо, помнилось Михаилу Ивановичу, была спальня тёти Доры.

На столе лежала записка на вырванном из ученической тетради листке, написанная корявым дрожащим стари-ковским почерком. «Миша! Дождись меня. Я скоро буду. Ушла за твоими бумагами. Тётя Дора».

За какими бумагами – Михаил Иванович не понял.

Он подошёл к окну, заклеенному ещё с зимы газетны-ми полосками, плотно заклеенными – с улицы не было

слышно никаких звуков. Потом он заглянул в обе смеж-ные комнаты, но заходить не стал: впечатление было, что туда никто не заходил уже много лет, там было сумрач-но и пыльно. Шульпин провёл пальцем по крышке пиа-нино, стоявшего у дальней стены, – слой пыли и на нем был более чем изрядным. Наверху инструмента стояли два подсвечника, фарфоровый бюст Чайковского, серебряная ханукия и множество выгоревших фотографий каких-то незнакомых людей в старинных рамочках.

Он осторожно поднял крышку, разглядел сверкнувшую тусклым золотом надпись Diederichs Freres и дотронулся до клавиш – раздался противный дребезжащий звук рас-строенного напрочь инструмента.

Он закрыл крышку и как-то интуитивно понял, что никогда не дождётся тётю Дору.

Аккуратно водрузив на голову шляпу, Михаил Иванович посмотрелся по привычке в мутное зеркало, но ничего в нем не разглядел.

Выходя, открыв дверь на площадку, он увидел, что у лестничных пролётов перил не было совсем! Нет – они когда-то были, но вот уже много лет… Пятнадцать минут назад он мог тут и ногу сломать, и голову свернуть, подни-маясь в темноте. Спускался вниз Михаил Иванович, дер-жась за стенку.

Котов во дворе уже не было, зато на куче мусора радостно жировали воробьи. Он вышел сквозь арку со двора. Солнышко зашло, но было ещё светло. По всей улице лежали огромные лужи – видимо, прошел дождь. Мимо продребезжал трамвай.

Михаил Иванович внутренне улыбнулся и, сообразив, где находится, развернулся и вошёл в ресторан, в тот неза-бываемый ресторан «Волга», которого, поговаривали, что уже и нет…

В зале пахло кухней, было почти пусто, за одним столи-ком сидели двое командированных с графинчиком водки, на нависающем балкончике играл маленький оркестрик и ярко накрашенная певичка пела что-то про ландыши. Прыщавый мальчик-официант с блокнотиком в руках и в белом несвежем переднике подскочил тотчас. Михаил

Иванович заказал осетрину с хреном, цыплёнка табака, двести коньяку и боржоми.

Осетрина была замечательная: не переваренная, кусоч-ки толстенькие, хрен острый и в меру сладкий. Табака был великолепный: прекрасно отбит, но косточки не перелома-ны, с поджаристой корочкой и сочный, а подрумяненный во фритюре чеснок, которым цыпленка посыпали, был очень ароматен и кстати.

Командированные за соседним столиком сначала были очень возбуждены, пока пытались привести тройной ин-теграл по замкнутому контуру к табличному с помощью формулы Грина. Но по мере более углубленного изучения содержимого графинчика их речь становилась значитель-но осмысленней: заговорили о рыбалке, и Шульпин понял, что лов чехони в Ярославле, откуда те прибыли в команди-ровку, в самом разгаре.

Выходя из ресторана и отдавая мелочь, затерявшуюся в кармане, на чай швейцару в гардеробной, Михаил Ива-нович подумал, что в чем-то его друг детства Вовка Охо-тов прав. А в чем-то – неправ! Однако к тёте Доре Штейн Шульпин не пошёл, а пошёл пешком домой, решив, что срочно снимет свой стационарный телефон и в эти выход-ные он с Вовкой Охотовым на рыбалку обязательно по-едет, на любую рыбалку поедет. И, кстати, надо будет ему подсказать, что чехонь пошла – пусть думает, куда ехать, чтобы не пропустить самый-то клев.

ЛЁЛЯ – КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ

1

История эта вроде и недавняя, а с другой стороны, уже больше четверти века прошло – кому-то она, может, пока-жется пустой, а для кого-то я и напомнить её могу. При-езжало тогда к нам в город на теплоходе «Советская Рос-сия» семейство Романовых – да-да, тех самых Романовых; совершали они ознакомительный вояж по исторической и несколько подзабытой родине.

Сопровождал паломничество знатного семейства, а может, и контролировал, известный московский киноре-жиссер; с какой стати – непонятно. Хотя у меня мелька-ла мысль, что всё это мероприятие снимается скрытыми камерами, а потом будут детали досняты в павильонах, и выйдет на экраны некая комедия, в которой Леонида Геор-гиевна, Мария Владимировна и отрок Георгий будут фи-гурировать в эпизодах. Напоминал известный кинорежис-сер во всем этом спектакле, длившемся несколько дней, Остапа Бендера, который привел Кису Воробьянинова, гиганта мысли, отца русской демократии и особу, прибли-женную к императору, знакомить со старгородской мест-ной аристократией и буржуазией. Было в нем, кинорежис-сере, в те дни что-то пафосно-комичное; так это в нем и проскальзывало. Конечно, он и артист великолепный, и постановщик уникальный, и указанным выше особам с ним было легко. А потому и посещение храма Рождества Пресвятой Богородицы, и обеды в ресторанах, и встречи с замечательными горожанами хотя и готовились с листа, но проходили блестяще.

Надо сказать, что незадолго до этого визита решила наша городская элита из новых русских буржуа возродить местное Дворянское собрание. Многие загорелись этой идеей, хотя плохо разбирались в вопросе; большинство не видели разницы даже между личным и потомственным дворянством. Помнится, один известный краевед Лунин, будучи доцентом пединститута, пришел к авторитетному местному писателю Адрианову, который часто публично бахвалился голубыми кровями своих предков, и просил того дать ему рекомендацию на вступление в заветное Дворянское собрание. На что писатель ему издевательски ответил, что даже в КПСС он ему рекомендацию не дал бы, хотя на то он полное право имел до поры до времени.

Так вот – новое городское Дворянское собрание было сформировано и зарегистрировано, только новые русские буржуа туда в массе своей не попали: происхождение под-вело: ни белых костей, ни голубых кровей у нах не было, да и рожи – явно деревенские. А потому, прибытие в город поезда, точнее теплохода с домом Романовых и всеми его бюрократическими службами давало кое-кому надежду на получение вожделенного дворянства, а уж личного или потомственного – и неважно. А может, тут попахивало и баронскими, графскими и, чем черт не шутит, княжески-ми званиями, если подсуетиться. В те постперестроечные годы никто ещё не понимал: что пригодится, а что – нет и куда пойдет Россия.

Уже значительно позже и в высоких кулуарах, и в под-воротнях поговаривали, что совершенно тайным обра-зом руководитель областного выставочного комплекса был удостоен баронского звания, а мэр города возведен в княжеское достоинство. Хотя поверить в такое трудно, но ведь всё это и напоминало какую-то комедию. Хотя – какие-то крестики эмалевые на муаровой черно-красной владимирской ленте Мария Владимировна раздала кое-кому, точнее, тем, о ком загодя ей сообщили, что достой-ны внимания императорского дома, и на кого документы были уже приготовлены.

Для раздачи этих крестиков Дворянским собранием был дан обед, на котором присутствовали члены императорской

фамилии, говорились речи и выражались надежды. Руководство акцией, в смысле обедом, было возложено на директрису областного музея, которая водила Леониду Георгиевну в дамскую комнату припудрить носик, поправляла выехавшую бретельку бюстгальтера Марии Владимиров-не и комментировала им всё-всё-всё. А главное, наша директриса сумела выполнить довольно сложное на первый взгляд поручение, исходившее из недр канцелярии императорского дома (не знаю, как это учреждение правильно называть). Просьба заключалась в том, чтобы разыскать и пригласить на обед в Дворянское собрание потомков князей Звенигородских, которые, по непроверенным сведениям, должны проживать в городе, – имеется к нему, к этому потомку, небольшая просьба от главы дома Романовых.

Это задание наша директриса выполнила без труда лишь по одной причине – её супруг к тому времени был полковником КГБ или ФСБ уже.

Хотя по официальным документам род князей Звенигородских и прервался в 60-е годы со смертью последнего представителя этого колена Рюриковичей, наши соответ-ствующие службы без труда выяснили, что существует, и притом вполне недвусмысленном образом, в городе са-мый что ни на есть прямой потомок древнего рода. Это Алексей Алексеевич Спячий – столяр проектного инсти-тута «Гипроволгагаз », холостой, не судимый, 53 лет от роду.

2

В каждом солидном учреждении нашей страны, как правило, в подвальном или в цокольном этаже расположены не только складские и снабженческие помещения, но и три мастерские: столярная, слесарная и электроме-ханическая. И, кроме трех человек, которые хозяйничают

в этих службах на вполне законных основаниях, болтает-ся постоянно при них и персональный водитель директо-ра учреждения – он тут с ними, в этих мастерских курит, сплетничает, а после работы и выпивает. Надо заметить, что эти четыре человека – гвардия директора, на них он

может положиться, как на свою семью. Потому и подби-рает он их по принципу личной преданности и ухаживает за ними, как за родными, и всегда это специалисты экстра-класса. Хотя и все простые смертные проектного институ-та пользуются ежедневно услугами этих мастеров: пере-горят где-то лампочки или розетку дополнительную надо поставить в кабинете – зовут электрика Кольку, засорится унитаз – посылают за слесарем Славкой.

И только столяра Алексея Алексеевича всегда и все зо-вут уважительно дядей Лёлей. Ведь и стул может сломать-ся, и новый замок в дверь надо врезать, а то и кульман починить – да мало ли что может в большом хозяйстве института случиться, а дядя Лёля мастер и безотказный, и вежливый, и услужливый. От Кольки-электрика всегда перегаром прёт, у слесаря Славки через слово мат-пере-мат, а у дяди Лёли…

Зайдите к нему в мастерскую: музыка тихонько играет, стружкой пахнет, а сам он хотя и в фартуке рабочем, но и в белой рубашке обязательной. Да и не стружкой, а словно парфюмом каким-то специфическим у него в мастерской пахнет. А вокруг: фигурки любопытные из корней древес-ных да рожи смешные из капа берёзового нарезаны. Ин-струмент столярный у дяди Лёли с любовью изготовлен, да с такой любовью, что в музее только и выставлять. Фу-ганки и калёвки у него из дуба розового, они в руки сами просятся. Рукоятки у стамесок и киянок из лиственницы сибирской, твердые как сталь да отполированы руками за долгие годы службы. Ящик переносной для инструмента тоже у дяди Лёли антикварный, из красного дерева, с се-кретными запорами.

И вот случилось, что водитель директорский зашел в столярную мастерскую к дяде Лёле в те дни, уселся на верстак, закурил и, сощурив глаз, доложил:

– Тебя шеф зовёт.

Ничего особенного не предвещал вызов к директору для дяди Лёли Спячего – дело обычное.

– Сейчас схожу. А зачем, не знаешь?

– Не знаю. Сидит там, у него, какой-то подозрительный.

На мента похожий.

Алексей Алексеевич снял свой синий сатиновый фартук, надел белый халат, который висел у него для таких торжественных случаев, и стал похож на среднего инженера-конструктора, которыми под завязку был забит институт. Ростом выше среднего, подтянутый, с непонятно откуда появляющейся офицерской выправкой, прическа – седой ёжик с небольшими залысинами, – его можно было принять даже и не за простого инженера, а за главного инженера. Конечно, и ящик переносной с инструментом своим Алексей Алексеевич не забыл, захватил.

Директор как-то очень серьёзно посмотрел на дядю Лёлю, когда тот вошел в кабинет, и, не говоря ни слова, но покачав головой, вышел, пробурчав при этом:

– Ну, вы как-нибудь уж сами тут!

Незнакомец, мужчина неприметной внешности лет тридцати, поднялся со стула и, протянув дяде Лёле руку, представился:

– Туманов Владимир Владимирович, майор. Вот удостоверение, – и полез в карман.

– Не надо, не надо! – засуетился дядя Лёля. – Я всё равно ничего в этом не понимаю.

– Ну как же – не понимаете. Как раз вы-то всё хорошо и понимаете: подполковник в отставке – это не столяр с пятью классами образования. Мы ведь, Алексей Алексеевич, готовимся, когда в гости ходим. Давайте присядем. Вопрос у нас легкий, мы его решим за десять минут, если хотите. И ещё – а почему вас в институте дядей Лёлей зовут? Ведь Лёля, или Леля, или Кока – это крёстка, крёстный отец, так? А почему вас весь институт так зовёт?

– Да так получилось, что попросили меня как-то раз тут, в институте уже, быть крёстным, я согласился, отка-зываться в таких случаях не положено, а перед этим лек-цию хорошую прочитал я им всем про обязанности крёст-ного отца не только после смерти кровных родителей, а и при жизни. Когда крещается мальчик, крестный дается младенцу в помощь, он должен следить и за родителями малыша, и в церковь с ним ходить, и много всякого там ещё. А когда девочка, там тоже, но уже своё! Тогда же я крестик золотой приготовил маленький своей крестнице,

заказал специально. Так вот и получилось. Я ведь за свою-то жизнь раз десять уже крестным был.

– Алексей Алексеевич, а есть у меня ещё один вопрос – почему вы отказались от фамилии Звенигородский и оста-вили только первую половину фамилии? Всё же князья Спячие-Звенигородские! Звучит!

– Так это не я отказался, а мой родитель. После револю-ции и за фамилию можно было пострадать. Притом – дво-рянства моего никто у меня не отберёт. Хотя оно и не нуж-но уже теперь никому. Дворянин должен Родине служить, а желающих служить всё меньше и меньше.

– Ну что вы так, Алексей Алексеевич! И сейчас люди служат, и кровь проливают. Вот ваш отец…

– Отца моего прошу при мне не обсуждать! Он награ-ждён орденом Александра Невского, и, если вы не знаете, за что его давали, то я вам скажу. Его давали за проведение воинской операции, в результате которой были разгромле-ны превосходящие силы врага. Этот орден уже пятьдесят лет не вручается, это спящий орден, мы гордиться долж-ны, что у нас в стране есть такой орден, а награждений нет. Это значит, что мы уже пятьдесят лет не воюем. А сейчас у них там, в Кремле, где-нибудь зачешется, делать им нечего – они начнут этот орден всем вручать. Это какое же оскорбление майору, который с неполным батальоном сдерживал фашистскую армию. Знаете, как орден Красной Звезды, единственный орден, который за личное мужество мог любой солдат наравне с офицером получить, в сорок пятом вручили всем младшим лейтенантам, мальчишкам, которые до фронта не успели доехать, а за выслугу ещё и тыловым работникам. И что осталось от боевого ордена? Так же и самый красивый орден Отечественной войны в восемьдесят пятом обесценили – нашлёпали насколько миллионов.

– Ну что вы, что вы, Алексей Алексеевич! Я ведь и хо-тел поговорить о ваших заслугах – вы ведь тоже государ-ственные награды имеете!

– Да, у меня есть орден Боевого Красного Знамени за Афганистан. Меня оттуда после тяжелого ранения комис-совали на пенсию.

– Я тут перед посещением проконсультировался – так люди опытные сказали мне, что до революции вместе с наградами такого ранга, как орден Александра Невского или Боевого Красного Знамени, сразу и потомственное дворянство давалось. Так что и папа ваш, и вы дворянство свое и в советское время подтвердили.

– А потомственное дворянство не надо подтверждать – это не первый разряд по прыжкам в высоту. И то, что мы Рюриковичи, о многом говорит, Романовым до Рюрикови-чей – ой как далеко.

– Вот вы сами и подвели разговор к интересующей нас теме. Алексей Алексеевич, я пришел к вам с деликатным поручением.

– Что за поручение?

– Вчера к нам в город приехали с дружеским визитом из-за рубежа представители дома Романовых, того самого, нашего, о котором вы только что. Катаются они на теплоходе по Волге, и вот – докатились до нас. Не знаю, как вы, но я с глубоким скепсисом отношусь ко всему этому мероприятию. И даже оскорбительным считаю, что курировать это мероприятие вынуждена наша организация. Доруководились, называется! Тем более я знаю, как формировал-ся этот клуб, наше так называемое Дворянское собрание,

в которое включили всех банкиров, чтобы деньги с них содрать. Так вот – Мария Владимировна Романова обратилась к нашему губернатору с просьбой, чтобы был на обед приглашен князь Звенигородский. Откуда она знает о вашем существовании – ума не приложу. И вот пришлось нам поработать. Нам известно, что у неё к вам тоже будет просьба, просьба эта будет не обременительна для вас, а может, даже и приятна. Но что это за просьба – нам достоверно не известно. Потому – если она покажется вам в чём-то предосудительной или невыполнимой по каким-то причинам, допустим, вы сомневаетесь в ее статусе главы дома Романовых, – то откажитесь. Хотя все эти действия обсуждаются заранее, решаются внутренними распоряд-ками, а потому ничего провокационного быть не может. Вот вам именной пригласительный билет, обед сегодня в 16.00, успеете сходить домой переодеться, дресс-код там

указан, но вся эта ерунда не обязательна, мы выясняли. В вестибюле ресторана вас встретит дама, директор наше-го музея, супруга нашего бывшего сотрудника, по-моему, вы с ней немножко знакомы. Ну, и ещё: я поинтересовался, и мне присоветовали, что обращаться к ней надо «Ваше Величество» или «государыня императрица».

– Это что же – она короновалась, что ли? Когда успела? Что-то я и не слышал.

– Не знаю, не ведаю, Алексей Алексеевич, но сообщаю, что на демократичное «Мария Владимировна» она тоже реагирует хорошо и без фанаберий.

3

Дядя Лёля дома долго стоял перед зеркалом, прихора-шивался и думал – не надеть ли ему его форменный ки-тель с подполковничьими погонами, увешанный боевыми наградами, но вовремя сообразил, что в этом случае его отношение к званому обеду в Дворянском собрании будет слишком очевидным. Всё же серьезные люди просят его выполнить пустячную просьбу. Хотя почему он решил, что пустячная – это ещё не известно.

Обед был сервирован в обычном, но модном в то время ресторане «Рыбак», и ничем тот обед не отличался от при-нятых в таких случаях застолий – пьянка и пьянка, толь-ко обставлен как высокий приём. Народу наприглашали – человек сто. Столы ломились: поросята, осетры, коньяки, вина, фрукты, устрицы – ну всё, на что фантазии хватило, и всё горами, в безумных количествах. Будто одним обедом решили накормить всё голодное Поволжье на сто лет вперед.

Губернатор, мэр, прокурор да и банкиры все – мужики молодые, к шуткам привыкшие скабрёзным, им до лам-почки, что тут дворяне собрались, чьи фамилии с шест-надцатого века в бархатных книгах записаны, они знают, кто здесь хозяин жизни, хохочут во всё горло над анек-дотами своими пакостными. Хотя, когда мажордом или ведущий (не знаю, как его правильно называть) объявлял нового прибывшего гостя, хохот стихал. И вот объявили о прибытии моего героя, дяди Лёли:

– Его сиятельство князь Звенигородский.

И сидящие за столиком в ресторане все обернулись даже. А чего, собственно, оборачиваться: вошел мужик в костюме черном, в белой рубашке, с белой бабочкой, с белой гвоздикой в петлице – по выправке офицерской похож на полковника отставного. Но если повнимательнее приглядеться да призадуматься – понимаешь, что князь!

Директриса музея тут же взяла дядю Лёлю в оборот, усадила его за предназначенный столик, представила его ка-ким-то незнакомым мужикам и бабам, их – без титулов, а его каждый раз «его сиятельство». Что понравилось дяде Лёле, так это то как четко в регламент укладывались организаторы: ни одного опоздавшего не было, десять минут на зачтение приветственного слова, десять минут губернатору, тридцать минут на вручение наград, крестиков на владимирских ленточках, о которых я уже говорил. Дяде Лёле тоже крестик вручили. Всё это время дом Романовых с приближенными сидел в отдалении за отдельным столиком. А тут Мария Владимировна встала с бокалом вина – видно, она ожидала, что кто-то к ней подойдёт чокаться. Но никто не подходил.

Тут директриса, женщина дородная и активная, в совет-ские времена отделом пропаганды в обкоме комсомола за-ведовала, быстренько подсуетилась и подвела Дядю Лёлю к Марии Владимировне.

– Ваше Величество, – обратилась она к высокой гостье, тоже сомневаясь, правильно ли такое обращение к особе, не возведенной на престол, – хочу представить вам князя Звенигородского. Вы хотели.

– Да-да, любезный князь, спасибо, что пришли. И просьба-то у меня к вам пустяковая. И не моя это просьба, а я выполняю поручение, но, значит, теперь это – уже моя как бы просьба. Месяц назад графиня Ермолова роди-ла девочку, и крестины назначены на послезавтра.

– Графиня Ермолова – это внучка княгини Лазаревой, которая недавно скончалась в Ницце?

– Да-да, вы её знали?

– Лично – нет, но слышать слышал.

– Так вот, мы рассчитывали попасть в ваш город и под-гадать к крестинам, но наш тур идет по жесткому расписа-

нию, и завтра с утра мы уже уходим. Мой сынишка, Геор-гий, должен был быть крестным на этом мероприятии, но, увы, не получилось. Князь, у меня к вам личная просьба – если к вам обратится графиня Ермолова, а она обратится уже сегодня, не откажите ей. Это я обещала ей похлопо-тать перед вами. Она знает откуда-то о вашем существо-вании, и отзывалась очень и очень в возвышенных тонах.

– Ваше Величество, безусловно, я выполню вашу прось-бу. Это даже очень льстит мне – ваше обращение ко мне, – дядя Лёля почувствовал, что он уже попал под обаяние этой женщины и, понимая это, подумал, что с мощной харизмой женщины тоже бывают на свете. – Мне уже не раз приходилось выполнять эту приятную миссию – быть крестным отцом. А потом с годами становиться и «кокой», и «кресткой», и «лёлей».

– Ой, князь, как смешно – я своего крестного, князя Алексея, тоже Лёлей звала. Князь, я уже благодарна вам.

– Не стоит, Ваше Величество – я все сделаю.

Дядя Лёля попрощался с домом Романовых кивком го-ловы и направился на выход.

Павел ЛАПТЕВ

Выкса

РОЯЛЬ

– Рояль... Откройте... Откройте крышку!

– Товарищ, вы меня слышите? – медсестра Маша тряс-сла спинку кровати в ногах пациента, потом подошла к нему, наклонилась так близко, что белая шапочка слетела

и упала на его лицо. – Товарищ, – погладила по голове, – как, как вы?

– Там рояль! – радостно, но с трудом сказал пациент.
Медсестра стала искать взглядом врача, крикнула:

– Зинаида Васильевна! Он открыл глаза! Он говорит!

– Потише! – попросил её лежащий недалеко фронтовик Николай Петрович. – Что ты кричишь, дочка. Тихий час ведь.

– Он очнулся! – радостно, но уже тише сказала Маша, одевая шапочку и приглаживая рыжую чёлку.

– Ну и хорошо, так и должно быть, – спокойно ответил Николай Петрович.

Пациенты завозились, некоторые встали, пошли курить.

– Вы посмотрите за ним, Николай... – вспоминала Маша.

– Петрович, – напомнил пациент.

– Да, Николай Петрович. Я сейчас быстро врача найду. Она на первом этаже, – попросила она Николая Петровича.

– Вот так балясина-то, – пробурчал фронтовик, медлен-но встал и, опираясь на костыль, подошёл к Маше.

– Ну, здорово, как ты? – спросил он пациента.

Маша быстро пошла за врачом, а Николай Петрович сел на табуретку рядом с кроватью.

– Ты какой худой, кожа да кости, сынок, – сказал он. – А красавец, как из кино.

Пациент ещё плохо видел оттого, что долго был без сознания.

– Рояль! – радовался он, показывая взглядом на стоя-щий недалеко от него накрытый зелёным чехлом инстру-мент. – Здесь есть рояль! Я думал, уже не увижу его. А где я? – спросил он.

– В госпитале, – пояснил фронтовик.

– Уже приехали? Так быстро? – удивился пациент.

– Быстро? – удивился Николай Петрович. – Ты вон сколько времени без сознания был-то.

Пациент потёр глаза рукой.

– Я помню, в поезде ехал... На верхней полке лежал, – вспомнил он, говоря медленно и тихо, слова ему давались с трудом. – Больше ничего не помню... Из Ленинграда...

Блокаду прорвали и нас вывезли... В Сибирь везли. Это Сибирь?

– Нет, – усмехнулся Николай Петрович. – Какая Си-бирь, Горьковская область. Город Выкса.

Подошла Маша вместе с женщиной врачом в таком же, как у медсестры белом халате и шапочке. Только у врача из-под неё виднелись седоватые волосы.

– Здравствуйте, я Пичугина Зинаида Васильевна, ваш врач, – серьёзно представилась врач. – Как вы себя чувствуете?

– Чувствую хорошо, – ответил пациент. – Только вижу неважно.

– Это пройдёт, – сказала Зинаида Васильевна, потрога-ла его лоб и спросила у Маши: – Где история?

– Она вот, на тумбочке, – показала Маша.

Зинаида Васильевна взяла историю болезни.

– Ленковский Феодосий Людвигович, – прочитала она медленно. – Город Ленинград. Вы кем работали?

– Я музыкант, – ответил Ленковский.

– Понятно, – сказала врач. – Дистрофия, истощение. Ту-беркулёза, инфекций нет. Значит, питание и покой. Лёгкое

питание не менее шести раз в сутки. Мясо обязательно.

Вот так.

Феодосий приподнялся на локтях.

– Лежите, лежите, – посоветовала Зинаида Васильевна пациенту. – Маша, – обратилась к медсестре, увидев, как та восторженно смотрит на симпатичного пациента. – Сладкий чай пока завари. Маша, слышишь? Иди!

Маша как очнулась, кивнула и быстро ушла.

– Доктор, извините, а как я здесь оказался? – спросил Ленковский и лёг.

– С поезда. Поскольку вы не доехали бы до пункта эвакуации живым и здоровым, вас на станции Навашино вынесли и привезли к нам в эвакогоспиталь номер пятьдесят восемь двадцать девять. Вот так. Теперь у вас всё будет хорошо, – сказала Зинаида Васильевна, улыбнулась и пошла от койки к койке, разговаривая с больными.

Зрение постепенно начало возвращаться к Ленковскому, он привстал, начал рассматривать зал.

– Высокий потолок. Это ведь сцена! Мы на сцене? – об-радовался он.

– На сцене, как артисты, – согласился Николай Петрович. – Это дворец культуры имени Лепсе.

– Кого?

– Ян Лепсе, – повторил Николай Петрович. – Был такой председатель ЦК профкома металлистов. Здесь же ведь в городе металлургический завод.

– Так это большой город?

– Выкса-то? Маленький. Лес кругом. Много леса кругом.

Ленковского начало знобить, он мелко затрясся и лёг под одеяло с головой.

– Эх, балясина, – увидев это, сказал Николай Петрович, сходил к свой кровати, взял выцветшее одеяло и накрыл им Ленковского.

– Ты радуйся, сынок, что живой. Смертей вон сколько повсюду, – сказал фронтовик.

– Сме-ерть... – стучал зубами под одеялом Феодосий. – В Ленинграде она стала обыденным явлением... Знаете, голодный человек просто перестаёт интересоваться окру-

жающим миром, ложиться и засыпает навечно... А по ули-це идёшь, и рядом прохожий падает и умирает, и никто к нему не подходит, он просто лежит и всё... Их много, здесь, там, везде на улицах... Ленинграда.

Николай Петрович тяжело вздохнул.

– Война, мать её... – сказал он.

– У меня жена так умерла, – поведал Ленковский. – И кот... Тоже... Умер.

– Да, да, согревайся, – не знал, что сказать, Николай Петрович.

– А вы воевали? – спросил Ленковский.

– Я-то раненый, контуженный, с фронта сюда попал. Да здесь все так же, с ранениями, – пояснил Николай Петро-вич, протирая рукавом халата глаза. – Здесь в городе ещё три госпиталя.

– А я не воевал, – посетовал Феодосий.

– Кому воевать, кому на музыке играть, у всех свои дела, – ответил фронтовик.

Подошла Маша со стаканом чая.

– Мёрзнете? Сейчас согреетесь с чаем, – сказала она. Феодосий высунул дрожащую руку из одеяла, взял ста-

кан и сделал под одеялом глоток.

– Там рояль... – сказал он.

– Да, рояль, – согласилась Маша. – Это же дворец.

– Я пианист, – сказал Ленковский. – У меня в Ленинграде, где я жил в большой трёхкомнатной квартире, был белый рояль. Мне его подарили.

– Здорово! – сказала, улыбаясь, медсестра.

– И я его поменял на буханку хлеба, – продолжил Феодосий. – На огромную вкусную буханку хлеба. Это самое последнее, что было в квартире, поменял. До конца держал.

– Вот так балясина! Рояль на буханку хлеба? – удивился Николай Петрович. – На вагон можно было...

– На одну буханку, – подтвердил Феодосий. – У спекулянтов был вагон таких, и они меняли ценные вещи для себя.

– Война... – вздохнул фронтовик.

– Голод, – сказал Ленковский. – Там всё ели, даже обои варили, потому что на клейстере они.

Он высунул голову и руку с чаем из-под одеяла, допил чай. Маша взяла у него стакан.

– Но город жил. Работал. И концерты были, – сказал Феодосий и поблагодарил: – Хороший чай, только несладкий.

– Сладкий, – не согласилась медсестра. – Я два куска положила.

Ленковский попытался подняться.

– Лежите, вам нельзя пока вставать, – сказала Маша.

– А мне халат положено? – спросил Ленковский, заметив, что его переодели в белую пижаму.

– Да. Сейчас принесу, – сказала медсестра и ушла.

Николай Петрович вытер рукавом заплаканные глаза.

– Я пойду покурю, – сказал фронтовик. – Ты не куришь? А тебе всё равно нельзя, наверно.

– Я не курю, – сказал Ленковский.

– Интеллигент, – улыбнулся Николай Петрович.

– Да какой... – улыбнулся и Феодосий.

Николай Петрович махнул рукой и пошёл курить.
Маша принесла синий халат. Ленковский сел на кровать и сложил руки на груди.

– Лучше, чем фрак, – сказал весело Феодосий. – А бабочки нет?

– Бабочки?

– Бабочки скоро прилетят. Весна ведь началась, – пошу-тил Феодосий.

Маша помогла Феодосию надеть халат и села на табуретку.

– А сейчас ложитесь, – приказала она.

– Вас как зовут? – спросил Феодосий, глядя медсестре прямо в глаза, та смутилась, отвела взгляд.

– Маша, – ответила она.

– Машенька, вы такая красивая, добрая, – рассматривал Феодосий её чёлку из-под шапочки. – Маша, вы сядьте, отдохните.

– Работа, какой отдых, – сказала медсестра. – Вот война закончится, тогда и отдохнём. Вы в Ленинграде, мы здесь.

Ленковский помотал головой.

– Вряд ли теперь в Ленинграде, – сказал он, встал и медленно, держась за спинки кроватей, пошёл к роялю.

– Куда вы? – позвала его Маша.

Феодосий подошёл к роялю, снял чехол с крышки кла-

виатуры. Открылся чёрный рояль и надпись золотыми буквами «Красный Октябрь. Ленинград». Ленковский поднял крышку.

– Вот о чём я мечтал, – сказал он радостно, трогая кла-

виши. – Вот что снилось мне часто. Не еда, не выбраться

из блокады. Играть!

Ленковский начал играть. Играть Бетховена , сонату,

дрожащими руками, несколько тактов. Потом остановил-

ся, огляделся по сторонам, где к нему обратили свои взоры пациенты. Все увидели на его глазах слёзы.

– Это последнее, что я играл в Ленинграде, – сказал Феодосий.

– Сыграй ещё, сынок, – попросил пришедший Николай Петрович.

– Да, пожалуйста, – просили со всех сторон бойцы. Кто-то к роялю принёс табуретку. Кто-то начал хлопать

в ладоши. Ленковский поклонился и сел. Зал затих. Лен-ковский засучил рукава, размял пальцы, повернулся и ска-зал всем:

– Людвиг Ван Бетховен. Он не немец, австриец.

– Хоть и немец, – сказал Николай Петрович. – Не все ж они фашисты.

– Ну да, – улыбнулся Феодосий. – Он жил в девятнад-цатом, даже в восемнадцатом веке. Соната номер двадцать три. Аппассионата. Героическая, – и заиграл. Неуверенно, немного ошибаясь, минуты три.

Потом остановился.

– Извините, слабость, – сказал он, поднялся, держась за рояль, и, сидя, поклонился.

Ему начали все аплодировать. Ленковский подошёл к своей кровати и сел.

– Феодосий Людвинович, ведь вам рано так напрягать-ся, – сказала Маша и стеснительно спросила: – А вы когда-нибудь меня научите так играть?

Ленковский улыбнулся, кивнул головой и поморщился от боли.

– Шея болит, – сказал он.

К ногам Феодосия прильнула кошка и потёрлась, и пошла дальше.

– У меня в Ленинграде был кот, серый, как этот. Только нечем было его кормить, – сказал он.

– Это кошка, – сказала Маша.

– В Ленинграде не осталось кошек. Умерли они или...

или съели их, – сказал Феодосий.

Он встал и медленно пошёл за кошкой между кроватями, приговаривая:

– Кис-кис!

– Товарищ Ленковский! – крикнула вслед медсестра, нахмурив брови. – Лягте, пожалуйста!

Ленковский ничего не ответил, вышел за кошкой в коридор, потом вышел на балкон. От искрящегося снега под мартовским солнцем он зажмурил глаза, потёр их руками. Опёрся на толстые бетонные перила, куда прыгнула кош-ка, отдышался. Феодосий взял на руки кошку, погладил. На балкон вышла и врач Пичугина.

– Феодосий Людвигович, не рано начали бегать? – спро-сила она сердито. – Идите, лягте.

– Тепло сегодня, хорошо, – ответил ей Ленковский. – И тихо. Вы знаете, а он вернулся.

– Кто вернулся? – не поняла Зинаида Васильевна.

– Рояль, – ответил Ленковский.

– Рояль вернулся? – не поняла врач.

– Рояль. Только цвет изменил. Был белый, стал чёрный. Наверно, война так на него подействовала, что он почер-нел, – сказал Феодосий и тихо засмеялся. И заплакал. И плакал и смеялся одновременно.

– Вернулся, – согласилась Зинаида Васильевна и улыб-нулась. – А мы думали его на дрова распилить. Да не успе-ли. Вот так, – хитро посмотрела на пациента. – А он вас ждал. И дождался.

– Дождался, – сказал Ленковский и закашлял и задумал-ся: – А если здесь лес кругом... Зачем же рояль на дрова пилить?

– Пойдёмте отсюда. Холодно, – сказала врач уже серьёз-но. – Ещё от пневмонии не хватало вас лечить.

Они зашли внутрь. Феодосий отпустил кошку на пол.

– Я думаю, здесь, в Выксе, если буду жить, останусь. – сказал он, прекратив кашлять. – Видимо, так судьба распорядилась.

– Судьба... – задумалась врач. – Может, судьба, может кто-то ещё.

– Буду учить детей играть на фортепиано, – сказал Лен-ковский, сложив руки на груди. – Маша вот тоже хочет научиться. Кружок можно организовать музыкальный. Правда ведь?

– Правда, – сказала Зинаида Васильевна, и погладила Феодосия по плечу. – Если люди хотят учиться музыке, значит, жизнь продолжается. Значит, будем жить. Вот так.

БАБОЧКИ

Весной в один провинциальный город приехала выставка. Хоть и называлась она «Выставка бабочек», но там были представлены не только они. Первоклассница Раи-са не смогла уговорить родителей сходить на выставку, несмотря на слёзы и писк, подключённые к убеждению. Маме как всегда некогда – надо стирать бельё и готовить обед, а у папы футбол или хоккей, или новости на РБК о котировках фьючерсов.

– Котировка – это ровка кота? – спросила успокоившаяся девочка, когда мама дала ей сто двадцать рублей на выставку, мол, сходи одна, благо идти вон сто метров.

Отец поморщился, почесался и сказал глупость:

– Наш мир, дочка, держится на трёх китах. Доллар, евро и…

– Юань! – перебила мама.

– Рубль! – нашлась Раиса.

Отец снова поморщился, почесал севшего к нему на колени кота и ничего не сказал более, уставившись в телевизор.

Так девочка пошла на выставку одна. Большая часть этого энтомологического шоу состояла из мёртвых члени-стоногих: многочисленных пауков, жуков, цикад и стрекоз в рамках. А также огромных бабочек. За свою небольшую жизнь Раиса видела этих созданий немало: часто гостила у бабушки в деревне. Но там насекомые были маленькие. А здесь такие монстры! Раиса ходила вдоль рядов с рамками, всматривалась в каждый экземпляр, читала непонят-ные названия.

В конце зала стоял шатёр из белой ткани. Раиса зашла туда. И ей открылся рукотворный рай. Разноцветные огни, нежная музыка и – бабочки! Они порхали, садились на стены и потолок, взлетали снова.

– Вау! – восхитилась Раиса.

– Нравится? – спросила сидевшая на стуле женщина с накинутой на плечи шалью.

Раиса кивнула.

– Здесь микроклимат, поддерживается нужная темпера-тура и влажность, как в тропиках. Только днём, – посе-товала женщина, – потому что ночью электричество от-ключают, и обогреватели с увлажнителями тоже. Утром приходишь, а здесь холодища!

– А сколько они живут, эти бабочки? – поинтересова-лась Раиса.

– В природе несколько дней, а здесь только один, – грустно ответила женщина. – Здесь только день.

– День?! – удивилась девочка. – Ничего себе! Такие кра-сивые – и всего день.

– Но за день они успевают прожить жизнь человече-скую. Растут, в школу ходят, женятся и детей заводят. Откладывают маленькие яички, из которых появляются куколки. Вон они, – пояснила женщина, показывая на тря-пичный стенд, где находилось много куколок.

– Как несправедливо – всего день, – печально заметила Раиса, рассматривая куколок. – Детский сад у них тут.

– Роддом скорее, – уточнила женщина.

Бабочки летали под тряпичным куполом, садились на потолок. И вот одна чёрная, самая красивая и большая, села Раисе на плечо. Села и сложила крылья. Раиса мед-ленно, чтобы не спугнуть , повернула голову, и ей пока-залось , что бабочка плачет. Маленькая слёзка появилась из маленьких глаз насекомого и скатилась девочке на плечо.

– Не плачь, – прошептала Раиса.

Бабочка на эти слова расправила крылья и улетела.

– Она заплакала из-за того, что так мало живёт, – ска-зала Раиса женщине. И предложила: – А я бы ночью здесь дежурила и свет им включала, чтобы они дольше пожили.

Женщина улыбнулась, покачав головой:

– Раз так есть, значит, так нужно…

В школе на следующий день Раиса не стала обедать. На сэкономленные деньги купила билет на выставку бабочек.

Раиса искала чёрную бабочку, но не находила.

– Её не стало, – сказала вчерашняя женщина с шалью и улыбнулась. – Но у неё остались детки. Вон, посмотри, одна бабочка как раз сейчас показывается из куколки. Так происходит метаморфоз: бабочка откладывает яйца, из них появляются гусеницы, потом куколка и, наконец, кра-савица-бабочка. А ты в каком классе учишься?

– В первом, – отчеканила девочка.

Женщина вздохнула и стала говорить о непонятном:

– На самом деле, когда будешь в старших классах, вам расскажут об эволюции, естественном отборе и случай-ных мутациях. О развитии животного мира от простейших видов к сложным и о конечном итоге этой цепочки – появлении из обезьяны венца природы, человека.

– Из обезьяны? – удивилась девочка.

– И дарвинисты, кто всё это придумал, не могут объяснить, как этот отбор станет возможен, если в каком-то звене цикла произойдёт сбой и бабочки погибнут и не смогут произвести потомство, – продолжила женщина о своём. – Личинки даже живут под водой! Личинки мухи подёнки – три года, а цикады – семнадцать лет! А когда вылетают, за один день женятся и умирают. А муравьи? У них сложные социальные отношения. Какая эволюция может создать это?

Раиса ничего не поняла, только пожала плечами.

– План, – подытожила женщина свою лекцию. – Только чёткий план создания животного мира способен всё объ-яснить. Все животные, в том числе и бабочки, были созда-ны за один день, в пятый день…

Внезапно погас свет, и все посетители вышли в полу-тьме из шатра.

– Что ж, случаются и аварии, – сказала женщина у вы-хода. – Завтра мы уезжаем. Но у вас впереди целая жизнь, чтобы изучать насекомых, чтобы восхищаться окружаю-щим миром и любить его.

Вечером Раиса думала о словах женщины с выставки. Почему это человек – венец природы, если он не может летать, как бабочка?

Раиса смотрела на сидевшего перед телевизором отца, весело сравнивала его с обезьяной.

А когда легла спать, думала о том, что хорошо бы было, если бы человек произошёл не от обезьяны, а от бабоч-ки. Она представляла себя с крыльями, как в диснеевском мультике про фей.

– А может, я когда-нибудь превращусь в бабочку и буду летать, – прошептала Раиса и заснула.

И приснилось ей, что она и другие ученики – бабочки, порхающие в классе. Ученики вылуплялись из куколок, расправляли крылья и взлетали. А учительница была чёр-ным пауком, сидевшим за столом. Она грозным голосом призывала учеников к себе, чтобы те сдавали ей деньги на обед. Но никто к ней не подлетал. И вот в одно мгнове-ние распахнулось окно, и Раиса вместе с другими бабоч-ками выпорхнула в него и улетела в тёплую разноцветную весну.

ШНУРКИ

В детском саду «Алёнушка», недавно построенном и названном так мэром города в честь молодой заведующей этого самого детсада Алёны Петровны, которая, по слухам, является его любовницей, случился пожар. Загорелась кухня. По этому поводу всех детей срочно стали эвакуировать на улицу. А поскольку была зима и к тому же тихий час, то быстро одеть детей не получалось. Только Егор в средней группе оделся быстро, потому что, помимо прочего, умел завязывать шнурки.

– Егор! Помоги другим детям одеться! – приказала ему воспитательница, дрожащими руками застёгивая шубку на одной девочке.

– Чего это? – недоумённо возразил Егор. – Бесплатно? Ага!

Ксюша подошла сама к Егору и протянула ему ботинки.

– Чего это? – спросил Егор.

– Завяжи, пожалуйста, – попросила, шипя беззубым ртом, девочка.

Егор посмотрел на её ботинки, потрогал шнурки.

– А конфетку дашь? – спросил он, хитро прищурясь. Ксюша вздохнула.

– Ну, дам уж, – сказала.

Егор улыбнулся, взял у девочки ботинки, присел, надел ей ботинки на ноги и быстро завязал шнурки. И, так сидя, протянул свою ладонь.

– Давай! – сказал мальчик.

Ксюша засунула руку в карман, но не успела вытащить конфету. Сзади на неё навалились несколько детей, спеша-щих к выходу. И Ксюша упала на Егора.

– Дети, дети! Осторожней! – закричала воспитательни-ца Лилия Львовна. – Кто ещё не оделся? А? Егор! Ты одел-ся, помоги другим. Давай, раз умеешь завязывать шнурки, завяжи другим.

– Ага! – возразил Егор. – Два бакса за шнурок! Воспитательница глупо засмеялась, и в это время в

группу вошла заведующая.

– Чего смешного? – спросила она. – Долго собираетесь! Если бы пожар не потушили, вы давно бы сгорели, – воз-мутилась она. – Давайте, выходите гулять.

– Потушили! Потушили! – закричали дети.

– Хорошо, Алёна Петровна! – отчеканила Лилия Львов-на и вытянулась.

Заведующая нахмурилась, цыкнула и сказала грозно:

– Это подстава, Лилия Львовна. Безобразие!

И ушла.

– Змея! – тихо сказала воспитательница ей вслед.

– Где змея? – закричала Катя.

Дверь снова открылась и снова вошла заведующая.

Она, нахмурясь, посмотрела на Лилию Львовну и сказала:

– Выговор!

И опять ушла.

Лилия Львовна всхлипнула и закричала на детей:

– Чего уставились! Живо на улицу!

И быстро пошла из раздевалки в группу, при этом гром-ко возмущаясь:

– Я ещё за пять тысяч зарплаты буду ей задницу лизать. Сщаз! Сама с кухни жратву домой таскает, с мэром спит. Змея!

Нянечка, молоденькая девушка, бросила мыть посуду, подошла к воспитательнице, и, поглаживая её плечи свои-ми сырыми и жирными руками, начала успокаивать.

– Лилечка Львовна, не расстраивайтесь, не надо.

– Уйди, мымра! – грозно сказала ей воспитательница, села за стол и закрылась руками.

Нянечка вздохнула и пошла помогать детям одеваться.

Вскоре дети вышли гулять.

А вечером Егор уже половине группы завязывал шнурки.

И на следующий день, и на другие дни. Не безвозмездно.

За конфеты, за печенки, даже за мелкие игрушки. Бизнес, как, говорится, пошёл.

Более того, Егор придумал, как расширить его. Он стал посредником в обмене игрушек, беря при этом свой процент, но уже денег. Правда, небольших совсем, рубль-два, которые дети выпрашивали у родителей. Так он сколотил приличное состояние, которое позволило к концу выпуска из детского сада купить диск для игровой приставки.

И, вероятно, свои предпринимательские наклонности мальчик будет развивать и в школе.

А заведующую Алёну Петровну уволили. Говорят, мэр нашёл другую пассию. Правда, детский сад не стали пере-именовывать в угоду конъюнктуре.

Владимир СЕДОВ

ЧЕСТНЫЙ МЕНТ

Иван Иванович очень уважал президента – Владимира Владимировича Путина.

Уважал за то, что тот поднял с колен Россию, умел общаться с простым народом, держал себя в хорошей физической форме.

Он ему верил.

И сыну своему, который окончил институт менеджмен-та и бизнеса, но сидел без работы, говорил, что сейчас в стране наступает порядок и что президент поддерживает предпринимателей и того беспредела, который творился в лихие девяностые, Владимир Владимирович больше не допустит. Надо следовать его курсом, заводить свое дело.

Сам Иван Иванович был на хорошей офицерской пенсии, поэтому занимался домашним хозяйством и огородничеством.

Сын, наслушавшись отца, заверений правительства о смене курса на поддержку малого и среднего бизнеса, как-то вечером пришел к отцу и сказал, что продается авто-мобильная мойка, а в перспективе там, рядом с мойкой, можно открыть автосервис, а это уже серьезный бизнес. Но на покупку мойки нужно два миллиона.

У Иван Ивановича были так называемые «гробовые» пятьсот тысяч, о них он никому не говорил, берег на чёр-ный день. Но он решил помочь своему сыну. Хотелось, чтобы сын жил в ногу со временем и был хозяином своего

дела. И Иван Иванович заложил в банке свою квартиру под двухмиллионный кредит для сына.

Так сын стал владельцем мойки. Дело пошло. Но через год Иван Иванович вдруг получил повестку в суд. В суде ему объявили, что сын перестал платить по кредиту и теперь банк требует досрочного возврата. Сын развел руками и сказал, что денег у него нет, еще не заработал.

А бывший хозяин автомойки предъявил в суде требования по расторжению договора на покупку мойки, так как сын не выполнил некоторые условия договора. Поэ-тому мойку решением суда вернули прежнему владельцу, а квартира Иван Ивановича как залог за невыплаченный кредит перешла в собственность банка. Иван Иванович из решения суд ничего не понял. Попытался выяснить у сына, почему так произошло. Сын сказал, что его обманул продавец мойки, что при покупке заставил подписать целую кучу документов и вот теперь оказалось, что и мойка не оплачена, и кредит он просто подарил этому мошенни-ку за какие-то непонятные услуги.

Тогда Иван Иванович обратился в полицию. В дежурной части офицер направил его в отдел по борьбе с эконо-мическими преступлениями.

Иван Иванович пошел туда. Его принял сам начальник отдела – молодой лет тридцати симпатичный парень. Вдумчиво выслушал и пообещал, что поможет разоблачить и наказать мошенника, обманувшего сына Ивана Ивановича.

Иван Иванович стал ждать, когда восторжествует спра-ведливость и зло будет наказано. Ждал, что мойку вернут сыну.

Но время шло, а справедливость как-то не хотела торжествовать.

И даже наоборот.

Судебные приставы по решению суда забрали кварти-ру у Иван Ивановича в пользу банка, выдавшего кредит сыну. И Иван Иванович переехал в дачный домик, кото-рый остался за ним после развода с женой.

Потом, немного оправившись от треволнений, он опять пошел к тому симпатичному начальнику ОБЭПа, которо-

му писал заявление о мошеннических действиях человека, продавшего мойку сыну.

Но тот уже, хотя и разговаривал опять культурно и веж-ливо, ничего не обещал и никого наказывать не собирался, а наоборот, стал задавать вопросы Иван Ивановичу, по ко-торым выходило, что это не продавец мойки был мошен-ником, а мошенниками были Иван Иванович, его сын и бывшая жена Иван Ивановича. Так как квартира, заложен-ная в банке под кредит, теперь оспаривается женой как не-законно заложенная.

Иван Иванович вообще ничего не понял. При чем здесь его жена, его квартира и их отношения с женой десятилет-ней давности при разводе и разделе имущества. Единст-венное, что он понял, что теперь уже ни мойку, ни квартиру им с сыном не вернут. Весть о том, что это он теперь мо-шенник, Иван Иванович не воспринял всерьез. Посчитал, что этот симпатичный работник полиции просто пошутил.

Но нет, это были не шутки. Теперь его, его сына и его бывшую жену стали постоянно вызывать в полицию. А в его садовом домике произвели обыск, изъять ничего не изъяли, потому что, кроме граблей, лопат и ведер, там ничего не было. Но, как оказалось, теперь было заведено уголовное дело против Ивана Ивановича.

Тогда Иван Иванович нашел телефон своего племянни-ка, который работал в полиции на какой-то хозяйственной должности. Он пришел к нему и все рассказал. Тот пообе-щал переговорить с кем надо.

Иван Иванович встретился с сыном и рассказал ему о том, что им помогут.

Сын слушал и шмыгал носом, допивая бутылку пива. А потом сказал отцу, что никто им не поможет и что мошенник дал начальнику ОБЭПа взятку в триста тысяч, и тот его полностью отмазал, а отцу лучше никуда не хо-дить, а то им же хуже будет.

Иван Иванович сыну не поверил и даже разругался с ним.

Он опять пошел к своему племяннику, но тот уже как-то по-иному разговаривал с Иван Ивановичем, прятал от него глаза.

Сказал, что ничего не может сделать. Он разговаривал с тем начальником ОБЭПа, у которого был Иван Иванович, и тот ему нарисовал совсем иную картину, не в пользу семьи Иван Ивановича. Сам начальник ОБЭПа на хорошем отчету у начальства и в полиции у него репутация «честного мента».

Тогда Иван Иванович сказал своему племяннику, что есть сведения, что этот «честный» взял взятку у мошенника в 300 тысяч рублей. На что ему племянник заметил: «А кто сейчас не берет? Берут все. И у всех. И этот началь-ник ОБЭПа если взял у кого, то за это отвечает. И его пере-купить нельзя. Вот такая у него хорошая репутация “чест-ного мента”».

Иван Иванович ушел от племянника расстроенный. И долго не мог успокоиться. Уж больно все это было странно. Поэтому он стал искать других знакомых в поли-ции, которые могли бы ему объяснить ситуацию. Находил, и ему разъясняли:

– Что ты хочешь? Он «честный мент». Он получил в лапу от того мошенника и честно эти деньги отрабатывает. Если бы ты дал первым, то он бы точно так же, по-честному, на тебя работал. Кто первым встал, того и тапки.

А когда Иван Иванович начинал возмущаться и говорить, что это его обманули и почему он, пострадавший, должен давать в лапу офицеру полиции, ему отвечали все с той же логикой:

– Очнись. Ау, ты где живешь? На дворе рынок, капита-лизм. Где все покупается и продается.

– А как же присяга? Уголовный кодекс? Совесть? Честь офицера?

– Все это в прошлом. Сейчас деньги правят миром.

«Да, – думал Иван Иванович, – другая страна, другие времена. Когда-то мы строили коммунизм, где все изме-рялось честью и совестью, а не деньгами. Сейчас наша страна строит капитализм, где мерилом совести и чести стали деньги. И зря он, наверное, возмущается и хлопочет. Надо смириться с этой действительностью и не путаться под ногами людей с новыми понятиями. Надо не сопро-тивляться, а, наоборот, помогать этим новым людям, идти с ними в одном строю, в ногу со временем».

Тогда Иван Иванович снял в Сбербанке свои гробовые пятьсот тысяч и опять пошел к своему племяннику и отдал ему их. Попросил, чтобы он передал эти деньги тому чест-ному начальнику ОБЭПа и чтобы тот теперь за эти деньги помогал ему, Иван Ивановичу, а не тому мошеннику. Пле-мянник деньги взял, Пообещал помочь. Но через неделю позвонил и, когда они встретились, вернул деньги Иван Ивановичу за вычетом накладных расходов.

Возвращая деньги сказал: «Ну что я тебе говорил, он “честный мент”, хоть и предложил ты ему на двести тысяч больше, он сказал, что честью офицера не торгует. А тебе, дядя, раньше надо было решать с ним вопрос, раньше».

Иван Иванович вообще ничего не понял: то кругом ка-питализм, и все покупается и продается за деньги, то кру-гом «честные менты».

Иван Иванович крепко задумался.

Почитал прессу, посмотрел теледебаты и, сравнив суть своей проблемы с жизнью сегодняшнего общества, понял, что он ничего уже не понимает в этом новом капиталисти-ческом мире. Выходило, что этот офицер сейчас все дела-ет правильно. Так он борется за процветание своей капи-талистической Родины. Как и он, Иван Иванович, когда-то боролся за процветание своей социалистической Родины.

Пораскинув мозгами, Иван Иванович решил, что он не-вольно обидел этого начальника ОБЭПа, а раз так, то надо исправить свою ошибку и написать письмо самому уважа-емому Иван Ивановичем человеку в стране – президенту, Путину Владимиру Владимировичу.

И написал.

Нет, в письме он не просил президента помочь ему, Ивану Ивановичу, вернуть честно заработанную им квар-тиру, а сыну мойку, он просил президента вручить орден или объявить благодарность этому полицейскому – само-му «честному менту» в современной России.

Пётр РОДИН

Воскресенское, Нижегородская область

БАБУШКА КЛАВА

Так уж сложилось по жизни, что бабушка Клава за сво-их неполных девяносто четыре года ни разу в больничке не лёживала. При всех хворях и недомоганиях обходи-лась домашними средствами. А к старости если любящий её внук Паша когда и предлагал ей таблетку, к примеру, от головной боли принять, то при этом целая комедия происходила.

Пока внук да правнучка готовили таблетку и стакан с водой для запивки, бабуля начинала волноваться. Са-дилась на свой диванчик, ещё прямее напружинивала и без того прямую суховатую спину, нервно разглаживала на коленях несуществующие складки опрятного, в горо-шек, передничка, отводила назад свою маленькую голов-ку, повязанную неизменным белым платочком и чуть за-катывала блёклые голубенькие глазки, будто на приёме у стоматолога. « А вы не больно над старухой -то смеитёсь (это и многие другие слова она выговаривала по-свое-му), не молоды года, не шисят годов, чтобы таблетки исть научаться».

Внук, в семье которого она и жила последние лет двад-цать, подавал ей таблетку и ставил на столик стакан с во-дой. Как некую драгоценность, чуть дрожащей, похожей на пучок ржаной соломы щепотью, бабка Клава отправля-ла таблетку глубоко в рот, до самой гортани. Так её учили

домашние. Не с первого раза, поперхнувшись, она справ-лялась всё же с этой серьёзной и даже немного торжест-венной процедурой.

– Как же, чай я таблетку седни примала. Конешно, оно и попрошла голова-то. Так только, чуть и покруживат, а боль-то, как рукой сня́ло, – так отвечала она на вопросы о самочувствии чуть погодя. И в течение всего дня как бы в оправдание повторяла: – Вот до чего изнежилась, стара, таблетку примать пришлось.

Но в эту осень, под частые, надоедные дожди, крепко занедужила баба Клава.

– В больнице не была и не бывать! – слабенько, но на-стойчиво твердила она заботливому внуку.

Но пришлось-таки Павлу поместить бабушку в район-ную больничку.

В палате их было четверо. Бабе Клаве досталась кро-вать справа, у входа. Она с младых ногтей, стараниями ма-моньки, своей молилась истово и много. Чаще про себя. Для разговора с Богом ей не обязательно было быть в цер-кви, стоять перед иконостасом. Ей казалось, что у неё со Всевышним уже давно установились вполне доверитель-ные отношения. В любой час и в любую минуту она обра-щалась к нему с благодарностью за дарованную жизнь на вольном свете. Она уже знала, что ждёт её близкая кончи-на без особых страданий и мучений. Не стала настойчи-во прекословить по поводу больнички также из желания не гневить Бога. Ну хочется уже поседевшему внучку её, пусть себя потешит, похлопочет.

Сама-то баба Клава знала, что вот она уже и рядом – её лёгкая кончина, которая означает лишь переход в мир иной. И она готовила себя к этому. Откуда знала? А вот знала, и всё тут.

Осторожненько, на носилках доставили её на место. Успела заметить она, что на воле попрашивался первый снежок. Она никогда не говорила «на улице». «Клав, а где Пашка твой?» – спросит её кто-то, бывало. «Да где, чай на воле, у избы где-то бегает».

Соседки по палате достались бабе Клаве обходитель-ные, разных возрастов, все моложе её намного. Лежала

она тихо. Боли её сильно не мучили. Врачи тоже сильно не докучали своими процедурами. В разговоры не вступа-ла, но прислушивалась к тому, о чём толкуют соседки. Пашеньке и снохе своей Вале баба Клава наказала, чтобы не сидели около неё, а к концу недели непременно забирали домой, потому что в больнице ей делать нечего.

Уже к вечеру первого дня она знала всё про однопалатниц: у кого гипертония, у кого с печенью непорядок, кто с сердцем мается. Особенно жалко стало бабе Клаве молодую длиннокосую женщину с кровати, что напротив. Ей часто мерили давление и делали уколы и ставили капельницы. Но не это главное. Лежа и днём с закрытыми глазами от какой-то непомерной усталости, расслышала Баба Клава от соседок и от неё самой её же историю.

Нина, так звали её соседку, попала в больницу на скорой помощи. Гипертонический криз у неё случился, соседи скорую и вызвали. В этом ничего необычного не было. Сейчас все болезни сильно помолодели. На всю терапию одна баба Клава вот такая зажившаяся, по её разумению, на белом свете, и занимала койку.

А Нину часто навещала её сестра, уж очень на неё похожая. И тоже в больничном халате. Оказывается, подменяла младшая сестра Нину у тяжелобольного её сынишки, который находился здесь же, в больнице: то ли в детском отделении на первом этаже, то ли в самой реанимации. И похоже, по разговорам, дело с парнишкой совсем плохо было. И в областной больнице мать с ним не раз лёжива-ла, и к знахаркам возила. И про его диагноз сёстры меж собой говорили, да вот название болезни-то баба Клава и не запомнила, уж больно мудрёное. С головушкой что-то у шестилетка было совсем неладно.

 Теперь кроме как про этого мальчишечку болезного бабе Клаве ни про что больше не думалось. Сильно рас-строилась старуха, мальчонку не в силу жалко стало.

– Вот я тут почти без болей место чужое пролёживаю, век опять же чужой жить начала, а он, ангел невинный, так мучается, – всё укоряла она себя.

Ей стало хуже. Болей сильных так же не было, но стала она впадать в забытьё и день с ночью путать. И было ей

два видения из её же жизни, да такие отчётливые, будто вчера всё происходило.

ПЕРВОЕ ВИДЕНИЕ БАБЫ КЛАВЫ

Земля уже готовилась к зиме. В стылом и влажном воз-духе, настоянном на резковатом тальниковом да осоковом аромате, исходящем от речушки Курач, изредка и пока не-смело закружились первые тяжёлые снежинки.

Комковатая и вязкая землица колхозного поля. Клавдия с пятью деревенскими товарками высокими резиновыми сапогами месили её, осеннюю и неласковую. Картошка уходила под зиму. Вымытые дождями белобокие кругля-ши клубней густо усеяли неглубокие борозды. Женщины были одеты в телогрейки-фуфайки, тёплые платки, а вот руки всё-таки прикаливало октябрьской стужей через ста-ренькие ветхие варежки и напяленные на них голицы по случаю этой октябрьской принудиловки. Колхоз тогда был маленький, в одну деревню, и назывался «имени Менжин-ского». Кто такой, этот (кому-то) товарищ Менжинский и чем он прославился, они особо не задумывались. Называ-ли себя «межинцами». Вот это слово выговаривать было легче. Межа-то чай вот она, по краю поля тянется до само-го деревенского плетня.

Радио тогда в редкость было. Чёрный раструб репро-дуктора повешен был только на столбе у сельсовета в селе Шершово, за пять вёрст от их деревушки, так что но-вости чаще привозили уполномоченные из района. Рай-онное же начальство, сгоняя людей на спасение картош-ки, грозило принятием строгих мер за срыв этой важной кампании всем саботажникам и вредителям. Подумать и то страшно было: сколько добра при острой нехват-ке пропитания уходило под снег. А что можно поделать было? И до, и после Воздвиженья , весь конец сентября и вот уж в октябре дня одного без дождя, почитай, не было. Ну кто тут виноват? Хотя виноватых тогда быстренько находили.

А вышли колхозницы в этакую непогодь на подборку гибнущего « второго хлеба» только жалеючи председателя

своего, одноногого инвалида Гражданской Ивана Серёгина. Знали « межинцы», что если он их не выгонит в это промозглое полько́, то меры будут приняты к нему как к партейному. Меся грязюку своей деревянной ногой, похожей на перевернутую вниз горлом ведёрную бутыль, председатель и сам вскоре приковылял в поле. Опасался Семёныч и за картошку, и за себя, конечно. Как же не побаиваться: трое деток у него в старенькой избёнке есть просили.

Неуклюже, как птица подраненная, култыхался он по расквашенному картофельнику. Даже помог бабам ссыпать из бадеек в осклизлый дерюжный мешок крупную, перемазанную жирной грязцой картошку. Взявшийся колом старенький его плащишко, шурша, елозил по обрезан-ной по колено суконной шинели.

– Ну что, бабоньки, а ведь работать-то уж никаких возможностев и нетути. Пойду я на конный двор ещё зайду. А вы уж сколько ещё терпится, пособирайте её, треклятую. Как на грех уродилась, – Семёныч потихоньку выгреб на по-росший лебедой да репейником окраек поля и уже вскоре сво-ей прыгающей походкой обозначился по ту сторону речки.

Вот тут-то и появился верхом на крупной вороной кобыле он самый, уполномоченный от района Мишашенька Поляшов. Был он из местных балаболов, к делам не ру́шный, как на деревне говаривали. Зато на собраниях приезжему начальству вопросы задавать любил всякие и разные. Один раз даже спросил о бедствиях негритянского народонаселения аж в самой Америке.

Евдокия с подругами как раз только с трудом повытаскивали ноги из вконец раскисшего поля на твёрдый травянистый взгорок. Отряхнулись от налипшей грязи и направились к деревне, чтобы под холодным дождём не промокнуть до нитки.

Хриплым, махрой прокуренным голосом, не слезая с седла, в котором за дорогу пригрелся, Мишаша заорал: «Стоять! Кто разрешил? Это же буквально вредительство получается!» К его языку будто бы прилипло услышанное где-то на собрании слово «буквально», и применял он его когда надо и не надо.

Военного образца плащ-палатка пузырилась на опу-щенных плечах уполномоченного. От густой, слипшей-ся чёлки до самого храпа его лошади стекали дождевые ручейки.

Мишаша, наверное, от того, что женщины, вставши в кружок и нахохлившись, как мокрые курицы, никак не сре-агировали на его грозный окрик, ещё больше распалился. Увидев, к тому же у колхозниц по полуведру картошки, он взбесился. «Ах в бога же и душу мать! Хищение социли-стической собственности!» – Мишаша направлял кобылу на Евдокию. До неё долетели и пена, и слюни большой и тёплой животины. Совсем близко, как два зеркальца, блес-нули её огромные тёмные бездонные глазищи, в которых человек успел в этот короткий миг разглядеть добрый свет.

Лошадь вдруг, звякнув уздечкой, дрогнула всем своим длинным телом и круто, с неожиданной прытью наподда-ла вверх крупом. Полетели шляки земли и фонтаны гря-зи. Полетел и Мишаша из старого ободранного седлишка, неудобно и, видимо, больно вывернув левую свою ногу, обутую в кирзовый сапог. Прыгая на одной ноге в жид-кой грязюке, второй своей голой костлявой ступнёй с за-гнутым в сторону ногтем на большом пальце он суетливо искал второй свой кирзач.

Сами того испугавшись, колхозницы вдруг хором раз-разились нервным, истерическим смехом. Они хохотали, визжали, стонали, обнявшись и побросав тяжеленные от грязи и картошки вёдра.

– Ну, чумовые, ну, погодите! Вы у меня ещё буквально об этом пожалеете! – Мишаша больно стегал свою лошадь ременным поводом и всё грозил и грозил им. А они всё хохотали, а потом и поплакали под спорым холодным до-ждём, перемежающимся снежинками.

Старуха и очнулась от смеха, но вскоре опять впала в забытьё.

ВТОРОЕ ВИДЕНИЕ БАБЫ КЛАВЫ

Родительская изба. Семилетняя Клавдёнка лежит на ши-рокой передней лавке, под образами. Образ, правда, всего

один. Вот она – Богородица, над головой. Перед ней, над лампадкой из толстого синего стекла, теплится крошечный, чуть больше спичечной головки огонёк. За слезящимся стеклом зимней оконной рамы, на пожелтевшем листке газеты «Правда» видна ярко-красная гроздь рябины и блюдечко с солью. С улицы озябшая синичка слабенько постукивает в отороченное инеем стекло, стараясь добыть ягоду.

«Вот глупенькая, – подумалось Клавдёнке, скосившей взгляд на окошко, – ну неужто бедненькая птичка в разум не возьмёт, что стекло тут». Кроме кота, которого зовут просто Киса, в избе никого нет. Кот, крадучись, цепляясь когтями за ватное одеяло из разноцветных клинышков, пробирается к окну. Вдоль стенки, прижимая усатую плу-товскую мордочку к одеялу, он крадётся – выслеживает синичку, охотится на неё.

– Тоже глупенький, птичка-то ведь на улице, как же ты её споймать-то можешь? – Бледной и слабой, с голубенькими прожилками, рукой девчушка погладила Кису. Кот с будто простуженным урчанием улёгся под подоконник и прижался к ней. Слабенькое дыхание и тихое тепло, исходящее от кошки, согрело и успокоило Клавдёнку.

Негромко хлопнула дверь в сенях. Пустив через порог облачко январской стужи, в избу вошла мать. Она принесла с собой запахи тёплого коровьего хлева.

– Вот сейчас процедим мы с дочей молочко парненькое и пить будем. Ножки-то у нас и пойдут, окрепнут, поправится наша болезная, – приговаривала мама Аганя. А весной по травке Клавденька и бегать будет, в догонялки с подружками играть.

От того, что мать ласково повторяла её имя, девочка тихо заплакала. Она хворала с самой осени – ноги пло-хо слушались. А сегодня с утра мама Аганя надела на её шейку другой крестик, который лежал рядом с иконой, нарядила в новый светленький сарафанчик и перенесла с полатей на лавку, под образ Богородицы.

Мать присела рядом и поставила на край стола боль-шую эмалированную кружку с молоком. Пить молоко до-чери совсем не хотелось, но чтобы чуть успокоить матушку, она немного отхлебнула из кружки.

– Мамонька, а мне у неё хорошо будет, у Богородицы-то? – спросила Клавдёнка.

– Хорошо, хорошо, Клавденька. А я тебе сахарок при-носить буду.

Потом, накинув на себя большую тёмную шаль, мать молилась над больной дочкой. Та часто видела, как она это делает. Во время болезни дочери при мольбах своих мать часто тихо плакала. Сейчас же, истово и даже с каким-то ожесточением, отчаянием и решимостью глядя в передний угол, она бесслёзно творила молитву.

В какой-то момент мама Аганя испуганно вздрогнула, так, что её рука, занесённая ко лбу в крестном знамении, безвольно упала. Молящейся вдруг показалось, что стро-гие глаза Богородицы, в которые она исступлённо вгляды-валась, дрогнули, стали добрее и налились слезами.

Мать бухнулась коленями на широкую некрашеную по-ловицу, обняла дочку и непрестанно стала повторять только эти слова: «Слава тебе, Господи, слава тебе, Матерь Божия!» А Клавдёнка тогда даже немного испугалась, но именно с той молитвы и пошла на поправку.

И тут же виделась она сама себе в той же избе, в вален-ках на босу ногу и в тёплой кофтёнке, у подтопка. Тонкие палки и прутья ореховых дров уже занялись вялым сине-ватым огнём. На их косо срубленных концах местами про-ступали белые шипящие пенистые барашки. Дрова в топке громко треснули, и небольшой уголёк выпал на железный лист, прибитый у поддувала. Схватила его Клавдёнка и… очнулась.

В больничке всё шло своим чередом: процедуры, осмо-тры, мытьё полов и пересуды больных. Изменилась лишь только баба Клава. Тихая и спокойная до этого второго своего видения, она вдруг сделалась энергичной и дея-тельной. Можно сказать, всех на ноги подняла. Срочно затребовала внука. Тот на раз был где-то в отъезде. Бабуле каждые полчаса докладывали, где он, и уверяли, что как только появится в поселке, так к ней и прибудет. А о том, какая нужда пристигла бабу Клаву, она никому словечка не молвила.

Как свежий ветерок из открытой фрамуги, по всей тера-пии залетал слушок, что будто бы древняя бабулька из чет-вёртой палаты заумирала и родственников срочно к себе требует. Должно быть, деньжат где-то припрятала, вот и боится, чтобы не пропали. Кое-кто из ходячих больных с нездоровым интересом стали заглядывать к бабе Клаве. Просунет голову в дверь «любопытная Варвара» и высма-тривает, где эта бабка богатенькая и жива ли она пока. На-верное, за родственников беспокоились, боялись, как бы не опоздали.

Явившийся вечером запыхавшийся и сам не свой внук бабы Клавы, Паша, долго сидел у её кровати. Успокоил-ся. По всем признакам, бабуле стало лучше. Они о чём-то шептались.

На этот момент в палате из больных была ещё только несчастная мамочка Нина, соседка бабы Клавы по кровати.

– Ты вот что, Паша, забирай меня завтра отсюдова, хва-тит мне тут прохлаждаться.

Павел попытался было что-то возразить, но бабуля приказным тоном, не терпящим прекословия торопливо и внятно шептала: «В маленьком коридорчике, в старом холодильнике, внизу стоит мой сундучок, – сам знашь. А в нём, в чёрном мешочке с резинкой, – икона Богородицы. Тихонечко её возьми и утречком, до обхода, принеси мне сюда».

Павел не стал возражать. Всё сделал, как велела бабушка. Рано утром в четвёртой палате больная старуха твори-ла молитву над мальчишкой лет шести. Был он худющий, с огромными синими глазами и совсем безволосый. Для такой ответственной процедуры баба Клава с помощью

Бабушка Клава Нины и её сестры накинула на себя новый ненадёванный фланелевый халат с ромашками по темно-зелёному полю и, прислонившись к стене, уселась на кровати. Она была серьёзна и даже строга, как великую драгоценность осто-рожно прислоняя к совершенно лысой головёнке маль-чишки старинную икону Оранской Божией Матери.

Ровно через две недели, дома, на своём диванчике, баба Клава отошла ко Господу, отошла тихо и спокойно. Павел

держал её сухонькую руку в своих ладонях. А ей на этот раз виделась всё удаляющаяся горящая свеча…

Дорога на погост шла мимо больницы. В открытом се-реньком грузовом «уазике» стоял ничем не обитый гроб и большой деревянный крест. За машиной следовало пять или шесть человек провожающих.

А на первом больничном этаже, в детском отделении, у широкого окна стояли и плакали две женщины, очень похожие друг на друга. На руках старшей из них, крепко обхватив мамкину шею ручонками, притулился худенький пацанчик, который явно пошёл на поправку.

МАЗАНКА

Краснокирпичные длинные здания областной больницы в то утро будто утонули в тяжеленных тучах то ли тумана, то ли не пролившегося дождя.

Сверху весь больничный городок, должно быть, был похож на огромного паука, вцепившегося своими корпусами-лапами в высокий берег Волги, поросший молодым липняком.

Иван без труда нашёл калитку из железных прутьев, че-рез которую можно было более коротким путём пройти до пятого корпуса. Он, этот самый пятый корпус, внешне ни-чем не отличался от других. Такой же бетонный козырёк при входе, тот же стандартный пластиковый экранчик с названием. Но всё же спрашивали про это строение (на-пример, как пройти до него) обычно испуганным шёпотом и с придыханием. Это и понятно, потому что пятый корпус был раковым.

– Привет, Ванюш, ты надолго к нам? – За столом спра-вок дежурила на этот раз Марина Николаевна, располнев-шая пенсионерка-медичка, сделавшая за свою многолет-нюю службу, наверное, не меньше миллиона уколов таким пациентам, как Иван.

– Здравствуйте, Марина Николаевна, – ответил он, сни-мая куртку в металлической клетке гардероба. – Сколь-ко Владимир Викторович на этот раз продержит, уж и не знаю. Может, сегодня же и домой, а может, и на неделю в палате пропишет.

Но Марина Николаевна, к которой утренним ручейком стекались и больные, и их родственники, уже не слышала

Ивана. Насовывая на ноги заскорузлые больничные тапоч-ки, он непроизвольно обратил внимание на их номерки.

В последнее время, особенно после второй операции, стал он суеверным и мнительным. Номер автобуса, на ко-тором доехал от райцентра Мурашкино, к примеру, тоже запомнил: тринадцать – двадцать семь. И пока ехал, думал, что бы это значило. Обнадёжил себя разницей в цифрах: четырнадцать лет осталось жить. И это в его положении, кажется, было бы неплохо. Как на лепестках ромашки, гадал на столбиках нескончаемого больничного забора: добрая – недобрая?! Это он про свою опухоль всё гадал. И назовут же такую заразу доброкачественной. Хотя сам именно о такой, как бы это несуразно ни звучало, и мечтал. После второй операции и гистологического анализа, вроде бы без обмана, не отводя уставших глаз, оперировавший его врач Владимир Викторович твёрдо сказал: «Всё почи-стили капитально. Всё идёт как надо. Только регулярно проверяться надо будет».

Вот он сегодня и приехал. Без сопровождения. Один.

Сам. На рейсовом автобусе.

А смятые тапочки оказались разнономерными. Одна тридцать шестой, а вторая – пятьдесят шестой.

Ивану прошлой осенью исполнилось двадцать девять лет. В навигацию он от своего затона плавал мотористом на толкаче, а по зимам слесарил в ремонтной мастерской. Жена Танюшка работала поваром в поселковой столовой. Дочка Лерочка окончила первый класс. И всё было хоро-шо ровно до того дня, когда он впервые обнаружил свои «мультики». Ни с того ни с сего лицо его вдруг перекаши-валось, в висках тесно толкалась кровь, и виделись Ивану огромные, с апельсин, звёзды, беспорядочно разбросан-ные по аспидно-чёрному небу.

Вскоре после первой операции расстались с Татьяной. Так уж получилось. А он научился со временем предугады-вать начало приступа и старался найти укромное местеч-ко, чтобы поменьше людей видели его беспомощность и пену, появляющуюся на губах. Если рядом на этот момент никого не было, он просто беспомощно падал, стараясь найти судорожными руками хоть какую-то опору.

Жил сейчас Иван у матери, в маленькой деревушке Медведихе, в сотне километров от Нижнего Новгорода. Определили ему третью группу инвалидности. Волосы на его голове за последнее время едва успевали отрастать по-сле очередной операции или процедур.

Поднявшись на четвёртый этаж, в нейрохирургию, он неожиданно увидел выходящего из ординаторской бра-та Павлуху. К радости встречи вмиг подмешался испуг: «А чего это он здесь? С анализами что-то не так? Врачи на совет позвали?»

Старший брат вот уже шесть лет руководил крупным совхозом в одном из северных районов области. С первых «мультиков», обнаружившихся у Ивана, он опекал его. Ку-пил для отделения телевизор и диван, привозил необхо-димые и самые дорогие лекарства для больного брата, а докторов и медсестёр угощал коньяком и конфетами.

Их у мамы было трое братьев: Павел, Иван и младшень-кий Михаил, который как раз и работал у Павла в совхозе водителем и был к тому же заядлым рыбаком и лучшим во всей округе гармонистом.

– Привет, Паш, а ты-то чего сегодня здесь? – обнимаясь с братом, спросил Иван.

– Да вот на совещание в область позвали, решил к Вла-димиру Викторовичу заглянуть.

– Ну и как он? Что на этот раз обещает?

– А ты давай-ка с дороги пока устраивайся в палате, мы к тебе скоро зайдём.

И он насторожился ещё больше. Понятно было, что Пав-луха не просто так приехал. Похоже, врач пригласил. Со-ветуются, наверное, что с ним, болезным, дальше делать. Может быть, да скорее всего, от него скрывают результаты последних анализов… Иван улыбнулся, как смог повеселее, рыженькой симпатюльке молоденькой медсестре Ире и про-шаркал тапками в знакомую до пятнышка на дверной ручке пятую палату. Стоял у окна, пытаясь унять режущую боль в животе. С улицы белый аквариум палаты вдруг попыталась оживить своим невнятным цивиканьем какая-то пичуга. Ту-ман сползал в русло реки, и из-за торца соседнего корпуса пробивались ещё несмелые пунктиры солнечных стрел.

Обхода он дождался только ближе к обеду. Брата с вра-чами не было. Из всего, что было сказано ими, Иван усво-ил главное: должно быть как в аптеке, без всяких «мульти-ков». Вставляя разные медицинские словечки, бодренько завершил осмотр больного нейрохирург, кандидат наук, лечащий врач Владимир Викторович. Пациент же его в такие моменты старался искать взглядом глаза своего до-ктора. Однако какого-то обнадёживающего отблеска в них через стёкла очков хирурга отметить Ивану не удалось.

Через три недели предстояла третья операция. Пришел Павел. Он настойчиво предлагал брату подвезти его до деревни на служебной «Волге». Иван так же настойчиво отказался. Ему хотелось побыть одному. Он уверил Пав-ла, что неплохо себя чувствует, «мультиков» давно не приключалось и что вполне может добраться до автостанции на площади Лядова и сесть в рейсовый автобус.

Кто бы только знал, что творилось в мятущейся Ивано-вой душе… Ведь теперь-то ему известен настоящий ди-агноз, страшный и беспощадный. Он представлял собой всего-то несколько небрежных и корявых букв на стан-дартном больничном бланке с приколотыми к нему бу-мажками разных цветов и размеров.

Когда после ухода врачей Павел зашёл в палату, а потом снова вышел в ординаторскую, Иван выкрал не выкрал, но не удержался и открыл толстенную папку брата. Он знал уже и латинские буквы того слова, похожего на русское «царь», означающего причину прихода тех самых видений в его больную головушку.

Ему удалось, кажется, не подать виду, что ознакомился с содержимым папки. А Павел со всей его солидностью стал убеждать, что ещё один «бросок под танк» (так они называли операцию), и всё будет «тип-топ», в полном порядке.

Иван благополучно добрался до своей родной Медведихи – деревушки в двадцать четыре избы, которые одним порядком уселись на взгорке, по берегу Курача, речушки его детства. Всего лишь раз за дорогу, вцепившись в сиденье и отвернувшись к окну, перетерпел он короткий приступ, напугав всё-таки ближайших попутчиков.

Утром удивил мать, дорабатывавшую третий десяток лет на колхозном коровнике, тем, что стал готовить мазан-ку к летнему сезону. Эти немудрёные глинобитные кла-довки-спальни были тогда в деревнях в почёте. Располага-лись они, особенно любимые деревенской ребятнёй, ниже избяного порядка, ближе к речке. Сколько девчоночьих и мальчишечьих тайн, кроме пары старинных сундуков фа-мильного добра, хранили эти прибежища! На этих самых горбатеньких сундуках, обитых узорной жестью, да ещё на обязательной через узкий проход стоящей рядом кро-вати с непременными блестящими шарами на стойках и спали-ночевали в глиняном холодке по летам местные жи-тели и приезжие гости. Летом мазанки редко запирались на задвижку, открыть которую легко, согнув кусок жёст-кой проволоки.

– Ванюш, ну чего ты удумал, какая ещё мазанка? Но-чью-то вон как ещё подмораживает, – мать со слезой в го-лосе просила сына повременить с переселением в летнюю спальню до настоящего тепла.

– Да, мам, не беспокойся ты, я только пока там прибираюсь.

Иван как будто впервые за последнее время воочию увидел мать. Рано постаревшую от житейских невзгод, с поблекшими серо-голубыми глазами и поредевшими, цве-та натуральных льняных нитей волосами под скромным опрятным платочком. Ему вдруг стало пронзительно жал-ко её. Её руки, перевитые верёвочками вен, грубые, шер-шавые ладони, в глубоких трещинах от тяжёлого, холод-ного и горячего, просили и отдыха, и лечения и жили как бы своей, независимой от хозяйки жизнью.

Сын помнил эти самые красивые и добрые руки на све-те, когда он ещё первоклашкой в студёную зиму забегал к матери на ферму по дороге из школы и она брала его озяб-шие малиновые ладошки, дышала на них, а потом прятала их для сугрева под полушалок. Досталось ей горько, до слёз, когда она одна поднимала на ноги троих сыновей. Их отец умер от тяжёлой болезни.

Перехватило дыхание от жалости к матери, измучив-шейся за время его болезни. Жалко было и братьев, и даже

уже постаревшего кобелька Атаса, который смиренно дре-мал у будки.

Ивану всё чаще хотелось побыть одному, и он потихонь-ку готовил себе прибежище в уютном, но пока прохладном чреве мазанки. Убрал затянувшие углы паутинки, начисто вытер пыль с сундуков и кровати. Вытащив из-под крова-ти, поставил на видное место Михаилову гармошку-хром-ку. Наводя порядок в своём родном с детства уголке, он не мог надышаться воздухом, пахнущим валенками, ста-рыми выделанными овчинами, кожей, ветхими книгами и ещё чем-то, присущим только ему, ещё прадедовскому се-мейному окружению. Знакомый до боли сучок в ольховой плахе стенки мазанки, похожий на ленинский профиль, надпись «Фантомас» шариковой ручкой на потолочине – все эти мелочи вдруг стали дорогими до слёз. Перебирая и листая старые книги, обнаружил в одной из них жесткие корочки с буквами старинного тиснения и с изображением креста-распятия. Похоже, это была обложка какого-то молитвенника с металлическими уголками, но листочки его были кем-то когда-то давно безжалостно выдраны. Вместо них вложена была исписанная четвертушка пожелтевшей уже бумаги. Названия не было. Лишь выведенный твёрдой рукой крест. Писанная чёрной тушью молитва.

Иван сохранил находку, а потом и текст заучил наизусть. Молитва была в стихах. Её строчки постоянно стали про-кручиваться, будто на магнитофонной ленте, в его памяти:

> …Храни меня во все минуты, храни меня во все часы, Храни меня в ненастьях лютых, храни средь самою мечты…

Мало где раньше была возможность ему слушать молит-вы и тем более запоминать, учить их наизусть, но эти слова показались Ивану похожими на чьё-то собственное сочине-ние. Ну и бог с ними! Не читать же ему эти строчки, со-звучные с чаяниями его изболевшей души, в каком-нибудь ДК? Крутятся в голове, ну и пусть крутятся, от неотступной чёрной думы отвлекают немного, и то уже хорошо.

По теплу он стал ночевать в мазанке, но ещё до этого наотрез отказался от назначенной операции. Приезжали

братья, был семейный консилиум – скандал, при котором участники говорили приглушённым шепотком и готовы были стать на колени друг перед другом и перед единственной иконой Богородицы в переднем углу за занавесочкой. Порешили на том, что Павел заедет в больницу и распишется за отказ, как это и требуется в подобных случаях.

Вечером мать тихо плакала на лавочке у избы. Братья ушли на речку и курили там на бережку.

Иван отправился в мазанку. Он отстегнул Атаса от цепи, и тот у него теперь стал постоянным провожатым. В благодарность за полученную свободу старый пёс во всём старался услужить хозяину. А хозяин ещё успел до начала небывало злого, изнуряющего приступа с беспомощными, неуправляемыми телодвижениями, с ударами руками и головой о сундук и кровать, поругать друга за то, что тот обрызгал своей жёлтой мочой столбушки приямка на входе в мазанку.

Вернулся Иван из своего болезненного звёздного мира от резкого запаха псины: это Атас тщательно вылизывал его лицо. Хозяин не оттолкнул его морду, а прижал к себе. При слабом свете закатного солнышка он увидел настоя-щие, крупнее горошины собачьи слёзы. Как бы стесняясь их, Атас похлопал хвостом по порожку и извинительно выгнул спину. Как никогда Ивану захотелось жить. А дру-жок его в эту ночь впервые и ночевать остался в мазанке. Чутко дремал на полу, у ножки кровати, едва не высунув свой нос с облысевшими подглазьями в пропиленную в двери отдушину.

С того вечера серии «мультиков» в Ивановой голове, видимо, иссякли.

А к Новому году он приехал в нейрохирургию и пода-рил своему доктору бутылку дорогого коньяка.

Евгений АЛЮТИН

д. Жуковка, Нижегородская область

НЮРКА И КОТ

Лет тому пять будет, как стали мы в конце августа ло-вить рыбу хищную, в малых лесных речках. Место выби-рали долго и приладились к одному. Уж больно удобно здесь было. Три малых речки, озёра старые, что поросли рогозом и камышом. И главное, малолюдно. Оглашается небо криками журавлей, иволга одна с другой тревожно общаются. Нет уже столько мух и слепней, да и кома-ра стало мало. Красота! Одно только может помешать, это частые дожди. Всё смотришь, не с запада ли облака? А солнышко не в тучу ли садится? Костерок, бывало, ра-зожжёшь, а дым в разные стороны мечется – значит, беда! Даже ивы вдоль реки, когда дождя ждут, шумят.

Ночевали мы в деревне, и каждое утро начиналось с завидным постоянством. Нам не нужен был будильник – никак не проспишь. За два дома от нашего временного жилья обитала Нюрка, по прозвищу деревенскому Лыска. Поначалу прозвище было Ласка, по схожести её характера со скоростью и ловкостью зверька ласки. Потом Нюрка переболела да облысела. Вот прозвище и стало сборным – Лыска.

Звонкий до истошного голос, сыпавшиеся скороговоркой проклятия принадлежали женщине без возраста. С са-мого раннего утра и в одно и то же время. Ей можно было дать от шестидесяти лет до бесконечности.

Когда-то немыслимо яркий платок и точно такие же носки на ногах, обутых в старые калоши, давно утеряли свой

цвет. Вряд ли они помнили время, когда их стирали. Образ довершали кофта и юбка серо-мышиного цвета и удивительно грязный, со рваным огромным карманом передник.

Живший недалече сосед, Михеич, застрелился с одино-чества. Так что жила она, не считая нас приезжих, одна, как нам по началу казалось.

Содержала Нюрка много скотины. Тут и корова с телёнком, овцы, подсвинок и куры с утками. Всё движимое и недвижимое имущество своё, соседей, погоду, да всё, начинала Нюрка оскорблять и материть с раннего утра. Хаотические движения её по деревне предсказать было невозможно.

Так вот, прибился, да прижился к её дому рыжий котище. Ласки он никогда не видывал. Был ворюга страшный, чай голод не тётка. Мудр и опытен. Обгрызенные и частично отсутствующие уши, мордочка в бесчисленных шра-мах, удивительная ловкость, худоба и смекалка говорили о его героической, полной приключений жизни. Раз увидел его в трёх километрах от родной деревни, на лесной тропе к дому лесника. Только любовные дела могли заставить проделать столь долгий путь местного Дон Жуана. Как-то раз он вернул Нюрке пенсию, мы были свидетелями этого забавного случая. Кошелёк, расшитый блестящим бисе-ром, Нюрка оставила на столе, в палисаде. Его подхватила сорока и улетела с ним на ближайшую высокую берёзу, и всё на глазах несчастной пенсионерки. Мы прибежали на её отчаянные вопли, мат с призывами к совести и метание чего ни попадя в сторону воровки. И вдруг – котяра, а он тут хозяин деревьев, что сорока? Кур гоняет, коли какая ся-дет на ветку. Стремглав бросился наверх, на сорочье тре-щание. Неизвестно, что там происходило, не было видно, но кошелёк брякнулся на землю.

А случай с козой! Пропала коза, не было трое суток. Нюрка уже на нас с недоверием смотрит. Кричит: «При-говорили, окаянные, к шашлыку! Растуды коромыслом в бок!» Опять котяра, Рыжий, выручил. Коза провалилась в погреб заброшенный да молчала там с перепугу, а кот, привыкший к козьему молоку, сам с рёвом мартовским привёл Нюрку к тому месту.

Собаки кота не трогали, лишь недовольно ворчали. Птицы замолкали и, усевшись на самые высокие ветви, повыше, следили за ним. Он проникал во все дома. Ниче-го не могло его остановить. Закрытые двери, крышки ка-стрюль, возможные побои не являлись помехой. Ходил он и на речку около деревни. И там весьма удачно, усевшись на толстую ветвь вербы над водой, ловил мальков. Воду не любил, но и не боялся.

Ловил я, с раннего утра, окуней. Рыжий долго наблю-дал. Потом осмелел, уселся у ног. С жадностью облизы-вался. Нет, он не просил. Он требовал, как хозяин.

Тут показалась Нюрка с двумя пустыми вёдрами, ого-род поливала. Вместо здравствуйте, сказала: «Чай и рыба – те дрянь». Я подтверждая, покивал головой, загораживая Рыжего.

Тот, довольно урча, поедал уже второго окуня. Уди-вительно, но Рыжий, демонстрируя ей свою верность, скрылся вместе с Нюркой, пренебрёг дальнейшим уловом.

Клёв был хороший, надобно бы заметить это место. Э, да что его замечать – как раз напротив куст шиповника, головки у плодов яркие, как платок, что был когда-то но-вым на Нюрке, а полезешь, ужалит колючками, так же, как Нюрка, любя, не в сердцах, от души, ласкаючи.

Поставлю ка я ещё рядом с кустом вот эту корягу, изо-гнутую, как кошачья спина, да длинную, как бы переходя-щую в хвост кошачий, а то как же Нюрка без хозяина!

Михаил ЧИЖОВ

СОСЕДКА

Отрывок из повести «В знакомых улицах»

Маленькую, худенькую, соседскую девочку звали Алла. Она была моей ровесницей, но так хрупка и ненадежна была её стать, что мне казалось – ей требуется защита от сурового мира, в котором она появилась и жила.

Наши участки стыковались лишь в одном месте. Грани-ца не более четырех метров, разделенная забором, увитым настоящим хмелем. Его резные, крупные, ярко-зеленые листья и огромные шишки так плотно разделяли нас, что для того, чтобы увидеть происходящее в соседском саду, надо было изрядно постараться.

Тихонько раздвинув ветви и шершавые листья хмеля, я надолго застывал как истукан в своем укрытии, ловя мельчайшие нюансы чужого, незнакомого быта, столь не-похожего на мой. Валерка в это время был в школе. Вот пожилая женщина выносит стульчики, столик, игрушки: красивые, говорящие куклы в белых одеждах, плюше-вые мишки и собачки, детские зонтики и качалки. Много всего, что требуется для удовлетворения плаксивых по-требностей единственного чада. Потом выходила и сама виновница всех этих многочисленных хлопот и приготов-лений. Она походила обликом на свою любимую куклу, только большего размера. То же белое кружевное с рюша-ми и оборками платье, те же плотно заплетенные косички и белые туфельки.

– Мама, – спрашивал я после очередного сеанса, – поче-му у той вон соседской девчонки, что живет за хмелевым забором, такая старая мать?

– То не мать, а служанка, – поясняла мне мама, – они живут богато.

– А мы бедно?

Мама как-то терялась от этого прямого вопроса, но по-том находилась и отвечала:

– Достойно живем, – давая понять, что далее распро-страняться на эту тему она не намерена.

Девчонка эта волновала меня своей недоступностью, эфирностью своего божественного присутствия за убо-гим забором из досок, полных болезненных и острых, как иглы, заноз. Подобно одной из таких заноз, она влезла в моё воображение. Девчоночья жизнь нам с братом была неведома и потому привлекательна в своей загадочности. Ведь старшие сестры уже были взрослыми девушками, собирающимися замуж.

Когда ветерок дул в мою сторону, я улавливал запа-хи, похожие на те, что можно было унюхать в сестриных склянках, стоящих на буфете.

«Аллочка, Аллочка», – слышались стенания служан-ки, ответов на которые порой вовсе не было. Маленькая тиранша, властным голоском руководившая действиями подчиненной ей воспитательницы, хорошо знала свои права и возможности и не всегда считала нужным отве-чать на её обращения.

«Во дает, – восхищенно, но и с тревогой думал я, – сей-час получит затрещину за то, что молчит». Сам я никогда не получал от мамы подзатыльников, не потому, что она была противницей силовых методов воспитания, просто не заставлял её ждать.

Принципы социального неравенства мне тогда были неведомы. Достигали моих ушей некие неясные слова, подобные шуршанию окской волны, набегающей на пес-чаный берег, что семья дяди Вани живет богаче нас, пото-му что он директор магазина, но и только. Сам дядя Ваня настолько простецки вел себя, что никакого напряжения в наших отношениях я не замечал.

Мне тяжело давалось это терпеливое разглядывание прекрасной незнакомки. Хотелось отломать доску, пролезть в образовавшуюся дыру и встать рядом с нею. И не просто встать, а играть и говорить с нею, трогать её куклы, баюкать их, как делала она, качать кукольную коляску, да мало ли чего может придумать детское воображение. Пригласить на окский пляж, в конце концов, хотя….

Я посмотрел на свои изношенные ботинки, на двухцветный, в белую и зеленую полосы, обтягивающий хлопчатобумажный комбинезон, как две капли воды похожий на те, в которых в двадцатые годы мужчины нежились на пляжах. Да, когда-то он был нов, но ныне потерт и изношен до пределов. Нет, не пустят её со мной. Если только с нянькой, да и то для контраста, чтобы плестись за ней, как шнурки ботинок. Отмахнувшись от назойливой мысли как от мухи, я продолжал наблюдать.

Как плавны и величественны движения её рук, гибко изящное тельце этой шестилетней девочки-дамочки. Я не-вольно сравнивал себя с ней и не находил ничего общего, будто она есть создание небесное, запредельное, недо-ступное моим чувствам и тогдашним знаниям.

Что знал я в ту пору? Народные сказки, что рассказывала нам с Валеркой мама перед грядущим сном, креп-ким, провальным и сладким. Таким он был то ли после сказок, то ли после неуемной беготни по крутым оврагам и купания в Оке, то ли игр в Чапая. Иногда приходилось сидеть дома и дожидаться брата, учившего стихи к уро-кам литературы: «Вечор, ты помнишь, вьюга злилась, на мутном небе мгла носилась, луна, как бледное пятно…», «Унылая пора! Очей очарование! Приятна мне твоя про-щальная краса…», «Попрыгунья стрекоза лето красное пропела, оглянуться не успела, как зима катит в глаза…» Знал я, чем и когда кормят корову и какой у неё шершавый, словно отцово точило, язык, которым она слизывала хлебные крошки с крупинками соли с моей ладони. Видел и слышал, как при дойке звонко бьют по металлическому подойнику струи белого молока, как снежными змейками стекают они по светло-серым стенкам ведра, постепенно наполняя его. Дзинь-дзинь-дзинь. А когда появится слой

молока, то очередная струя, пронзая его, образует пузырь-ки воздуха, и они раз за разом, вылетая, вспенивают по-верхность. Кажется, что молоко кипит на горячем огне.

Вкус его я знаю с самых что ни на есть младенческих лет. Не придумать, сколько ни бейся, лучшего ему назва-ния, как «парное». Вот эту пену, что образуется в ведре при дойке, крестьяне и считали паром, нежным и одновре-менно обжигающим. Им, а не каким-нибудь лингвистам, мы обязаны столь поэтическому названию. Парное… Оно еще сохраняет тепло коровы, тепло восходящих пузырь-ков воздуха и тепло рук доярки. Парное… Щекочущее нос газировкой, терпко-острое, пахнущее травами, как лечеб-ный отвар.

Наверное, я мог рассказать той девчонке, которую при желании можно было видеть за старым забором, как пах-нет парное молоко, как оно, воздушное, оставляет сле-ды на губах, облизывая которые, ты долго помнишь о его обжигающей нежности. Но шестым чувством, пусть детским и потому, наверное, самым верным, я понимал, что она не сможет оценить мой рассказ, что она сморщит презрительно пухлые губки и скажет: «Фи».

Осознание этого не позволяло мне при долгом отсутст-вии служанки решительно раздвинуть ветви хмеля и таин-ственным шепотом позвать: «Алла!» Чтобы насладиться её испугом, тем видением, когда она будет в тревоге вра-щать головой в поисках неизвестного мальчика, чей голос так непреклонен, а потом подбежит ко мне и спросит, за-мирая от прекрасной неизвестности: «Ты кто?»

Как бы слеп и наивен я ни был, но знал, что выйдет совсем по-другому: она заорет благим матом, на который прибежит, тяжело дыша, служанка, а я с внутренней дро-жью в сердце уберу руки, и ветки хмеля сомкнутся передо мной раз и навсегда.

Зеленый веселый сад тихо шумел под синими бездон-ными небесами, и манящие спелые вишни на низко опу-щенных ветвях касались теплой, сухой, как порох, земли. Я садился прямо на землю и, ловя тонкие ветки, схватывал с них ртом черные плоды. Совсем рядом раздавались голо-са девочки и её няни. Они были близко, метрах в двадцати,

но густая зелень и глухой забор надежно разделяли нас. Так надежно, будто у каждого была своя крепость, свой мир, границы которого прочны и непереходимы.

Период «охоты» за девочкой, которую Валерка пренебрежительно звал «Алка-сикалка», довольно скоро завершился. Неожиданный случай отодвинул её образ на задний план.

Как-то мама в холодном, ветреном мае, о котором она говорила: «Май, хоть шубу надевай», истопила печь, выдвинула ухватом на шесток пару чугунов и закрыла чело заслонкой. Каким ветром занесло молодого воробья через открытую форточку на шесток, неизвестно. Скорее всего, сквозняком, идущим через печь. Несчастный воробей сел на край огненного чугуна и… свалился в кипяток.

Мама выловила его половником и позвала нас. На столе лежало тщедушное, мокрое, вытянувшееся птичье тельце. Я тут же заплакал, более старший Валерка лишь угрюмо сопел, не отрывая глаз от тощего останца.

– Мама, что с ним делать?

– Похороните его под вишней.

– Как?

– По православному обряду.

Что-то мы уже знали, что-то выспросили у мамы, но мы очень старались, чтобы всё было по правилам. Сделали из дранки гробик и крест, попросили у мамы ненужные обрезки белой материи, выложили ей гробик, в остатки завернули покойного воробья. Ножичками выкопали мо-гилку у ствола вишни и опустили в неё гробик. Валерка пытался на губах сыграть какой-то реквием. Я плакал. Во-друзили крест из дранки. Сделали холмик и украсили его цветущей веткой.

При виде белого креста и холмика я опять заплакал.

– Будет тебе, – сердито толкнул меня Валерка, тоже хлюпая носом.

Я смотрел на заботливо снующих в разные стороны ис-полнительных муравьев, на длинных коричневых червяков, на огромного, пушистого шмеля, сердито седлающего только что вылезшую травинку, и слезы сами собой бежа-ли из глаз.

«Сожрут его червяки да муравьи растащат по мелким кусочкам, – думалось мне и от того становилось горько. – Что есть воробьиная жизнь? Летать бы ему, кувыркаться в свежем, чистом воздухе полному радости, здоровья, сил, а он… Момент, и его не стало. И теперь не скажет он: “Чив, чив, чив”, что для него значит: “Жив, жив, жив”».

Когда мы вернулись из сада, мама попросила нас при-жать руки к печи.

– Да мы не замерзли, – заупрямился Валерка.

– Ладно ты, – согласился я на предложение мамы, – жалко что ли, – и прижал руки к ещё горячей печи.

Постоял и спросил:

– Мама, душа воробья попадет в рай?

– Конечно, ведь он безгрешен.

– Но он клюет спелые вишни! Вред приносит.

– Нет, – возразила мама, – убирать надо вовремя урожай.

– Мы тоже умрем? – не задумываясь, спросил я.

– Все, сынок, умирают, – грустно, но стараясь не быть озабоченной, ответила мама.

Что-то показалось мне странным в её голосе, я подошел к ней и уткнулся в колени.

– Ничего, ничего, идите руки мойте, – приказала она. За соседской девочкой со дня смерти воробья подсма-

тривать почему-то расхотелось.

Осенью я в очередной раз пришел на могилку воробья. Дранка, из которой был сделан крест, почернела от дождей, и я чуть не наступил на него, так всё кругом было завалено палым листом.

Прижимать же руки к печи после кладбища – это такой русский оберег, предохраняющий от нового покойника в доме. На самом деле в доме на Гребешке никто больше не умирал. Дом через пять лет разобрали.

Зимой погибла и соседская девочка Аллочка. Страшно, нелепо, жестоко. Нет, нет, никаких маньяков тогда и в по-мине не было.

В ту зиму намело несказанно много снега, занесшего все заборы по самый верх. Они как бы перестали существовать. Мы не упускали шанса и мотались по соседским владениям, перепрыгивая, как скаковые лошадки, через высокие

заборы, вдруг ставшие легкими препятствиями. Наверное, она жадно смотрела в окно на нас, бойких мальчишек, смело и ловко сигающих через ограды. Просила няню, чтобы её выпустили гулять и также поскакать.

С кем и когда она гуляла в тот роковой для себя день, я не знаю. Может, просто убежала от зазевавшейся няни по тропке, натоптанной нашими валенками, но перелезала она через забор неловко и неумело. Проскользнула ли её поспешно поставленная ножка или сугроб за забором был не слишком плотен, да только зацепилась она меховым воротником шубки за острый верх доски, а ноги ушли вперед, не найдя опоры. Вшивали тогда выше пуговиц железные крючки на пальто и шубы, чтоб теплее, значит, было. Вот на этом крючке девочка и задохнулась.

Я горько плакал на похоронах. Валерка толкал меня в бок.

– Будь сильным, не раскисай.

Лирический портрет

Марина КУЛАКОВА

ТЮТЧЕВСКИЙ ОВСТУГ

Цикл стихов, обращенный к юным странникам, написан во время экспедиции молодёжного объединения «Светлояр русской словесности» в Брянск/Овстуг в августе 2016 года

1

Путешественник,

странник,

что ж ты зрением всё застишь?

Ты – услышь!

Вот – Овстуг.

А недалеко – Вщиж.

Овстуг посреди пастбищ, –

Стойбище.

Космос пасёт здесь красоту,

высоту, тишь.

Ты распахни глаза, слух отвори настежь:

И стяжай красоту.

Перед тобой Овстуг,

Недалеко – Вщиж.

2

Соня, Аня и Рома,

И ты, Деметрий,

Ощущаете ль вы

в очертаниях дома,
в геометрии тропок,
в шуме листвы-травы
аполлонийские метры,
дионисийские метры, переходящие
в русскую просодию, и у склона, у
памятника не только Тютчева
присутствие, –

присутствие Аполлона, кормящего лебедей?
В Тютчеве – жреческое, греческое что-то... ?

В архитектуре дома, в архитектонике головы… – ?
Четвёртый год не могу отделаться от этого
ощущения, А вы?

3

…Таинственный Овстуг,

загадочный Вщиж.

Поднявшийся остров,

о чём ты молчишь?

Земного пригляда черты и следы,

И запах звенящей подземной воды,

И тотчас, и тут же

от камня и мхов

Бегущие тени дремучих стихов,

И тени высоких и стройных людей,

И близость детей,

и гусей-лебедей.

Родник остужает. Нежит теплынь.

Но – царственный парк окружает
полынь…

И тут же – намолен спасительный храм –

Словесник Гамолин, – по вашим словам,

По силе сердечной, по вере – дано.

Воздвигнуто,

явлено, водружено.

И тотчас, и тут же – гляди веселей! –

Тенистую бездну молчащих аллей,

Покой опустевшей усадьбы

Взрывают –

звенящие свадьбы!

4

Свадьбы! – снова начало, снова –

опять, опять –

Встречаться и целоваться, обнять и кричать! Зачать.

Мир весь – Овстуг. Объятье.

Ово.

Ови́н.

Он – полон слова.

Полон былин, новин.

Овстуг – стан Овна.

Он – агнц в яйце.

Он дышит ровно в своём сокрытом лице.

Весь мир – Овстуг,

Он – подступ. миг, когда Овен – спящ.

Он предстоящ, предлежащ.

Поджаты его колени. Он пробует солнце ртом.

Он – тайна самопродленья.

И всё, что будет

потом.

5

…А только грянет гроза в начале мая –

Тут же

Тютчев! –

среди туч –

вспоминаем!

Словно сам он – весенний гром,

молния словно, –

Тут же

хлынет на нас с небес –

радостно, – поголовно!

– Люблю грозу! в начале!..

Его слово.

Люблю, люблю, люблю! –

Всему основа.

Я встретил вас. Я встретил – вас!

Стрела щемяща.

Летит, стремит – в который раз! –

в былом, и в будущем летит,

и в настоящем…

Умом Россию… Да, и что ж.

Мысль изреченная есть ложь.

Природа – сфинкс. В ней есть…

Душа,

Чернобыль, Светлояр

и безрассудство,

Провалы, гейзеры, ЕГЭ,

футбол, искусство.

Россия. Много дивных див

В корнях дубов, под сенью ив.

Она – страна-императив.

Нельзя не верить, ощутив.

Повсюду Китеж. Овстуг-стан.

И всеохватный океан –

Шестого чувства.

Сергей НОСОВ

Санкт-Петербург

КАК БУДТО Я ТЕБЯ ОБНЯЛ СЛОВАМИ...

* * *

Когда все хочешь
что-нибудь увидеть
и узнать
мир кажется
большим музеем счастья
где все так интересно
за стеклом
а если выйдешь в мир
без всякой цели
то непонятно
что и делать в нем
быть может
собирать грибы в лесу
а может в озере
купаться теплым утром
на солнце спать
в траве высокой
на лугу
и ничего при этом
не узнать
и ничему совсем
не удивиться
и жить легко
как листья на деревьях
и бабочки среди цветов
живут.

* * *

Как бы выйти
из жизни
но в ней в то же время
остаться
словно просто
глядеть из окна
что же в ней происходит
кто куда побежал
и пошел
и кто кем притворился
но при этом
не быть среди них
самому
и тогда получается
ты – наблюдатель
и ты должен быть
в мире
чтоб мир состоялся
и никто не сумел бы сказать
что он лишь показался

во сне.

* * *

Это скучно
светить фонарем по подъездам
и простуженным ветром
летать по проспекту
или тучей тяжелой свисать
с невысокого неба
и грозиться упасть
всем на головы
новым дождем
лучше быть
на счастливом диване
своим человеком
вспоминая

картинки из прожитой жизни

и на вешалку вешать всегда перед сном свою душу
чтоб не мялась

и смирно висела в шкафу.

* * *

Я хотел бы иметь то что я не имею и хотел бы
желать то что я не желаю и хотел бы идти в те места
куда я не иду и быть тем кем я не был еще и не буду
уже никогда я хотел бы все сразу вообще

но и в частностях тоже чтобы рвать все на свете цветы и
вот этот красивый цветок не забыть чтобы видеть все те
облака

что по небу куда-то плывут но и плыть на одном из них

в это же самое время я хотел бы и быть и не быть
умереть и родиться в одну ту секунду что уже
незаметно прошла.

* * *

На страшном расстоянии
от той души
что у меня
была когда-то
звездою голубой
вдруг родилась другая
новая душа
счастливая
чудесно молодая
моложе солнца и луны
моложе дня и ночи
моложе маленьких детей
в колясках
и кажется
моложе всех цветов
на свете

которые сегодня расцвели.

* * *

Нельзя разделить
без остатка
жизнь и смерть
на две равные части
он останется
этот остаток
загадочным облаком
в небе над миром
и его никому
не измерить
линейкой огромной
не поймать
в самый лучший сачок
не развеять и бурей свирепой
ведь он был нарисован
задумчивым богом

как белое облако

на ткани
того первозданного неба
что сияло
над нашей землей
когда бог

создавал этот мир.

* * *

Так мало смысла
кажется в словах
ну сказаны
они ведь
не из камня
не застывают
каплями росы
не улетают
в небо
словно птицы
не падают
сосульками с трубы
в песок
не превращаются
и в пламя
а все-таки
так дороги тебе
как будто я
тебя обнял словами.

Роман ПОПЛАВСКИЙ

Тюмень

А Я ПОДДАКИВАТЬ УСТАЛ...

* * *

Срослись берёза с елью
и ветками сплелись.
Посмотришь: в самом деле,
вот – хвоя, рядом – лист.

Не изменил ли где-то
вращенья шар земной? –
с иголочки одета
берёза и зимой,
а ёлка, лишь нагрянет
осенний перелом,
берёт взаймы багрянец
и щеголяет в нём.

* * *

Как в кущу, трепетно на кухню
ступай и кипятку внемли.
Молись картофельному клубню
из неизведанной земли
и завершённости отлитой

нестройных форм, и одному

ему танцуй от мойки к плитке,

греми тарелками ему!

Скользни, ножом вооружённый,

по коже вдоль и поперёк

и наблюдай заворожённо,

как веселится кипяток

и устремляются к вышинам

со дна десятки пузырей.

Когда почувствуешь: свершилось! –

сними с огня и воду слей.

Затем над пышущей посудой

склонись и голову покрой –

вдыхай горячий дух, покуда

не возвратится голос твой!

* * *

Я – неуклюжий табурет из ДСП.

Я не силён в па-де-буре и прочих па.

На четырёх своих кривых с
давнишних пор из-под стола
смотреть привык я на
танцпол, где во всеобщей
суете, среди ножищ,

как кресло офисное, ты
кружишь, кружишь…

Я встать стараюсь, как в
кино, наискосок:

выпячиваю грудь смешно,
тяну носок и жду, что ты
подкатишь, и –

по дереву стучу –
колёсиком моей ноги
коснёшься чуть.

Железнодорожное

1

За стенкой гам и тарарам –
то тут, то там, то тут, то там, –
на боковушке с утречка
играет пара в дурачка,
подобно оползню в горах,
несётся с верхней полки храп.
Напротив тараторка мне
твердит о кризисе в стране,
о том, как горек честный труд,
когда повсюду вор и плут –
то там, то тут, то там, то тут.
А я поддакивать устал,
читать устал и спать устал –
то тут, то там, то тут, то там, –
совсем не голоден, хотя
пакетиками шелестят
и, словно пьяные, идут –
то там, то тут, то там, то тут, –
кто в обуви, кто босиком,
паломники за кипятком.
И тараторка, замолчав,
встаёт себе готовить чай,
и во внезапной тишине
я вижу сам себя в окне,
как будто нитями судьбы
соединённые столбы,
и так хочу по проводам
разрядом добежать туда,
где теплится в окне уют –
не тут, а там! не тут, а там! –
но тараторка тут как тут –
то там, то тут, то там, то тут,
то там, то тут, то там, то тут.

2

Уже умерил свой напор,
уже едва крадётся поезд.
В лиловых сумерках по пояс
гостеприимное депо.

Прямолинеен, строг и прост,
слегка фонарным светом тронут –
ступени к каждому перрону
спускает пешеходный мост.

От безысходности неон,
цветистых надписей заложник,
мигает и следит тревожно,
как самый первый – мой вагон –
едва не миновав вокзал,
встаёт.
Спускаюсь.

Вдоль вагонов
плетусь к мосту недоумённо
и заспанные тру глаза,
завидев, словно в мираже,
ступени в облачные кущи
и силуэты душ, идущих

на небеса на ПМЖ.

* * *

Видит город на Неве сон,
что прозрачен он, невесом –
сбросил каменных громад груз,
воспарил и – об заклад бьюсь! –
всех оставил нас не у дел
мерить взглядом синеву, где
огнегривых львов литой прайд
охраняет золотой град.

* * *

...И не уснёшь, и не заглушишь долго-
играющий – уже невмоготу! –
треск, будто патефонная иголка
царапает подкорки черноту,
привычно по проторенной бороздке
кружить обречена. Но вот – бросок! –
срывается внезапно, по-боксёрски,
и нестерпимым скрипом бьёт в висок.

Поднимешься, побродишь по квартире,
шаги считая, как баранов: раз,
два, три, четы... четыреста четыре,
четыреста – собьёшься! Не горазд
начать сначала или способ вспомнить
иной, к полуоткрытому окну
присядешь – патефон неугомонен –
и будешь выть тихонько на луну
и смаковать ночного неба смокву,
и наблюдать в разломе кожуры
рождение рассвета, до поры
не замечая, что иголка смолкла.

Из свежей прозы

Бахытжан КАНАПЬЯНОВ

Алма-Ата

ЖАЛГЫЗ АГАШ

После перевала дорога расширялась и не петляла, а пря-мой серой лентой тянулась к долине. Вот уже много веков она верно служила людям. Конь, устав в высоких травах предгорья, выходил на нее и отдыхал, и копыта, влажные от росы, мерно отстукивали степную мелодию – цок, цок, цок... Затерявшийся путник, найдя дорогу, не сворачивал в сторону, а шел прямо, зная, что она приведет к человече-скому жилью. О возрасте этой дороги напоминали встре-чающиеся иногда каменные изваяния – балбалы – да древ-ние мазары, пережившие не одну легенду о себе.

Из ущелья подул сквозной холодный ветер. Старый чабан оглянулся. Отара уже разбрелась поперек дороги и мерной волной катила в сторону зимних кошар. Старик опустил поводья, и конь, почувствовав свободу, изредка вздрагивая и чуть наклонив голову, сбавил шаг. Пес Акда-ул, резвясь, забегал вперед и затем, пропуская овец, поджи-дал молчаливого хозяина. Вечер опустил черные крылья на холмы. Свет заходящего солнца слегка окрасил хребты гор, которые вторгались в пространство закатного неба. Пахло осенью. Земля после щедрого жаркого лета неза-метно погружалась в сон. В порыжелой траве еще взлета-ли одинокие стайки птиц. В нескольких шагах от дороги

шумела горная речка, но шум ее был менее беспокойным, не так неистов, как в горах, где она порождала эхо в глубинах ущелья. Вдали показался Жалгыз Агаш*. Старик свернул отару к речке, чтобы дать ей отдохнуть после утомительного горного перегона, и серая лавина овец, поднимая пыль, устремилась к прохладной воде. Чабан отвел коня к речке, а сам прилег у подножья дерева, чувствуя под собой слегка выступающие из земли корни. Береза взглянула на старика множеством ветвей, как бы вопрошая: «Что, старый Дос, устал?.. Опять гонишь отару на зимовку. Вижу, нагуляли твои овцы вес. Это хорошо. Значит, быть достатку. Что же ты молчишь? Ведь с последней встречи прошло много времени. Тогда, по весне, ты был весел. Да и вся земля радовалась пробуждению. И корни мои впитали свежие силы, и ветви мои налились соком, и крона моя была полна весеннего гула. И чуяла я корнями, как сейчас, тяжесть твоей спины. Что же ты молчишь, старый Дос?.. Расскажи, как живут мои сестры и братья там, в горах. Ведь ты же человек, Дос. Ты можешь удаляться и приближаться ко мне, знать, что делается на белом свете. Расскажи, жива ли мать моя, чей стройный ствол я никогда не видела и чье семя давным-давно занесло ветром сюда, в долину, где, куда ни взглянешь, – не видать моих собратьев, лишь сквозь синюю дымку в полдень я вижу их смутные очертания на вершинах родных гор да чую корнями, как пьют они ледниковую воду. Река об этом мне шепчет ночами. Так почему же молчишь, старый Дос? Ведь ты же человек. Тебе дано счастье двигаться, а я пригвождена ураганом к долине. Мне никогда не подняться в горы. Скажи, ты поведал им о моей судьбе? Не молчи. Шум листьев не заглушит твои слова, ибо их почти не осталось в моих ветвях...»

Старик молча гладил ладонью шершавую кору ствола, будто бы зная, о чем шумит, качая ветвями, эта старая береза, о чем скрипит ее ствол. Казалось, что он сейчас ответит ей: «Там, на высоте перевала, где шум реки заглушает шелест листьев, там, склонившись над ущельем, стоит твоя мать. Она и не знает о твоем существовании.

Так почему ты скорбишь, береза? Ты родилась здесь. Нам, людям, ты тем и дорога, что одинока и единственная на всю долину. Да, много их там, наверху, целые горные леса, но нет в них отдельного лика, есть лишь облик, название которому – деревья. А ты родилась здесь, и эта долина – твоя родина...»

Но молчал старый чабан Дос. Небо уже почернело, и лохматые звезды рассыпались по нему. Дыхание овец сли-лось с той неповторимой тишиной, какая бывает в степи лишь в темные осенние ночи. Молчал старый человек. И склоняла над ним тонкие ветви береза. Дос почувство-вал озноб в пояснице. Это ночной холодок выходил на по-верхность земли. Боясь ломоты в костях, чабан встал и, крикнув Акдаула, начал поднимать отару.

Береза, провожая чабана, устало вздохнула редкими ли-стьями. Для нее это была последняя встреча с живыми су-ществами в этом году. Теперь будет долгий сон до самого марта, и ни одна живая душа не забредет сюда, разве что случайный сайгачонок, отстав от стада, ковыляя, подойдет к спящему дереву и начнет лизать жарким языком обледе-нелую кору. Снежное безмолвие долины оглушит березу, и лишь в корнях будет теплиться надежда – увидеть весну.

Заметив на горизонте мерцающие огни аула, Дос обра-довался, и обветренные уста чабана затянули песню. Гор-танная песня парила над степью, и к ней прислушивались звезды. И среди этих осенних звезд ярче всех горела Сум-буле – путеводная звезда чабанов.

* Одинокое дерево.

БАХЧИСАРАЙ

«Бахчисарай, Бахчисарай», – пел старик, ухаживая за цветами своего палисадника. Ему было за шестьдесят, двадцать лет из которых он прожил со своей старушкой на чужбине и здесь, на севере Казахстана. Из рассказов соседки, словоохотливой спекулянтки Айши, многие жи-тели нашего края знали, что их выслали из Крыма сначала в Ташкент, а затем с середины пятидесятых им разрешили поселиться в этом целинном городе. Соседка Айша утвер-ждала, что старика Кемаля душит бронхиальная астма, и потому ему нельзя было жить в Ташкенте, особенно в тот период, когда по весне над городом плывет нескончаемый тополиный пух.

Они жили тихо и особо не общались с соседями. Их небольшой домик, купленный в рассрочку у отъезжающей чеченской семьи, за два-три года преобразился, постепен-но превращаясь в домик-сад. Фруктовые деревья, которые были в диковинку для наших соседей, вдруг почему-то принялись у старика. А цветы? Ими усеян был каждый пустующий клочок земли возле их дома.

«Бахчисарай, Бахчисарай», – напевал старик, прививая деревца или окучивая клумбу. Белолицая старушка Ани подпевала ему и иногда выносила нам, играющим непо-далеку мальчишкам, сушеный урюк, изюм и яблоки. Эти гостинцы довольно часто присылали им из Ташкента.

«Бахчисарай, Бахчисарай», – напевал старик, подрезая ветви, тронутые морозцем, а в глазах стыла потусторонняя тоска, и ее не могли растопить ни весенний цвет яблонь,

ни бутоны первых цветов в палисаднике, ни воспомина-ния о той, еще довоенной жизни в Крыму.

Не знаю, почему, но старик в своих садоводческих опытах иногда привлекал меня, ученика пятого класса. Быть может, потому что я был сыном учителей, и отец, идя вечером из школы, где он работал директором, часто останавливался возле старика, который колдовал на своем участке.

Мне трудно было понять, о чем они вели свою бесе-ду, но старик, улыбаясь, называл отца «Муаллим», отец что-то ему отвечал то ли по-татарски, то ли по-арабски, иногда вперемешку с казахско-татарской речью звучали слова «Каир», «Алушта», «Ак-Мечеть», и эта беседа всег-да заканчивалась песенной фразой старика: «Бахчисарай, Бахчисарай!»

На мой вопрос: «Что означает Бахчисарай?» – отец от-вечал, что это город в Крыму, в котором находится дворец бывших крымских ханов и эмиров, а слово «Бахчисарай» дословно переводится, как «Дворец-сад». Отец недавно съездил отдохнуть по путевке в Алушту и был полон впе-чатлений и рассказов об этой сказочной стране под назва-нием «Крым».

Он и прочел мне легенду о том, как возник Бахчисарай. Книжка, которая называлась «Легенды Крыма», была ста-рая, потрепанная, но я внимательно слушал мягкую речь отца.

Однажды сын хана Менгли-Гирея поехал на охоту. Он спустился из крепости в долину. Сразу же за крепостны-ми стенами начинались дремучие леса, полные дичи. Для охоты выдался удачный день, гончими борзыми затравили много лисиц, зайцев и даже трех диких козлов.

Захотелось ханскому сыну побыть одному. Отправил он слуг с добычей в крепость, сам забрался в чащу, спрыгнул с коня и присел на пне у реки Чурук-Су. Верхушки деревь-ев, позолоченные заходящим солнцем, отражались в воде. Только шум реки, бежавшей по камням, нарушал тишину.

Вдруг на противоположном берегу послышался шо-рох. Из прибрежного кустарника быстро выползла змея. Ее преследовала другая. Завязалась смертельная схватка.

Обвив одна другую, змеи острыми зубами рвали друг у друга куски тела. Долго длилась схватка. Одна змея, вся искусанная, обессиленная, перестала сопротивляться и безжизненно опустила голову.

А из чащи по густой траве спешила к месту боя третья змея. Она накинулась на победительницу – и началось но-вое кровавое побоище.

Кольца змеиных тел замелькали в траве, освещаемые солнцем. Невозможно было уследить, где одна змея, где другая. В азарте борьбы змеи отползли от берега и скры-лись за стеной кустарника. Оттуда доносились злобное шипение и треск веток.

Сын хана не спускал глаз с побежденной змеи. Он ду-мал о своем отце, о своем роде, о своем народе. Они сейчас подобны этой полумертвой змее. Вот такие же искусанные убежали в крепость, сидят в ней, дрожат за жизнь. Где-то идет битва, а кто кого в ней одолеет: золотоордынцы – ту-рок или турки – золотоордынцев? А ему и отцу его, Менг-ли-Гирею, уже не подняться, как этой змее...

Прошло некоторое время. Молодой хан заметил, что змея шевелится, силится поднять голову. С трудом ей это удалось, медленно она поползла к воде. Напрягши послед-ние силы, приблизилась к реке и погрузилась в нее.

Глазам своим не поверил хан: мгновение спустя змея стала оживать, извиваться все быстрее и быстрее. Когда она выползла на берег, на ней даже следов от ран не оста-лось. Затем змея снова окунулась в воду, быстро переплы-ла реку и невдалеке от изумленного человека скрылась в кустах.

Возликовал сын Менгли-Гирея, это счастливый знак!

Им суждено подняться! Они еще живут, как эта змея...

Он вскочил на коня и помчался в крепость. Рассказал отцу о том, что видел у реки.

Они стали ждать известий с поля битвы. И пришла дол-гожданная весть: Оттоманская Порта одолела ордынского хана Ахмеда, который когда-то истребил всех воинов Ги-рея, а его самого загнал в крепость на крутой скале.

На том месте, где схватились в смертельной битве две змеи, хан велел построить дворец. Около дворца посели-

лись его приближенные. Так возник Бахчисарай. Двух пе-ревившихся в схватке змей хан велел высечь на дворцовом гербе. Надо было бы трех: двух в борьбе, а третью – полумертвую. Но третью не стали высекать: мудрым был хан Менгли-Гирей...

– Бахчисарай, Бахчисарай! – продолжал напевать ста-рик, копаясь в своем небольшом саду.

– А я знаю легенду о Бахчисарае! – пробормотал я, про-ходя мимо его дома.

Старик медленно повернулся на мой голос: в его го-лубых глазах застыл и ужас того, что поневоле он выдал только ему известный секрет этого слова, и ненависть к тому, кто стал свидетелем его клятвы-тайны, и вечная скорбь о минувшем. Не знаю, быть может, все было и не так, но детская память – цепкая вещь, и это видение оскор-бленного, но гордого своей непримиримостью старика на-всегда поселилась в моей памяти.

– Э-э, это ты, киши малай, муаллим баласы*! – спохва-тился он, и глаза его в мгновение ока выцвели, приняв в полумраке наступающего вечера безучастный, пустой вид.

– Ну-ка расскажи, что ты знаешь о Бахчисарае?

Я сбивчиво поведал ему все то, что слышал от отца. И вдруг его глаза вновь зажглись огнем, и он в полубе-зумстве, уже не скрывая ни своей обиды, ни своего гнева, закричал:

– Это я, я – третья змея, которая полумертва. Это я за-дыхаюсь от тополиного пуха. Я не погиб, когда меня везли красные аскеры в Ташкент, а там есть пух, который меня добивал, и нет для меня ни родной реки, ни камней Бахчи-сарая. А-а-а! – зарыдал старик, и старуха Ани, выбежав на крыльцо, увела обезумевшего старика.

После этого я долго его не видел. Соседка Айша по-ведала моей матери, что старика положили в больницу с каким-то нервным расстройством, но скоро должны выписать.

Садик возле дома старика без заботливого ухода зачах, а цветы задушила сорная трава, к тому же лето было жар-ким, почти без дождей.

* Маленький юноша, сын учителя *(матар.)*.

Старик редко появлялся на улице. Говорили, что он дома портняжничает. Искусно шьет мужские пиджаки и куртки из разных лоскутов вельвета. Вот такую куртку од-нажды заказала ему и моя мама для меня. Когда я пришел на примерку, он молча сквозь толстые линзы своих очков взглянул на меня и не сказал своей привычной присказ-ки: «Бахчисарай, Бахчисарай!» А я боялся взглянуть ему в глаза, боялся вновь увидеть в них внезапный огонь былого безумия.

Казалось, что все течет своим чередом, но однажды при-шли в их дом два милиционера. Мигом собралась толпа соседей и зевак. Любопытным объяснили, что старик Ке-маль занимался частным трудом и потому по новому зако-нодательству положено изъять его орудия производства – швейную машинку «Зингер» и настольный ткацкий ста-нок. Милиция и до этого приходила в наш край. У соседа-фронтовика Есентая хотели конфисковать единственную лошадь, на которой он часто подрабатывал у базара.

Есентай, увидев непрошеных гостей в своем дворе, за-пустил в них самодельным деревянным протезом, а сам, держась на одной ноге, с крыльца запрыгнул на лошадь и умчался в сторону пригородного аула к своему другу-фронтовику. Вернулся через неделю с кучей справок и предписаний, что он ветеран, инвалид войны, на пенсии, и в силу свободного времени помогает горожанам при-возить с базара кое-какие товары и за эту свою работу, разумеется, не берет никакой платы.

Так было с соседом Есентаем, но здесь, в доме старика Кемаля, милиционеры долго не выходили наружу. И вдруг послышались шум и грохот. Старик Кемаль в приступе ярости выскочил в расстегнутой рубашке, полы которой не были заправлены в брюки и, рыча, стал рвать в клочья свои немногочисленные швейные заказы. «Бахчисарай, Бахчи-сарай!» – ревело над толпой то ли с небес, то ли со стороны домика Кемаля. Тихая старушка Ани беззвучно плакала, заслоняла своего обезумевшего старика то от молоденько-го милиционера, то от любопытных взоров толпы.

Вдруг старик выбежал на улицу с большой атласной подушкой, на которой были искусно вышиты китайским

способом два дракона, похожих на две змеи, которые об-вивали своими телами друг друга.

– Бахчисарай, Бахчисарай! Я и есть третья змея, меня могут спасти только камни Бахчисарая, – закричал ста-рик по-татарски, брызжа изо рта эпилептической пеной. Он зубами разгрыз подушку, и птичий пух взметнулся над толпой, и стал медленно кружиться над милиционерами, над старушкой Ани, над стариком Кемалем, который тряс-ся в конвульсиях.

Вскоре приехали какие-то люди в темных халатах, кото-рые связали старика и увезли на своей машине, напомина-ющий милицейский воронок.

А через два дня старик Кемаль умер в психиатрической больнице. Говорят, что от приступа астмы.

Хоронили его по-восточному. Пришли местные татары и соседи из близлежащих домов. Есентай на своей телеге, застланной единственным ковром из дома старушки Ани, отвез покойного в мечеть, что была возле базара, а затем, из мечети, повезли старика Кемаля на татарское кладби-ще. А этот ковер я потом часто видел в доме Есентая. На сорок дней приехало много родственников из Ташкента, с которыми должна была уехать старушка Ани, ждали даже кого-то из самого Симферополя, но не дождались. Отец тоже пошел на поминки, я увязался за ним. И когда мулла пел арабскую молитву, я почему-то в такт ему невольно начал бормотать:

– Бахчисарай, Бахчисарай!

Андрей ИВАНОВ

Новосибирск

КАРЛИК И ГОРБУН

Повесть

В небольшом сибирском посёлке доживали свою старость два давних друга – горбун Антон и лилипут Виталий. Люди в посёлке презирали такие физические недостатки, считая это природным уродством, и сторонились пожилых калек. Поэтому никто общаться с Антоном и Виталием не стремился. Их старались просто не замечать.

Не было у горбуна и лилипута ни жён, ни даже близких родственников. Своих родителей Антон схоронил пять лет назад, с разницей в два года. Горб у него появился ещё в детстве, когда зимой он неудачно упал с высокой ледяной горки, серьёзно повредив себе позвоночник.

Папа и мама всю жизнь его любили, жалели, понимали

и берегли, считая себя виноватыми, что недосмотрели за сыном в детстве. Теперь у Антона остался лишь один вер-ный друг – лилипут Виталий, который жил прямо напро-тив его окон, в доме через дорогу.

Виталий воспитывался в детском доме. Так как его мать, узнав в роддоме от врачей о врождённом заболевании ре-бёнка, с одобрения и согласия его отца сразу отказалась от сына. Виталий был не первый ребёнок в семье, у него была ещё старшая сестра, а потом появилась и младшая. Но обе без физических недостатков.

С самого детства ему приходилось терпеть насмешки и издевательства окружающих ребят-сирот. Все в детском доме росли и взрослели. Только Виталий так и оставался смешным и угрюмым лилипутиком, замкнутым от всех, одиноким и по взрослому несчастным.

После детского дома Виталию сразу дали группу инва-лидности и пенсию по закону. Переехал из родного города, подальше от родителей, в небольшой посёлок, где и по-лучил жильё, как сирота и инвалид с детства. Маленькую квартирку в деревянном доме. Так и прожил свою жизнь тихо, незаметно от посторонних глаз. Лишь изредка, по вечерам выходя из дома за продуктами, он медленно про-гуливался в сумерках по опустевшей улице до набережной и обратно.

Однажды зимним вечером они познакомились и подру-жились. Двое одиноких, отверженных людьми бедолаг – Антон и Виталий. Наверное, если бы они жили не в ма-леньком рабочем посёлке, а в каком-нибудь большом го-роде, то, возможно, смогли бы найти себе жён. А здесь все жители знали их в лицо и женщины обходили инвалидов вниманием. Вероятно, считая постыдным для себя связы-вать жизнь с уродцами. К тому же какая женщина пожела-ет своему будущему ребёнку отца лилипута или горбуна? Так оба остались холостяками.

Но дружба, то единственное и самое дорогое, что у них появилось в жизни, давала неподдельную радость и согре-вала оставшиеся годы.

Каждый вечер они встречались, пили чай и разговари-вали за шахматами.

– Сегодня цена проигрыша велика, – с напускной серьёзностью задумчиво говорит Антон. – Проиграешь – с тебя завтра ужин. И никаких поблажек. Готовить ты не любишь, поэтому постарайся выиграть.

– Кто бы говорил? – откликается Виталий, пристально всматриваясь в расстановку фигур на доске. – Ты сам, мож-но подумать, любитель готовить. Лучше за игрой следи.

После шахмат друзья усаживались у телевизора с буты-лочкой вина или коньяка. Наступали сумерки, это время прогулок.

– Сколько ещё протянем, как думаешь? – заговорил Ви-талий первым, что случалось с ним не часто.

– А ты что заболел, что ли? Здоров пока и радуйся. Зачем про это думать? Или от жизни устал? – с лёгкой иронией в голосе отозвался Антон. – Хороший тихий вечер. Весна. Куда нам с тобой спешить? Поживём – увидим.

– Да я к тому, что ты мне позавчера обещал какую-то свою великую тайну рассказать? Или склероз уже подкрался?

– Всему своё время. Обещал, значит расскажу. Смотри, какой красивый закат.

Дальше друзья пошли молча. В конце улицы уже виднеется набережная. Место их постоянных вечерних прогулок у реки. Каждому из них уже под семьдесят годков.

А река всё та же. Глыбы льда, важно проплывающие по мутной глади. Гуляющие парочки. Парк аттракционов на берегу ещё не работает с зимы. Тихо, спокойно и даже немного радостно. Они не одиноки, нашли друг друга. Те-перь могут разговаривать не только сами с собой, как это было раньше.

Остаток жизни не так уныл и печален. Даже былая угрюмость и замкнутость Виталия куда-то испаряется рядом с другом.

– Ты прости их, – вдруг неожиданно просит Антон. – Прости и помолись о них. Тебе легче доживать свой век будет.

– Кому помолиться? Тому, кто меня коротышкой на всю жизнь сделал? Кто мне судьбу сломал? Нет уж, изви-ни. Ты рос в любви и заботе . Отец и мать до самой смерти в тебе души не чаяли. А я своих и не видел ни разу. Ни родителей, ни сестёр. Я старый лилипут, урод с рожде-ния. И как мне за них молиться? Чтобы молиться , нужно хотя бы верить . Или любить. У меня ни того ни другого. Антон, давай сменим тему. Не порти настроение в хороший вечер.

– Твоё настроение. Ты его сам себе не порти. Ранимый ты слишком, старик. Обидчивый, злопамятный. А если вдуматься, то тебе в жизни полегче было. Ты сразу родил-ся лилипутом. И никогда не был обычным человеком. А я

сначала был, как все. Прекрасно помню детство. Игры с пацанами, дёргал за косички девчонок, бегал и скакал, как резвый котёнок. Потом шлёп! И позвоночник хрустнул. Так кому из нас тяжелей было?

– Хватит, Антон. Отбегали мы своё. Ни семьи, ни детей. Одни воспоминания. У тебя – хорошие, а у меня такие, что забыть бы поскорей. Слушай! Что там у тебя за важная тайна? Я тебя за язык не тянул. Ты сам обещал рассказать,

– проговорил Виталий своим скрипучим, кукольным голо-сом. Явно желая отвлечься, сменив тему разговора.

– Хорошо. Всё тебе расскажу, с одним условием. Когда в шахматы у меня выиграешь, – улыбнулся горбун. – А если до смерти не выиграешь, то и тайна при мне останется.

– Ах ты, горбатый шельмец! – беззлобно усмехнул-ся Виталий. – Вот так у тебя всегда. Условия и правила. А я всю жизнь без правил прожил. Они инвалиду без надобности.

– Я тебе ответил, а ты решай сам. Так что выигрывай, старый коротышка! – засмеялся Антон, довольный тем молодым озорством, с которым они сейчас поддевали друг друга.

– Не твоя забота, старик. Не сомневайся. Выиграю! – коротко отпарировал Антон, изобразив решимость и гор-дость на своём сморщенном кукольном личике. Он был вдвое ниже старого горбуна и смотрел сейчас не на друга, как обычно, снизу вверх, а вперёд на реку. На громадные острова из льдин, с яростным треском сталкивающиеся перед опорами железнодорожного моста.

Старики развернулись и пошли обратно, в свою сторону. Со спины они выглядели как дед с внуком. Если бы «внук» брёл пободрее.

* * *

Виталий вернулся в свою маленькую квартирку уже около полуночи. Устало опустился в старое продавленное кресло и задумался. Вдруг перед ним ясно, как на экране в тёмном кинозале, всплыли сегодняшние слова старого друга:

«Ты прости их. Прости и помолись о них. Тебе легче доживать свой век будет».

Старик со вздохом, тяжело поднялся с кресла и подошёл к пыльному зеркалу. В комнате только тускло горел ночник.

«Икон у меня нет. Зато хоть свечи должны где-то быть».

Карлик прошёл на кухню и открыл ящик серванта.

Здесь, на случай отключения в доме электричества, давно валялись две хозяйственные свечи. Спички тоже лежали рядом.

Виталий зажёг свечу и вернулся в комнату. Зеркало осветилось огоньком свечи, колыхающемся в полумраке. Лилипут стоял и вглядывался в своё старческое лицо.

Он не умел молиться по правилам, но вдруг захотел ис-кренне простить свою мать и отца , которые бросили его. Беспомощного, слабого, больного на всю жизнь младен-ца. Захотел избавиться от обиды и горечи на душе. Хотя бы в старости убрать с сердца замшелый камень боли и стыда.

Он представил себе лицо матери, которую никогда не видел и прошептал:

– Мама, мамочка. Ты, наверное, уже умерла. Слышишь меня? Ты ещё помнишь меня? Это я, твой сын, Виталик. Прости меня за ненависть к вам с папой, я носил её в себе всю жизнь. Папа! И ты прости меня, если можешь. Если слышишь сейчас. Я не хочу вас ненавидеть, хочу полю-бить. Вы ни в чём не виноваты. Виноват только я. За обиду на вас. За ненависть. За мою проклятую злость. Простите меня!

Вдруг сами собой потекли слёзы. Старик встал на ко-лени и, держа свечу в руке, до пола поклонился образам родителей, которые возникли в его мыслях.

Карлик умолк. Внезапно застарелая боль в его, ожив-шем от прощения, сердце стала преображаться в покой и лёгкость. Теперь слёзы радости заливали кукольное лицо лилипута тёплыми ручьями. Словно в душе или в сердце открылся чистый источник оживляющей влаги. Стало лег-ко и спокойно.

Он вновь склонился в благодарном поклоне, не спеша оторвать лоб от пола.

– Вы простили меня, родные мои? Я чувствую – да! Те-перь я смогу умереть со спокойным сердцем. И когда-ни-будь мы там встретимся. Чтобы никогда уже не расстаться. Ведь вы больше меня никогда не бросите. И мы навсегда будем вместе.

Старик с трудом поднялся с колен, потушил свечу, опу-стился в своё кресло.

* * *

Антон почувствовал что-то неладное с собой всего пару месяцев назад. Сначала он решил, что слегка приболел или простыл, у него ныла спина в области горба.

«На погоду, наверное, болит. Весна наступила. Хотя раньше вроде не беспокоил горб. Старею. Теперь, поди, ещё и на магнитные бури будет реагировать. Эх, старость – не радость. Хотя, чего ворчать то? Не мудрено и прибо-леть. Почти семьдесят уже», – уговаривал он сам себя.

Но странные боли не проходили, а напротив, усилива-лись. По врачам ходить он не привык. После смерти роди-телей, живя в уединении, вёл скромное, тихое существова-ние. Пока не подружился с Виталием.

От тоски его спасал не телевизор, а старые книги и просматривание семейных фотографий в домашних аль-бомах. Фото были помутневшие, размытые, нечёткие. Некоторые из них даже пожелтели от давности . Но имен-но фото детства, лица родителей, как лучшее лекарство, отгоняли от него грусть и тоску безрадостной одинокой пустоты.

…Горбун разделся, сел на диван. Боль в спине из ноющей превратилась в острую.

– Нет. Что-то это ненормальное, странное. Всё-таки придётся на днях идти к врачу. Скоро это и терпеть невоз-можно станет.

Но боли ушли также внезапно, как и появились. Антон уже начал забывать о них. Если бы не это, очень странное происшествие, которое случилось с ним в ванной.

Это произошло полтора месяца назад и оставило горбуна в полном недоумении и даже страхе. К врачам теперь он пойти бы не смог. Даже если бы в этом снова возникла нужда.

То, что увидел Антон в зеркале ванной, настолько пора-зило его, что он с трудом сдерживал себя, чтобы не поде-литься своей тайной с единственным другом.

И вот, наконец, это время подошло...

* * *

Виталий и не заметил, как уснул в кресле. Очнулся уже поздним утром, ближе к десяти.

«Что-то изменилось», – подумал он, потягиваясь со сна и вспоминая прошедший вечер.

Действительно, что-то сильно поменялось в нём самом. Сегодня появилась приятная, давно оставленная в молодости и уже почти позабытая лёгкость во всём теле. Ясность в мыслях и прекрасное настроение с самого утра.

На полу лежит свеча. Под зеркалом капли застывшего парафина. А за окном весна и радостно щебечут птахи.

– Поблагодарю вечером Антона за дельный совет, – ре-шил Виталий и двинулся на кухню варить кофе. Там он вспомнил, что вчера снова проиграл в шахматы Антону и теперь ему предстоит готовить ужин на двоих.

– Ну, хорошо, хоть будет, чем заняться, – буркнул он себе под нос. Сегодня его радовало буквально всё.

* * *

Тогда, полтора месяца назад, Антон был ошарашен увиденным в зеркале. Он снял рубашку, встал к зеркалу спиной и попытался, повернув голову, максимально раз-глядеть ту часть своей спины, где был горб. Именно там и возникали внезапные боли две недели назад, которые вдруг, также неожиданно исчезли.

Это удалось с большим трудом, но старый горбун всё же смог увидеть то, что его так поразило. В области лопаток, чуть пониже горба, кожа спины как бы расслаивалась или

расходилась. Обнажая за собой какие-то новые образова-ния. По-видимому, твёрдые, как молодые косточки. Антон попытался дотянуться до них рукой, чтобы пощупать, но не смог. Тогда он взял с полки длинную пластмассовую расческу и коснулся ею странных выпуклостей, выходя-щих из спины. Они в самом деле были твёрдые.

Антон в полном недоумении вышел из ванной, сел на диван и задумался.

– Что это со мной? Идти к врачам? На рентген? Или подождать? Ведь боли-то нет. – Поразмышляв так некото-рое время, Антон решил не торопиться с врачами и посмо-треть, как будут развиваться события.

А события развивались стремительно.

Уже через неделю новые образования на спине вытя-нулись, отросли настолько, что теперь он окончательно откинул мысль идти на консультацию к врачам. Малень-кие, вытянувшиеся косточки начинали обрастать каким-то мягким покровом, напоминающем пух. Это было ещё более странно.

Он никогда не спал на животе. Не было такой привыч-ки. А теперь, через силу, начал приучать себя спать имен-но на животе. Чтобы случайно, даже на боку, не повредить во сне свои новые органы, всё больше напоминающие от-растающие с каждым днём молодые крылья.

Да! Он так и назвал эти отростки впервые крыльями. Больше это ни на что не было похоже. Но самое удиви-тельное то, что с постоянным ростом новых образований в длину, пропорционально этому уменьшался и его горб. Спина становилась всё прямей и ровней.

Это и радовало старика и поражало одновременно. Это стало главной тайной Антона, поделиться которой он со-бирался только с единственным другом. Больше он нико-му не доверял и распространяться врачам о странных ме-таморфозах своего тела не собирался.

«Если покажу им это, начнут изучать, сбегутся учёные, журналисты. Слепят из меня сенсацию. Тогда уж точно придёт конец тишине и уединению, – рассудительно и уже более спокойно размышлял он, ежедневно разглядывая в зеркало отрастающие крылья. Антон уже начал к ним

привыкать, так же, как заставил себя привыкнуть спать те-перь только на животе.

Сегодня за ужином у Виталия он решил всё рассказать своему другу...

* * *

Крылья продолжали расти, а горб почти исчез. Настал момент, когда крылья приходилось уже маскировать под одеждой так, чтобы они были совершенно незаметны для чужих глаз. Также приходилось что-то придумывать вме-сто исчезнувшего со временем горба.

Жизнь вынудила Антона проявить смекалку и находчи-вость. Крылья, которые были теперь более метра в длину, от плеч и до самых бёдер, он накрепко стягивал широким поясом. Пояс, специально для этой цели, приобрёл в бли-жайшем универмаге.

Стараясь не повредить белоснежные, как у лебедя, пе-рья, Антон расправлял крылья строго параллельно спине и укреплял по талии поясом. Так они становились вполне незаметны.

Горб приходилось имитировать, подкладывая в область от шеи до лопаток диванную подушку. Только в таком виде он мог выходить на улицу, не вызывая подозрений окружающих.

Вот и сейчас, под вечер, он экипировался по полной, чтобы пойти на ужин к другу. Благо Виталий жил в доме напротив, и идти далеко не было нужды.

Уже в подъезде Антон по достоинству оценил кули-нарные старания друга. Лилипут жил на втором этаже, а уже на первом в носу яростно защекотали ароматы чего-то очаровательно вкусного, домашнего, аппетитного.

«Старается карлик», – сам себе усмехнулся довольный запахами гость.

Дверь открылась по звонку не сразу, видимо Виталий так закрутился на кухне, что услышал звонок с некоторой задержкой.

– Проходи, горбатый, – вместо приветствия пригласил хозяин с радостной улыбкой, глядя на Антона снизу вверх. –

Всё готово. И выпить, и закусить. Даже фигуры на доске расставил. Сегодня, извини, но я тебя обыграю.

– Ну, посмотрим, посмотрим, – ответил гость, проходя в ванную комнату помыть руки. – Кстати, Виталий, хочу тебе напомнить, что если выиграешь партию, на набереж-ную сегодня не пойдём. Вместо этого нас ждёт важный разговор.

– Всегда готов! – шутливо отрапортовал Виталий. Они уютно и надолго расположились за обеденным

столом. В комнате холостяка, на удивление, сегодня было чисто прибрано. Нигде ни мусора, ни пыли. Полы явно по-мыты, цветы в горшках политы, даже все окна необычно сверкали своей прозрачностью.

– Старик, ну ты даёшь! К моему приходу, что ли, так готовился? Или женщина у тебя появилась? – поинтере-совался Антон с неподдельным удивлением. – Или, мо-жет, праздник какой, а я и не знаю? В чём причина такого блеска?

– Не болтай. Давай по рюмочке для начала и ужинать. Оцени мои старания. Весь день готовился к твоему прихо-ду. Устал и есть хочу. Даже не обедал.

Закуски на столе и вправду радовали глаз. Тонко на-резанные кусочки форели в салатнице, пара салатов под майонезом, маринованные грибочки и огурчики, аккурат-но разложенные в красивой посуде. Бутылка хорошего ар-мянского коньяка и сводящий с ума аромат горячих блюд, проникающий с кухни.

– Может, телевизор пока включить, Антон? – предло-жил уплетающий закуски Виталий после второй рюмки.

– А давай без него. Поужинаем, потом шахматы и спо-койно перейдём к нашей беседе. Если выиграешь, мне есть, чем тебя удивить, – ответил горбун.

– Хорошо. Мне с тобой и без телевизора никогда не бы-вает скучно, – согласился товарищ.

Насытившись до отвала, друзья пересели за шахмат-ный столик. Виталий играл, как обычно, бездарно. Тог-да Антон схитрил, решил незаметно поддаться другу. И уже через час, пропустив ещё несколько рюмочек конья-ка, Антон проиграл партию вчистую. Он поздравил друга

с трудной, но «честно заслуженной» победой. Помог хозяину убрать со стола посуду и наконец решил открыться другу в своей тайне. Друзья уселись в кресла, и Антон заговорил...

* * *

– Хотел сразу тебя спросить, да ужин твой шибко заманчивым оказался. Ты чего сегодня такой счастливый? Не похоже на тебя. Случилось что?

– Да и я сразу хотел тебе сказать кое-что. Верней, поблагодарить за вчерашний совет. Я тогда у реки не сообра-зил, не вник в твои слова. А пришёл домой обдумал и по-пробовал родителей простить. За детский дом, за то, что бросили меня. В общем, за всё. А получилось – и их про-стил, и себя. Будто глыба с души свалилась. Утром про-снулся, будто не я. На душе легко, тепло. Если бы не ты, сколько бы я ещё с этим маялся.

– Понятно. Отпустил, значит, обиду. Я вот и думаю, что это ты весь светишься сегодня? Как новый рубль. Сам си-яешь и квартиру до блеска отдраил.

– Да. Поэтому. Что ты хотел рассказать?

– Даже не знаю, с чего начать. Давай лучше покажу.

Сам увидишь, а потом обсудим.

Антон встал с кресла, снял пиджак, потом рубашку.

– Смотри! – И повернулся к другу спиной. – Что видишь?

– Зачем ты себе подушку на загривок нацепил? Это игра какая-то, что ли? Или спятил на седьмом десятке? – Вита-лий привстал и недоуменно посмотрел на Антона.

– Ты ответь – что видишь? – повторил Антон.

– Твою голую спину и подушку на загривке.

Антон убрал подушку:

– А теперь?

– Слушай, а где твой горб? Как ты его убрал?

– Что ты видишь?! – не выдержав проорал Антон.

– Не ори! Да ничего я не вижу! Ровная спина, и всё. Антон обессиленно рухнул в кресло и закрыл лицо руками.

– Похоже, дружище, я сошёл с ума, – еле выговорил он. – У меня выросли крылья. Я их вижу, щупаю руками, привязываю к спине поясом, прячу от всех. А ты их не видишь! Что происходит? Со мной или с тобой. Потрогай рукой мою спину. Что чувствуешь?

Виталий осторожно, будто боясь притронуться к чему-то опасному, медленно вытянул руку и провёл ладонью по спине друга.

– Ничего тут нет. Никаких крыльев. Ты напился, что ли? Или свихнулся на старости лет? Может, психбригаду вызвать? В больнице спросят, куда твой горб делся?

– Погоди. Присядь. Налей ещё коньяку. И себе налей тоже.

Друзья притихли, не в состоянии понять происходящее.

Антон снова заговорил первым.

– Значит, ты не видишь горб, не видишь крылья. Гор-ба и правда нет. Но крылья я чувствую и вижу. Они неви-димы только для тебя. Почему так? Давай разбираться. У тебя ещё что-нибудь выпить есть?

– Сейчас принесу. Ты пока оденься, что ли...

Они молча выпили, не зная, что говорить.

– Поздно уже, – нарушил тишину Антон. – Пора до дома. Виталий промолчал, пристально разглядывая невиди-

мую точку перед собой.

– Завтра будет новый день. Может, что-то и прояснится, – добавил Антон. – Пойду я.

– Подушку свою забери и пояс, – вяло откликнулся Виталий.

Друзья расстались как-то уныло, словно не было дружеского ужина, не было Виталиной «победы» в шахматы, не было обычной радости. Обоим хотелось поскорей отключиться от всего увиденного, и просто уснуть.

* * *

Уснуть Антону не удалось.

«В чём же дело? – размышлял он в одиночестве. – Почему крылья невидимы для остальных? И для чего они у меня появились? Крылья – чтобы летать. Куда лететь старику? Зачем лететь? Бред какой-то».

Он подошёл к окну, отворил форточку и стал присталь-но вглядываться в тёмное небо.

«Но ведь горб исчез. Это не галлюцинация, не бред. И карлик это подтвердил. Во всём этом есть какой-то скрытый смысл, только я сейчас его не понимаю».

Он вдруг вспомнил слова отца, который часто их повто-рял сыну в детстве: «Всё в своё время, сынок. Что тебе не-обходимо, ты обязательно поймёшь. А что тебе не нужно знать, никогда не узнаешь».

Это воспоминание успокоило старика. Но спать не хотелось, и он снова присел на диван в раздумьях.

– А ведь Виталий резко изменился. Такой радостный меня встретил, никакой злобы и тоски в глазах. А после своей «победы» в шахматах так вообще счастьем весь светился. Как бы это его состояние закрепить? Чтобы снова его не затянуло в грязное болото старых воспоминаний.

Когда Антон начал думать о друге , его собственные заботы отошли на второй план. Давая возможность расслабиться уму, отвлечься от собственных назойливых мыслей.

– А что если его окрестить? Он ведь некрещёный в своём детском доме. Завтра пятница. Идёт Великий пост. Самое подходящее время. Попробую его уговорить. Прямо с утра. Отличная идея.

Как ни странно, уговаривать и убеждать Виталия не пришлось. Он был рад утреннему визиту друга. Вместе попили кофе и двинулись в церковь.

– В виде исключения можно и сегодня, – согласился местный батюшка Серафим. – Но только ввиду вашего почтенного возраста. И с одним обязательным условием. Завтра с утра на исповедь и причастие. После пробужде-ния ничего не есть и не пить. Сразу в храм и ко мне. Если согласны, Виталий, тогда прямо сейчас вас и окрестим.

От вчерашней угрюмости у друзей не осталось и следа. Виталию всё здесь было необычно, интересно и забавно. А Антон светился неподдельной радостью за перемены в друге. Словно вечерней беседы и не было вовсе. Оба друга радовались светлым переменам в жизни.

Но дальше произошло то, чего никто не ожидал...

* * *

Отец Серафим степенно провёл чин крещения, и друзья отправились домой.

– Зайдём ко мне, отметим? – бодро предложил Виталий.

– Тебе же завтра с утра на исповедь и причастие.

– Да мы по маленькой.

– Если только по маленькой, то давай.

Они вернулись в квартиру Виталия и расположились на кухне.

– Слушай, я вчера так и не понял, куда же делся горб?

– видимо, Виталия так и не отпускала тема вчерашнего вечера.

– Думаю, превратился в крылья, – спокойно ответил Антон.

– Ты сам-то веришь тому, что говоришь?

– А что мне верить? Мне не надо верить. Я их чувствую и вижу. Ты вот свои руки чувствуешь? Видишь? Так и я, знаю, что они есть.

– Может, ещё раз покажешь спину? Хочу убедиться в этом чуде, что от горба и следа не осталось.

– Пожалуйста, могу показать. – Антон разделся до поя-са и повернулся к другу спиной.

Воцарилось молчание. И вдруг внезапный вскрик Виталия:

– Боже мой! Господи! Чудо! Вижу их! Слышишь, вижу.

Коротышка вскочил с табурета, подошёл к спине Анто-

на и замер.

– Белоснежные. Можно их погладить?

Антон и сам был в шоке, что-то еле слышно прошептал, разрешая прикоснуться к своим крыльям. Виталий восхи-щённо разглядывал перья, гладил их обеими руками и был сейчас похож на ребёнка, который впервые за свою жизнь увидел дождь.

– Ну ладно, хватит! – как-то по-отечески твёрдо произнёс Антон и начал одеваться.

– Да! Вот уж чудо из чудес. Кто их ещё видел?

– Никто. И не должен никто, кроме нас, увидеть, – пре-дупредил Антон.

– А эту подушку ты до гроба на себе таскать будешь?

И когда попробуешь летать? Или уже пробовал? – возбуждённо затараторил коротышка, когда Антон оделся и присел за стол.

– Это тема отдельного разговора, – уклонился от ответа Антон. – Хотя чего нам тянуть? Можно и сейчас обсудить. Есть у меня некоторые задумки насчёт подушки и полётов. Но я тебе раньше не хотел говорить. Пока ты не увидел крылья своими глазами. Теперь можно.

– А почему именно у тебя они выросли, не догадался? Почему, например, у меня их нет? – Виталий смотрел Ан-тону прямо в глаза. Видимо, эти вопросы интересовали его больше всего.

– Сегодня ночью мне пришёл ответ. Не знаю, может – верный, может – нет. Вот послушай. Мне почему-то думается, для того, чтобы у человека выросли крылья, не в переносном, а в самом буквальном смысле, нужно сначала вытерпеть какую-то очень сильную боль. Страдание. Утрату чего-то самого дорогого. Например, как вышло у меня. Упасть, сломать себе хребет. Стать горбатым инвалидом. Вытерпеть это и нести эту муку всю свою жизнь. Не ныть, не озлобляться, не роптать. А тихо и смиренно нести свой крест. Раз уж так вышло.

И в какой-то момент, раньше или позже, страдание сти-хает, боль уходит и вырастают крылья. Может, я и оши-баюсь, но мне почему-то представляется, что не один я такой. С крыльями. Нас много. Мы прячем их от людей оставшуюся жизнь. Боимся напугать своих друзей, близ-ких. Поэтому пытаемся казаться, как все, бескрылыми. Вот такая у меня гипотеза, Виталя.

Немного помолчав, Антон добавил:

– Но я так не хочу. Остаток жизни таскать на спине под-ушку вместо горба и прятать то, что подарил мне Господь. У меня есть другой план, получше. Это мой последний ре-шающий шанс, даже не только мой, а наш с тобой. Если согласишься. Хочешь узнать?

– Ещё бы. Рассказывай. Мне нечего терять. Кроме этих постылых четырёх стен и тебя, у меня ничего и нету,– без раздумий согласился Виталий.

– Э, нет, дружище, потерпи! Вот завтра, после церкви и расскажу. Нам с тобой уже некуда спешить...

* * *

Этой ночью Виталию спалось, как в самом раннем дет-стве. Сладко-сладко. И крепко. Ни тяжёлых снов, ни ноч-ных пробуждений, ни тревог. Так умиротворённо он не спал уже много-много лет.

Утром карлик открыл глаза и внезапно ощутил себя счастливым ребёнком. Так просыпаются только дети, ког-да им накануне подарили новую игрушку и они ею ещё не наигрались всласть. И хочется пораньше спрыгнуть с постели резиновым мячиком, поскорей одеться, чтобы иг-рать новой игрушкой снова и снова.

В детстве Виталий больше любил ночь. Потому что в детском доме все спали и только ночью не издевались и не насмехались над лилипутом. Защитить его было неко-му. Он был самым маленьким в своей группе. Жестокие насмешки сверстников над его ростом очень обижали и ранили его одинокую детскую душу.

Он не любил день, особенно утро. Только ночью, остав-шись наедине с собой, со своими мечтами и фантазиями, карлик немного успокаивался. Подолгу лежал с открыты-ми глазами, уставившись в серый потолок или в темноту за окнами.

Но сегодня он полюбил и утро, и день, и весну за ок-ном. И даже батюшку Серафима, которого увидел вчера только впервые. Словно у лилипута распахнулись глаза. Он видел мир в другом, совершенно ярком свете. Или это распахнулась его одинокая, истосковавшаяся по счастью душа.

Он шёл по улице, не стыдясь своего уродства, радуясь первым ласковым лучам весеннего солнышка и любой ме-лочи, которые раньше не замечал.

В храме было многолюдно, как это обычно бывает по субботам. Но Виталий был здесь всего второй раз в жизни и не мог этого знать. И обилие людских глаз не насторожи-ло его, как обязательно испугало бы раньше, до крещения.

Прожив всю свою жизнь под грузом своей ущербности и одиночества, он ощущал теперь только лёгкость и тихую радость от перемен, произошедших с ним вчера.

Отец Серафим ждал его. Это было заметно по доброй улыбке батюшки из-под большой седой бороды. Очередь исповедующихся прихожан постепенно двигалась, и подошла очередь Виталия. Обычно на исповеди прихожане вставали перед батюшкой на колени, но старику-лилипуту, рост которого едва доставал священнику до груди, отец Серафим предложил исповедаться стоя.

– Не знаю, что говорить, батюшка, – смущенно прошептал Виталий склонившемуся к нему батюшке. – Помогите.

– Вот вспомни, обижался ли ты на людей? На Бога? Желал ли кому зла? Проклинал ли родителей, близких и дальних своих знакомых? Желал ли кому-то смерти или самому себе? Завидовал ли другим людям? Повспоминай, жизнь у тебя была долгая, нелёгкая, всякое могло быть.

– С детства обижался на всех, отец. Проклинал мать и отца. Хотел всем пацанам отомстить за обиды, за насмеш-ки. Хотел сбежать из детского дома и поджечь квартиру родителей. Ненавидел своих сестёр за то, что и они меня бросили. Часто мечтал умереть. Резал себе вены, хотел спрыгнуть с крыши и разбиться, но духу не хватило. За-видовал нормальным людям, что у них жёны, семьи, дети. Много всего плохого в жизни сделал.

– Кайся, сын мой, проси у Бога прощения за грехи свои тяжкие.

Ком горечи и страданий поднялся у Виталия откуда-то из груди и остановился поперёк горла, мешая дышать и го-ворить. Батюшка положил свою большую тёплую ладонь на голову карлика и прошептал:

– Именем Господа нашего Иисуса Христа и властью, данной мне от Бога, отпускаются грехи твои, раб Божий Виталий. Перекрестись на распятие, иди и больше не гре-ши. Стань поближе к иконостасу, скоро я буду тебя прича-щать. Только молись и не унывай.

И ком в горле начал растворяться, таять, превращаясь в горячие слёзы. Так громко и искренне Виталий не рыдал

с самого детства. Этот поток слёз, как родник чистейшей воды омывал не только его маленькое старческое лицо, но и всю, с рождения израненную душу. Многолетний, застарелый, невыносимо тяжкий груз боли, унижений и стыда рухнул, освободил его сердце, очистив память, ум и совесть.

Что было потом, он ощущал, как сон. Блеск золотой ло-жечки с причастием, пение церковного хора, протяжные молитвы батюшки – всё это казалось великим чудом, ти-хим, радостным сном.

– Господи, помилуй! Прости меня, грешного! – как в бреду, в радостном исступлении шептал лилипут, не видя из-за своего роста почти ничего в плотной толпе молящихся.

Домой он уже не шёл, а словно парил над землёй, не за-мечая ничего вокруг. Легкий, радостный, по-детски счаст-ливый и беззаботный.

– Скорей к Антону, рассказать. И благодарить его, вол-шебника старого. Крылатого чудотворца.

Антон тоже уже ждал друга. И готовился к главному разговору...

* * *

Антон сидел на стуле у окна, голый по пояс. Он то рас-правлял, то складывал крылья, привыкая к новым движе-ниям своего тела.

Звонок в дверь прервал это занятие.

– Ну, проходи, Виталий. Вижу, в церковь сходил, весь светишься.

– Был. Разрыдался там при всех, как малый ребёнок. Накатило что-то.

– Благодать Божия на тебя накатила, вот что.

Друзья прошли на кухню.

– Я ещё не ел. Да и ты, наверное, тоже. Давай завтракать.– Антон стянул за спиной крылья широким поясом и принялся накрывать на стол.

– Слушай и не перебивай. Все вопросы потом, – серьёзно заговорил Антон, когда они закончили завтракать

и вышли на балкон. – Мой план такой. Сначала нужно опробовать крылья. Я хоть и не молод уже, но силы ещё остались. Ты поможешь мне в этом. Подстрахуешь на вся-кий случай.

– Антон, а может поискать таких же, как ты, крылатых?

– Просил же, не перебивать! И как ты их искать собрал-ся? Объявление, что ли, в газету дать? Не смеши!

– Не знаю, но ведь должны же быть ещё где-то крылатые...

– У меня такая мысль возникла. Обратиться за советом к отцу Серафиму, который тебя крестил.

– Точно! Лучше него никто не подскажет, что нам со всем этим делать. Да и в посёлке у нас с тобой больше нет никого, кому можно довериться.

– Так и поступим. Сейчас топай домой. Вечером встре-тимся, я к тебе зайду. И погуляем по набережной.

Проводив друга, Антон вновь вернулся на стул у окна

и принялся поднимать-опускать крылья. Тренировать их становилось его постоянным и любимым занятием.

* * *

Ночью раздался звонок в дверь. Антон включил ночник и, щурясь заспанными глазами, посмотрел на часы.

– Четыре утра! Кого принесло в такую рань?!

За дверью оказался карлик. Он молча вбежал в комнату и плюхнулся на стул.

– Антон! Говори! Что ты чувствовал перед тем, как у тебя начали проклёвываться крылья?

– Ты умом тронулся, старый?
Ночь на дворе! – Рассказывай,
что чувствовал? Как это было?

– Боль в районе лопаток. Будто нарывает что-то под ко-жей. Ноет и мешает дышать. Мне даже пришлось на живо-те спать. А почему ты об этом спрашиваешь?

– Не мог заснуть сегодня. Точно такие же боли!

– Ты хочешь сказать, что и у тебя крылья растут? А мо-жет, просто переволновался днём, после исповеди, и сер-дце прихватило? Так бывает в нашем возрасте.

– Да, понимаешь, Антон... Меня эта боль не испугала, а об-радовала. Первая мысль – вдруг смогу стать таким же, как ты! Подскочил с кровати и к тебе ринулся. Прости, что разбудил.

– Ладно, переживу. Покажи-ка спину.

Антон сначала внимательно осмотрел область лопаток Виталия. Затем принялся прощупывать места возможного образования новых выпуклостей.

– Больно? Что-нибудь необычное чувствуешь?

– Да! Будто что-то давит изнутри.

– Давай пока подождём с визитом к Серафиму. Ты успо-койся и иди спать. Сейчас рано делать выводы. Если это не крылья, то у тебя, скорей всего, боли в сердце. Тогда не ко мне нужно бежать, а к врачу, в поликлинику. Одевайся и топай. Вечером увидимся. И не вздумай выпивать. Теперь тебе это опасно.

Друзья расстались. Но никто так и не смог уснуть. Ла-вина мыслей будоражила ум каждого из них. Оставалось только ждать, смириться и готовиться к новым испытани-ям или подаркам судьбы...

* * *

Смелые ожидания и надежды Виталия оправдались. Причиной болей в спине, к счастью, было не сердце. Как ни удивительно, карлику, после крещения и исповеди, тоже были дарованы крылья.

Метаморфозы его маленького тела происходили в том же темпе, размерах и последовательности, что и у Антона. С той лишь разницей, что в связи с ростом лилипута, его крылья всего за два месяца отросли уже от плеч до колен. Затем их рост прекратился.

Теперь, чтобы выйти из дома за продуктами или на про-гулку, Виталию приходилось не только стягивать оба кры-ла широким поясом, но и заправлять их в штанины. Это мешало двигаться на улице, а присесть на лавочку вообще не представлялось возможным.

Но, несмотря на все неудобства, карлик постоянно на-ходился в состоянии блаженства и нескрываемой детской радости.

В начале лета Антон уже пробовал учиться летать. Он выбирал для этого тёмное время суток, и всегда в присутствии друга, для подстраховки. Случайное падение и травмы помешало бы осуществлению тайного плана друзей.

Тренировку они начинали так. Антон становился на небольшое возвышение, холмик или пенёк в лесополосе неподалёку от посёлка и начинал что есть силы взмахивать крыльями . Подняться в воздух, хотя бы на несколько сантиметров , поначалу никак не удавалось. Не хватало сил, умения и сноровки. Но друзья не отчаивались и упорно , изо дня в день, продолжали тренировки.

Они подолгу на вечерних прогулках с набережной наблюдали полёт чаек над рекой, пытаясь изучить и понять секреты лёгкости и грациозности птиц.

Потом Антон изменил тактику. Он не только яростно махал крыльями, но при этом и прыгал с пня, пытаясь про-лететь хоть пару метров вдоль поверхности земли. Больше двух метров пролететь вперёд тоже не удавалось.

Конечно, если бы кто-то со стороны увидел эти неудачные попытки раздетых по пояс стариков научиться летать, он бы наверняка безудержно расхохотался. Но крылатым друзьям было совсем не до смеха.

Но вот однажды накопившийся опыт всё-таки сработал. Неожиданным толчком для первого взлёта послужил сильный встречный ветер. Антон привычно расправил крылья и, на пределе всех своих сил, замахал ими. Порыв ветра сначала подхватил и приподнял старика на несколь-ко сантиметров над пнём, а затем его тело зависло в возду-хе, словно в фантастическом кино.

– Давай, давай! Махай, не останавливайся, Антон! – как сумасшедший, восторженно закричал Виталий. Антон бы-стро выдохся и плавно опустился на землю. Руки карлика подхватили обессиленного старика.

Так было положено начало применению крыльев по их прямому назначению.

– Это необходимо отметить, – подал идею Виталий.

– Нет. Забудь о спиртном. Навсегда. Теперь мы, хоть и не совсем птицы, но и не совсем уже люди. Ты навсегда

перестал быть карликом, став крылатым человеком. И не рискуй опускаться до выпивки. Нам нужны все наши силы для другого, – серьёзно отказался Антон, пытаясь отды-шаться после первого удачного взлёта. – И курить нам с тобой нужно срочно бросать.

– И мне батюшка также сказал, – поддержал друга Ви-талий. Теперь, по настоянию Серафима, он каждое вос-кресенье посещал службу в храме.

Дальше оставалось только совершенствовать новый навык, рассчитывать и экономить силы, правильно вы-ставлять угол наклона крыльев и тела относительно ветра. Дело пошло на лад. Виталий учился быстрей, потому что повторять за Антоном гораздо проще и легче, чем быть первым.

Вскоре друзья пролетали уже сотню метров над лесо-посадками, каждый полёт приносил старикам незабывае-мое ощущение счастья.

Подошло время идти за советом к батюшке Серафиму. Июль близился к концу. Друзья почти в совершенстве ов-ладели техникой полётов. Оставалось только понять, для чего им были даны крылья и куда предстоял их главный перелёт. Посетить священника решили в ближайшее вос-кресение, после церковной службы...

* * *

Первая суббота августа застала друзей за шахматным столиком в квартире Антона. Балконная дверь распахнута, с улицы ласково и сочно вплывает вечернее благоухание природы после тёплого летнего дождя.

Сегодня тренировки не было. Друзья взяли за правило тренироваться полётами только в будни, чтобы не попасть-ся на глаза людям. В выходные шансов оказаться под слу-чайными взглядами непрошенных зрителей было гораздо больше. Люди массово выезжали к реке с детьми и в лес на пикники. Поэтому праздники, субботы и воскресения дру-зья привычно проводили в тихой домашней обстановке за шахматами, лишь вечером, уже в сумерки, отправляясь на свою обычную прогулку по набережной.

– Собираешься завтра всё рассказать священнику? – за-думчиво глядя на расстановку шахматных фигур, поинте-ресовался Виталий. – О крыльях и о полётах?

– Конечно! Нам необходим его совет, – ответил Антон, словно ждал именно этого вопроса и ответ был готов у него заранее. – Ходишь к нему полгода на исповедь, что-бы слить свои скопившиеся грехи, – так все делают. Но он же не только священник, а прежде всего обычный че-ловек. Люди несут к нему только свою душевную боль, сомнения и грязь поступков. Он выслушивает эти бле-вотные нечистоты каждого человека и пропускает через своё сердце. А радости, успехи, мечты и надежды? Часто люди рассказывают Серафиму об этом? Почти никогда! Сам знаешь почему. Большинству храм нужен только тог-да, когда невыносимо больно и страшно становится жить.

В счастье о Боге вспоминают гораздо реже. Получается, что священник на исповеди, как обычный унитаз, через который сливается вся грязь испражнений души, попа-дая потом в канализацию. Человек так очищает совесть и прощается Богом. А батюшка потом смывает с себя всю эту, услышанную на исповеди, грязь только молитвой. С хорошим на исповедь не идут. А нам нужен его совет. Мы пойдём к священнику с нашей тайной радостью и надеждой. Больше у нас с тобой никого в этом посёлке нет. Я доверяю Серафиму.

* * *

Отстояв с утра воскресную службу в храме, друзья ждали выхода отца Серафима из алтаря. Вскоре батюшка появился и усталой походкой подошёл к лавочке у стены. Присев, он задумался о чём-то своём. Но в облике седого старика, кроме усталости после долгой службы, был ещё и душевный покой, и глубокое умиротворение.

Тревожить его в этом состоянии не хотелось. Друзья, стоя неподалёку, терпеливо ждали, пока священник сам не обратит на них внимание. Храм был уже почти пуст.

– Вы что-то хотели спросить? – произнёс Серафим, за-метив двух знакомых прихожан.

– Да, батюшка. Хотим поговорить. Необходим совет, больше спросить не у кого, – решился Антон.

– Спросите у Бога. Я, дряхлый старик, мало что пони-маю, – попытался вежливо отказаться священник.

– Дело у нас непростое. Помочь можете только вы

– Хорошо. Разговор у вас долгий? До трапезы у меня ещё полтора часа, пойдёмте-ка на воздух, что-то душно здесь. Народу в храме было много, надышали.

Троица вышла из церкви и устроилась на лавочках де-ревянной беседки в уютном уголке церковного дворика.

– Ну, рассказывайте своё дело. – Старик глубоко вздох-нул и прикрыл глаза,

– Полгода назад у меня начали расти крылья, – реши-тельно выдохнул Антон. – А через два месяца после меня –

и у Виталия. С середины лета мы тренируемся летать. Крылья выросли, у нас уже получается пролетать значи-тельные расстояния. И в небо поднимаемся с каждым днём всё выше и выше. Ради экономии сил пришлось даже бро-сить выпивку и сигареты. Рассказать об этом нам некому. И на главные вопросы найти ответы мы самостоятельно не можем. Вопросов несколько. Почему крылья выросли только у нас? Чем мы это заслужили? Почему Виталий сначала не мог видеть мои крылья, а затем увидел?

– Подожди, Антон, не тараторь. Отвечу на первые во-просы. Если их сразу будет много, то я забуду, какие были в начале. Постепенно отвечу на все. Но, перед этим, от-ветьте и вы на один мой вопрос. Почему вы решили от-крыться именно мне?

– Это просто, батюшка. Мы вам доверяем и в посёлке у нас других близких знакомых, кроме вас, нет.

– Ясно. Теперь мои ответы. Почему крылья выросли только у вас? А кто вам сказал, что у других людей нет крыльев? А может быть, они так же, как и вы, прячут их от всех. Чем вы это заслужили? Скажу просто – ничем! Иметь крылья и уметь летать – это изначальная природная особенность человека. Настоящего человека. Неиспорчен-ного пороками мышления и грехами поступков. Люди из-начально были созданы Богом с крыльями. С неиспачкан-ной душой. С духовным зрением сердца, а не ума. Господь

всем людям дал крылья, а не только птицам и летающим насекомым. Но человек сам отказался от полётов, возлюбив больше земное и материальное. Это выбор не Бога, а человека.

Я знаю вас обоих уже много лет. Но ты, Антон, пришёл в храм давно, в юности. Благодаря твоим добрым родите-лям. А Виталий только полгода назад впервые переступил порог церкви. Чья это заслуга? Ведь ты, Виталий, живёшь в нашем посёлке тоже давно, насколько мне известно. Верно? А кто тебя подтолкнул пойти креститься? Правильно! Антон, твой единственный верный друг. А кто надоумил сделать это Антона? Опять правильно, Господь!

Крестившись, Виталий обрёл духовное зрение. И уви-дел крылья Антона сначала сердцем, а затем и глазами. Он исповедался, со слезами очистив душу от своих застаре-лых грехов, обид и злости. И завершил своё преображение причастием, впустив в себя Благодать Святого Духа.

Но это всё не произошло бы без главного. Вы оба всю жизнь тяжело страдали от своих физических недостатков. Терпели от людей унижения и насмешки. Чаша страданий Антона переполнилась с утратой любимых родителей. Он преобразился и получил в дар крылья. Виталий тоже много натерпелся в жизни, но получил окончательное пре-ображение и исправление лишь после того, как по совету друга крестился, исповедался и причастился. Так у него открылись глаза, душа и сердце. И он тоже получил в дар от Господа Создателя крылья.

Это вам, дорогие мои, ответы на ваши самые первые вопросы. Теперь спрашивайте дальше.

Старик умолк, глубоко, протяжно вздохнул, и вновь при-крыл глаза, приготовившись к новым вопросам Антона.

– Батюшка! Хотел много вопросов задать, но вы почти на все из них уже ответили. Остались только главные. Вы встречали таких же, как мы, с крыльями? Много нас, та-ких? И куда нам предстоит лететь?

– Все твои вопросы связаны между собой, Антон. Те-перь слушай. В нашем посёлке было ещё несколько кры-латых людей. Теперь их здесь уже нет. Они улетели. Вы последние двое, кто ещё тут остался. А вообще на свете

их, думаю, очень много. Но бескрылых в нашем мире, к сожалению, гораздо больше. И ничего о крыльях они не знают. Поэтому живут без смысла и без Бога в душе. Глав-ное для них деньги и их потомство. Больше им ничего не дорого и не свято.

Спрашиваешь, куда вам лететь? Туда, куда стремятся все, получившие крылья. Туда, где все они сейчас вместе и счастливо живут. В страну крылатых людей. Чистых, светлых, непорочных душ. Только там вы станете счастли-выми навсегда. Где находится эта страна, вам подскажет только сердце.

А в самом начале держите курс в сторону востока. Туда, где восходит солнце. И сердце, с Божьей помощью, про-ведёт вас по нужному маршруту без ошибки.

Там нет обычных человеческих законов, нет власти сильного над слабым, богатого над бедным, умного над простаком. Там все видят друг друга духовным зрением насквозь. Без лишних пустых слов и ненужной фальши. Поэтому там никогда не лгут друг другу. Не предают, не бросают в болезни и беде. Люди там в прошлом много выстрадали, живя здесь, пока полностью не очистились и обрели крылья.

Крылья даются не всем. Далеко не всем. Было бы ужас-но, если бы крылья появлялись у всех без разбора, у по-рочных людей с грязными мыслями и гнилыми корыстны-ми душами. Вы только представьте себе многотысячную армию озлобленных крылатых людей-солдат, крылатых убийц с человеческими лицами. Или преступников, кото-рые летают, чтобы насиловать и грабить. Господь этого не допустит.

Поэтому люди с крыльями уходят от нас, из обычно-го грешного мира. От пороков и страстей , от жадности к материальному и земному богатству. В своей стране они равны. Они помогают друг другу жить, любить и верить.

Обычным людям самостоятельно обрести крылья не-возможно. А то, что невозможно людям, всегда возможно Богу, – закончил свой монолог отец Серафим. И, немного помолчав, спросил: – Когда вы собираетесь в путь?

– Очень скоро, батюшка. Здесь нужно закончить все дела. На кладбище к родителям сходить, попрощаться. Квартиры наши продать. Ни к чему нам теперь здесь квартиры. Самую малость денег с собой возьмём, чтобы в дороге не голодать. Остальное решили вам оставить. Храму всегда деньги пригодятся на добрые дела. Ещё нужно одежду специальную приготовить для полёта. Чтобы тепло было в небе, от сырого тумана и облаков защищала и крыльям не мешала. Купить спальные мешки для ночёвок. Думаем через неделю уже отправиться, чтобы успеть долететь до холодов, – ответил Антон.

– Молодцы. Через неделю жду вас в храме. Отслужим молебен для путешествия. Благословлю вас в путь и попрощаемся. А сейчас готовьтесь, отдыхайте, набирайтесь сил. Перелёт предстоит неблизкий, я думаю. Буду всегда о вас молиться.

Старик с трудом поднялся с лавочки и покинул беседку. Друзья долго провожали взглядом его широкую, сгорблен-ную спину.

– Антон! Откуда он так хорошо всё знает о крылатых людях? – заговорил молчавший до этого Виталий. – Знает и про крылья, и про страну летающих людей.

– Это не он знает. Это сам Бог с нами через Серафима говорил. И на вопросы отвечал, – проникновенно откликнулся Антон. И с удовлетворением добавил: – Я в нём не ошибся. На все вопросы ответил, теперь и у меня всё ясно и понятно в голове сложилось.

Доделаем дела за неделю и в путь. Ты знаешь, это ведь самое великое счастье для человека – жить среди своих. Где не надо прятаться и притворяться. Ждать сумерек, чтобы безопасно выйти на улицу. Где нет ненависти и презрения к инвалидам и старикам. Где все тебя понима-ют и уважают. Мы с тобой заслужили это счастье наши-ми страданиями и утратами. Пусть даже под старость лет. Жаль, что остальные так никогда и не узнают, что значит жить открыто, свободно, по совести. До самой смерти не узнают. И их дети не узнают и последующие поколения.

– Да они привыкли к такой фальшивой жизни, Ан-тон. И другого просто представить себе не могут. Откуда им знать, что можно жить честно, ничего от других не

скрывая? Не боясь потерять работу, должность и карьеру. Не боясь предательства близких и измены любимых. Не страшась предстоящих войн, эпидемий и экономических кризисов. Они привыкли так жить. Для них мы чужие.

– Ты прав. Но пойдём домой. Я с голоду сейчас бы слона съел . У меня на обед кое-что вкусное припасено. Домашнее, не из магазина. Пообедаем, отдохнём. Потом сядем за шахматы, а вечером прогуляемся.

Друзья бодро вышли из церковной ограды...

* * *

Неделя промчалась, как обрывки быстрого сна. Или как видео на ускоренной перемотке. Последние тренировки, завершение оставшихся дел, сборы в дорогу. Самое доро-гое оставили для финала.

В субботу друзья стояли у могилок родителей Антона. Принесли цветы, помолчали. Как ни странно, грустно не было. Ожидание светлого будущего освещало все события последних дней ровным, ясным светом надежды.

– Они бы сейчас обязательно порадовались за нас, – прер-вал молчание Антон. – Мама испекла бы нам в дорогу пирож-ки с картошкой. А отец бы крепко обнял и благословил в путь.

– Да. Завтра нас благословит и проводит лишь Сера-фим, – откликнулся Виталий. – Он ведь, наверное, сам всех крылатых провожал.

Вечером друзья прощались с набережной, рекой и чай-ками. Птицы будто предчувствовали расставание и подле-тали к берегу совсем близко, издавая пронзительный, жа-лобный прощальный крик.

– Давай пораньше по домам сегодня, – предложил Ан-тон. – Выспаться хорошенько перед долгой дорогой. За-бавно, что и квартиры наши теперь нам уже не принадле-жат. Впервые спать будем, как в гостях.

Свои квартиры со всей обстановкой друзья уже прода-ли другим хозяевам и должны были освободить их не по-зже понедельника.

– Шахматы и семейные альбомы на хранение батюш-ке отдам. Больше здесь ничего не жалко. За родителей он

молиться обещал. А ты что-то хочешь сохранить из вещей? – спросил Антон Виталия.

– Нет. Мне здесь ничего не дорого. Ни квартира, ни вещи. Всегда ощущал себя здесь чужим. Только маленькая иконка, подаренная батюшкой, дорога. С собой её возьму. Она меня в пути беречь и охранять будет.

* * *

Старик Серафим сам вышел из храма навстречу друзьям. Он с радостным нетерпением ждал встречи с ними после утренней воскресной службы.

Они опять прошли в беседку, чтобы поговорить.

– Сейчас отслужим молебен о вас, путешествующих, – сказал он вместо приветствия. – Всё успели закончить ?

– Да, батюшка. Квартиры уже продали, вот деньги. Возьмите, они нам ни к чему. К вам сюда приходит много нуждающихся, распорядитесь по своему усмотрению. На кладбище к родителям сходили. У могилок прибрались, цветочки полили. Больше дел на сегодня нет. Вечером, по темноте, и отправимся.

– Вот и славно. Храни вас Господь.

Молебен прошёл торжественно и степенно, хотя в храме было немноголюдно. Пара ветхих старушек-уборщиц, молодая пара, видимо, зашедшая в церковь ради интереса, и наши старики.

– Вот и всё, дорогие мои. В пути возможны любые ис-пытания, будьте готовы ко всему. Берегите друг друга. Про-щайте, – срывающимся от волнения голосом, почти перехо-дя на шёпот, проговорил священник. – Ступайте с миром.

Друзья вышли из храма, не оглядываясь. Они не могли видеть, как проводивший их батюшка Серафим вошёл в алтарь, обессиленно опустился в кресло и заплакал. Под его старой рясой болезненно ныли крепко стянутые поя-сом огромные белоснежные крылья...

* * *

Воскресный вечер близился к полуночи. Если бы в это время деревья имели глаза, они могли бы увидеть двух

стариков, поднимающихся в августовское вечернее небо. Лесные птицы уже умолкли, отходя ко сну. Облаков не было, и на фоне темнеющей выси две парящие фигуры быстро уменьшались в размерах, превращаясь в малень-кие точки. Которые вскоре исчезли совсем.

Виталий летел вторым, чётко следуя за Антоном. Они привычно вошли в восходящий поток встречного ветра, удобный ритм взмахов чередовался с парением, когда друзья отдыхали . Выбрав максимально возможную вы-соту полёта, они чувствовали себя в полной безопасности. С земли увидеть их было уже невозможно. А в воз-духе у них не могло быть никаких врагов, кроме дождя и усталости.

На третьи сутки полёта пейзаж под ними сменился.

Ровная и блестящая гладь водной поверхности.

– Это Байкал! – коротко выкрикнул Антон, чтобы летя-щий позади Виталий смог услышать. – Снижаемся.

Друзья перестали взмахивать крыльями, перейдя на пассивное парение, и постепенно приблизились к берего-вой кромке озера. Это было особое наслаждение, знакомое только им: лежать спиной на траве, раскинув руки и кры-лья по сторонам. Смотреть на небо и отдыхать.

Летели они только по ночам, для безопасности. При на-ступлении рассвета опускались на землю, чтобы выбрать безлюдное место для питания, отдыха и сна. Ближе к вече-ру заходили в ближайший сельский магазин за продукта-ми или в маленькое придорожное кафе, чтобы поужинать перед новым отрезком пути.

Сначала мышцы у основания крыльев с непривычки болели. Затем укрепились, боли ушли, и лететь всю ночь не составляло особого труда.

* * *

В один из вечеров, на седьмые сутки полёта, в воздухе явно запахло близкой грозой. Тяжёлые свинцовые облака повисли низко, предвещая ливень.

– Нелётная погода, – недовольно проворчал Виталий, пристально всматриваясь в движение туч на небе. – Что будем делать? Переждём?

– А если это надолго? – ответил Антон. – Нет уж, поле-тим. Только не на максимальной высоте, а гораздо ниже, сразу под облаками.

– На фоне низких облаков нас будет видно с земли. Это не опасно?

– Риск есть. Но в такую погоду, надеюсь, многие люди будут сидеть дома. К тому же сегодня суббота. Лети строго за мной, не отставая. Когда начнётся гроза – ливень, мол-нии или сильные порывы ветра, спустимся в тихое место и переждём. Всё! Вперёд!

Ливень не начинался, уже около двух часов друзья летели под облаками, почти в полной темноте. Так, в полёте, прошла вся ночь. Начало рассветать, когда Виталий вдруг услышал с земли странный хлопок. Он опустил голову и увидел еле заметную вспышку из леса прямо под ними. Затем донёсся повторный звук хлопка. Он не сразу дога-дался, что это был выстрел. И сообщить об этом другу не успел.

Антон почувствовал сначала резкий толчок в грудь. Словно его с размаху ударили громадным кулаком по рёбрам. Затем невыносимая боль сковала движения крыльев, обездвижила тело, и Антон начал стремительно падать. Крылья бессильно болтались на ветру, и раненный Антон падал не отвесно вниз, как камень, а крутясь по спирали.

Виталий в полёте пытался подхватить тело друга. Но начался проливной ливень, мешали порывы ветра, и подлететь к падающему Антону никак не удавалось.

Виталий увидел под собой небольшую реку. Но она была немного в стороне от траектории падения Антона.

– В реку! Падай в реку! – истошно заорал Виталий, пы-таясь перекричать бешено нарастающий свист ветра.

Но Антон, видимо, уже не мог слышать ни крик друга, ни свист ветра. Он только неотвратимо падал, войдя в кру-той штопор и стремительно приближаясь к земле...

* * *

Когда Виталий подбежал к Антону, распластанному на траве в неестественной позе, тот уже не дышал. Сомне-

ний не осталось: друг мёртв. Огнестрельная рана на гру-ди. Кости рук переломаны, крылья вывернуты, изрезаны ветками, кровоточат. Это случилось при падении на крону высокой сосны. Сейчас то, что осталось от Антона, напо-минало жертву страшной автомобильной катастрофы.

Виталий в шоковом ступоре наклонился к другу, пере-вернул тело в нормальное положение, лицом вверх. Он не знал, что делать и как жить дальше. Нет даже слёз, в голо-ве лишь тупой гул и полное отсутствие мыслей.

Первая здравая мысль пришла только спустя несколько минут:

– Я похороню тебя, Антоша. Слышишь, я всё сделаю для тебя, всё! – словно извиняясь за то, что не уберёг, ви-новато прошептал Виталий. – Ты прости меня, прости...

Перед полётом они старались всё тщательно, до мело-чей, продумать, но предусмотреть такой беды не могли. Виталий вновь склонился к Антону, вдруг вспомнив, что необходимо снять с руки друга компас, найти и забрать его документы. Быстро найдя их в поясном кармашке, там же обнаружил фотографию родителей Антона. Семейные альбомы он передал Серафиму, но с одной фотографией папы и мамы не смог расстаться.

Из леса послышался нарастающий хруст ломающихся веток. Виталий насторожился, отбежал от тела и спрятался за мощный ствол сосны. Сначала из леса выскочила собака, по-видимому, охотничьей породы. Она принялась радост-но скакать вокруг Антона, обнюхивать его раны. Вероятно, считая распластанное тело своим охотничьим трофеем.

Вскоре сквозь деревья показалась машина. Не доехав до тела метров десять, машина остановилась и мотор затих.

Затем из машины вышел человек с ружьём, водитель-скую дверь он оставил открытой. Медленно и опасливо подошёл к телу Антона.

Виталий завороженно наблюдал за виновником гибели своего друга. Он боялся даже дышать, чтобы охотничья собака не учуял его. Однако запах свежей крови жертвы перебивал все остальные лесные запахи – собака возбу-ждённо скакала вокруг тела, выпрашивая похвалу и благо-дарность хозяина за найденный ею трофей.

Охотник недоуменно склонился над трупом, рассматривая его, но не рискуя даже прикасаться. Затем он внимательно огляделся по сторонам, прислушался.

– Да тихо ты! – прикрикнул он на собаку. – К ноге. Лежать!

Собака присмирела и, устроившись у ног хозяина, легла на сырую траву, умолкла. Ещё около минуты охотник оглядывался вокруг и прислушивался. Убедившись в своей безопасности, пожилой мужчина обшарил все карманы брюк, пояса и куртки Антона. Не найдя ничего ценного, он с досадой тихо выругался и задумчиво закурил. Затем прозвучал приказ:

– Барон! В машину, быстро!

Пёс подбежал к машине и ловко впрыгнул в распахнутую дверь. Как вор, опасливо оглядываясь, хозяин последовал за ним. Джип, весь обляпанный комьями грязи после проливного дождя, круто развернулся и, дав газу, исчез в лесной чаще.

Виталий ещё с полминуты постоял в отдалении, прислушиваясь к удаляющимся звукам машины, затем снова подошёл к телу погибшего друга.

Лопаты у него не было, только свой нож, плюс нож Антона. Рыть могилу ножом в земле, среди толстых корней громадных старых сосен, было бы трудно и слишком долго. Нужно торопиться. Охотник мог быть в лесу не один.

Поразмыслив, Виталий крепко ухватился за воротник окровавленной куртки и поволок тело к реке. В береговом песке рыть яму значительно легче и быстрей. Главное – не оставить сверху холмик. Конечно, дожди и весеннее по-ловодье со временем всё равно бы сравняли могильный холмик с поверхностью берега. Но лучше не рисковать и сделать это сразу. Чтобы ни люди, ни звери не нашли и не раскопали.

Когда всё было окончено, карлик вытер со лба пот, отды-шался. Дрожащими пальцами снял с поясного ремня фляж-ку с крепким чаем. Отвинтил крышку, налил в неё чай:

– Не поминай меня лихом, Антоша! Покойся здесь с ми-ром, добрый друг. Верь мне – я долечу до страны нашей мечты. Твоя душа уже там. Когда-нибудь мы встретимся.

И, как поминальная молитва, над рекой раздались про-тяжные, жалобные крики чаек...

* * *

– Ну всё! Неинтересно дальше читать. Одного главно-го героя убил. А второй слабак, тренировался только при Антоне. Ждала захватывающей радостной концовки, при-ятного чтения. А автор взял и всё испортил!

– Точно! Ну, зачем в повести эта смерть? Для чего?

И так в жизни сплошные проблемы и негатив. С таким интересом читала, прямо душой отдыхала после работы. Думала, ну хоть в этой сказке у людей всё налаживается. Так нет! Добавил дёгтя в бочку мёда!

– Да подожди! Давай глянем, как он теперь выкручи-ваться будет. Сам убил своего персонажа. А говорил, что финал скоро. Интересно же, чем всё закончится.

– Да ничем. Теперь, наверное, и лилипута пришибут в пути. Один он не долетит.

– Да! Неожиданно всё, неприятно, и горбуна жалко. Всю жизнь мучился. Родителей похоронил. Только, кажет-ся, жить начал и радоваться. И на тебе! Получил, называ-ется, награду за все свои муки и ожидания. Так нельзя! Автор под самый конец истории жути нагнал, всё желание дальше читать пропало.

А тем временем...

* * *

Весь день до сумерек Виталий не отдыхал, хотя он ото-шёл от могилы в укромное местечко, чтобы поспать пе-ред полётом. Влез в спальный мешок, надеясь, что тепло сморит его. Но не спалось. Воспоминания лучших дней дружбы с Антоном, невыносимая печаль и грядущая неиз-вестность – не лучшие помощники для сна.

К тому же было необходимо хорошенько поесть перед дорогой. А одному заходить в сельские магазины или в кафе Виталию было как-то неловко, непривычно и даже страшно. Люди продолжали видеть в нём лишь странного

пожилого карлика. Прятали глаза, а тайком показывали пальцами в его сторону.

Но выбора не осталось, и под вечер Виталий, в последний раз простившись у могилки с Антоном, взлетел в пои-сках небольшого придорожного кафе.

Искать долго не пришлось. Как только обнаружил автомобильную трассу, пролетев над лесом , Виталий начал снижаться. В сумерках хорошо были заметны огни окон придорожной забегаловки. Наскоро, но плотно перекусив , лилипут всё же принял решение лететь на восток не сразу, а немного отдохнув. На сытый желу-док и от усталости тяжёлых переживаний уснуть теперь удалось.

Виталий лежал в спальном мешке, в укромном овраге леса, укрытый еловыми лапами. В темноте совершенно слившийся с природой, неприметный для людей.

Двух часов отдыха хватило, чтобы восстановить силы и продолжить полёт.

Компас Антона, со светящимися в ночи фосфорическими стрелками, был теперь пристёгнут к его руке, можно уверенно следовать прежним курсом. Виталий влез на верхушку высокой сосны, послюнявил палец, чтобы точ-нее уловить направление ветра, и прыгнул.

Он легко взмыл ввысь. Теперь этот манёвр был уже привычным, почти превратившись в природный инстинкт. Маленькое тело карлика поднималось всё выше и выше, на максимально возможную высоту. Облаков нет, только свет далёкого ночного прожектора-луны и слабое мерца-ние звёзд. Виталий слился с ночным небом, как новый, крохотный, невидимый спутник Земли.

Лес отдалился, напоминая теперь ровную чёрную ска-терть. И лишь тонкой ленточкой, блестящей в свете луны, внизу виделась река. Ни полянок, ни домов, ни дорог уже не разглядеть. Только вперёд и вперёд по компасу.

Лететь было приятно и легко. Шелест мягких струй лет-него ветра в крыльях, лёгкость тела, матовый свет луны. Всё это успокаивало, давало надежду. Но главным был тот факт, что в полёте исчезали все мысли. О опасностях, ко-торые могли ждать впереди, о своей прошлой тоскливой

жизни в одиночестве, и даже о гибели единственного дру-га. Голова была ясная, лёгкая и пустая.

Только полёт – это всё, что сейчас чувствовал, видел и любил Виталий.

Шли восьмые сутки полёта...

* * *

Виталий продолжал ночные перелёты согласно плану, стараясь не нарушать установившийся с самого начала ре-жим сна и бодрствования. По ночам он следовал нужным курсом по компасу, предусмотрительно стремясь не попа-дать в зоны задымления от тлеющих торфяников, избегая зарева лесных пожаров. Изначально избрав для себя мак-симально возможную высоту полёта, он всё-таки старался, насколько позволяли обстоятельства, пережидать грозо-вую непогоду и низкие тучи в укрытии на земле. Он летел на восход солнца и снижался лишь под утро, убедившись, что двигается правильным курсом прямо на восходящее светило. Также Виталий стремился строго отслеживать, чтобы его полёт не нарушал границ воздушного простран-ства других государств. Мало ли что могло произойти в небе над Китаем.

На одиннадцатые сутки путешествия крылатый карлик обнаружил, что под ним заканчивается поверхность мате-рика. Дальше на многие тысячи километров расстилалась лишь водная гладь Тихого океана. Следовало основатель-но запастись питьевой водой и провизией, а также как сле-дует отдохнуть.

В прибрежном посёлке рыбаков и охотников он закупил продуктов ровно столько, сколько бы смог съесть за раз и взять с собой в дорогу. В океане найти что-то пригодное для пропитания было бы просто невозможно. К тому же он не имел никакого, даже примерного, представления, сколько ещё продлится этот перелёт.

Простившись с землёй, Виталий продолжил полёт уже над океаном. Несмотря на серьёзные минусы – напри-мер, Виталий не знал, где сможет отдохнуть и выспать-ся, летя над водой, – в этом надводном участке пути были

и очевидные плюсы. Здесь не было нужды постоянно придерживаться максимальной высоты. С поверхности воды ожидало гораздо меньше опасностей, чем с земли. Но главный минус перевешивал всё остальное. Виталий не знал, хватит ли ему сил долететь до места назначения. И вообще – где это место и существует ли оно в природе?

Он уже был близок к отчаянию, когда, под конец тринадцатой ночи полёта, в рассветном небе впереди внезапно появились три далёкие точки. Поначалу он решил, что это птицы. Альбатросы или чайки. Значит, и до суши неда-леко. Можно будет передохнуть и подкрепиться.

Но невозможно передать никакими словами его удивле-ние и радость, когда, в приближающихся к нему точках, он наконец признал летящих людей. От неожиданной радости Виталий вдруг начал ослабевать и, перестав взмахивать, принялся пассивно парить над океаном, постепенно снижаясь.

Люди осторожно подлетели к крылатому страннику, уважительно кивнули в знак приветствия и молча подхва-тили его. Двое за руки, один сзади за ноги. И понесли в небе, давая возможность Виталию отдохнуть, не прекра-щая полёт. Вскоре показалась земля. Дальний край суши не просматривался, и Виталий не имел никакой возмож-ности определить, что это? Остров, полуостров или новый материк.

Но то, что он достиг желаемого места, никаких сомнений быть уже не вызывало.

Наблюдая в полёте за поверхностью суши, Виталий с интересом отметил, что с высоты не увидел ни одного дома, строения – ничего, напоминающего человеческое жильё. Подлетая к земле, спутники бережно отпустили его, и гость приземлился самостоятельно.

Только ступив на землю, Виталий смог разглядеть раз-вешанные в тени деревьев гамаки.

– Не удивляйтесь, нам не нужны дома. Здесь не бывает холодов, – словно услышав мысли Виталия, с улыбкой по-яснил один из спутников. – О нас заботится сама природа. А вам нужно сейчас подкрепиться и передохнуть с дороги. В гамаке лежать тепло и уютно, один из них мы уже при-готовили для вас.

Спутники были почти всем похожи на обычных людей, если бы не крылья. Хотя ещё несколько особенностей от-личали их. Спокойные, добродушные лица с понимающей улыбкой.

Виталий также заметил странную неподвижность их улыбающихся губ. Когда спутник говорил, его губы оста-вались без движения. А его голос отчетливо и мягко зву-чал в голове Виталия.

– И к этому вы быстро привыкните, – вновь зазвучал в мозгу голос. – Мы слышим друг друга молча. Вы так тоже умеете, только ещё не знаете всех своих способно-стей. Откуда мы все прилетели сюда, там все люди много и зря шумят. Здесь это лишнее. Мы слушаем безмолвие самой жизни, природную музыку тишины. Красивей этого ничего нет. Никакие слова не сравнятся со звуками набе-гающих волн, шелестом ветра и листьев, звоном капель дождя.

Новый друг обращался к Виталию на «вы», а себя поче-му-то всегда называл «мы».

– Это потому, что мы здесь не отдельные от природы существа. А единое целое. Как птицы, лес, океан и небо. Вы быстро привыкнете к нашей стране и тоже будете на-зывать себя «мы», – вновь прозвучал внутренний голос. – Проходите вон на ту поляну, там вас ждёт обед. Питание, возможно, поначалу покажется вам тоже непривычным, но сама жизнь кормит нас своими плодами, ничего вкус-нее этого мы не знаем.

Виталий послушно направился к поляне, где на траве были разложены разные плоды деревьев, ягоды, овощи и фрукты. Плоды и фрукты были очищены и уложены в не-большую аккуратную посуду, сделанную из коры и древе-сины, а напитки разлиты в красивые ёмкости из морских раковин. Несколько человек тоже обедали. Увидев гостя, они приветливо замахали ему руками, приглашая к трапе-зе. И всё это молча, с добрыми улыбками. Жители этой страны всячески выказывали своё гостеприимство и ис-кренне радовались прибытию новичка.

Большое удивление вызвало у Виталия ещё то обсто-ятельство, что в этом поселении он не увидел детей –

только женщины и мужчины самых разных возрастов, от юношей до стариков.

«Спрошу об этом потом», – решил Виталий и присту-пил к предложенному обеду. Вся пища оказалась действи-тельно изумительно вкусной. Лилипут не торопясь погло-щал блюда одно за другим, пока не насытился.

Затем его проводили к месту отдыха под раскидисты-ми ветвями какого-то дерева. Виталий уютно устроился в мягком гамаке. И впервые за долгое время спокойно и сладко уснул.

* * *

Очнувшись от сна, Виталий не сразу сообразил, где на-ходится, что сейчас – утро или вечер – и почему он не в своём спальном мешке, а в гамаке.

Он взглянул на часы и понял, что за беспокойство вне-запно разбудило его. По привычке, устоявшейся в перелё-те, сейчас он должен был находиться в небе.

Но никуда лететь уже необходимости не было . Он на месте , достиг цели. Оставалось только получить ответы на главные вопросы . И, желательно, поскорей.

Карлик спрыгнул с гамака на траву, потянулся, не-сколько раз плавно взмахнул крыльями, размялся и зевнул. Приятная прохлада тёплой осени исходила от набегающих на близкий берег волн. Воздух благо-ухал ароматами цветов и незнакомых субтропических растений.

«Так, значит сейчас вечер . Самое время для ужина». Виталий двинулся к уже знакомой поляне. Там ужи-

нали около двадцати человек. Люди улыбчиво привет-ствовали его кивками, как доброго знакомого, жестами приглашая к общей трапезе . Присутствующие ели молча, спокойно, дружелюбно поглядывая друг на друга.

Насытившись , Виталий тоже молча, кивком головы, поблагодарил за ужин и решил прогуляться по посёлку, где теперь ему предстояло жить . Но главной целью была не прогулка. Ему хотелось с кем-нибудь поговорить. По-лучить подробные ответы на все свои вопросы.

На берегу уединённо сидел один из жителей этой стра-ны, похоже, близкий по возрасту Виталию. По выражению лица и по позе сидящего Виталий догадался, что тот уми-ротворённо любуется закатом и прислушивается к шёпоту набегающих волн.

«Не помешаю ему?» – подумал карлик.

Сидящий сразу же обернулся и приветствовал подошедшего:

– Присаживайтесь, дорогой друг. Хорошее время для беседы, – возник в мозгу Виталия тихий голос.

Карлик с готовностью присел рядом на лавочку, ещё хранившую тепло дневного солнца.

– Можете не говорить вслух. Мы прекрасно вас слы-шим. Просто подумайте, что хотите спросить. Мы ответим на всё.

Виталий понял, что сама судьба привела его к нужному сейчас человеку.

– Простите, как мне к вам обращаться? Меня зовут Ви-талий, здесь ещё никого не знаю по имени, только сегодня утром добрался до вас.

– Здесь ни у кого нет имён. Все имена и фамилии оста-лись в прошлом. Они нам уже не нужны. Все мы тут но-сим одно имя – «мы». Хотя у каждого есть своя личная история, своя судьба и свой путь к Свету.

– Хорошо. Первый вопрос – как вы нашли меня в оке-ане? – мысленно спросил Виталий, ему уже начало нра-виться не разговаривать вслух. Это было так легко, просто и приятно. Голос не перебивал ласковый шелест волн и тёплого ветра.

– Мы здесь, чтобы встречать вновь прибывших и объяс-нять им традиции нашей страны. Как только мы услышали ваши мысли, то сразу отправились вам навстречу, – корот-ко ответил собеседник.

– Теперь понятно. А я к тому времени уже начал терять силы в полёте и был близок к отчаянию, – смущённо улыб-нулся Виталий.

– Мы знаем. Так обычно происходит со всеми перед са-мым концом перелёта. И мы спешим на помощь.

– В пути я потерял друга. Он летел впереди и погиб.

– Мы знаем это. И вы всё узнаете о нём. Но не сейчас. Смерти не существует для тех, о ком помнят. Хотя, если сказать ясней, смерти вообще не существует. Даже для тех, о ком забыли. Есть только жизнь. А смерть – только слово. И мы объясним вам это немного позже. Вы сами всё увидите и поймёте. А пока задавайте следующий вопрос, наш новый друг.

От ответа собеседника Виталий на несколько секунд потерялся в мыслях. Но, быстро придя в себя, он продолжил:

– Почему здесь не видно детей?

– Потому что их здесь нет. Все дети имеют крылья с самого рождения. Но они слабы и не смогут осилить пере-лёт, – отозвался голос в голове Виталия.

– Значит, они растут и взрослеют, со временем становясь бескрылыми?

– Да. Лишь у тех из детей, кто в раннем возрасте оставил тело, по болезни или несчастному случаю, крылья остаются навсегда. Правда, тогда они сразу, без утомительного перелёта, попадают на уровень, который гораздо выше нас.

Там, в Свете Истины, живут все. И крылатые, и бескрылые. Все, кто ушли из земной жизни. Именно не умерли,

а ушли.

– А почему же акушеры в роддоме, родители, родные и знакомые не видят после рождения крылья ребёнка?

– Вы тоже не могли видеть крылья Антона, пока не от-крылось духовное зрение. Ведь верно? Точно так и почти все обычные люди не видят крылья своих детей. А многие бескрылые родители даже способствуют тому, чтобы их ребёнок стал похожим на всех. Чтобы ничем не отличал-ся от обычных людей. Воспитывают в правиле «Будь как все». Часто именно таким воспитанием и ломают чистую, хрупкую душу ребёнка, готовя его к бескрылой жизни.

– Да, так и меня ломали в детском доме. Насмешками, угрозами, обидами. А куда попадают нерождённые дети после прерванной беременности? И те, кто оставил зем-ное тело ещё в детстве?

– Это я уже говорил. Они сразу попадают на уровень, который гораздо выше нашего.

Собеседники помолчали, вглядываясь в последние от-блески заходящего солнца. На смену огненному светилу взошла хозяйка ночи красавица Луна.

Виталий старался осмыслить услышанное. Это оказа-лось непросто. Но вскоре он задал следующий вопрос:

– С детьми я понял. А куда попадают после земной жиз-ни злодеи, преступники, убийцы?

– Злодеи, преступники – это просто слова. Они ничего не значат. Мы называем их иначе: «больные», «заблудшие», «обманутые». Это более точные и самые верные определе-ния для таких людей. Все эти «больные», бескрылые люди попадают на тот же уровень, что и все остальные.

– Как же так? Светлые и чистые люди там, рядом с «больными». Все вместе? Тогда какая же разница, как жить на земле? Одни страдают и мучаются, другие вору-ют, насилуют и убивают, чтобы в итоге очутиться рядом?!

– Разница огромна! Ведь все, ушедшие от нас, люди помнят свою земную жизнь. Те, кто безвинно страдал, сохранил в чистоте свои души, обретают крылья и живут там счастливо. А те, бескрылые и больные, кто издевал-ся, грабил и убивал, живут рядом и сожалеют о прошлом. Не имея возможности ничего исправить. Это пострашней земных страданий. Они навечно обречены видеть радость своих, униженных ими в прошлом, братьев и сестёр, сво-их счастливых детей и родителей. Но сами не имеют этой радости. Ведь они уже никогда не смогут получить вечной радости после своих земных проступков и преступлений.

Собеседник Виталия так просто и доходчиво ответил на основные вопросы, что седой лилипут по-настоящему, почти физически, ощутил ясность в своих мыслях. Захо-телось улыбаться, петь, обнять этого доброго, мудрого че-ловека за его рассказ. Когда в душе всё окончательно уле-глось и прояснилось, Виталий решился задать свой самый главный вопрос.

– Вы сказали, что смерти нет, есть только жизнь. Мне пока трудно это понять. Сейчас ваш рассказ кажется самой прекрасной сказкой из всех, что приходилось мне когда-либо слышать. Но всё-таки сказкой. Или чудесным сном. И так не хочется просыпаться.

– Вы уже проснулись, друг мой, – с доброй, понимающей улыбкой мысленно ответил старец. – Так в чём же ваш вопрос?

– А где находится верхний уровень Истины?

– Да прямо над нами. Поэтому нашу страну не видно с воздуха. Нас не смогут обнаружить бескрылые, ни с воздуха, ни с воды и никаким другим способом. Они не обла-дают духовным зрением.

– Если смерти нет, то где сейчас Антон? – набравшись духа выпалил Виталий, одновременно боясь услышать ответ.

– Там, где все, оставившие тело, – спокойно ответил со-беседник. – Мы можем их видеть. И даже слышать.

– И смогу увидеть его при моей земной жизни? – с над-еждой спросил карлик.

– Мы проводим вас к нему. Думаю, уже завтра полетим туда вместе. И вы всё увидите своими глазами. Мы уверены, ваша печаль о друге растворится после этого без следа.

Немного помолчав, чтобы Виталий пришёл в себя, старец добавил:

– У кого крыльев не было внизу, в земной жизни, не будет и там, наверху. Все обычные люди уверены, что ум-рут. Поэтому и стремятся жить в основном для тела, для удовольствий, для денег и карьеры. О душе мало кто за-ботится. Хотят прожить короткую земную жизнь весело, богато, а потом будь что будет. Даже многие священники так живут. Словно их служение Создателю только обыч-ная работа. Вы обращали внимание на облачение священ-ников во время церковных служб?

– Конечно, красивое облачение, расшитое блестящими узорами и крестами.

– Не узоры и блеск имелись в виду, а форма этих одея-ний. Во время службы священники облачены в ризу, кото-рая специально пошита так, что выступает вверх над те-лом, значительно выше плеч. Словно под ней скрываются крылья.

– Да, видел. Но никогда не придавал этому особого зна-чения и не думал над этим.

– Большинство прихожан тоже не задумываются, поче-му ризы так пошиты. А ведь у многих батюшек и вправду там скрыты настоящие крылья. Особенно среди тех, ко-торые живут в монастырях. И не отваживаются на пере-лёт к нам они только по старости или болезни. Но у боль-шинства священников под ризой пусто. Как пусто и в их душах. Как сказано в Писании: «Много званых, да мало избранных».

В тот же миг Виталий вдруг вспомнил прощание с от-цом Серафимом. Его походку, глубокий взгляд, его суту-лую спину под ризой.

«А ведь вполне возможно, что и у нашего Серафима под ризой крылья», – подумал лилипут.

– Да что тут думать? Завтра всё сами и увидите, – за-гадочно улыбнулся старик, услышав мысли Виталия. На-ступила ночь, и новые друзья неторопливо отправились отдыхать к своим гамакам.

* * *

Так непривычно встречать рассвет с улыбкой. Что се-годня повидал Виталий во сне, останется его тайной. Проснуться и лежать в гамаке, не открывая глаз. Слушать тихий шелест листвы, ласковый шёпот набегающих на бе-рег волн. И улыбаться. Может быть, это и называется зага-дочным словом «счастье»?

Но полное счастье ждёт ещё впереди. Виталий чувст-вовал это каждой клеточкой тела. Счастье таилось в са-мой глубине каждой утренней мысли. И поэтому Виталий встречал рассвет с улыбкой.

Он открыл глаза и, спустившись с гамака на блестящую от росы траву, отправился на берег.

«Уже забыл, когда купался в последний раз, – подумал старик. – А сегодня хочется освежиться».

Августовский океан ещё хранил тепло лета. Виталий скинул одежду на песок и, поёживаясь с непривычки, во-шёл в воду по пояс. Окунувшись пару раз, он потёр ла-донями лицо, полежал вниз животом на волнах. Затем пошлёпал руками по поверхности, играя, как ребёнок,

и неторопливо двинулся к берегу. Прилив бодрости усилил радость пробуждения и захотелось завтракать. Хороший утренний аппетит в его возрасте – это тоже было новым, давно забытым ощущением.

Несколько человек завтракали на знакомой поляне, и Виталий, поприветствовав сидящих, присоединился к тра-пезе. Рядом безмолвно восседал вчерашний собеседник, седовласый старец.

– Вижу, вы бодры и веселы, друг мой, – возник в голове голос старца. – Завтракайте обильно. Скоро нам в долгий путь.

– Вы тоже полетите со мной на верхний уровень? – мы-сленно спросил его Виталий. – А кто ещё с нами?

– Ещё трое братьев, которые встречали вас. Они будут сопровождать нас на всём пути, туда и обратно.

После завтрака все пятеро собрались на берегу у вчерашней лавочки. Виталий подумал, что старец, видимо, здесь старший и проведёт инструктаж. Он не ошибся. Говорил только один, остальные почтительно слушали .

– Я не старший из братьев, – в ответ на мысли Виталия проговорил старец. – Наши старшие братья находятся гораздо выше, там, куда мы сейчас отправимся. А для нового собрата повторю ещё раз. Мы все, живу-щие здесь, остаток земной жизни готовимся к перелёту на верхний уровень Истины, чтобы остаться там навсег-да. А пока наша основная задача – встречать прибыв-ших сюда с большой земли, рассказывать о традициях и о том, что ждёт каждого из нас в будущем. И не только рассказать , но и показать . Мы сможем подняться в небо, почти до самого верхнего уровня. Но войти туда сегодня мы не сможем. Ещё не пришло наше время. Мы сможем увидеть своих родственников и друзей, ушедших туда на-всегда. Нам дана возможность не только увидеть их, но и мысленно услышать, и даже поговорить . Потом мы вер-нёмся обратно. Лететь строго за мной, ни на метр не от-клоняясь от курса. А теперь, братья, пожелаем друг другу ровного ветра и чистой радости полёта! В путь!

* * *

Пять крылатых братьев одновременно взмыли в небо, поднимаясь по плавной и широкой спирали строго вверх. Впереди седовласый старец и по двое, с его правой и ле-вой руки.

Не было необходимости следить за временем. Виталий стремился лишь экономно расходовать силы. В инструк-таже перед дорогой не было ни слова, сколько времени продлится полёт. Известно лишь то, что путь предстоит не близкий.

Зелень леса под братьями вскоре слилась в сплошной далёкий ковёр. Утреннее солнце ещё не слепило и не об-жигало, находясь несколько в стороне от выбранного кур-са. Но с приближением полдня начала чувствоваться уста-лость, и к тому же крутой подъём не давал возможности передохнуть в пассивном парении. Теперь глаза приходилось держать закрытыми, беречь от ярких солнечных лу-чей, лишь изредка, на мгновение, приоткрывая, сверяясь с курсом.

Вскоре старец сбавил темп взмахов. Виталий уже тя-жело дышал, всё острее ощущая на высоте нехватку кислорода.

«Подхватите брата, он устал»,– мысленно передал по-слание спутникам старший.

Уже находясь в полуобморочном состоянии, Виталий почувствовал, что его подхватили и понесли в небе руки товарищей. Полёт продолжался, пока все не услышали внятный голос старца:

– Всё. Мы на месте, выше нам нельзя.

Виталий усилием воли открыл глаза, постепенно приходя в себя. То, что он увидел над собой, описать словами крайне трудно.

Ярко-голубая, сияющая матовым светом, небесная сфе-ра делила всё воздушное пространство на две огромные части, словно граница двух миров.

В самом верху нижнего мира зависли, плавно махая крыльями, пятеро братьев. А над прозрачной, как стекло,

сферой стояли люди. Некоторые из них тоже были крылаты, но в большинстве тут находились обычные люди, лишённые крыльев. Они наблюдали за гостями под собой и приветливо улыбались.

– Над нами Высший уровень Света, – торжественно проговорил старец. – Выше этой вечной Истины нет ниче-го. Вы узнаёте здесь кого-нибудь? – Теперь он обращался к Виталию.

Карлик повернулся спиной к слепящему солнцу и поднял голову вверх.

Прямо над ним, всего в сотне метров выше, стояли люди. Было не понять, на чём именно они могли стоять. Видимо, прозрачная сфера обладала плотностью. На верх-нем уровне не было необходимости постоянно взмахивать крыльями, поддерживая тело в воздухе.

Несколько человек пристально смотрели на Виталия. И вдруг лилипута словно ударило током. Его глаза расши-рились от неожиданности, и из груди вырвался неудержи-мый крик:

– Антон! Ты здесь! Это я – Виталий! Ты жив!! – поток счастливых слёз заливал глаза и мешал смотреть на друга.

Антон молчал с радостной улыбкой, тоже узнав старого товарища.

Некоторое время старики безмолвно смотрели друг на друга, пока Виталий не услышал в голове знакомый голос:

– Я знал, что ты долетишь. Я всегда верил в тебя.

– А я не верил, Антон. Сомневался до последнего. По-сле того выстрела вообще упал духом. Мне всю дорогу было страшно, Антон.

– Но ты ведь справился. Преодолел. Награда за это – наша встреча. Но крепись, тебя ждёт ещё больше радости. Посмотрика, кто рядом со мной. – Антон повернул голову и вытянул руку в направлении ещё трёх людей, стоящих неподалёку.

Виталий перевёл взгляд и увидел сначала сияющего от счастья батюшку Серафима, а затем родителей Антона. Он знал их лишь по семейным фотографиям, которые друзья часто пересматривали по вечерам.

– Да! Я узнал их. Твои папа и мама. И наш батюшка Се-рафим. – Виталий снова задыхался, теперь уже не столько от недостатка кислорода, сколько от прилива неудержи-мой радости.

– Друг мой, нам пора назад, – услышал он голос старца, который всё это время безмолвно наблюдал за друзьями. – Вы повидались, и когда-нибудь встретитесь здесь навсег-да. Чтобы уже никогда не расставаться. А сейчас нас ждут на земле.

– До встречи, Антоша. До свидания, батюшка Серафим! – Виталий опустил крылья, послушно готовясь к плавному парению вниз.

Теперь не только у его маленького лилипутского тела были крылья. Сейчас обрела крылья и его душа. Они с Ан-тоном обязательно когда-нибудь встретятся, чтобы уже не расстаться никогда.

Михаил СМИРНОВ

Салават

ЧЕРЁМУХОВЫЕ РАССВЕТЫ

Майскими погожими днями, когда уже вовсю припекало солнце, и черёмуха укрывалась звёздными узорами цветов, Роман собирал рюкзак и в выходной день уезжал на свою полянку, на которую наткнулся, когда бродил со спиннингом по берегу реки в поисках щуки. Наткнулся на это место, посидел на крупном валуне, посматривая на излучину реки, на густые заросли черёмухи, что обступили полянку с трёх сторон, на старицу, впадающую в реку, и слушал далёкий перекат и соловьиные трели со всех сторон. Послушал и остался с ночёвкой. И каждый год, когда распускалась черёмуха, он собирал рюкзак и торопился на берег реки, чтобы встретить черёмуховый рассвет. А зи-мой долгими вечерами вспоминал, как в предрассветных сумерках заливались соловьи, стараясь, перепеть друг друга. И розовело небо, мелькал первый луч солнца и про-бегал по водной глади, а он сидел на берегу и наблюдал за черёмуховым буйством, за метелью из лепестков, что кру-жились над поляной и над ним, а вокруг был такой запах цветов, что казалось, протяни руку и прикоснёшься к нему

– этому черёмуховому рассвету…

На остановке толпился народ. У всех корзины и сумки,

а у некоторых лопаты и грабли. Видать, на зиму забирают, а по весне снова привозят. Дачный сезон открыли, едва со-шёл снег, и все заторопились вырваться из этого каменно-

го муравейника, который осточертел за долгую зиму. Все отправлялись на дачи, чтобы повозиться в земле, сделать грядки и высадить всякую зелень. Да ещё нужно с кустами повозиться, подрезать сухие ветки, побелить яблоньки и груши, а придёт время, посадить помидоры с огурцами. И так каждый день, каждую неделю, месяц за месяцем, пока не завершится дачный сезон…

Автобус бряцал дверками на остановках, некоторые дачники выходили, другие заходили , и у каждого была поклажа . В окно ворвался ветерок, и сразу сладковато за-пахло придорожной пылью. Роман стоял на задней пло-щадке . Вполуха слушал автобусные нескончаемые раз-говоры ни о чём , смотрел на дорогу, на многочисленные дачи, мимо которых проезжали , на дачников, которые уже копошились на своих участках и провожал взглядом, если попадалась цветущая черёмуха. Вся белая и нарядная, а запах от неё…

Поворот, а за ним мелькнула остановка, и чуть погодя автобус заскрипел рессорами и остановился. Пассажиры заторопились. Подхватывали поклажу, спускались по сту-пеням и, шумно переговариваясь, словно ручейки-живчи-ки растеклись по многочисленным улочкам и переулкам, на ходу осматривая покосившиеся заборы, замечали сухие ветви на кустах и деревьях, а там мусор откуда-то занесло, и тут калитка просела, и думали, с чего начинать свой дач-ный сезон…

Роман вскинул рюкзак на плечо и неторопливо напра-вился по выщербленной дороге вдоль дачных участков, за заборами которых горели костерки, где сжигали всякий мусор, оставшийся после долгой зимы, собирали опавшие листья и тоже бросали в костёр, подрезали ветки и туда же – в огонь. Потянул прохладный ветерок, и тут же пахнуло горьковатым дымком. Донеслись голоса дачников, кото-рые работали и успевали разговаривать с соседями, сами рассказывали и слушали всякие новости. А новостей-то накопилось много, зима долгая. Вот и делились… А бы-вало, что заходили в гости друг к другу и пили чай из за-копчённого чайника. Пили тут же на крылечке или на ска-мейке, разложив старую газету, а на ней горстка конфет,

печеньки и нарезанная колбаса с хлебом. А потом опять брались за нескончаемую работу…

Изредка останавливаясь, Роман смотрел на царство золотистых одуванчиков, что разрослись по обочинам дороги, а там клевер мелькнул, а уж крапива-то разрослась: высокая, жгучая, а щи из неё сварить – у, какие вкусные! Трясогузка быстро засеменила по дороге, отвлекая от сво-его гнезда. Давно уж позади остались дачи. Мимо него проехал рыбак на велосипеде: в сапогах, в фуфайке, ви-дать с ночевьём останется, пук удилищ привязан, а на ба-гажнике большой и тяжёлый рюкзак.

Роман свернул с дороги. По едва заметной тропке добрался до густого кустарника. Остановился и прислушался. Отовсюду доносилось неумолкаемое пение пичуг, которые радовались весне и тёплому яркому солнцу. Неугомонные воробьишки с громким чириканьем возились в пыли, и с шумом разлетелись в стороны, а потом сно-ва сбивались в кучки, и ну давай, кто кого перечирикает. А если внимательно прислушаться, то сквозь птичьи хоры доносилось звонкое журчание воды – это большой перекат разговорился, тоже весне радуется и бормочет, и бормочет неумолчно…

Раздвигая ветви, Роман добрался до небольшой полянки с молодой порослью травы. Запахло водой и речны-ми травами. Полянку с трёх сторон окружали кусты, а за ними буйно разрослись заросли цветущей черёмухи – это было его место, куда он стремился попасть, когда цвела черёмуха…

Роман сбросил рюкзак на землю и осмотрелся. Небольшая полянка, уютная. Вон весенним половодьем принесло копёшку сена, и она, застряв в кустах, поразвесила на ветвях длинные косы прошлогодней духмяной травы. А здесь кострище, и рядом заметны следы от шалашика, который унесло быстрым течением. Это не беда. Недолго новый смастерить. Роман не любил палатки. Ему больше нрави-лось поставить шалаш, набросать внутрь охапки травы, а потом лежать и слушать ночами, как бормочет перекат на реке, слушать, как спросонья всполошено ворохнётся птица в кустах, а вокруг такой запах черёмухи, что… Ро-

ман вздохнул, вспоминая. Хорошо-то как! А потом нахму-рился, взглянув на родник, где было полно мусора. Из-под него едва заметно пробивалась струйка воды и, прячась между камнями, исчезала среди галечника. Роман кив-нул головой. Ничего, бедняга, потерпи, расчищу, и снова зажурчишь-зазвенишь.

Роман убрал мусор из родника, потом углубил его. Вода помутнела. Прокопал канавку до речки. Камнями выло-жил порожки – ступени. И остановился, поглядывая, как постепенно набиралась вода в роднике и, достигнув края, зажурчала-запела, сбегая по подготовленному руслу. Ро-ман закивал головой – хорошо. Часика два-три пройдёт, муть исчезнет, и под солнечными лучами заискрится вода, заиграет, и закружатся песчинки, поднимаясь со дна, и за-поёт, зазвенит родник, радуясь, что вернулась сила, и бу-дет журчать-бормотать, все новости рассказывать…

Задумавшись, Роман смотрел на полноводную реку. Пройдёт немного времени, и вода начнёт спадать, войдёт в привычное русло, вдоль берега поднимется камыш, длин-ные косы распустит по течению роголистник, и зашлёпает хищник, гоняясь за мелочовкой-сеголетками. Казалось бы, привычная картина, но в то же время, каждый год что-то в ней прибавляется, что-то исчезает, но образ самой реки, образы этих картин всегда хранятся в сердце, и Роман зим-ними вечерами начинает вспоминать свою реку, своё ме-сто и цветущие черёмуховые заросли…

Роман взглянул на горы, кое-где покрытые жёлтыми проплешинами, на стайки деревьев, которые словно взбе-гали к вершине, на призрачный лес, освещённый яркими солнечными лучами. Вдали виднелось устье старицы, где до сих пор ещё сохранилась небольшая запруда. Когда-то, очень давно, там находилась мельница, а вдоль старицы и на берегу реки была деревня. Снесли её, лишь сохрани-лись остатки осиновой рощи и густой черёмушник, куда приезжал Роман каждую весну и всё…

Роман стоял и вспоминал, как в детстве вместе с братья-ми и друзьями пешком добирались сюда. Не забыл стари-цу, с обрыва которой, наблюдали за голавчиками, что раз-гуливали по поверхности. Сколько лет прошло с той поры,

а Роман помнил и деревню, и запруду с осинником и черёмушником, и друзей, с кем сюда бегали. Да всё, что здесь видел, он не забудет…

Вздохнув, Роман огляделся и принялся за шалаш. Неторопливо делал, добротно, чтобы на весь сезон хвати-ло. Широкий получился шалаш, просторный, с охапками духмяного сена. Нависшие ветви прикрывали его сверху, кустарник загораживал от сильного ветра. Перед входом горел костёр, постреливая искорками, а рядом лежало бревно, на которое уселся Роман, достал несколько карто-фелин и закопал в угли. Потом вскипятил воду в котелке, бросил в него листья смородины, щепотку заварки и по-ставил рядом с огнём, чтобы чай настоялся, а сам усел-ся на берегу и посматривал на бормочущий перекат, что сверкал под вечерними лучами солнца. Глядел на остров, что был неподалёку, сплошь заросший кустами и деревья-ми, который отбрасывал чёрную тень на стремительную воду. Слушал пение птиц, что никак не могли угомонить-ся в густом черёмушнике, и опять, невольно, переводил взгляд на устье старицы – туда, где стояла когда-то дере-вушка. Стояла, а сейчас… Сейчас ничего не осталось, кро-ме воспоминаний…

Поднявшись, Роман подошёл к костру, присел на бревно и веткой выкатил из горячих углей картошку. Обжигаясь, схватил одну и начал дуть, чтобы немного остудить. Не выдержал, заойкал, соскрёб пригоревшие места, разломил, вдохнув духмяный запах, посыпал крупной солью, немно-го откусил и зажмурился от удовольствия. У, как вкусно!

Дотянувшись до луковицы, Роман сильно сдавил её в ладонях, чтобы была сочнее, разрезал на четыре части, со-драл кожуру, круто посолил и, откусив кусочек картошки, бросил четвертинку лука в рот и захрустел, – а так ещё вкуснее!

При свете костра, он смотрел на сгущавшиеся вечерние сумерки, уплетал вместе с кожурой печёную картошку, по-хрустывал луком, мелкой молоденькой редиской и запивал душистым чаем со смородиновым листом.

Потом подбросил хворост в костёр, наблюдая, как взметнулись искры, выстреливая в тёмное небо яркими

точками, как весело заиграли языки пламени, освещая чёр-ную гладь воды. Набросив на плечи старую полинявшую штормовку, Роман долго сидел возле костра, посматривая на огонь, прислушиваясь к ночной тишине, откуда изредка доносились звуки переката, шорохи потревоженной пти-цы, глядел на огромное чёрное небо, где ярко светили, пе-ремигиваясь, далёкие звёзды и чувствовал себя маленькой пылинкой, частичкой большого и необъятного мира…

А едва забрезжил рассвет, Роман тихонечко выбрался из шалаша, зябко передёрнув плечами, подошёл к костру, где едва теплились огоньки пламени. Он оглянулся. Странное и беспокойное чувство охватило Романа, но в тот же мо-мент был какой-то восторг в душе, когда оказался внутри предутренних сумерек. Редко виднелись далёкие звёзды, едва заметный порыв ветра и холодок проскользнул по телу, он поёжился, вдохнул и задержал в себе ароматы воды, влажной травы и утреннего тумана. Посидел, осма-триваясь, а потом принялся подбрасывать в костёр сухие ветви. Затрещали они, охватывая тёплым воздухом, по-стреливая искорками, и вскоре загудело пламя, разгораясь всё сильнее и сильнее.

Роман сидел на камне, а перед ним медленно таяли остатки клочкастого тумана, он смотрел на открывающую водную гладь, на остров, где в предутренних сумерках горбатились неведомые животные, а неподалеку раздался всплеск – это хищник вышел на охоту. Понемногу стали проявляться кусты и деревья, отбрасывая на воду тёмные тени. Казалось, веселее забормотал, закартавил перекат, радуясь новому дню. При свете костра поблёскивала вода в роднике и журчала по сделанным порожкам, словно коло-кольца звенели в предрассветных сумерках. Заворочались спросонья птицы, зашуршали ветвями. Роман разогрел чай, раздвинул угли и бросил в ямку две-три картошки – завтрак. Посмотрел на небо, где пролегли светлые полосы. Вот-вот, ещё немного, и из-за гор мелькнёт первый луч солнца. Взглянул в сторону старицы, а потом повернулся и посмотрел на горы, на устье старицы и многочисленные заросли черёмушника, что были разбросаны вдоль реки, где стояла раньше деревня.

Небо всё ярче окрашивалось в голубовато-розовый цвет, освещая редкие облака. Где-то в кустах одиноко щёлкнул соловей, словно не решаясь нарушить утреннюю тишину, но вслед за ним уже смелее защёлкал второй, тре-тий, пятый и… И вскоре разнеслись соловьиные трели, перекрывая картавое бормотание переката и радуясь ново-му дню, и ещё мгновение – мелькнул первый луч солнца, пробежал по сонной воде, оставляя сверкающую дорожку, задел, зацепился за кипень черёмухи, окрашивая её в бе-ло-золотистый цвет, и вспыхнула она, разгораясь всё ярче и наряднее. Всколыхнул утренний ветерок чудо весеннее, и Роман почувствовал резкий и густой аромат, словно об-лако опустилось на полянку, окутывая округу горьковатым привкусом цветущей черёмухи. Он сидел, а над поляной и над речной отмелью закружился белый буран из черёму-ховых лепестков, сорванных утренним ветерком, и они медленно опускались на землю, покрывая её тонким бе-лым покрывалом.

Он смотрел по сторонам. На душе был покой, и непо-нятный восторг, а ненужная суета забывалась и исчезала. Роман сидел на берегу, и в то же время над рекой, а вокруг него были цветущие заросли черёмухового рассвета…

Утро нового дня.

Виктория ДЕМЧЕНКО

Полтавская область

СЧАСТЬЕ НА ВКУС

Вы когда-нибудь замечали, что каждое чувство имеет свой, свойственный только ему, вкус? Всё, что мы способ-ны ощутить душой и сердцем, на вкус совершенно разное, особенное. В зависимости от того, какое чувство – поло-жительное или отрицательное, его вкус также бывает не одинаковым.

Вот, например, радость... Какая она на вкус? Это вкус ванильного мороженого жарким безветренным летним

днём. Но для кого-то другого это может быть глоток сту-дёной родниковой воды. Как бы там ни было, а это то, что утоляет жажду жизни и возносит над обыденностью.

Гнев имеет вкус чеснока. Сначала он хорошо сочета-ется с тарелкой борща, мы можем даже не ощутить его остроту. Но стоит съесть лишнего, как неприятный запах осаждает не только окружающих, но и нас самих.

Обиду, словно какое-то переперчённое блюдо, мы гло-таем быстро, запивая большим количеством жидкости. Но она ещё долго горчит во рту, даже если заесть её порцией ванильной радости.

А вот какое на вкус счастье?.. Существует ли оно вооб-ще, и как его отличить между другими положительными чувствами? Счастье имеет вкус бисквитного пирожного с кремом, потрушенного сахарной пудрой. Мягкий би-сквитный корж, который легко поддается нажиму ложеч-ки, и нежный сливочный крем, медленно тающий во рту.

На самом деле, счастье тихо. Это не внезапный летний гром, а спокойный дождик, что не спеша опускается на яр-ко-оранжевый ковёр осени. Это не гонка за несбыточным и не накопление достижений, а тихое осознание важности того, чем уже обладаешь.

Бывают такие моменты, когда хочется, чтобы вот так, как теперь, длилось вечно. Особенно такое случается, когда чего-то очень долго ждёшь, или едешь длинной до-рогой. Тогда в душе поселяется невиданное спокойствие, все нынешние проблемы остаются позади, а те, которые едешь решать, ещё не настигли тебя в будущем. Тогда и проблемы не кажутся проблемами, а просто вопросами, которые надо решить. Существуют только «здесь» и «сей-час», которые полностью захватывают всё окружающее пространство, и в душе поселяется мир. Тогда уже не до-нимает громкий шум, доносящийся со сторон. Он словно проходит сквозь твоё тело, не причиняя вреда. Взгляд не замечает засохшую муху и потёки на стекле, а только раз-ноцветные полевые цветы, которые бушуют по обе сторо-ны железнодорожной колеи.

Тогда даже не донимает толстый слой пыли в вашем ежедневном автобусе домой, неописуемый грохот в сало-не и то, что он, кажется, развалится на части на следую-щем повороте. Не донимают постоянные жалобы пасса-жиров на жизнь. Тогда всё это кажется несущественным, в тот момент ты словно приближаешься к Истине, к Богу и летишь над обыденностью, широко расправив крылья.

Возле тебя всегда есть тот человек, который понима-ет и поддерживает. Он волнуется за тебя не меньше, чем ты за него. Ведь вы самые родные. Ведь вы – сёстры. Она легонько толкает тебя в бок и показывает глазами, куда нужно смотреть – на дикие цветы, которые танцуют на обочине дороги. Всё без слов. Всё практически на уровне телепатии. Когда ты по-настоящему понимаешь себя, то понимаешь и других. Именно с ней ты поделишься сво-им бисквитно-кремовым счастьем. Можешь даже отдать большую часть. Она сделает так же.

Тогда даже жара не ощущается настолько резко. Кроме того, ты умеешь вдыхать свежий воздух сквозь маленькую

щелку в люке, находясь от него на расстоянии в полтора метра. Просто представляешь, что находишься прямо пе-ред ней, и вдыхаешь свежий воздух на полную грудь. Ду-маешь, что вот оно и есть счастье – спокойствие и гармо-ния души. Хочешь, чтобы вот так длилось вечно. Вот это ваше короткое путешествие домой.

Внезапно маленький мальчик выкрикивает, показывая в окно: «Водичка! Водичка!» На твоём лице появляется улыбка. Дети точно знают, что такое счастье, они насла-ждаются им ежедневно. А почему взрослые так не выкри-кивают, заметив что-то интересное и не глотнув ложку ванильной радости? Почему-то чаще всего они едят чес-нок с горьким перцем вперемешку. Вот выкрикнула бы ты что-то подобное, все посмотрели бы на тебя как на безум-ную, даже не поинтересовавшись, где ты вдруг в автобусе достала порцию ванильного мороженого. А его ведь ещё можно полить сиропом и притрусить тёртым шоколадом. Дети не задумаются, что их поведение может вызвать ка-кое-то удивление и недовольство со стороны взрослых. Они искренни, правдивы и открыты ко всему новому. Они открыты до безумств. Ты тоже можешь делать безумные вещи, было бы только ради кого. И обязательно поделишь-ся с ним наибольшим куском своего бисквитного пирож-ного с кремом.

Хотя ни одно путешествие не длится вечно, и автобус останавливается. Но это ничего. Счастье можно найти и в обычном маршруте пешком до твоего дома. Дома его тоже вдоволь.

И тогда ты обращаешь свои глаза к Небу и благодаришь, что всё-таки ничего плохого не случается.

– У меня есть несколько кусков бисквитно-кремового счастья. Хотите, поделюсь с вами?..

Дмитрий КОЛИСНИЧЕНКО

Киев

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ИСХОД

1

Впервые с котами Николай связался в селе под Киевом, куда переехал за несколько лет до своего возвращения на родину, на Донбасс. Работая охранником в местном санатории, он принялся откладывать на квартиру с шахтёрской пенсии. Жилплощадь в его городке стоила недорого даже до войны: кроме горняков и стариков, жить там никто не хотел и не мог. В подъезде девятиэтажки нередко пустовала половина квартир, в которые можно было въехать хоть и не бесплатно, но по весьма сносной цене: в районе пяти тысяч инвалютой за однушку.

Сначала у одной из старух, где он квартировал, жила болезненная кошка Багира. Она мало ела и была пугливой. От нечего делать в свободное время Николай взялся её откармливать, но ещё больше испугавшись такой заботы, кошка на следующую ночь растворилась в темноте. Искать её не было смысла. На всякий случай с рассветом Николай обошёл ближайшие улицы, но трупик так и не нашёл. В том что чахнувшая Багира погибла, он не сомневался.

Когда у хозяйки внезапно появились далёкие родствен-ники – детей у старухи точно отродясь не было, – взявшие опеку над ней и её домом, Николая попросили вон.

Была зима. Он переехал по соседству – к одной из таких же одиноких старух, которая заглядывала поболтать к его хозяйке. За полгода Николай успел зарекомендовать себя

трудолюбивым и малопьющим, что хоть и было не совсем правдой, но оказалось немаловажно.

Тут у него и появился Метис. Был май – начинался ку-пальный сезон. Однажды один из соседских ребят, при-шедших монтировать летний душ, закончив с работой, по обычаю пообедав и выпив, на следующий день так вдруг расчувствовался, что принёс им котёнка – маленького и беленького. В него нельзя было не влюбиться. Тем более что предыдущая кошка у бабушки померла ещё лет пять назад. Без кота в доме было тоскливо.

Парень уверял, что котёнок – чистопородный метис.

– Белый метис, – подчёркивал он.

В котах ни Николай, ни старуха не разбирались, но их Метис, как назвал он котёнка, выглядел внушительно пу-

шистым и оттого благородным.

– Какого числа он родился? – спросил Николай. Парень не понял вопроса, отчего, по привычке, решил

просто промолчать.

– Ну, родился он когда? В какой день? – попытался объ-яснить Николай.

– Да откуда же я знаю, в какой день? На Пасху он родил-ся, что ли? Такого я знать не могу. Да и вообще, это кот, а не человек. Нету у него дня рождения, – ответил он, даже нахмурившись, подозревая, что Николай над ним просто насмехается.

– Так он же маленький совсем, родился месяца два-три как от силы, чего же было не запомнить? – не унимался Николай.

– Да что вы привязались! – не выдержал парень, но, нарвавшись на строгий взгляд, осёкся перед старшим и призадумался.

После некоторый вычислений вышло, что кот родился то ли двадцатого, то ли двадцать второго февраля.

– Как-то так, – довольно прикинул парень.

Большая точностью была и не нужна. Для удобства Николай выбрал двадцать третье число – аккуратно на праздник.

Метис рос домашним котом, но, немного повзрослев, однажды всё же убежал. В первый раз его не было два дня.

Хозяйке было всё равно.

– Что с ним станется! Он же кот! – лишь отмахнулась она.

Николай тревожился и даже пытался искать Метиса по соседним дворам, заглядывая иногда украдкой, будто замышляет что-то противоправное, через забор. Не заходить же в каждый двор, рассказывая хозяевам о пропавшем коте? Такого просто не поняли бы, а Николая, чего доброго, выставили бы на посмешище. Он и так чувствовал себя тут чужаком, белой вороной, и лишние чудачест-ва, идущие вразрез сложившимся устоям, были ему ни к чему.

Однако Метис вернулся – живой и здоровый.

После того случая Метис сбегал ещё несколько раз. Иногда кота не было почти неделю, но Николай теперь от-носился к этому спокойнее.

О том, чтобы кастрировать кота, никто ни разу не упоминал. Это было противоестественно и оттого смешно даже для Николая. Обсуждать такое со старухой он считал постыдным.

«Ещё подумает чего», – переживал он.

2

На пенсии у Николая появилось много лишнего времени, и он ещё больше полюбил цифры и даты. Считать Николай любил всегда – он знал на память все годовщины и дни рождений даже едва знакомых ему людей, с которыми и пересекался по жизни всего ничего: бывших женщин, хозяек съёмных комнат и троюродных братьев.

Короткие даты, звучащие не столь внушительно в го-дах, он любил измерять месяцами. Двадцать два месяца, например, звучали куда лучше, чем почти два года.

В ту ночь случилось неприятное происшествие. Нико-лай не верил в мистику, но произошедшее показалось ему плохим знаком.

Было ровно десять месяцев, как он переехал. Дата такая себе, жиденькая, но Николай купил бутылку водки и уго-ворил хозяйку поужинать вместе.

Лето заканчивалось. Было жарко. Приближался День шахтёра. Николай хотел, якобы в шутку, спросить хозяйку, что она ему подарит. В лучшем случае, думал он, двухли-тровую бутылку пива. От этой мысли настроение у Нико-лая тут же портилось, поэтому он вновь предпочёл просто промолчать.

Бабка выпила за ужином рюмку в четыре захода и уже устало хлопала глазами. Ужин – жареная картошка на сале и крылышки из микроволновки, селёдка и салат из огур-цов-помидоров – был почти съеден.

Николай выпил уже полбутылки и решил, что с него хватит.

За столом они не разговаривали. Разговаривать было не о чем.

Он только поднимал короткие тосты. Тосты говорить Николай тоже не умел. Все эти «желаю счастья в личной жизни» казались ему издевательством, особенно если по-добная чушь звучала в его адрес.

Да и что вообще можно пожелать старухе? Говорить та-кое чужим, зачастую малоприятным ему людям, кривить нутром Николаю не хотелось. Если до него доходил черёд произносить тост, он старался быть лаконичным, желал, как правило, здоровья и по обстоятельствам – семейного счастья, чтобы дети радовали, чтобы шахта не закрылась. В таком случае все начинали виновато улыбаться.

Но тут шахт не было. Первый тост Николай поднял за старуху и за их десять месяцев совместной жизни под од-ной крышей и на одном дворе.

Она годилась ему в матери, поэтому Николай иногда позволял себе достаточно сальные шуточки в её адрес:

– Вот если бы ты, Андреевна, зубы себе новые встави-ла, я бы на тебе точно женился.

Ей такие заходы с его стороны нравились. Старуха хи-хикала, жамкая беззубым ртом, и жеманно опускала глаза в тарелку.

Второй тост был за друзей. Николай любил его больше всего:

– Другу – за друга. А ты мой дружбан теперь.

Хозяйка молча обсасывала мягкое крыло и радовалась.

Третий тост был за любовь. Николай предусмотрительно не стал целовать старуху и вышел на крыльцо покурить.

По радио, которое составляло им компанию на кухне, запела народная артистка София. Она пела о красоте на-шей страны, любви и Карпатских горах. Всё это завораживало. Особенно если перед этим немного выпить.

Старуха принялась покачивать в такт песне головой влево-вправо и неслышно подпевать, едва заметно шевеля замкнутыми тонкими ниточками губ.

– А мне вот Алла больше нравится, – сказал Николай, возвращаясь, и несколько нервно наливая себе рюмку, едва не перелив за края.

– Не мели чушь, послушай, какой голос, – бабка прикрыла глаза и, казалось, уже засыпала.

– Голосом природа её не обделила, но она так, просто голосит. Мало ли у нас таких баб голосистых? Миллионы! А Алла – актриса! – Николай зло выпил рюмку.

Старуха разомкнула веки и насильно улыбнулась:

– Ну и идиот же ты!

3

Николай не успел ничего ответить, услышав, как скрип-нула калитка. По тропинке к кухне шёл один из соседских пацанов.

– То не вашего кота машина сбила? – начал он в лоб.

– Метиса? – переспросил Николай, холодея и отодвигая вглубь стола пустую рюмку.

– Там кот белый на дороге лежит, – объяснил как мог явно неразговорчивый парень и пошёл обратно к воротам.

Николай встал и двинулся за ним. Бабка посеменила следом.

– Сиди дома, – сказал он.

Старуха повиновалась.

Вправо от их дома, за поворотом, посреди дороги лежал белый кот. Было уже темно, улицу освещал лишь лунный свет, да едва дотягивался уличный фонарь в полусотне метров от них. Однако бездыханное тельце даже сейчас выделялось на почти чёрной пыльной асфальтной дороге. Шерсть продолжала играть серебром.

Сравнивая Метиса с другими белыми котами при днев-ном свете, Николай отчётливо видел разницу и был уверен, что его кот красивее всех, что его ни с кем не перепутать. Но сейчас, испуганный и почти пьяный, завороженный его ночным блеском, даже не разглядывая кота, Николай был уверен, что перед ним Метис.

Вокруг трупика не было крови. Машина переехала его очень аккуратно. Николай бережно взял кота, не ощущая никакой присущей ему в подобных ситуациях брезгливо-сти. Тельце было ещё тёплым. Николай почувствовал, как по его щеке скатилась слеза.

– Ваш, значит, кот, – сказал парень равнодушно.

– Мой, – ответил Николай, моргая, стараясь сдержаться хотя бы при пацане.

– Его недавно сбили, – зачем-то сказал он, прыгнул на велосипед и скрылся за поворотом-убийцей.

Пьянея от горя и едва волоча стреляющую обострив-шимися искрами едкой боли повреждённую ещё в шахте ногу, Николай понёс кота домой. Он старался на него не смотреть, сосредоточенно и тупо глядя перед собой на до-рогу. Всё было тихо, никто не ехал.

Хозяйка вышла встречать его почти на середину доро-ги. Он махнул рукой, чтобы та ушла, но старуха не слуша-лась. Николай прошёл мимо неё. За его спиной грохнула калитка.

– Ой, Беленький! – услышал он её жалобные всхлипывания.

Бабка так и не научилась называть кота по имени. Нико-лай любил говорить, что у собак – клички, а у котов – име-на. Коты хитрее и наглее и куда больше походят на людей, чем преданные и оттого глупые собаки.

Для старухи же коты всю жизнь назывались по цветам

– Белка, Черныш, Рыжик. Слово Метис было ей незнако-мо, она долго путалась, коверкая его на всякий лад, после чего плюнула и начала называть кота Беленьким. Николай был недоволен, получалось, что у кота было два имени, и на оба он, когда, конечно, ему это было нужно, отзывался. Это было неправильно, но переубеждать хозяйку не имело смысла.

– Ой, Беленький! – продолжала причитать старуха, ког-да Николай внёс его на кухню и осторожно, будто боясь ему чем-то навредить, положил трупик на табурет.

– Машина сбила, – наконец сухо констатировал он.

К своему удивлению, Николай заметил, что бабка тоже плачет. Он почувствовал что-то вроде ревности. Кормил и выходил кота в такого красавца именно он. Старуха лишь иногда могла дать пятёрку или десятку на лакомства – корм в пакетиках или маленьких консервах. Николай считал это баловством. Но Метис рос у него балованным и быстро смекнул, что, если отказываться от простой пищи, которой как правило служили малоаппетитные объедки со стола, можно устроиться так, чтобы всегда есть вкуснейшие консервы, в крайнем случае – творог или бычки.

За рыбой Николай ездил на трамвае в город и тщательно вываривал её для кота, размягчая кости. Чтобы тот вдруг не подавился и не сдох. Бычки он смешивал с макарона-ми и оставшимся после жарки мяса на сковородке жиром. Макароны с жиром Николай любил и сам, но Метис любил их ещё больше: он настойчиво громко кричал, чтобы бычки смешивались именно с макаронами и жиром. Однажды, когда он попытался дать коту отварную рыбу без ничего, тот презрительно даже не подошёл к миске, отправившись в очередной раз гулять на всю ночь, а Николай ещё долго злился на Метиса, рассуждая почти вслух, что другие коты как-то жрут сырую рыбу – и ничего.

4

С рыбой у Николая было связано жутковатое воспоминание из детства, преследовавшее его даже в редких снах уже более полувека. Когда они жили в рабочем посёлке с отцом, уже после смерти матери, двумя этажами ниже у них был сосед – дядя Иван.

Однажды он сидел во дворе, пил пиво с сушёной во-блой и забивал с такими же мужиками «козла». Отец был на работе. Старший на два года брат Мишка играл с паца-нами на пустыре за домом в футбол. Маленький Колька ел черешню.

Больше он ничего не запомнил, произошедшее навсегда скрыл туман времени. Но некоторые моменты оставались столь же чёткими, как и в тот день, хотя Николай даже не помнил, светило ли тогда солнце, или дул ветер. Хотя, на-верное, всё же было жарко и светло. Раньше всегда лето было как лето, не то что сейчас.

Он всё видел собственными глазами и, когда рассказы-вал об этом брату, даже немного робел, боясь описывать произошедшее слишком красочно, в деталях, чтобы не прослыть вруном. Мишка ничего не сказал, лишь забрал черешню. Колька подумал, что тот решил, будто он врёт, и переживал, как бы брат не стал рассказывать об этом стар-шим пацанам, которые и так с ним не общались.

Однако Мишка никому ничего не рассказал, даже отцу. По испуганному лицу младшего брата он сразу понял, что всё было именно так, как он рассказал, что Колька не врёт. Мишка просто решил не подавать виду, чтобы тот не зазнался.

Мужики играли молча и серьёзно, словно делали что-то действительно важное, требующее особой сноровки и со-бранности. Некоторые даже в проходку с такими тяжелы-ми лицами не ходили. Они обдумывали каждый ход, слов-но шахматные гроссмейстеры на маленьких чёрно-белых фотографиях в детских журналах, где иногда рассказыва-ли подрастающим шахтёрам и рабочим о тонкостях древ-ней игры.

То, что произошло дальше, не показывали даже во взро-слых фильмах, на которые Колька пару раз пробирался братом и старшими ребятами с чёрного хода. Они нашли лазейку с улицы, незаметно растворяясь в дрожащем от света с экрана мраке огромного переполненного зала; пря-чась в тёмных уголках под сценой, смотря кино, высоко задрав головы. Отсюда, если что, можно было быстренько удрать. Или же пацаны пробирались на самую галёрку, на последние ряды, где официально с видом победителей си-дели взрослые ребята. Многие из них уже учились в ПТУ и были с девушками. Колька им жутко завидовал. Мишка и другие ребята, должно быть, тоже. Впрочем, иногда сво-бодное местечко там находилось и для них.

Сделав свой ход, дядя Иван отвлёкся от домино, положил на стол кости и многозначительно отхлебнул из коричневой пузатой бутылки уже тёплое пиво, после чего оторвал голову очередной вобле.

Когда Колька был помладше, с другими ребятами они не брезговали забирать рыбьи головы со стола, когда мужики уходили. Пацаны постарше собирали окурки. Сухие солёные головы с ароматной мякотью, как они говорили – мозгами, считались самым вкусным в рыбе, когда рыбы не было. Бывало, мужики не отрывали плавники – то ещё объедение, которое счастливчик потом смаковал целый день.

Кольке снова захотелось рыбы, но он уже был достаточно взрослым и, наверное, постеснялся бы забирать объед-ки после мужиков. Пока он боролся с соблазном и внезап-но образовавшейся перед ним дилеммой, дядя Иван вдруг как-то весь напрягся и выпрямился. Мужики глянули на него, некоторые побросали кости. Игра смешалась. Колька сидел всего в десяти метрах, на соседней скамейке, и ви-дел, как их сосед снизу вдруг схватился за горло длинны-ми сильными пальцами. У Кольки мелькнула мысль, что дядя Иван, перед тем, как умереть, зачем-то хочет вырвать себе кадык, и от этого ему стало особенно, невыносимо жутко.

5

Кот лежал перед ним мёртвым, и убила его отнюдь не рыба.

– Ой, Беленький, – повторила бабка спокойнее и уже как-то отрешённо.

Николай взял с полки возле холодильника пузырёк с её лекарствами и накапал ей в рюмку с водой вместо двадца-ти сразу двадцать пять капель – чтобы наверняка. Она вы-пила залпом и замерла, казалось, окаменев. Он оглянулся и взял большой целлофановый пакет из супермаркета.

– Я его похороню, – сказал Николай.

Хозяйка не отвечала. Он спрятал труп кота и плотно завернул.

«Как тушка бройлера», – подумал Николай.

Он вышел из дому. Старуха даже не пыталась последо-вать за ним. Николай взял из небрежно наваленной кучи полевого инвентаря лопату. За домом были огороды. Боль-шая их часть давно стояла заброшенной и поросла бурья-ном. Он пошёл в крайний конец участка, пробираясь в самые заросли разросшихся кустов и трав, иногда доходя-щих до горла и лезущих прямо в лицо.

На первых порах, только въехав, Николай имел боль-шие планы на эти земли: он представлял, как приведёт тут всё в порядок, засадит и засеет, после чего будет солить и консервировать на зиму. А кое-что, возможно, можно было бы даже продать – по селу каждый день ездили скупщики, забирая всё, что было. Платили, как правило, процентов на 30–40 меньше, чем можно было выручить, торгуя на рынке. Но если вычесть траты на проезд и время – хотя свободного времени у Николая было предостаточно, – можно было не напрягаться и сдавать всё сразу скопом. Он даже обсудил свой бизнес-план с хозяйкой, которая его одобрила, даже не попросив делиться будущей прибылью. Однако когда Николай пару дней поработал, безрезуль-татно пытаясь очистить часть земли от сорняков, весь его энтузиазм сошёл на нет. Николай рассудил, что для соб-ственных нужд им с хозяйкой вполне хватит имеющихся десяти соток.

Лето уходило. Дождя не было больше двух недель. Зем-ля посохла. Грядки Николай ежедневно поливал из шлан-га, здесь же листья кустов и травы пожухли, устало кло-нясь над потрескавшейся землёй.

Тело кота через целлофан казалось совсем холодным. Николай оглянулся на размывающийся в ночи дом с оди-ноко горящей лампочкой на кухне, где за плотно задёрну-тыми цветными толстыми занавесками сидела старуха.

Выбрав участок с минимальной растительностью, Ни-колай положил свёрток на землю. Он закурил. Было тихо. Лишь вдалеке безответно брехала одинокая собака. Её лай был ленивым и едва различимым. Потом смолк и он.

Николай потушил окурок, втоптав его в сухую траву, и принялся с силой рубить её лопатой. Первые слои земли

с травой отошли легко. Потом лопата врезалась в окаменелый грунт. К такой работе Николаю было не привыкать. Он размахнулся и вонзил острие лопаты в неподатливую землю, и та сдалась: большая трещина, в которую вонзилась лопата, разошлась, вывернув из нутра на поверхность сухую глину с песком. Николай ударил в образовавшийся прорыв ещё раз и ещё. Внизу земля была мягче и нежнее.

«Будет почти пухом», – подумал он.

Небо было затянуто облаками, но дождя не обещали. Николай не видел, но на ощупь оценил, что яма, должно быть, была уже достаточно глубокая, вместительная, чтобы пакет влез в неё целиком, оказавшись полностью под уровнем грунта. Он думал о мёртвом коте как о пакете и не вспоминал его по имени. Так тоже было легче.

Николай взял обёрнутый целлофаном трупик и положил его в яму. Он вырыл достаточно. Быстро присыпав яму выкопанной землей, он соорудил сверху небольшой холмик, набросав вокруг вырванный дёрн, после чего обломал сухую ветку одичавшего малинового куста и воткнул её сверху. Николай сомневался, стоит ли ставить на могиле кота крест. В Бога он не верил, но всё равно это было как-то неправильно.

6

Вопрос с крестом Николай решил отложить на утро. Бросив лопату в кучу инвентаря, он вернулся в дом. Хозяйка сидела в той же позе там, где он её оставил. Он взял бутылку, налил себе рюмку водки и закусил редиской.

– Пошли спать, Андреевна, – сказал Николай.

– Пошли, – согласилась она, даже не спросив, закопал ли он кота.

Николай проводил старуху до её комнаты.

Ночь обняла дом. Всё стихло. Даже воздух стал про-хладнее. Ночь старалась их успокоить, убаюкать.

Николай долго не мог уснуть. Ему было душно, крути-ло ногу, он думал о Метисе. Он встал и отворил форточку, как это делал всегда, чтобы кот, если вернётся ночью, мог проникнуть в дом.

Поймав себя на мысли, что продолжает ждать Метиса, Николай разозлился и плотнее закутался в тёплое байко-вое одеяло, сменить которое на более легкое синтетиче-ское ему было недосуг. Ему стало жарко, Николай зажму-рился и постарался уснуть.

Прошло немного времени. Он старался ни о чём не ду-мать, просто глядеть в мерцающий мрак через закрытые глаза. В ночной тишине ему послышалось кошачье мяука-нье – слабое и далекое.

Николай лежал к окну спиной. Ему захотелось повер-нуться и посмотреть, но мяуканье не повторялось. Он подумал, что ему просто мерещится, показалось. Но дале-кое мяуканье не шло из головы. Николай сильнее зажму-рился , но всё равно не мог не думать о том, что услышал. Даже если это была всего лишь галлюцинация, какая раз-ница? Тем более, в галлюцинации, экстрасенсов и всякую чертовщину он не верил. Как и в Бога. Но кто же тогда мяукал?

Кошачий голос раздался вновь. Уже ближе. Будто сов-сем под окном.

Когда ему было двенадцать лет, убили их мать. У них в рабочем посёлке тогда после нескольких амнистий за пятилетку всякое случалось, но женщин убивали редко. Об этом убийстве говорили пару месяцев, даже в местной газете писали. Потом взяли какую-то банду налётчиков-рецидивистов, и эпизод пришили к делу. Мать хоронили в закрытом гробу. Никому, кроме отца, пришедшего в морг на опознание, её так и не показали. При ограблении у неё не только сорвали цепочку, но и вырвали из ушей крошеч-ные золотые серьги – стоили они сущую мелочь.

После похорон за поминальным столом у них на квар-тире кто-то из взрослых вдруг начал читать молитву за упокой её души. И тогда маленький Колька устроил не-большой скандал, встав и заявив, что Бога нет. В против-ном случае, заявил он, разве допустил бы Бог, чтобы его мать убили просто так – за пятьдесят рублей? Взрослые ему ничего не ответили. Отец просто поставил Кольку в угол. К этому вопросу они не возвращались – всем им было не до Бога.

Кот снова принялся мяукать. На этот раз громче, и Николай уже отчётливо понимал, что это всё реально. Это всё по-настоящему. Или же у него просто едет крыша.

Вопреки своему агрессивному нигилизму – Николай лишь снисходительно соглашался праздновать Рождество и Пасху, да и то не упускал случая отпустить за столом ка-кую-нибудь богохульную остроту. Тем более сейчас, когда шла война.

Испугавшись, он даже попытался молиться. Никаких молитв Николай не знал, лишь помнил какие-то строки, даже слова, скорее – их обрывки – из услышанного несколько раз «Отче наш». Он закрыл глаза – буквы поплыли перед ним в темноте: «Ижы Иси На Небеси…» «Жы, шы?» – усомнился Николай.

Потом он вспомнил, как где-то слышал, что настояще-му праведнику всякая чертовщина не страшна. Но праведником Николай не был. «Как и все», – зло подумал он.

Когда ему стало совсем страшно и он был уже готов подняться с кровати и ринуться к окну, чтобы прервать это переходящее в ужас сумасшествие, звуки смолкли – мяуканье прекратилось. Николай прислушивался ещё несколько минут, но ничего не было слышно, даже собаки и те не брехали, угомонились. Ничего не происходило.

Немного успокоившись, Николай провалился в сон.

Сначала сон был привычно глубоким и мрачным. Чаще всего Николаю вообще ничего не снилось. Прошлая жизнь оставила его в покое. Гнетущие воспоминания отступили. Не было ничего кроме мрака. Это было почти, как уме-реть, только его ждало новое тягостное пробуждение. К счастью, во сне он этого не знал.

Мёртвое спокойствие продолжалось недолго. Вдруг вокруг всё расцвело, и настал день. Всё было приторным до жути – и шелест куста крыжовника за крыльцом, где Николай оказался на своей любимой низенькой деревян-ной табуретке; и перешептывание листвы, среди которой прятались крошечные зелёные яблочки, появившиеся

из цветов у него на глазах; и вкус сигареты, которую он курил.

В его сон, как Николай и предчувствовал, понимая, что существующее благолепие обманчиво и за давящей ти-шиной таится какая-то страшная неведомая ему угроза, ворвался Метис. Кот появлялся медленно, входя в ракурс сна постепенно, лениво выползая из-под крыльца, откуда сначала появилась белая лапка, потом – розовый носик, ушки, а после и всё тело, изогнувшись, выпрыгнуло на первую ступеньку. Метис посмотрел на Николая. Глаза у кота были неестественно жёлтыми. В них с укором шевелились чёрные убывающие луны зрачков.

– Ай-ай-ай, – сказал Метис жалобно, но настойчиво и мягко, неслышно прыгнул ступенькой выше.

Николай отметил, что между ними оставалось всего две ступеньки. А потом кот окажется на крыльце, прямо у его ног. Ему стало страшно. Он с надеждой вспомнил, что это скорее всего сон, поэтому всё это ерунда и можно проснуться.

Николай попытался открыть глаза, но тщетно. Сон даже не дрогнул, цепко взяв Николая в свои объятия.

– Ай-ай-ай, – повторил кот и перепрыгнул сразу две ступеньки, беззвучно опустившись прямо у его ног.

Николай почувствовал исходящее от него тепло. Он подавил дрожь и стал рассматривать Метиса: кот был чи-стеньким, словно его только что вымыли и вычистили, шерсть блестела и пушилась.

Не дав ему опомниться, Метис ловко прыгнул с пола на низенький подоконник и оказался на одном уровне с лицом Николая. Подумав, что кот вот-вот вцепится ему в лицо, он попытался отпрянуть, но был зажат в углу дере-вянной веранды: сзади – стеной, слева – столом, справа – глядящим на него котом.

– Зачем же ты меня заживо похоронил? – спросил Метис.

– Я не знал. Я думал, тебя машина сбила, – язык не слу-шался, и Николай почувствовал, что немеет от ужаса.

– А я жив-здоров, – ухмыльнулся кот, ловко спрыгнул на крыльцо и растворился в саду.

Сон тут же прервался какой-то мешаниной из прошлой жизни: появлялись бывшие жёны, оставленные дети. Николай не видел их почти четверть века. Жёны являлись к нему во сне ещё молодыми и желанными, худенькими, как девочки. Оба сына – Артём и Мак-сим – уже были взрослыми. Совсем юношами . Сейчас им уже за сорок. Обе бывшие супруги, когда всё сов-сем стало плохо, он ушёл с шахты и платить алименты было попросту не с чего, – решили не ждать и разлете-лись в разные концы света: одна – в Англию, другая – в Грецию. Они с ним не общались . Дети – тоже. Разве что во снах. Николай только и тешил себя тем, что у них всё хорошо, предпочитая не вспоминать о том, что хорошо им не благодаря, а вопреки всем его усилиям сделать их жизнь невыносимой, лишить всяких надежд и перспектив.

Если бы тогда он не ушёл с шахты и продолжал бы выплачивать им деньги , достаточные для жалкого тихого существования в южной жаркой пыли терриконов, Артём и Максим наверняка тоже пошли бы работать в забой. Куда же им ещё было идти? Разве что в бандиты, но оба парня были слишком хорошо для этого воспитаны . Тоже благодаря бывшим жёнам. А сейчас они, возможно, тоже воевали бы, может быть даже – под разными флагами.

Артём и Максим снова явились – ещё молодые, здоровые. Николай даже не видел их фотографий. Должно быть, у них уже появились седины.

– Что же ты нас похоронил, батя ? – спросили они его хором.

В жизни, насколько он помнил, сыновья так его никогда не называли, из-за чего всё это звучало особенно угрожающе.

– Вы же живы и здоровы, у вас же всё хорошо, – при-нялся оправдываться Николай, механически предъявляя давно заготовленные на такой случай, если они вдруг ког-да-то встретятся, фразы.

– Эх, батя, похоронил ты нас всех, – укоряли его Артём и Максим.

8

Сон снова смешался, стал тягучим и тяжёлым, присы-пал Николая, словно сырой землей. Ему стало трудно ды-шать. Он попытался закричать, но не мог исторгнуть из себя даже стон.

Николай подумал, что умирает, и проснулся. В комна-те было сумрачно и тихо. Без утреннего солнечного света комната казалась пустой. В разрыве неплотно задёрнутых коротких занавесок просматривался кусок серого неба. Рядом с окном, ударившись о стекло крылом, юркнула в гнездо под крышей ласточка. Птица тревожно крикнула и умолкла. Явственно собирался дождь.

Иногда птицы шумели слишком громко, но трогать ла-сточек Николай не решался, будто снять гнездо, перенести куда-то в другое место, было не просто преступлением, а большим грехом, за который его покарает если не Господь, то ещё какая-нибудь сила.

Сами ласточки тоже вызывали в нём необъяснимый страх. Как и птицы вообще.

Этот страх тоже тянулся из детства . Однажды, в млад-ших классах, на школьной перемене Толик , большой и толстый, вечно задирающий всех, не только Кольку, при всех взял его на понт, заявив, что тот не попадёт пал-кой по пролетающей вороне. Вороны попались Толику на глаза случайно – их гнездо было на нижних ветках огромного старого , с уже треснувшим стволом тополя. Впрочем, оно находилось достаточно высоко, чтобы по-пытаться влезть туда и достать его. Никто и не решался. Как и бросать в гнездо камнями, чтобы попытаться его сбить. Рядом , на всё ещё могучей , но уже начавшей под-сыхать ветке ворона воспитывала воронёнка: тот смешно прыгал туда- сюда, цепляясь тоненькими лапками за шер-шавую кору.

Они как раз пинали мяч, когда воронёнок не удержался и смешно упал в пыль. Ворона встревоженно посмотрела сначала на детёныша, а потом на их компанию. Её глаза даже на таком расстоянии, казалось, предупреждали всех их, особенно Кольку – не приближаться.

Толик вручил ему валявшуюся под забором доску и подмигнул:

– Или ты ссышь?

Кольку испытывала дюжина по-детски злых глаз. Отступать уже было нельзя.

Воронёнок поднялся на лапки и принялся прыгать, после чего, взмахнув крыльями, поднялся над пылью и начал низко летать вокруг дерева. Ворона спикировала вниз.

Оглянувшись, Колька убедился, что всё на него таращатся. Да ещё и начинают уже насмехаться. Делать ему ничего не оставалось.

Он подошёл ближе. Ворона казалось огромной и какой-то липкой, будто её вымазали мазутом. Она посмотрела на Кольку своими огромными бездонными глазами, отчего он едва не отшатнулся. У него закружилась голова. В этот момент воронёнок как раз делал полный круг вокруг тополя и возвращался на место падения, где его ожидала мать.

Сзади раздался смех и свист. Растерявшись, Колька зажмурился и махнул доской, она выскользнула у него из влажной от страха ладони и беззвучно скользнула по земле.

Но прежде он услышал глухой хруст. Воронёнок тихо пискнул и рухнул в пыль. В следующие секунды Колька не успел опомниться, как ворона, даже не подлетев к побито-му детёнышу, атаковала его.

Он едва успел отшатнуться. Колька вспомнил сказку о золотом петушке, который убил царя, клюнув того в темечко. Тогда он не сомневался, что ворона, руководствуясь животным принципом «кровь за кровь», собирается про-делать с ним то же самое.

Когда ворона подлетела совсем близко, он испуганно прикрыл голову руками, глядя ей глаза в глаза, чувствуя себя парализованным и сожалея лишь об упущенной пал-ке, которой он без раздумий забил бы безумную в сво-ей материнской злобе птицу до смерти. Только бы разок хорошенько попасть по ней. Но доска одиноко валялась между бесцветными от пыли толстыми корнями дерева. Она была бесконечно далека. Повсюду была лишь пыль.

Ворона снова попыталась его клюнуть. Колька с ужа-сом понял, что не способен защититься полностью и, при-крывая темечко, оставлял открытыми для атаки глаза. В тот момент он туго соображал, где находится это самое темечко, отчего просто закрывал голову двумя ладонями, максимально растопырив и прижав к стриженой голове, на которой по тогдашней моде лишь торчала чёлка над бровями, холодные от паники пальцы.

Когда он оглянулся, то увидел, что его одноклассники, несмотря на безопасное расстояние и то, что птица атако-вала не их, а его, бросились прочь и сейчас уже шмыгают в калитку – к безопасным каменным стенам школы.

Колька понял, что нужно бежать, бежать изо всех сил. К счастью, бегал он на твёрдую пятёрку. И Колька побежал. Ворона истерично закричала ему вслед. Он не оглядывал-ся, лишь продолжая прижимать ладони к голове, отчего был похож на киношного пленного, пытающегося сбежать от конвоя, ожидая в любой момент получить полю в голо-ву или в спину.

Забежав за ограждающий спортивную площадку же-лезный забор, Колька выглянул из-за его прутьев. Конеч-но, они бы его ничуть не защитили, но он облегчённо вы-дохнул, увидев, что ворона вернулась к своему детёнышу. Тополь остался в доброй полусотне метров. На расстоянии ворона казалось крошечной и совсем не опасной.

Колька поплёлся в класс. Ребята над ним всё равно посмеялись, но как-то натянуто. А на следующий день о случившемся уже никто и не говорил, делая вид, что всё забыто.

Только на спортивную площадку из них никто больше не ходил. Был май, до каникул оставалась неделя. Все де-лали вид, что делать им там нечего, и предпочитали пинать мяч прямо перед входом школы, несмотря на возмущение в общем-то безобидной вахтёрши.

Туда вернулся только Колька. Нет, ворона ему не сни-лась, как и воронёнок. В его сны они пришли намного по-зже, хотя и не являлись в прошлую ночь. Дело было не в кошмарах – Колька по-настоящему переживал, что убил воронёнка.

Тогда ещё была жива его мать, ей оставалось жить ещё почти два года, и Колька боялся сознаться ей в том, что сделал. Мать любила животных, хотя ни кошек, ни собак у них никогда не было. Об этом даже никто и не гово-рил – других дел было полно, кроме как думать о таких глупостях.

Отец – тот бы отнёсся спокойнее. Ему бы, наверное, вообще было всё равно: подумаешь, прибил воронёнка! После войны он собственным руками убивал и потрошил голубей, из них, как он хвастался, получался чертовски вкусный суп. Колька бы никогда не решился есть такое. Когда люди вернулись в города, наивные голуби прилете-ли вслед за ними из пригородов на старые места. За что и поплатились.

Но Колька не стал рассказывать о содеянном даже отцу. Он боялся, что тот проболтается матери, подумав, что рас-сказать жене о случившемся, когда это касается их сына, будет правильно, несмотря на данное обещание не про-болтаться. Колька никогда не понимал этих взрослых.

На следующий день перед уроками он подошёл к за-бору и заглянул через прутья – вороны и её детёныша не было видно. В утреннем свете тополь казался седым и величественным. Не успокоившись, Колька пришёл сюда на первой переменке – ничего. Он приходил сюда снова и снова, пока после школы, когда уже все разошлись по до-мам, наконец-то не увидел воронёнка, который всё так же беззаботно летал вокруг дерева над землёй. Кольке пока-залось, что он летает чуть ниже, чем обычно, и чаще, чем следует, касается лапками пыли, да и вообще держится не вполне уверенно. Но, самое главное, воронёнок был жив!

Колька почувствовал облегчение, ему даже на секунду захотелось всё же рассказать о случившемся отцу, не пре-минув похвастаться, что воронёнок уже может летать. Но он тут же осёкся. Это было его тайной. Его и пацанов, ко-торые предпочитали не говорить о том, что случилось. Во-роны не было видно, но Колька точно знал, что она спря-талась где-то в кроне тополя и зорко наблюдает за ним. Поёжившись, он ушёл.

К 1 сентября, когда о случае с вороной и воронёнком все забыли, а некоторые ребята, взяв мяч, даже снова побе-жали на спортивную площадку, Колька не пошёл со всеми и остался в классе.

Всё лето в селе у бабушки Колька продолжал всё так же тайком бояться и сторониться птиц, ворон – в первую оче-редь. Он тогда ещё не разбирал, где ворона, а где – ворон. Да и не было ему особой разницы, когда, идя по дороге через всё село к пруду, он видел их на телеграфных стол-бах и добродушных низеньких деревянных заборчиках, чувствуя их пронзительные взгляды – в глаза и, особенно, в спину, в самый затылок.

Птицы как будто были осведомлены о том, что он на-творил прошлой весной. Тогда Колька выучил, где у него темечко, и каждый раз руки его непроизвольно тянулись к голове, чтобы прикрыться. Но на завалинках то тут, то там сидели какие-то старики или незнакомая ему молодёжь – все они, как ему казалось, таращились именно на него, а кто-то, вроде, даже скалился. Если бы Колька начал при-крывать голову на виду у всей улицы, его бы высмеяли и высмеивали бы потом всё лето – приехал городской идиот!

Колька сдерживался, старательно продолжая напускать на себя невозмутимый вид и, не улыбаясь, глядя прямо пе-ред собой, шёл дальше.

Спустя годы, неоднократно бывая в селе, Николай при-вык к воронам – они были тут повсюду. Потом над своими детскими страхами он даже смеялся.

Но та история за школой продолжала являться к нему в снах, где ворона иногда всё же добиралась до маленького Кольки, била его в темечко или выклёвывала глаза, после чего Николай проваливался в самую непроглядную тьму своих сновидений.

Ласточки пугали его ещё больше ворон. Они казались Ни-колаю какими-то скользкими, словно рыбы, такими же без-думными и яростными. Заходя за угол дома к своему окну, где под крышей прятались несколько гнёзд, он каждый раз

рефлекторно втягивал голову в плечи, ожидая, что очередная мерзкая тварь, как они это любят, вдруг скользнет стремительно, стрелой, возле его лица, едва не задевая острым, как бритва, крылом кожу.

Николаю хотелось курить – чтобы прокашляться с утра, тогда ему ещё хватало двух сигарет. Выпить кофе, раство-римый, без сахара. Выпить стаканчик пива – совсем не-много, несколько глотков, чтобы просто смочить горло. Но вставать не хотелось.

– Ой, Беленький! – снова послышалось из-за двери, издалека, из самой кухни.

Николай понял, что это не сон, и встал с кровати. Он был ещё слишком сонным, чтобы бояться по-настоящему, но кровь уже ударила ему в голову, и Николай снова чувствовал, как холодеет, готовясь принять на себя весь предстоящий ещё неведомый ему ужас.

Коридор был всегда сырым и тёмным.

– Беленький-Беленький, Беленький-Беленький, – звуча-ло из кухни детской считалкой.

Хозяйка сидела за столом и ласкала кота, который безнаказанно расхаживал по нему туда-сюда, гордый от собственной дерзости, задрав красивый пушистый хвост трубой.

– Смотри, Беленький вернулся! – бабка довольно ткнула в кота пальцем.

Николай продолжал стоять в проходе. Кот посмотрел на него радостно. Без обиды.

– Ау! – требовательно мяукнул он.

Сомнений не оставалось – это был Метис. И точно так же он мяукал накануне ночью.

«Но как такое может быть?» – недоумевал Николай, подходя к столу и разглядывая знакомый цвет белой шер-сти, красиво блестящей в утреннем солнце.

Как и во сне, кот был совсем чистый. Ни комочка земли или грязи. Будто только из душа. Николай вспомнил, что мыл его пару дней назад – тот терпеливо ждал и не выры-вался. В отличие от большинства собратьев Метис воды не боялся. Но все эти три дня он провёл на улице, и его чистота была неестественной.

Зацепившись за эту мысль, Николай получил новый по-вод для тревоги, думая теперь, кто вымыл его кота, вер-нее так – кому он дался: ведь купать себя Метис позволял только ему, и однажды даже поцарапал старуху, когда та хотела отмыть его после дождя и кот перепачкался на ого-роде, битый час безуспешно выслеживая мышь.

Метис был пугающе чистым, сошедшим с небес, Ни-колаю даже захотелось перекреститься, но он нашёл силы сдержаться и не оказаться смешным в глазах старухи. Хотя бабка была уже подслеповатой, почти слепой – она даже газеты если вдруг и читала, то подносила к самым глазам, касаясь маленьких буковок кончиком носа.

«Интересно, как старуха поняла, что это – Метис, если она ни черта не видит?» – Николай не успел погрузиться в размышления над очередным необъяснимым вопросом, выведенный из сковывающей страхом меланхолии – его меланхолия всё чаще была именно страшной, и от тихой грусти в ней почти ничего не осталось, – очередным тре-бовательным криком кота.

– Сейчас, дам тебе покушать, – принялся бубнить Ни-колай, открыв холодильник и рассеянно уставившись на вчерашние макароны с позавчерашним дважды пережа-ренным свиным жиром.

– Холодильник мне разморозишь! – встревоженно жад-но подала голос хозяйка.

Она постоянно всё экономила – газ, свет и воду. Получая очередную платёжку, бабка каждый раз начинала охать, несмотря на то что Николай платил за всё сам. Поворчать в таких случаях для неё было не только делом привычки, но и принципом. Хозяйка привыкла бухтеть по мелочам и бухтела так всю свою жизнь, отчего чувствовала в себе не-поколебимое стремление гнуть выбранную линию вплоть до самой могилы. Отступать в её возрасте уже не имело смысла.

Поев, Метис всё так же, как ни в чём не бывало, отправился прочь по коридору в комнату Николая, где улегся на свою подстилку в углу и, свернувшись калачиком, тут же устало засопел. Николай шёл за ним следом на почтительном расстоянии, боясь, что кот может обернуться и глянуть

на него. Он почему-то боялся этого взгляда, чувствуя смутную вину перед Метисом. Но коту не было до него никакого дела.

Когда Николай вернулся на кухню, хозяйка как раз дробно доедала из тарелки, намешав туда что-то вчерашнее.

– Это ж ты живого кота вчера похоронил, что ли? – рас-смеялась она, решившись задать вертящийся на языке во-прос, лишь когда Метис ушёл, словно боясь его тем самым обидеть.

– Он был мёртв, ты сама видела, – отрезал Николай.

Думать о том, что Метис был в момент погребения жив, ему не хотелось. Это было невозможно. Он сам всё видел. И бабка могла это подтвердить!

– Так я же не вижу ни черта! Видела только, что крови не было, – усмехнулась она.

– И ты не испугалась? – недоверчиво спросил Николай.

– А чего бояться-то? – не сдавалась бабка.

– Воскрешения! – разозлился он.

– Эка невидаль! С котами так постоянно, нужно было лучше проверять. Да и крови не было, ты сам видел, – зло-радствовала старуха.

– Я мёртвого кота не хоронил, что вы все меня тут за идиота держите? – не на шутку обиделся Николай и не-сколько театрально выскочил во двор, принявшись курить, забыв даже о кофе и пиве.

Старуха вышла следом и уже не улыбалась.

– Ты бы сходил, проверил, – сказала она уже вполне серьёзно.

– Хорошо, – кивнул он.

– Мне тут всякая чертовщина не нужна, – заявила бабка и пошла к себе спать.

Николай остался один. Делать было нечего – он пошёл на огород. Чем ближе Николай подходил к месту погре-бения, тем ему становилось страшнее. Но было светло, вокруг гудела жизнь: за забором по дороге неслись ма-шины, шумела газонокосилка у соседей, пели птицы. Он подумал, что ничего плохого произойти в такой обстанов-ке попросту не может, и зашагал бодрее по вытоптанной накануне тропе.

Могила была нетронутой, даже палка торчала из хол-мика. Подумав, Николай выдернул её и забросил в кусты. Разрывать могилу он не решился.

10

Хозяйка была уже слабой – ей шёл девятый десяток, а в селе, когда работаешь всю жизнь на земле, это очень мно-го. Удивительно ещё, думал Николай, что она, в отличие от большинства здешних старух, скрывающих своё сумасше-ствие, сохранила более-менее здоровый рассудок. У неё лишь иногда случались заскоки: она мерила давление по нескольку раз в день, и когда показатели вдруг начинали немного зашкаливать, бывало, впадала в истерику и начи-нала причитать, что вот-вот умрёт.

– Вызывай скорую! – начинала вопить она, заливаясь слезами.

Первые пару раз Николай вызывал медиков. Ехали они долго – почти час. Ближайшая станция скорой помощи была в соседнем райцентре за пятнадцать километров.

Медики приезжали, недовольно осматривали старуху, давали ей какие-то капли и с укором говорили Николаю, что вообще-то все это мог бы сделать и он сам, вместо того чтобы тревожить их, гонять в такую даль, когда в это время может быть, кому-то действительно нужна помощь, кто-то действительно умирает.

– А если у неё инсульт? – не сдавался поначалу Николай.

– Если бы у неё был инсульт, вы бы это сразу поняли, – отвечали ему врачи строго, словно он несёт какую-то чушь.

– А если она умрёт? – настаивал он, с содроганием представляя себя в огромном доме наедине с хладеющим трупом.

– Ей сколько лет? Что вы хотите-то? – удивилась однажды его настырности и нежеланию принять всё как есть молодая пышная медсестра. У неё задорно задрался край халата. В его молодости таких называли ядрёными.

Но когда в третий раз за неделю хозяйка вновь устроила ему истерику после того, как её верхнее давление скакнуло

со 160 до 180, вызывать врачей Николай отказался. Ему уже было стыдно. «Подумают, что я идиот», – молча хму-рился он. Он всё чаще рассуждал, что старуха скоро дей-ствительно умрёт, появятся очередные далёкие родствен-ники – ведь кто-то же купил ей почти новые телевизор и холодильник, – о которых она зловеще молчала всё это время, а ему тут, в селе, ещё жить. Дурная репутация, ко-торая, как ему сейчас казалось, обязательно разойдётся от врачей по соседям, пугала Николая, и он решил больше никуда не звонить и просто дал старухе побольше капель. Та выпила и уснула. Её истерики на время утихли.

Вскоре, осенью, старуха наконец-то умерла, и Нико-лай решился вернуться домой. Собранных денег как раз хватало на квартиру. Когда, организовывая переезд, он за-явил водителю небольшого грузовичка, что берёт с собой кота, тот лишь рассмеялся – котов в здешних краях было принято бросать. Но Николай вдруг почувствовал реши-тельность. Он купил для Метиса специальный домик для поездок и даже завёл для кота паспорт, где было офици-ально указано, что он – Метис, цвет – белый и родился он 23 февраля.

11

Когда они вернулись на Донбасс, в квартире, на этажах, привыкший к воле кот на первых порах чувствовал себя неуютно и несколько дней отказывался выходить на ули-цу. Николай даже купил для Метиса специальный песок и насыпал его в большой медный таз.

Не успев обжиться, Николай сильно жалел, что поддал-ся желанию сэкономить тысячу долларов и взял кварти-ру на первом этаже без балкона. С балконом, конечно, его жизнь была бы совершенно иной: как он считал, качест-венно лучшей. На балконе можно было пить пиво и обе-дать. Почти как на веранде дома.

Да и с соседями не повезло. Сверху бросали всё: кор-ки арбузов, огрызки яблок, кочаны кукурузы, бутылки из-под водки. Всё это летело прямо к нему под окна. Каждый день, ближе к полудню, выпив растворимый кофе, выку-

рив пять сигарет и наконец-то прокашлявшись, Николай выходил во двор и убирал мусор. Иногда, от отчаяния, он даже кричал в пустоту, задрав голову и глядя сверху-вниз на уходящую в небо девятиэтажку.

– Вы, уроды! – возмущался Николай, сотрясая по-осен-нему тёплый неподвижный воздух жилистым кулаком, сжимая в другой руке пакет из супермаркета с остро пах-нущими гниющими объедками.

Пакет, между прочим, тоже стоил денег. Но дом взирал на него с надменным спокойствием. На одинокие робкие и не очень-то громкие возгласы Николая никто не выгляды-вал даже из любопытства.

Ещё до войны, зимой, собаки покусали Метиса, на-бросившись на него прямо под окном кухни. Николай несколько секунд наблюдал за тем, как зубатые пасти пы-таются поймать сливающегося со снегом кота, после чего бросился прочь из квартиры. Когда он оббежал дом и ока-зался на месте расправы, собаки и Метис исчезли. На сне-гу бледнело несколько пятен крови.

Кот вернулся через пару часов. Он был жив и здоров – собаки лишь слегка задели его, но Метис успел зализать раненую лапу, которую Николай на всякий случай стара-тельно обработал зелёнкой.

Но на следующий день кот неожиданно ушёл на две недели. Николай сходил с ума от беспокойства, отчего пил водку и курил больше обычного, и уже мысленно по-вторно похоронил Метиса, вспоминая тот глупый случай в доме у покойной Андреевны и свои ночные кошмары. Проклятие догнало их. Николай горько думал, что да, он – не праведник, поэтому Бог, об отсутствии которого он за-явил официально ещё тогда, когда поминали мать, его не защитил. Да и распространяется ли внимание Господа на дела котов?

Николай искал Метиса по всему району, заглядывал в подвал дома через крошечное отверстие на уровне зем-ли между подъездами, когда ему показалось, что оттуда донеслось мяуканье. Но пролезть туда было невозможно. Для того чтобы попасть в теплотрассу, пришлось бы идти в ЖЭК и брать ключи. Что он там скажет? Что ищет кота?

Его просто засмеют. Николай походил возле непроглядной дыры, тихонько зовя Метиса, но чуда не произошло.

Кот вернулся сам. Когда Николай осмотрел его, то понял, что Метис даже не поранился.

Второй раз, с концами, он сбежал уже после начала вой-ны. Накануне Метис ушёл с утра гулять на улицу, а ближе к полудню через дом прилетела мина, разнеся целый подъ-езд. К счастью, там пустовала большая часть квартир, а имевшиеся жильцы отсутствовали – каждый по своим де-лам. Но на место взрыва всё равно начал стекаться народ: в их район снаряды ещё не залетали.

Николай вспомнил, что видел несколько раз Метиса в тех краях, и затревожился. Возле места взрыва уже работали минёры, приехала целая машина военных с собаками. Метис всегда боялся этих огромных свирепых псов.

Кот так и не вернулся. Николай продолжал поиски, даже думал обратиться за помощью к местным патрульным, но не решился – те хоть и были без своих собак, но всё равно, скорее, спугнули бы Метиса.

Когда прошёл месяц и Николай понял, что кот уже не вернётся, он снова вспомнил то ночное погребение на ого-роде у старухи, подумав, что пометил Метиса смертью именно он.

«Но действуют ли на котов проклятия?» – сомневался Николай, слабо этим утешаясь, хотя и не зная наверняка.

Он ещё некоторое время продолжал надеяться, что Ме-тис всё ещё жив, просто очень сильно испугался – взры-ва, солдат с их псами, и оттого убежал, где-то спрятался и затаился.

Николай подумал, что коту было бы хорошо вообще сбежать прочь из города – в ближайшие сёла, не важно, с какой стороны фронта. Он сомневался, что мина смо-жет угодить по такой маленькой цели, как кот. К тому же у Метиса был отменный слух и он наверняка услышал бы приближающийся снаряд. Кот отлично научился ловить мышей, но в деревнях хватало продуктов и без необходи-мости охотиться: многие дома, оказавшись на линии об-стрела, были брошены со всем хозяйством. Потом, конеч-но, оттуда понемногу вывезли или растащили всё ценное,

но чем поживиться для здорового сильного кота, всегда бы нашлось. Главное же, там не было ни людей, ни собак, ко-торые убежали следом за хозяевами.

Смирившись с тем, что Метис ушёл навсегда, Николай почувствовал успокоение. Он не знал наверняка, жив ли кот, но для себя поверил, что да – жив. И не просто жив, а вырвался из города, поселился в одном из сельских домов, где досыта ест из хозяйских запасов разные колбасы и око-рока. Всё это всплывало в воображении Николая, когда он думал о том, как живётся теперь Метису.

Его оставили даже ночные кошмары, хотя война на под-ступах к городу не утихала. Но город был слишком боль-шой, и бои были далеко.

И Метис снова начал являться к нему в снах, но теперь всё было иначе. Николай сам приезжал к нему в гости, в село, как ездили они ещё в детстве с матерью и отцом к их старикам, чьи лица теперь совсем стёрлись из его памяти. Теперь тут Николая встречал Метис. Его двор был чисто выметен, кусты чёрной смородины и малины – аккуратно подвязаны, а сам кот восседал посреди богато накрытого стола и радостно кричал ему: «Ау!»

Лирический портрет

Геннадий ЁМКИН

Саров

И ВСПОМНИЛОСЬ МНЕ ВДРУГ СОВСЕМ НЕ О ЛЮБВИ...

Свет осенний

Римме и Вячеславу Лютым

Там за садами, по оврагам

Сегодня птиц не слышно, нет.

И на листву тишайшим благом

Полуденный ложится свет.

Ещё не канули желанья,

Но чу! Как будто лития…

И всё же краски увяданья

Созвучны краскам бытия!

Созвучно всё…

И не пристало,

Уничижённо и шутя,

Сказать о песне птицы малой:

«Не стоит песен Бытия!»

А дни всё
тише,
глубже,
строже…
Но завтра
на листву
опять
Прольётся
свет
Дыханьем
Божьим,
Чтоб без
остатка
просиять.

Рассвело

Ночь – напролёт.
И, словно выпростан…
Зато ни жижи, ни трухи –
Такие за ночь, братцы, выросли,
Верней, вросли в мои стихи
Цветы, деревья, птицы разные,
Что – будто вечно жили тут!
Что – за собою солнце красное,

Под белы рученьки ведут!

В ночь на 7 июля

к М.

…Глаза мои имели наслажденье
Увидеть деву…
Нет, её узреть!
Когда она во плавных вод движение
Погружена, облечена на треть
Прекраснейше-божественного тела,
Что освещало воды те, что чуть
Ласкали бёдра и ласкать желали грудь.
И вся она была как наважденье…
(А может наважденьем и была?)

Ещё, как тайна, прочь не уплыла…
И тот эфир…
Он медленнее плыл,
Вернее нет, не плыл…
Эфир – царил…

А в нём царила та, что входит в воду.

Или казалось?..
Нет же!
Руку протяни –
И эти бёдра, грудь – они твои!
Но…
Так царил эфир…
вода плескалась…
Что – даже явь как будто бы казалась…

Надмирно всё…

Рука не смеет сметь!

Волнами вовлечённого на треть

Божественно-прекраснейшего тела,

Коснуться.

И

Разрушить этот мир,

Когда вокруг пронизал всё эфир…

И медленней воды, её движенья…

О, да! Глаза имели наслажденье…

И память всё ж меня не подвела,

Она твердит: – Была! Была!

Была…

Ты помнишь ли? Всё было на Купалу…

Тому уже – как десять лет назад.

Поэт

В этих листьях бродит осень.
В э
том
пар
ке
бро
дит
веч
ер.
А
поэ
т
сти
хи
заб
рос
ил,
И
они
лег
ли
на
вет
ер.

С этим ветром им уютно,
С н
и
м

и
г
р
а
ю
т
с
я

шутя, И с минуты на минуту Доберутся до тебя.

Скажут: – Брось своё пустое,

И готовку, и шитьё.

Посмотри, всё золотое

В этом парке и – твоё!

Даже нас на ветер бросил

Ради этого поэт,

Бродит там, где бродит осень,

А любимой нет и нет…

Закат

Как изменились краски!

Чуть погаснув, одни уходят, след ещё храня, Перетекают в новые, а те, Уже имеют будущих налёт.

И зыбко всё…

Нет ни границ, ни граней.

Не уловить мгновенья перемен.

Всё будто наяву, а всё же тайна.

Конечно, всё фиксировать на плёнке

Возможно, и по спектру объяснять

Детально, скрупулёзно, по науке…

Но это всё наука!

А не божье!

Прекрасно с этим лишь существовать

(О чём Линней и Дарвин говорили)

На пике всей цепочки пищевой,

И видеть высшим благом насыщенье.

А с Богом, мы – Творенья, мы Созданья! Поэтому, пришедши в этот мир, Я говорю: «На всё есть Божья Воля».

Итак, к чему я всё?..

Ах, да – об этом зыбком часе,

О полушаге к пропасти ночной …

Да,

Эти превращения заставить

Застыть возможно разве акварелью.

Или пастелью вот,

Или темперой…

А маслом?

Маслом – вряд…

Вот разве Айвазовский в мощном гимне… Но это всё для нас непостижимо, Всё это, – слишком, слишком высота!

А синева всё глубже и синей.
За ней уже – другая гамма красок,
А там, на расстоянье полувзгляда,
Полу… всего, что может в мире быть;
И на закат протянутой руки,
И окрика,
И на полёт стрелы царевича Ивана.
…на грани всё… верней, уже на полу…
А гамма красок уже, но сочней.

Да…
Вот ещё хотел о тишине,
Что давит слух, о птичьем безголосье,
О песне, что уснула на губах.
О музыке, что потерялась в красках,
О ней, о той, что дремлет между струн,
В ней тоже граней нет и нет границ…
Но…
Но это всё же в боле поздний час,
Когда вернутся Моцарт и Свиридов,
Способные сказать о тишине…
А сейчас,
Сейчас закат перетекает в ночь,
Меняя краски так неуловимо!
И все они, сгущаясь до предела,
Готовы кануть, нам оставив звёзды.

* * *

Господь ещё не все простил
Мои грехи и прегрешенья.
И значит то – просить прощенья
До тех времён, что станет сил.

И, даже придержав в горсти,
Язык и тело обездвижив,
Он скажет: – Многие простил.
Успей, моли за те, что иже…

Немтырь недвижный, весь, дрожа,

Я вопию к нему: – Прощенья!

Остатки тела и душа! –

Во искупленье.

Комната

В этой комнате молчальной Два угла всего видны.
Создают их три печально-Молчаливые стены.

И никто не возражает Двум потухшим зеркалам,
Что угрюмо отражают Три стены и два угла.

В ней давно шагают мерно

Безразличие и лень,

В зеркалах, с ухмылкой скверной,

Пропадает жизни тень.

В этой комнате облыжной

Ясно всё. Конечен срок.

И всё ниже, ниже, ниже

И детальней потолок.

Сам хотел. Но силы нет.

Шторы, кто-нибудь, задёрните!

Чтоб не видел белый свет,

Что творится в этой комнате.

Полночь

Часы молчат.

Уснули зеркала.

Волшебное, мой друг, царит, витает…

Всё через «полу…» – сон, сквозняк, луна

В полуоткрытый флигель затекают.

Упали полутени из окóн,

За полумраком штор – полувиденья.

А волшебство всего лишь полутронь –

Оно сгустится до стихотворенья.

Полнóчь тиха...

Но мысли, чувства, взгляд

Не укроти! Позволь им не сдержаться!

Подставь ладони, и на них слетят

Слова, что полуслышатся и мнятся…

Триптих

1

…и вспомнилось мне вдруг

Совсем не о любви…

Горбатых дней испуг,

Пришедший на крови.

Поскольку героин

В крови детей течёт,

Всё меньше героинь,

Героев – в перечёт.

И от себя побег

Обволгданных людей,

И Василиска смех,

И стоны площадей.

Кричали эти дни,

Безбожные насквозь,

О Родине: «Распни!

Озолочу небось!»

И шли, и распинали,
Под свист телебичей.
Кривляясь, те кричали:

– Ты тля! И ты ничей!

Едино возводили

Мамоне пьедестал.

Единое делили,

…Довольно! Я устал!

…И что мне это вдруг –

Совсем не о любви,

Оскалившись, испуг

Вскричал про эти дни?..

2

То в ранешнее время, милый друг,

Услышать было ангела, пророка

Возможно. Ныне – замкнут круг

Ключом измены на замок порока.

Ты помнишь, в детстве снег такой летал!..

А что теперь летает, наважденье?

Вчера я слышал, что парад настал,

Нет не планет! Содомского движенья.

Взыграла Бездна мерзостью земной,
Но видится, что это лишь в начале…
Яви, Господь, тому, кто встал со мной
Гоморры против, ангелов с мечами!

Яви Святых, Всевышний! Сам явись,
Во огненном сияя облаченье!
Дабы низвергнуть порченое семя,
И возвеличить Праведную Жизнь.

3

Вот говорят, что Крым пристал назад,
(А раньше говорили: «дело к ночи…»)
И звёзды, словно прежние горят!
И по церквам иконы мироточат …

Ну, дай-то Бог! Пора вернуть назад
И Божий Свет, и Воинскую Доблесть.
Ну, дай-то Бог, что громче говорят:
– Продолжим, братья, «Временную повесть»!

О, Родина! О, Русь! О, Благодать!
Пусти по кругу братину за это,
Чтобы и впредь державно нам стоять,
Любви согласно, Славе и Заветам.

Наталья СТРУЧКОВА

Кстово

А РЯДОМ НЕРОЖДЁННОЕ, НЕСКАЗАННОЕ СЛОВО...

Одуванчики

Одуванчики. Эх, одуванчики!
Ветер дунет – уже не видны.
Это девочки наши и мальчики,
Улетающие из страны.

Их мечты и надежды сбываются,
К новой пристани всякий привык...
И легко от корней отрываются,
И легко забывают язык.

Манят страны заморские разные,
Где от солнышка больше тепла.
Я понять попыталась их разумом,

Только сердцем понять не смогла.

Степь да степь, но раздольная русская,
Бесконечны глубоки снега.
Деревеньки, где семечки лузгают,
Где душа, как река, широка.

Степь ждала прорастания семени,
Но чужие их звали огни,

Разом ставшие искушением,
Разделившим на «мы» и «они».

Это мы, рубежей не сдающие!
Мы, не знавшие многих щедрот,
Милосердные, шумные, пьющие –
Мы – не сломленный русский народ
На деревне с её огородами.

Мы, уставшие ждать перемен...

Кто они, потерявшие Родину?
Что они получили взамен?

Одуванчики. Эх, одуванчики!
Ветер дунет – уже не видны -
Это девочки НАШИ и мальчики,
Улетевшие из страны.

Художнику

Ну что, творишь?

Твори, любя,

Над непокорностью столетий.

Какие краски для тебя

Припасены на этом свете!

Пиши, покуда свежий холст

Не тронут временем шершавым.

Спеши! И, выпрямившись в рост,

Твори над пыльным тротуаром,

Над мостовой и полем ржи,

Над пеньем птиц, звонком трамвая,

Над островком моей души,

Быть может, сам того не зная,

Твори! Весь мир у наших ног!

Над хижинами и дворцами –

Твори! Поскольку хочет Бог,

И мы становимся творцами.

Рискуй, счастливейший чудак!

Пусть чувства с красками сольются.

А если что-нибудь не так,

То после люди разберутся.

Дождик на выпускной

Дождичек накрапывал. В платьицах вечерних Собирались школьницы. Вот ведь как бывает: Летний дождь становится сильным огорчением. Он хоть и не сильно, а всё же поливает.

Шарики воздушные поднимались к небу.

Пасмурные дали солнцем не расцвечены.

«Мне бы повторить всё, повторить всё мне бы», – Говорила грустно рядом с нами женщина.

Зонтики цветные, как грибы под дождиком, Закрывают головы, заслоняют лица. Сверху так и кажутся красками художника, Что под летним дождиком могут раствориться.

Зонтики цветные, шарики воздушные

Станут вместо солнышка радостным явлением, Если очень хочется и кому-то нужно Даже для обмана собственного зрения!

* * *

Как жаль, что одиночество –

венец пути земного,

Когда совсем не веришь
далёким берегам,
А рядом нерождённое,

несказанное слово.

Губами повторяешь

неслышно, по слогам.

Неслышно повторяешь,

скрепляя дни в недели

И месяцы, и годы...

А после разберёшь,

Что это жизнь уходит

твоя, на самом деле,

И ты вот так – неслышно,

смиренно так живёшь.

Проскальзывают будни,

как поезд, монотонно,

А помнишь только этот,

согретый солнцем, день,

Когда сирень стояла,

набившая бутоны...

Сирень как предвкушенье!

Красавица-сирень!

Мужчина и женщина

А мы стоим и смотрим в темноту – На двух вершинах миросозерцания, Как на крылатом питерском мосту У разведённых точек понимания.

Над чёрною водой плывут года

Путём одностороннего движения,

И утро не наступит никогда

Над рябью торопливого течения.

Мы вознеслись, доверившись крылам,

И сверху озирая тучи смятые,

Казалось нам, что ближе к небесам,

Большими крыльями – вовек разъятые.

Галина ТАЛАНОВА

Я ЗА НИТОЧКУ СВЕТА ДЕРЖУСЬ...

* * *

С горы опять летят лохмотья туч: Сатиновое в пятнах
одеяло. Шиповник отцветающий колюч. Я мир
любить весь этот перестала. Одна лишь грусть.

Печальные стихи

О доме опустевшем и осевшем. И на реке от
дождика круги,

Что в половодье нынешнем, не вешнем. Я говорю себе:
Ну, не грусти.
Уйдёшь и ты, Как
сгинули родные.

Смотри, как распустились здесь
цветы, Хотя дожди – как слёзы
затяжные. Здесь каждый миг Так
ценен.

И уйдёт.

И никогда уже не повторится.
И бабочки над заводью полёт,
Где зацвела и в холода
водица, Так безмятежен! –
Села на листок, – Нет, не
кувшинки, Тот, что брошен
вязом, –

И поплыла,

Куда несёт поток,

Ведь жизнь одна

И оборвётся разом…

* * *

И шелест бумаги средь ночи

Взорвал ту кромешную тьму,

В которой мне всё одиноче

В ветшающем отчем дому.

Как будто бы мама живая –

Не ветер страницы листнул.

И призрак махнул – и растаял,

Лишь молнией мне подмигнул.

Зарница за речкой мелькнула –

И страшный послышался гром.

На спинке старинного стула

Одежды из тьмы выплыл ком.

И ливень обрушился в стёкла,

Настойчиво в дверь застучал.

И мокрые жалкие вётлы

Глаз в угольной тьме различал.

Стекала по веткам водица

Беззвучно, как дождь по плащу.

Всплывали любимые лица –

Я ртом приникала к ключу.

* *

© в
с
ё

л
е
г
ч
е

с

т
о
б
о
й

р
а
с
с
т
а
ю
с

ь, Обветшавшая старая дача.
Ночью в сад выходить не боюсь.
И уже об ушедших не плачу.

Не пугают шаги под окном

И треск веток, ломаемых с хрустом.
И луна анемичным пятном Из-за
дерева светится тускло.

Нынче яблоки даже горчат

И смородина вся в паутине.

А соседи пасут здесь внучат

И погрязли в семейной рутине.

Жизнь бурлит за забором,

Как шлейф,

Что оставил несущийся катер.

Прилепил дачный домик, как клей, –

Только высох и силу утратил.

Я за ниточку света держусь,

Но сквозь ночь пробирается холод.

Сердце сдавит ладошками грусть.

Муравейник напомнит мне город.

* * *

И Яблочный без яблок нынче Спас.

А колокольный звон стоял над речкой.

Тепла последний тратился запас.

И лето остывало, словно печка.

И утки забивались в камыши,

И пахло тиной, рыбой, шашлыками.

И плавали стремительно ужи.

И тину разгребала я руками.

Потом плыла под колокольный звон.

И ослепляло солнце напоследок.

И золотистый добавляло тон

В зелёный шелест тонких гибких веток,

Что вынырнули к осени из тьмы, –

Из той воды, большой, как в половодье.

Вода сошла у краешка зимы,

Когда мороз, кряхтя, возьмёт поводья.

И встанет лёд…

Он мог накрыть кусты

С поникшею зелёной головою.

Но показались из воды мосты.

И небо, как цикорий, голубое…

Конец у лета,

А зенит жары…

Лишь яблок нет…

Не пахнет кислым соком.

Любовь пришла –

И в жизнь впустила свет,

Но что-то перепутала со сроком –

Как самолёт блеснёт средь облаков

И улетит, оставив шлейф, как вьюга,

Что тает первым снегом на Покров.

…Без яблок проживём

И друг без друга.

* * *

\endash осокорю устало
прислонюсь. Нет, не обнять.

Не хватит трёх обхватов.

До гиблой высоты не
доберусь, Что манит, Пух с
небес гоня куда-то…

Осядет весь, намокнув под
дождём, Свалявшийся, Как пакля,
под забором.

Вот так и мы…

Всю
жизнь
полёта
ждём,
Ползём
наверх,
Всегда в
крутую
гору,

Холодный ливень
выстудит весь пыл. И
съёжатся мечты, Став
грязной ватой.

И время,
превраща
я Всё, всё
в пыль,
Летит,
как пух
По-
прежнем
у
кудлатый
.

Из будущих книг

Елена КРЮКОВА

ВОЙНА И ЛЮБОВЬ

Из романа «Земля»

(началась война)

Черный круглый репродуктор извергал грозные речи.

Человеческие голоса кричали и выли.

Люди прислушивались к ним и плохо понимали слова. Высыпали на улицу. Смотрели друг на друга. Смотрели и не видели. Небо жаркое, истомное, в мареве. Июнь. Из уст в уста передается, по воздуху летит: война, война. Война! Чей-то голос ехидный, горький цедит в пустоту: кому вой-на, а кому мать родна.

Распахнулись семь елисейских небес. Птицы обратились в чёрный пепел, и пепел летел по тёплому ветру, залетал в глаза и оседал на сердце. Люди дышали глубоко и часто, головы у них кружились. Они верили и не верили, что началась война, и уже идёт, и скоро до них доберет-ся. Они хотели жить, а им предлагали на выбор смерть: разную, но неизбежную – от пули, от бомбы, от снаряда, от огня. Война есть всеобщее уничтожение, истребление всего живого, и люди хорошо это понимали умом. Но сер-дцами не могли этого понять и не поняли бы никогда: как это мы должны вдруг умереть, когда мы на земле живём?

Мужики уходили на войну. В армию брали пачками. Собирались отряды ополченцев. Военкоматы ломились

от народа – требовали их на войну отправить не только мужчины, но и женщины, и совсем даже молоденькие девушки. Начальники печально глядели людям в лица. Армия пополнялась, но наши войска отступали.

Караваево притихло. Бабы шептали: а всё ведь верно предсказала Уродка покойница! вот она и война тут как тут! Спрашивали друг друга: а больше ничего не провещала Святая Уродка, ну, мол, что мы победим, и главное, когда? Нет, качали головами, больше ничего мученица не сказала.

Пронесся слух: в Москве живет блаженная старица Матронушка, она не ходит, а только лежит, и совсем слепая, только слышит, и она так же, как Уродка Караваевская, провидит грядущее. Люди этот слух передавали из рук в руки, как в голодуху теста комок, а уж кто из него что испечёт, на то воля Божия. Вобла сказала об Уродке Московской Власу. Влас изумился: а как же это Ирада вдруг да воскресла? «Пойдем поглядети, Воблёшка, можа, ento она, дочушка моя втора, нещастна, восстала из землицы...

воистину воскресла... а заодно и робёночка у ней выпросим... бласловенья испросим...»

Да ведь война началась, Влас Игнатьич, всплескивала руками Вобла. И кто тебя из колхоза отпустит? Из артели рыболовной? Со школьных дежурств ночных? А Влас знай свое твердил: «Отпустять, ищо как отпустять. Я ж ро-ботник исправнай. Когды мы с тобою уйдем в тот поход, я попрошу за сабе роботати ково-нить из наших сельчан. Ну неужто не захотять подроботати! Ищо как захотять. Не откажутси!» Вобла не спорила с ним. Бесполезно было спорить.

Им обоим странным казалось, что где-то разрывы гре-мят. Влас договорился со всеми: и с хромым председате-лем, и с директором школы, и с рыбаками. Вместо него все дела его вызвался вести Гриня Лохматый с околицы; он теперь жил в избушке Жабьей Глотки. Влас обещал-ся Грине выплатить все трудодни настоящими рублями. А рыбаков упросил Гриню тайком рыбкой снабжать, чтобы бесплатную уху себе варил и с голоду не помер.

Вобла сокрушалась: что наврём, сочиним что про при-чину нашего путешествия? Ну не говорить же, что в войну

паломничать к прозорливой слепой пошли! Влас Игнать-

ич брови хмурил: да, девка, без вранья тута не обойтиси...

Хромому председателю сказал, как отрубил: «С Воблёш-кой моёй бабьи нелады, надоть столичному дохтуру иё показати. Адресок мене тут прислали один. Надоть нам в Москву стопы направити. Вернёмси, куды денемси?» Председатель долго смотрел на Власа, и Влас всё ниже клонил серебряную голову. «Убьют вас по дороге!» – наконец выдавил председатель. Влас вскинул голову и уперся глазами в председателево вечно небритое лицо: окурок свисал из угла кривого рта, скорбь плескалась в слезящихся, подслеповатых от долгого чтения различных бумаг, маленьких, как у хрюшки, глазишках. «Товарищ председатель, – тихо и твердо молвил Влас, – не убьють. Немчура ищо до Волги не добрела. А мы – по Волженьке поплывем. На пароходике. Я в Куйбышев поеду и тама са-молично билеты закуплю. Ни одна пулечка-дурочка нас не настигнеть!»

Влас велел Вобле собираться. Она собрала все тот же свой бывалый маленький чемодан. Картонный, обтянутый темно-красной кожей, с виду малютка, а вместительный. Сложила в него Власовы рубахи, штаны, смену белья им двоим, теплые кофты и рейтузы, на случай внезапного холода, сухарей насушила мешочек, положила кружку, ложку, ножик, пачку грузинского чая, бритву в сосновой коробочке, нитки, иголку и ножницы в пакете из вощеной бумаги. Влас глядел, как она складывает вещи в чемодан. Вертел пальцами на груди, в распахнутом вороте, медный, крупный, от старости позеленелый нательный крест. Во-бла крестик не носила. Никогда и не было у нее крести-ка, может, не крестили, а может, крестили, да не запом-нила, а крестик потеряла. Влас медленно изронил: «Надо ба, жёнка моя, крест табе на грудь-от». Вобла вздрогнула. «Нет! Никакого креста мне не надо. Я советская девуш-ка!» Поправилась: «Женщина». Покраснела. Влас внима-тельно разглядывал её, будто увидал впервые и интересно ему было. «И не веруеши вовсе? так?» Вобла сидела перед чемоданом на корточках. Она не знала, что отвечать. На-врёшь – враньём обидишь, и не наврёшь – тоже обидишь:

правдой. Решила сказать правду. «Не верю». Влас почернел лицом. Долго молча сидел. Застыл на стуле перед женой, не шелохнулся. А она на корточках. И тоже не двигалась. Ноги у нее затекли. «Совсем не веруешь?» Делать было нечего. Правду надо было говорить теперь до конца. «Совсем». Влас прерывисто вздохнул: так вздыхают дети после долгого плача. «Нещасная ты тогды. Но енто ниче-во. Всё придёть... в свой черёд...»

И опять Вобла, сидя на корточках, повторяла холодны-ми рыбьими губами: в свой черёд, в свой черёд.

Они заперли Макаркину избу на огромный амбарный замок, калитку оставили открытой, чтобы Гринька приходил и кормил хлопотливых кур, вышли на дорогу, и Влас тянул руку. Рядом с ними остановился грузовик. В его кузове лежали крупные берёзовые поленья. Влас подсадил жену в кабину к водителю, а сам забрался в кузов и на поленья уселся. Так доехали до Куйбышева. Спустились к набережной, нашли причал со стоящим возле пароходом; пароход колёсный, на его борту, над колесом, полукругом написано красными буквами: «ПАРИЖСКАЯ КОММУНА». Купили билеты на пароход. Билеты им попались в третьем классе, в восьмиместной каюте, рядом с машинным отделением. Машины завелись, плицы захлопали по воде, пароход тяжело оторвался от причала и медлен-но пошел, раздвигая белым носом волны, вверх по тече-нию. Люди в каюте молчали, а Вобла думала, они будут гомонить. Они все тут же, едва пароход отплыл, делови-то начали есть. Повынимали из чемоданов, баулов, узлов пакеты с лепёшками и домашним печеньем, банки с солёными огурцами, грибами и помидорами, развернули фольгу с жареными курами, вытаскивали пробки и затычки из бутылок с морсом. Отвинчивали крышки термосов, и сильно запахло свежезаваренным чаем. Лица у людей и их одежды были отнюдь не крестьянские. Вобла незаметно рассматривала попутчиков. Да, они все не мужицкого сословия. Они с Власом одни тут деревенские. И она усты-дилась; а делать было всё равно нечего, и они с мужем тоже начали есть – вынули из чемодана мешочек, таскали оттуда сухари, громко, на всю каюту жевали. Потом Влас

Игнатьич насыпал в кружку чаю, ухватил кружку в кольцо грубых пальцев и пошел с нею по пароходному коридору, устланному красным длинным, как змей, ковром – искать чан с кипятком.

В каюту вернулся с заваренным чаем. Вобла осторож-но отхлебывала чай из кружки, черный, как лагерный чи-фирь, и всё равно люто обжигала губы.

Они плыли до Москвы пятеро суток. Трое суток по Вол-ге, потом долго стояли в шлюзах канала имени Москвы. По берегам видели свою страну. Будто кто голодным языком слизал, вылизал её крутояры, её города, села, пристани и острова. Чернота войны нависала над землей тенью, то ви-димой, то невидимой. Вобле чудилось: далеко она слышит разрывы. В другой жизни? Через дороги, крыши, мёртвые озера? Ее ноздри чуяли призрачный запах гари, в зрачках плескался дальний страшный огонь. Влас склонялся и це-ловал ей сначала один глаз, потом другой. Они подолгу стояли на палубе, взявшись за руки, как дети. Глаза Во-блы слезились от ветра. Избы на косогорах поднимались над землёй, из них в небо выходили голодные молчаливые люди в чёрных, в коричневых и серых одеждах и ногами, босыми, в сапогах, в сандалиях и в лаптях, вставали на об-лака. Руки их были опущены вдоль их тел. Сквозь складки тканей, через рубахи и пиджаки просвечивали рёбра и по-звонки. Облака обнимали их золотым светом, нежным, как детские щёки. Дети тоже выходили на берег великой реки. Они скидывали с себя одежду и голые заходили в воду. Купались. Плескались. Но всё без улыбки, строго. Молча. Иной раз какой мальчонка захохочет – на него так огляды-вались, что он замолкал, будто рот ему тряпкой заткнули. Война! Надо молчать.

А хотелось кричать, играть.

И в тайных заводях, у крутосклонов, там, где вода от-блескивала изумрудно-змеиным драгоценным камнем, дети, вдохнув свободу, и вопили, и визжали, и брызгались водой, и даже играли в мяч. И ныряли, а кто-то и не вы-ныривал. Тогда сбивались в кучку на берегу мальчишки, и долго глядели на чёрный омут, на вихри угольной воды: умереть можно и не на войне, а в мире.

\endash потом и въявь они слышали канонаду. Война глядела им в лица будничной, серой бабой, только очень жестокой;

в руке баба зажала топор, и ей было все равно, что курице голову отрубить, что человеку. Черное сиянье охватыва-ло простоволосую голову бабы, ноги её до щиколоток и выше, до колен, были испачканы в чёрной грязи, но грязь эта была не земля; земля налипла бы и подсохла после, и её можно всегда соскоблить или отмыть, выйти на бе-рег реки и зайти в воду по колено, по пояс, сама отстанет. Это была иная грязь, и Вобла не знала её происхождения. Баба медленно поднимала топор, это было страшно, топор сверкал на летнем солнце. Топор и был остро наточен для того, чтобы как можно скорее порубить, измолоть в куски и кости все живое. Баба, держа топор подъятым, медленно поднималась над поросшим нежной травой крутым бере-гом, над малахитом воды, над речной излукой, над яич-но-желтыми отмелями и длинными, как настоящие бабьи косы, песчаными косами, и ветер раздувал ее черную ши-рокую юбку, и тень той юбки накрывала излесья и поём-ные луга, ручьи и овраги, дебаркадеры и сараи, и поля с молодой рожью, и ульи на приречных пасеках, и лодки на привязи, вытащенные на мель, иные днищем вросшие в песок, а иные перевёрнутые брюхом кверху, чёрные, прос-молённые, – трубы заводов и стальные веера плотин, гара-жи и бакены, узкие баржи, сходные с тёмными угрюмыми осетрами, медленно идущими к сердцу советской Родины вниз , от Каспия, и юркие утюги катерков, украшенных разноцветными водными флагами, а на корме развевается на жарком ветру красный, самый прекрасный; тень от ба-бьей страшной, вездесущей юбки наползала и на красный флаг, и Вобла, завидев это, хотела было кричать, но вовре-мя, сообразив, что капитан возьмёт да сдаст её на первой же пристани в дом дураков, зажимала ладонью рот.

Они видели печально склонённых женщин с юными лицами и старыми как мир круглыми совиными глазами; женщины горбились, как старухи, а из-под складчатых, почти приютских нищих юбок у них торчали босые ноги такой дивной лепки, будто они всю жизнь ходили в бар-хатных туфельках, расшитых жемчугом, и были дочерьми

убитого царя и убитой царицы. Про убитых царей давно все забыли, но босые эти женские ноги на сыром песке напоминали Вобле о том, чего она никогда не знала и не могла и впредь узнать. Ей когда-то повязали на шею крас-ный галстук, и ей понравился красный, огненный цвет; она не могла знать, что это цвет царей, цвет царской влас-ти, священный багрянец; ей сообщили, что флаг наш цвета пролетарской крови, и пионерский галстук цвета свободы, и что все без исключения рабочие и крестьяне на белом свете отдавали свою жизнь и кровь за красную, народную власть. И Вобла гордилась, что она – народ, и что она тоже когда-то отдаст за свободу жизнь.

Свободу, после того, как закончилась её школа и нача-лась тюрьма, она видела только из зарешеченных окон тю-рем и пересылок и через густо затянутые мохнатым синим инеем стекла приземистых изб. Она так и думала, что вот это она и есть, свобода – голая кирпичная, белая как кость стена старого острога напротив, или тайга, неумолимо подступающая, всё ближе, по-волчьи, к людскому жилью.

А теперь они с мужем стояли на палубе. Влас держал её за тощую руку. Или это она сама держала его? Держи креп-че, шептали бледные рыбьи губы, сейчас Влас взовьется над палубой и улетит. Сами того не зная, они тоже подни-мались над крашеными палубными досками, отрывались их стопы от твёрдой поверхности, и мягко, разлаписто, наспех наломанными похоронными, колючими ветками ложился густой, свежий речной ветер под ноги их, и мед-ленно поднимали они в синий и золотой день свободные руки, а другими продолжали сцепляться все крепче, все нестерпимей. Разве расскажешь пассажирам в каюте, что они плывут на богомолье? Их бы сразу засмеяли! А может, на берегу на них и начальству донесли. Красное знамя не-совместимо с богомольем! Но этот ясный красный цвет, он же такой яркий и густой, такой великий! Он величавее всех красок в мире! Вобла вспоминала Земфирины иконы. Да, вот такими же яркими красками малевала на черных досках она! Власова дрянь. Власова зазноба!

Боль ревности ещё охватывала её, но, поскольку они оба стояли на спине ветра и не за что было держаться, кроме как

друг за друга, она боялась пускать зло глубоко в своё сердце. Шептала себе: Власушко, ты у меня один, и я тебя никому не отдам, – и сиверко развевал подол её ситцевого, в мелкий цветочек, застиранного платья, и летнюю кофту-фигаро в белый горошек, и уже далеко под ними плюхал плицами по нежной солнечной воде пароход, а они оба летели над пароходом, чуть выше капитанского мостика, над выкрашенной двумя синими полосками белой трубой, и стреляли ведь очень далеко, в них не попадут, и Москву мы не отдадим, наши советские солдаты и наши доблест-ные генералы защитят ее, и нам, и нас, и мы...

Прямо в лицо Вобле вдруг подуло невозможной жарой, будто среди облаков избу подожгли, и она горела ярко, страшно. Это неправда! Она и правда горела. Настоящая изба; горел мощный сруб; полыхала крыша и обрушивалась с треском подпалённая, подгрызенная огнем матица. Дерево рушилось в пламя, и пламя жадно жрало дом. Прямо перед домом стоял мальчик лет семи. А перед мальчиком на пне сидел человек в чужой чёрной военной форме. Грудь человека усеивали иноземные кресты и ордена. Человек протянул руку в чёрной перчатке, схватил мальчика за шиворот, подтащил к себе, сделал рогами пальцы другой руки и этими двумя черными, твёрдыми кожаными пальцами, смеясь и показывая солнцу и ветру металлические зубы, выдавил мальчику глаза. Вобла хотела закричать. Хрип пополам разрезал её глотку. Потом она всё-таки закричала, и крик разрезал её самое пополам. Одна её половина, кровоточа, поднялась над пароходом и миром ещё выше, огонь горящей избы обхватил её и крепко обнял, и золотая корона дикого пламени увенчала половину её бедной головы с безумно орущей половиною рта. Другая половина упала на палубу. Влас поднял её на руки. Прижимал к себе, и кровь Воблы пятнала и заливала его рубаху. Глаз её был закрыт: она больше не хотела видеть свет. Влас покрывал поцелуями половину её сумасшедшего лица.

«Воблёшка, жёнка моя, очнися, очнися, скорей, ско-рей... я тута, я тута... я с тобой...»

Она распахнула глаз. За ним раскрылся другой. У неё снова возникло её лицо. Тело опять срослось и стало еди-

ным. Дрожь навалилась на неё и поборола её. Дрожащую и пылающую, в жару и бреду, Влас понес её в каюту. Там пассажиры, увидев её в тряске и температуре, ахали и охали, кто-то совал ей в рот аспирин, дама с химическим перманентом нашла у себя в крокодиловой сумочке пачку стрептоцида. Вобле поднесли холодной воды. Потом за-кричали: нет, нет, ей лучше дать кипяток! Пароход вошел в шлюз, и воду стали опускать, и «Парижская коммуна» обречённо опускалась вместе с водой. Вобле казалось, они опускаются на дно. И они уже рыбы. Кто-то бодрым, маршевым голосом выкрикнул, будто командовал парадом: «Товарищи! Уже скоро Москва!»

Молчание было ответом этому ясному, полному света и солнца, довоенному голосу.

(идут по военной Москве. Старица Матронушка)

Они шли по Москве, и Вобла шарахалась от противо-танковых ежей ; видела, как площади расписывают кра-ской, большими цветными квадратами, и робко спроси-ла Власа: а что это они раскрашивают асфальт? – на что он ответил: не знаю , ей-богу, не знаю, – а по бульварам медленно двигались танки, и Вобла зажимала уши от их страшного грохота; улицы великой столицы были какие чистые, а какие и в грязи по уши – гремели грозы , лете-ли серебряные отвесы шумных ливней, машины на ши-нах и люди на сапогах месили мокрую от дождей землю. Повсюду висели таблички, и крупные буквы наотмашь били в глаза: «НЕ КУРИТЬ!», «НЕ СОРИТЬ!» На площа-ди, Вобла имени её не знала, в ряд стояли новобранцы и вышагивал перед ними военный человек в смешных, топырящихся галифе, и ноги его гляделись ухватами. Вобла прыснула. Влас не поддержал её глупого смеха. Сказал строго: што ржешь -ти как кобыла, енто строевая подготовка, ополченцы енто, а можа, новобранцы, хто их знат. Часто попадались навстречу люди с винтовками за плечами. Они шли по-разному: и строем, и поодиночке, и парами , и весёлой кучкой. Веселье на лицах, и бри-тых и бородатых, вспыхивало наигранное . Люди играли

и бодрость, чтобы не так страшно было. И Вобла, и все вокруг понимали: они уходили на смерть.

Иногда мимо противотанковых стальных ежей шли, маршируя, целые отряды; впереди шёл человек, он нёс знамя, когда красное, а когда странно белое, с красной звездой, красной полосой и с красными серпом и молотом. Отряд нестройно пел: «Так пусть же Красная сжимает властно свой штык мозолистой рукой!» Вобла тихонько повторяла за ними, не песней, а просто вслух: и все должны мы неудержимо идти в последний смертный бой. Эти слова не только не воодушевляли, а наоборот, приговаривали: к тьме, к небытию. Но никакого небытия не просвечивало на лицах ополченцев. Они пели, широко разевая рты, вздымали руки, сжатые в кулаки, и высоко, гордо поднимали головы. Это была гордость отчаяния, но и радость победы. Пусть не все до неё доживут!

Влас вёл её за руку, как ребёнка. Ростом она была ему по грудь. Они вышли на площадь, по серому мокрому, щедро политому дождями асфальту змеились рельсы, здесь трамвай делал круг. «Игде мы, матушка, подскажиот!» – крикнул Влас петухом прохожей старухе. Старуха, длинная и тощая жердь, в обвислой вязаной старорежимной кофте и с огромным, на защёлке, портмоне, крепко зажатом в морщинистой руке , надменно клюнула воздух попугайским носом: «На Калужской площади вы. Калужская это застава». Влас ткнул Воблу кулаком в бок: испроси , душенька, как доберемси до Сокольского, ай до Сокольника, кажись, туды нам. Я помню адрес, кив-нула Вобла. Она заучила адрес наизусть, пока плыли на пароходе, всё читала его на клочке бумажечки. Старуха услышала шёпот Власа. Поднесла портмоне к груди. Поправила за ухом седую кудряшку. «Вы из деревни? Сразу видно. Спускайтесь, товарищи, опять в метро, вы не туда заехали. От Октябрьской доезжайте до Комсомольской, там сделаете переход, и садитесь в состав до Сокольников. Вам в парке погулять? Или по адресу?» Вобла насупилась. По адресу, буркнула она и дёрнула Власа за руку: идём!

они снова спустились в метро.

Влас вздыхал: опятеньки по сорок копек платити, на двох енто осемьсят! Ищо двугривеннай добавь, и цель-ный рупь! Вобла глядела, как он шарит в карманах портов, извлекает мелочь и долго, пальцем монеты шевеля, как живых червей, считает на испачканной вагонной сажей, заскорузлой громадной ладони. Поезд впустил пассажи-ров, Влас заскочил в вагон испуганно, боялся, что двери прихлопнут его. «Прижмёть, како мушищу благую, и раз-давить!» Состав дёрнулся всем железным туловом и по-шел, набирая ход. Влас еле успел уцепиться за серебряный поручень: упал бы на пол плашмя. Вобла подвела его к свободному месту, усадила. Влас удобнее устроился, от-кинулся, сиденье под ним поскрипывало кожей. «Эка хо-рошохонько-ти как! Тольки слишком резво едеть, потишей ба». Вобла во все уши слушала, как объявляют станции. «А енто откудова голосок-ти? Здеся што, реподухтор игде упрятан?» Вобла прижала палец к губам: тише.

Тряслись. Мотало вагон. Мелькали за широкими окна-ми цветные огни. «В подземье едем, а ну как щас прямо к диаволу в зубасту пасть въедем!» Вобла не хотела улыбать-ся, а улыбнулась. Стоящий напротив них молодой парень в серой кепке захохотал. «Ты, дед, в чёрта, что ли, так силь-но веришь? Ну, верь, верь! Верю, верю всякому зверю!» Влас вздернул бороду. «Я – в Бога верую!» Парень в расте-рянности снял, потом опять надел кепку. «Вон оно что! Ну, извини, товарищ. Только Бога твоего нет! Нет и не было! И точка!» Люди рядом стояли, качались, прислушивались. Вобла встряла. «Мой муж верующий, ну и что? У каждого своя вера». Люди рядом зашевелились, кто отодвинулся от них, кто отвернулся, а кто и вышел на остановке. Вобле казалось: они, все до одного, при слове «Бог» страшно ис-пугались чего-то.

На станции «Сокольники» они вышли из вагона, Вобла с трудом прочитала указатели, пошли по стрелкам, осторожно встали на бесконечно бегущий эскалатор. Вобла положила Власову руку на резиновые перила: держись! Он послушно держался. Вышли из подземья на воздух: будто бочку об-ухом разбили, и солёная мертвая рыба из бочки вывалилась и ожила. Между туч взыграло белое, как сметана, солнце.

Они увидели непонятные матерчатые, надутые шары. Не знали, что они называются аэростаты. Около домов высились горы, сложенные из мешков с песком. И опять они не знали: это – баррикады. Окна крест-накрест заклеены желтой газетной бумагой. Вобла тут же подумала: и не боят-ся лицо вождя ножницами разрезать и клеем замазать, а я боялась в печке сжечь. Около подъезда стояли раскрытые ящики, возле них бегал малорослый, как младший школьник, человечек с молотком в руках. Он забавно всплескивал руками и забивал ящик досками. Сверху из ящиков торчало всякое богатство: золоченые рамы, края картин, писанных маслом на холсте, руки и ноги белых как молоко и смуглобронзовых скульптур. Вобла поняла: это переезжал музей. Переезжал вглубь страны, подальше от войны.

Ей передавило горло ужасом: музей приказали эвакуировать, значит, не верят, что Москву не отдадим. А как же Кремль? А Сталин?

Дальше, на их пути, люди копошились в длинных узких ямах: рыли траншеи. Около траншей росли горы земли. Люди вгрызались в землю стальными зубами лопат, лопа-ты ели землю, жевали и выплёвывали, и вырастали земля-ные, рыжие глинистые горы у земных щелей, что призва-ны будут защитить родную столицу от вражеских танков и полчищ. «Дадим отпор душителям всех пламенных идей, насильникам, грабителям, мучителям людей!» – шла и беззвучно пела Вобла. За деревьями парка они увидали два орудия. Вобла впервые увидела пушку, остановилась и долго, молча, смотрела на неё. И Влас молчал; потом двинулись дальше.

Вобла спросила: «Власушко, ты не слышишь? Там, далеко? Кажется, стреляют». Влас закрыл глаза и сильнее сжал её руку. Очень далеко, как во сне, звучала артиллерийская канонада. Потом угасла. На тротуаре валялись книги, много книг. Кто-то выбросил их из окна. Книги уже были не нужны; нужна была только жизнь. И, в этом был весь главный ужас, Москва тоже была не нужна; своя жизнь была дороже Москвы.

В кузовах грузовиков, в автобусах и автомобилях тря-слись люди. Все куда-то ехали; и трудно было понять, кто

уезжал, кто оставался. Вобла подумала жёстко: бегут, шку-ру спасают. Прямо перед ними внезапно закружились чёр-ные хлопья сожжённой бумаги. Влас крепче сжал ручонку Воблы и вдруг крикнул задушенно, тонко: «Вота! Жгуть! Жгуть всю правду! Жись нашу всю записану жгуть! И ни-хто и никогды не прочитаить боле, хто мы были, как мы жили!» Вобла махала рукой, чтобы разогнать, отогнать от их лиц чёрную, сверху летящую сухую чешую. На стене дома золотились буквы на табличке: да, тут находилось учреждение, и, видать, важное, если перед приходом врага без следа сжигали все документы.

Шли дальше, и видели – еще перед одним опустелым домом лежат на тротуаре пачки книг, перевязанные бече-вой; Вобла подошла, наклонилась и прочитала вслух: «Вэ И Ленин, собрание сочинений». Испуганно прижала ла-донь ко рту. «Влас Игнатьич, а нас не схватят? В тюрьму не посадят? Подумают, что это мы выкинули!» Влас смотрел печально. «Нетути, душка, не посадють. Мы мимохо-жи. По нас издаля видати, што мы не столичны!» Потом дергал Воблу за руку, как обиженный ребёнок: «Ну што, душечка! Вопрошай, вопрошай народ-от, игде наш адре-сочек! А то заплутаемси!»

Вобла, смущенно подходя к прохожим, только и повто-

ряла: Матронушка, Матронушка...

Вобле указали: вот улица, там дом и ищите.

Они долго ходили меж домов и деревьев взад-вперёд, спрашивали, стучались в двери и даже в окна, и им везде отвечали: нет, тут у нас таких не проживает, – пока Вобла наконец не догадалась заглянуть в крошечный фанерный домик, упрятанный за большим каменным домом, среди деревьев и кустов. Холодало. Набегали тучи. Затягивали ясную линзу неба грубой рогожей. Хлынул дождь, ледяной, будто осенний. Они, скользя по грязи, подошли к доща-тому крыльцу; Вобла рассматривала, будто картины в му-зее, грязные фанерные стены. «Но это же летний домик, – прошептала она сама себе, – как же тут живут зимой?» Ни звонка, ни колокольчика. Дверь шаткая, внизу в двери дыра: стучали ногами и дырку простучали. «В окно стучи-си, – присоветовал Влас, – в стекляшку слышней будеть,

на увесь дом звон разнесетси». Вобла ударила в окно кулаком раз, другой. За окном зашуршало. Пошуршало и стихло. И снова молчанье. Вобла догадалась толкнуть ды-рявую дверь. Она подалась под её рукой.

Они вошли – сперва Вобла, Влас за ней, – и так и отшатнулись: холод крепко обнял их, прямо в лица им ударил густой пар, промозглый и сырой, будто внутри домика безостановочно шли и шли унылые дожди, просачивались сквозь крышу и безжалостно поливали стены и полы. Пар шел от железной буржуйки: она топилась будто сама по себе, людей в доме не было. Пустая темная фанерная коробка, сырая пустота. Ни звука, ни скрипа. Вобла огляделась. На подоконнике в обшарпанном горшке росла герань. Стоял медный чайник с горделиво изогнутым носиком; он зарос вековечной грязью. Там, где сквозь грязный сум-рак просвечивала медь, она сияла радостным, ёлочным золотом. Вобла прислушалась. Из угла чуть слышно до-носилось мерное дыхание. Она пошла на эти вдохи-вы-дохи. Увидала кровать. Блестели на выгнутой спинке ни-келированные шарики. На кровати свалено в кучу старое тряпьё. Вобла хотела было от кровати отойти, как тряпьё шевельнулось. Она бросилась вперёд, погрузила руки в тряпки, расшвыривала их, так кот когтями царапает пред-раду, чтобы пробраться к добыче. Старые платья, пальто, одеяла валились на пол. В сумраке серебряные шарики на спинке кровати поблескивали рыбьими блёснами. Из-под ветхого тряпья, из-под штопаных мужских кальсон и вязанных крючком женских шалей показалось тело. Тело живое; одетое в шерстяное платье, оно когда-то было зелё-ным; тело шевелилось и вздрагивало, и женщина обернула к Вобле страшную нечёсаную голову на подушке. Её жиденькие седенькие волосики вымокли от пота. И подушка вся была в мокрых тёмных пятнах. Вобла подняла глаза. Прямо над головой женщины протекал потолок. Крупные капли время от времени капали вниз, на лоб ей, на висок, на подушку. Пахло мокрым гусиным пером, кислым кефи-ром и чуть – совсем немного, еле слышно – ладаном. Во-бла, будто век это делала, ловко перевернула блаженную старицу с правого бока на спину. Подложила ей под голо-

ву, под лопатки подушку, повернув сухой стороной. Под-няла с пола одеяло и укрыла её. Прочую одежду сгребла в кучу, оттащила в изножье кровати.

Влас стоял и смотрел. Ничего не говорил.

Вобла кашлянула раз, другой. Слепая лежала, молчала, блаженно улыбалась, сложив корявые коричневые руки на мерно дышащей груди. Надо было всё равно говорить. Го-воренье застряло в глотке, пыталось вылететь наружу, а крылья обломали.

Сама слепая заговорила.

«Вы ведь ко мне издалека прибыли? Устали, небось. В реке вашей рыбы много, много! Да рыбу ту всю взорвут скоро, и всплывёт вся она брюхом кверху, и река вся станет красная от крови...»

Вобла беспомощно оглянулась на Власа. «Какая рыба, о чём она?» Влас поднял двуперстие вверх, как для древнего благословенья; покачал головой. Шепнул: «Ты не встре-вай зазря, пущай она сама-самесенька всё нам балакаить».

Блаженная старица повела головой на подушке. Лада-ном пахло всё сильнее.

«А почему вы ко мне без веток пришли?»

«Без каких веток?»

Вобла растерялась.

«Ветки какие-то просит...»

Шепот таял, почти неслышный, но старица всё равно услышала.

Широкая улыбка растянула ей губы аж до самых ушей. Многих зубов во рту не было; бледные дёсны чуть розове-ли в туманном холодном свете, за окном шумел ливень и порывами, покинутой собакой воя в высоких кронах пар-ковых деревьев, налетал ветер.

«Без ивовых веток!»

«А зачем вам ивовые ветки?»

Старица улыбнулась ещё шире. Все её лицо обратилось в улыбающийся рот.

«Как зачем? Ломать. И очищать. Пока чищу, человека вижу. И всех его родных вижу. Кто где воюет. Кто где... ховается... Очищу – пахнет зеленью! Жизнью! Я вдыхаю её запах. Люблю, когда жизнью – пахнет!»

Помолчала. Влас и Вобла терпеливо ждали. Старица перебирала пальцами поверх одеяла. От тряпок доносился волглый дух мокрой шерсти. Вобла подумала: так пахнут овцы, которых ведут убивать.

«И за них за всех молюсь. Ветку голую, гладкую, уж без коры, держу и молюсь. Детонька, дай мне коробочку! Она вон где стоит».

Слепая повернула голову. Вобла со страхом рассматривала её бесконечно, постоянно улыбающееся лицо, её заросшие кожей глаза – на месте глаз у старицы мерцали две тёмные ямки, вглубь черепа уходили неведомые, нежные тени. Светлые, сивые, вытертые годами брови изредка вздрагивали. Вобла быстро обернулась, схватила с тумбочки, укрытой вышитой крестом салфеткой, картонную коробку; в коробке лежали наломанные ивовые ветви. Игрушки-палочки, и уже без коры. Беззащитные. Старица с радостным вздохом погрузила в коробку руки. Вынула одну палочку, гладила, рот всё так же улыбался. Улыбка жила на её лице, плавала, как рыба в толще холодной слепой воды.

«Милая, ах вот ты где, милая. – Перевела дух, будто бежала быстро и вдруг стала, устала. – Дай я на тебя полюбуюсь. Ах, да ты ещё молоденькая совсем! А уже такая грешница! Сильно ты нагрешила, грех на тебе большой, милая, да по неразумию совершённый. И не каялась ты в нём никогда. Мала у тебя ещё душоночка, меньше котёночка. Жизни не знаешь, а тут война. Да рядом с тобой муж твой стоит! Хороший у тебя муж. Только старый шибко он, его в армию не возьмут. Радуйся, на войне не сгибнет! Радуйся! Радуйся! Ты молитву Богородичную знаешь? Нет! Не знаешь! Молиться тебя не учили. Ну да это ничего. Повторяй за мной!»

Вобла, неотрывно глядя на растянутый в вечной улыб-ке рот слепой старицы, повторяла за нею шёпотом: «Бо-городице Дево, радуйся... Благодатная Марие, Господь с Тобою...»

Влас тоже повторял, но беззвучно.

Так молились в сырой холодной комнате, все втроём, и за окном поливал бешеный дождь, и в домике на курьих ножках горела, гудела ржавая буржуйка.

Блаженная старица прочитала сначала Богородичную молитву, потом «Отче наш», потом вдохнула и выдохнула: «Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя греш-ную!» И ещё раз повторила эту коротенькую молитву, и ещё, и ещё, и ещё. Вобла переступила с ноги на ногу. Не переставая улыбаться, слепая сказала:

«Устали ноженьки? Сядьте! Я ещё молиться буду. За всех, кто воюет. Много смертей вижу, много! А осенью, зимою будет ещё больше! Но Москва останется цела. Не возьмут Москву! Не надо отсюда никуда уезжать. А Волга красная от крови станет, вижу, вижу. А Тулу не возьмут, защитят, а Тарусу возьмут да отобьют, и Москва жива-здо-рова останется, только чуть погорит. Пожары будут! Бом-бы падают, как тут без огня? Да где только огонь не горел! Деревни, города всегда горели. Потом всё люди отстроят, наново. Еще лучше всё станет, краше».

Вобла глядела на голые зелёные палочки в маленьких морщинистых руках. Старица перебирала палочками, как спицами, будто вязала, и из-под её корявеньких, как ко-решки, рук текла невидимая, теплая ткань.

«Я на фронте. Я сейчас там... у орудий. Около пушек. Наши солдаты стреляют! Бедные, милые солдатики... По-чти все ведь из сёл, из деревень... Опустеет мужиками Рос-сия... Осиротеет земля... земля...»

Влас дрогнул серебряной, загустелой за время дороги бородой.

И тут впервые подал голос. И голос его чуть дрожал. «Как жа ты баишь, матушка, – срывался, рвался его го-

лос, – Москву-ти не отдадим, а солдатиков-от, значитца, всех перебьют? Ох...»

Замолк. Вобла видела: по его щеке течёт слеза и тает в чернёном серебре бороды.

Старица, не переставая улыбаться, заговорила мелко, дробно, будто пшено голубям из сита крошила, растрясала:

«За грехи, за грехи нам всем послана война! Война не просто так явилась! Грешны мы были очень. Много за нами всеми нечестия и язвы водится. Не счесть! А зло, оно тут как тут. Только и ждёт! Не исповедаемся... не причащаемся... Бога забываем, не поминаем... Вот вы, вы оба,

да! Вы ведь в церкви не венчались. Худо это! Нельзя так! Сталин Бога забыл, но ещё как вспомнит! Придёт времечко, и вспомнит! Сам ко мне придёт... придёт!.. за Богом...

за Ним... Да воскреснет Бог и разыдутся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящии Его! Яко исчезает дым, да исчезнут...»

Читала молитву сквозь вечную улыбку, слова вылетали из её беззубого, шепелявого рта и летели поверх и выше улыбки, бились о сырые стены каморы, о дырявый потолок, метались запертыми в клетку воробьями, ударялись о стекла, врывались в приоткрытую дверцу гудящей, пылающей буржуйки и сгорали в огне. Буржуйка топилась уже долго, а дрова все не прогорали. Это было чудо. Кто невидимый подкидывал их в печку? Кто печь растопил, ведь старица лежала тут одна? Растопили и ушли... может, вот-вот придут... с продуктами, ведь есть ей что-то надо... с бутылками молока, с буханками хлеба... она тут одна лежит, безо всякой помощи... и волосы у ней мокрые, и встать на двор сходить никто не поможет.

Вобла дождалась, пока закончится молитва, и быстро наклонилась к старице, обдала её своим дыханием, и старица раздула ноздри, впивая свежий и светлый молодой запах.

«Товарищ Матронушка... – Вобла смешалась, не знала,

как к старице обратиться. – Вы не хотите?.. ну, есть, пить...

Пообедать... Я сготовлю... Может... вы
хотите...» «Договаривай, детка: по нужде?»
«Да».

Вобла стояла, вся залитая краской, и Влас погладил её по плечу.

«Если захочу, сама тебе скажу! И поможешь! Выне-сешь меня! Скажу куда. Всё это тоже святое дело, всё у Бога святое! Нет стыда, нет позора в человеке! Всё живое устроено так! И нечего стыдиться! Но ангелы на небесах...

ангелы... они безгрешны, и нет у них наших людских сты-дов. Сказано в Писании: птицы небесные не сеют, не жнут, но сыты бывают!»

Вобла кивала, как на уроке в школе.

«А поесть-то – хотите?»

«Ах вон что! Я ей про птиц, а она мне опять про еду людскую! – Улыбалась беспрерывно. – А вот я хочу, чтобы ты, детонька, меня на руки взяла!»

Вобла смутилась ещё сильнее. Но тут Влас пришел на подмогу. Он шагнул вперед и протянул свои руки, боль-шие, ухватистые, крепкие, крепче толстокорых дубовых ветвей.

Подхватил старицу из постели легко, и лежала она у него на руках, как ребёнок. Ручки и ножки у неё и вправ-ду были крошечные, как у ребёнка. И вся она напоминала брёвнышко. Влас сморщил лицо, Вобла думала, он сейчас заплачет.

«Осподи! Осподи! Твоя святая воля! Дык вить енто...

жа... как наша Радушка... как Радушка наша убитая... ох...» И бормотал, держа старицу на руках: «Воскресла... вос-

кресла... ах ты Осподи, ну дык правда што воскресла...» «Посади меня на диванчик», – попросила блаженная. Влас оглянулся. Ближе к раскаленной буржуйке сто-

ял жалкий диванчик; он был настолько мал, что казал-ся пуфиком. Влас поднес старицу к дивану и усадил; по дивану были разбросаны подушки- думки, величиной с городецкий пряник. Старица довольно вздохнула. Вобла не могла отвести глаз от её безглазого личика , оно улы-балось беспрерывно; от маленьких, как рыбьи плавники, ручек.

«А вы ведь ко мне не попросту пришли. В такую даль! В Москву военную – с Волги! С гор Жигулей! Да догады-ваюсь, зачем притекли. Хотите вы оба ребёночка. Чтобы дитё у вас народилось. Да не рождается. Война кругом! А вы дитё задумали. – Она смолкла, ясная её улыбка ос-вещала склонённый покорно лоб Воблы и её сивые во-лосы, заплетённые в косы корзиночкой ещё на пароходе, печальные глаза и бессильные руки Власа, смирно повис-шие вдоль его крупного, ещё могучего тела. – А ты, ты подойди!»

Старица подняла слепое весёлое лицо к Власу. Он подо-шел – и, сам от себя того не ожидая, упал перед старицей на колени. Она подняла руку, ощупала воздух, нащупала Власовы волосы и лоб и положила руку ему на темя.

«Ах ты, ах ты... У тебя уж детки есть. Взрослые детки. Страдают за грехи твои! Одна в тюрьме... и другой тоже. Сынка отправят на фронт! В штрафной батальон! Да ты не сетуй, жив останется! Только покалечится сильно! Но это не беда! Работать сможет! По дочке поплачь... в темни-це она... А у тебя была ещё одна дочка... ещё... – Старица прижала маленькие ладошки к лицу, и под её руками спряталось, укрылось целиком её маленькое ребячье, незрячее личико. – Ещё одна была! Да – сгинула! Безвременно! Безвинно... Невинно убиенная... И она, она... была...»

Слепая будто всей кожей, непрерывно шевелящимися пальцами всматривалась во тьму времени, разымая её внутренним светом. Сырой воздух вокруг слепой нагрелся. От неё исходил жар. Можно было греть руки, не хуже, чем возле буржуйки. Вобла огляделась украдкой. Глаза привыкли к полумраку. Дождь всё шелестел, но уже не такой сильный. Вобла узрела: лампадка красной ягодой мерцает, на стене стариннейший киот, иконы все чёрные, чернее земли, только нимбы святых страшным, Судным золо-том светятся.

«Она как и я же! Видела всё, знала. Ходить не могла – ножек у девчоночки не было! Ручек тоже не было! А глаз-ки были. И не глазками она видала. А как и я, сердцем! Ох, хорошая эта дочка у тебя была, светлая! Светлое облако! И облаком небесным стала, сейчас она рядом с архистра-тигом Михаилом, в соборе сил бесплотных... вижу, вон летит... – Старица закинула слепое счастливое лицо. – Ле-тит, серафимчиком стала, и крылышки у ней! Не плачьте, не тоскуйте по ней! Кого Господь рано забирает – значит, того особо полюбил, к Себе приблизил! А мы, люди не-разумные... нам бы лишь бы – с нами... поближе к нам, чтобы под боком, под бочком... жалеем для Господа души живые...»

Влас стоял на коленях, слабая ручоночка, куриная лап-ка слепой покойно лежала у него на серебре волос, он дро-жал и шепотом молился. Вобла стояла навытяжку, как на пионерской линейке юные пионеры стоят. Голос старицы лился тепло и ласково, она тихонько поглаживала Власа по голове. Слёзы сами полились у него из-под набрякших

век. Вобла глядела и дивилась, как же мала крохотная ру-чонка старицы.

«А ты что стоишь и думку гоняешь, молодая жена? Ты тоже помолись, ведь вот муж твой молится. Будете мо-литься, ребёночек родится. И никогда плохо не думайте о людях. Ни о каких! Даже о врагах. Их пожалеть надо. Христос сказал: молитесь за врагов ваших. С молитвой в бой идите! Делайте, что нужно делать, но никогда нико-го не осуждайте! Господь сказал: не судите, да не судимы будете! Как же это верно, хорошо! Мы все, люди, малые овечки. Бегаем... блеем... с нас шёрстку стригут... И бы-вает, не стригаль к нам приходит, а мясник, на мясо нас зарезать... И вот мы плачем-заливаемся: как же это, нас сейчас убьют! Казнят! И подвесят за хвостик, за ножку! Не сердитесь. Не сокрушайтесь! Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит! Так в псалме поется, у царя Давида! Помните: всякая овечка будет подвешена за свой хвостик! Не думайте о другой овце. Думайте – о себе! О своих грехах, как их избыть! Не видьте соломины в чу-жом глазу! Лучше в своём – бревно обнаружьте! Ах, Боже мой Господи...»

Перекрестилась.

«Чаще лобик свой крестите! Крестного знамения не чу-райтесь! Не стыдитесь! Все нынче кричат: Бога нет! Бога нет, нет! Но кончатся, умрут эти крики. Века нынешнего не пройдет – умрут! Церкви рушат, а потом наново стро-ить начнут. И вы молитесь. Слышите! Молитесь! Дай мне, Влас, бутылочку махонькую, вон стоит, на подоконнике!»

Он вздрогнул: старица назвала его по имени. Поднялся с колен, качаясь. Подал слепой бутылочку, о которой про-сила. Слепая ловко выдернула пробку, и не успели Влас и Вобла опомниться, как старица плеснула из бутылки воды в ладошку и щедро брызнула на них. Им в лица, в глаза и рты, на руки, на грудь.

«В рот попалоси!» – крикнул Влас и судорожно прогло-тил воду.

Вобла стояла по стойке «смирно», по её волосам, лбу, щекам и груди ползли капли, впитывались в ситец платья. Она медленно вытерла ладонями лицо. Ей казалось, вода

пахнет ладаном. Или чем-то ещё, нежным, печальным, душистым. Мёдом ли, цветком. Слепая глубоко, прерывисто вздохнула. Вечная улыбка освещала её детское личико и всё вокруг: полутемную комнату, сундук, крест-накрест полосками жести обитый, подоконник с банками и бутылками, гудящую, сыплющую искрами и мелким треском буржуйку, кровать со скомканным бельём, груду тряпок на полу, и только сейчас заметила Вобла – иконы по фанерным стенам, множество икон; они слабо вспыхивали и опять гасли, растворяясь во мгле, будто появлялись по мановенью святой руки и снова исчезали в мир горний, откуда явились, а потом радостно загорались во тьме опять, и внимательными огромными глазами, всей киноварью и тёмным старым золотом, всей намоленной, искусно расписанной поверхностью, за которой пряталось высокое и широкое небо, глядели на трех людей.

«Ну что?! Ах, милые, милые... люди... Всяк по-своему страдает. И радуется по-своему. Честно надо жить! Чест-но! А у нас многие как живут? Кусок урвал, у ближнего украл – и рад... Вот война. Останетесь живы! Не подстре-лят вас, не запытают! Всяк по-своему мучеником стано-вится на земле. А бывает, и святым. Враг подступает всё ближе. Дыхание врага слышу! И что я вам скажу, милень-кие мои? Молитесь! Без молитвы – никуда. Внезапно уме-реть можно, если без молитвы жить. Знаете что? На левом плече у нас враг сидит, а на правом – ангел! И у каждого в руках книга. Враг записывает в свою книгу все наши злые дела, ангел же в свою пишет – все дела добрые. А мы их не чуем, не видим, не слышим, и врага, и ангела! А надо бы! Но лишь через молитву увидите добро. Через крест! Креститесь чаще! Не бойтесь! – Слепая говорила и уже задыхалась; ловила ртом воздух. – Ваша пионерия, комсомолия... партия, красное знамя... приказы вождя... Всё это, запомните, земное. Всё прейдёт! И ни капли, ни соринки не останется! Земля всё поглотит. Все приказы, бумаги... все смертные приговоры... А вы – креститесь! Крест – он вас на замок запрёт, никто на вас не посягнёт, вас не изничтожит. Солдаты многие сейчас, особенно перед боем, вдруг уверуют в Бога и с этой верой в сердце – на смерть

идут! И еду крестите. Чтобы на пользу, на здоровье вам шла. И про ребёночка если думаете, спать друг с другом ложитесь – и перед вашей ночью, перед любовью крести-тесь! Силою Честнаго и Животворящаго Креста спасай-тесь и защищайтесь!»

Уже так задыхалась, будто тонула, и надо её было выта-щить из мощного неумолимого потока. Но всё так же ясно, нежно и весело, во весь рот, улыбалась.

Вобла поняла, и пот её окатил мгновенно: это так сле-пая улыбалась Богу. Она видела Его всё время.

«А ты, а ты... – Слепая медленно обернула светлое сол-нечное личико к Вобле. – В грехе-то... покайся...»

Влас стоял, разведя руки.

«Осподи! Твоя святая воля! В каком таком ищо грехе? Она ж, моя Воблёшка, чиста како стёклушко! Чище алмаза царскова! Овца она невинна! – На Воблу уставился. – Ка-кой такой грешок за тобой, Воблёшка! Признавайси!»

Тут Вобла заговорила. Дрожала зверем. Красная сто-яла, будто всю ее нарочно, на смех , завернули в красное знамя. Она сама не помнила, не осознавала, какие сло-ва выталкивал рот, но говорить именно их и надо было. Бедная. Немощная. Старая. Слепая . Себя не может обихо-дить. Сутками напролёт лежит тут, в промокшем насквозь фанерном домике в старом парке. Её – спасти! Вот оно всё покаяние!

«Матушка Матронушка... давайте мы вас к нам за-берём! В Жигули. На воздух! На волю! Село наше Карава-ево. Красота у нас там! Волга рядом, за крутояром. Сады, много слив и яблок поспевает! Всегда при фруктах будете! Муж мой работает ещё, зарабатывает... он совсем не ста-рый, нет... – Она не глядела на Власа: ей казалось, погля-ди она на него, и слепая никуда ехать не согласится. – А вы... тут погибнете, одна-то! Кто к вам ходит, помогать? Лежите тут... мёрзнете... простыни сырые, одеяла холод-ные... пальто вместо одеял... А у нас изба тёплая! Печку натоплю... я блины умею печь! – Вобла не знала, что ещё сказать, как упросить. – Поехали с нами! К нам! Мы вас...

на пароходе довезём! И билет купим! Правда, Влас Игна-тьич, купим? У нас денежки лишние есть?»

Вот тут оглянулась. Слова кончились. И надо было ждать: или согласия, или легкого чистого, слепого смеха, усмешки, молчаливой улыбки.

Влас кивнул, тяжелая его, серебряная голова качнулась вниз и так замерла. Он боялся поднять глаза.

Блаженная положила свои маленькие ручки себе на колени. Колени поднимались под выцветшим зелёным платьем двумя холмиками. Эти ножки не могли ходить. А душа эта вольно, свободно летала по свету, по небу, видела оттуда все души всех людей, и живых и мёртвых, и знала их пути, и предостерегала от напастей, и тихо плакала по непоправимому. Душа эта была такая живая, что странно было – неужели старица когда-нибудь умрёт, уйдет в мир иной, как уходят все люди? У Воблы возникло твёрдое, твёрже металла и алмаза, чувство её неоспоримой вечности. Да, мы все уйдём, а старица будет жить вечно, сказа-ла Вобла себе, и лёгкий, быстрым жаром, восторженный страх объял её, все волоски на теле дыбом поднялись: а где? На земле? На небе? Нет, нет, она не умрёт, беззвучно шептала Вобла, ты не умрёшь, никогда, никогда...

Слепая тяжело и долго, длинно вздохнула. И не выдыхала, будто последний в жизни воздух вдохнула жадно, а он разлился по её убогой плоти живою, серебряной водой, поздним благословеньем, и полутьма зазвенела, заполыха-ла еле видным сиянием вокруг её детского тельца в горою наваленных подушонках, вышитых крестиком, гладью, зо-лотой тонкой ниткой.

«Бог не велит мне ехать с вами. Милые вы, родненькие. Хорошие вы. Но нет, не велит. Чтобы вы потом об том не пожалели».

Как они вернулись? Как шли сквозь войну?

У Воблы будто открылось второе зрение. Идут вроде по мирной земле, а земля вокруг вся гудит от огня, от криков и взрывов. Влас держит её за руку, она идет послушно, надо дойти до железнодорожной станции, были куплены биле-ты на поезд только до Рузаевки, а высадили на разъезде,

слух пронёсся, что Рузаевку заняли немцы, но быть этого не могло никак, а может, моторизованные немецкие части уже и до Рузаевки домчали, и до Красного Узла, и вот Влас и Вобла шли пешим ходом до Рузаевки, шли вдоль рель-сов, не ошибёшься, в сторону никак не свернёшь, а Вобла закрывала глаза, чтобы лучше видеть, и видела.

Разорённые деревни. Спалённые дотла дома. Только печные кирпичные трубы из чёрного пепла торчат. Чёр-ные люди стреляют в детей. Трое мальчишек стоят против целой шеренги вражеских солдат. За солдатами – офице-ры: хохочут. Солдаты стреляют из автоматов, мальчишки валятся на сухую траву, тела их в крови. Офицеры лени-во вынимают пистолеты из кобуры и тоже стреляют. Так, чтобы попасть в голову, в череп уже мёртвому мальчику. Ноги шли, а глаза видели: тьма избы, и у печки – старуха древняя, лицо катится печёным яблоком, голая, тряпки с нее содрали, стыдно, старуху наотмашь бьют шомполом, кровь ползет по древнему лицу, сморщенной шее и голой обвислой груди. Старик сидит на лавке, руки связаны у него за спиной. Он смотрит на свою нагую старуху и ше-велит разбитыми губами: гляди у меня, бабка, ничего им не скажи! Ничего! Ни словечка! Пусть запытают! И пыта-ют; и выкалывают глаза старику; и валится старуха на за-литые кровью половицы, и видит душой, как расступается перед ней земля.

Ноги идут, и смотрят глаза подо лбом, и глаза не видят, а видит всё дух, непонятным образом над землёй летящий: чёрные люди скопом насилуют молоденькую девушку, по-сле отрезают ей груди и вырезают на спине огромную крас-ную звезду. Черный солдат наступает сапогом девушке на лицо. И Вобле на миг кажется, что эта девушка – она; и плоским и красно-золотым становится её больно расплю-щенный вражьим сапогом лик; и зажигается воздух у неё в груди, и горит внутри, будто она стала печкой-буржуйкой, и рёбра у нее железные, и пепел под сердцем.

Ноги идут, и видит душа – избы глядят пустыми глаз-ницами, и стоят кресты на кладбищах, раскинув руки, как живые люди, что кричат о пощаде; а кто из людей кричит так: не сдадимся! не отдадим земли нашей проклятому

врагу! Вешайте, всех не перевешаете! Стреляйте! Всех не убьёте! Стоит мать, ребёнок на руках, двое детишек к коленям жмутся. Чёрные люди подходят к матери, оттаскивают от её юбки сынка и дочку и убивают в упор, стреляют детям в лоб, в ухо. Мать глядит на лежащие на земле тела детей. Третьего ребёнка расстреляли на руках у матери. Мать упала на землю. Обнимает убитых детей. Рот её от-крыт для крика, а крика нет. Нет крика! Молчанье встаёт стеной! Обнимает молчание мать, ещё живую, и чёрных людей, убийц; и слышат чёрные люди это молчание, и страшно им. И вдруг один из солдат подбегает к офицеру, вырывает из рук у него наган и прислоняет к виску, и стре-ляет в себя.

А ноги шли, и душа видела всё – как горят одинокие дома и одним огромным костром – целые сёла, и в домах тех горят люди, и плачут, и орут благим матом, и в послед-нем крике выходит душа и вместе с огнём улетает в покры-тое сажей, как чёрным платом, кровавое небо. Видела, как горят в пламени коровы и свиньи, как громко вопят они, сжигаемые заживо, – как люди. И лают собаки, и стреляют в них враги, с ненавистью и злобой, как в людей, и визжат и плачут, как люди, собаки, зная, что нет людских в них душ и не воскреснут, как люди, они на Последнем Суде. Про Последний Суд сказала ей слепая старица; и Вобла запомнила эти слова, и ещё запомнила то, что люди людей судить никогда не должны, а только Бог один сможет это сделать, и то при конце мира. А может, сейчас уже конец мира настал?

И про собак, овец, коров и иных животных, близких человеку, думала она, пока ноги мерили землю: нет, есть, есть в них душа, они как мы, и если они нас так любят, а мы любим их, и если душа у них тоже живая и от всецелого мира природы, от земли, как и мы от земли родились, значит, как мы, они на Страшном Суде тоже спасутся и тоже воскреснут.

Старица говорила про Последний Приговор: кости вос-станут из могил и оденутся плотью. А когда это будет, опасливо и тихо спрашивала Вобла, скоро или ещё не скоро? Старица поворачивала к Вобле слепое личико, и вечная

улыбка святой озаряла внимательное, сумрачное лицо Во-блы. А кто об этом знает! Никто! И я не знаю. И даже Бог не знает, чтобы нам хоть потихоньку это прошептать, при-открыть тайну, выболтать, потому что ещё не исполнились сроки! А когда они исполнятся? А об этом надо молчать! Слово серебро, молчание золото!

И поэтому Вобла шла и молчала.

И Влас пугался этого молчанья. Но шёл и терпел.

И понимал: так надо.

Ни в чём не повинные люди. Ни в чём не повинная зем-ля. Земля и люди в конце концов становятся одним, ведь люди ложатся на вечный сон в землю. А золотая улыбка святой старицы, что, засыплют землёю и её? Ведь она бессмертна! Закопают, землёй завалят нашу страну? Но ведь она тоже бессмертна! Оказывается, как много наро-ду ненавидит её! Хочет убить! За что? За всё хорошее? За красные знамёна? За весёлые песни? Это враг хочет. Враг живет далеко. Он пришёл издалёка. Из другой земли. Тог-да зачем те начальники, что живут на нашей земле, нас гробят и убивают? В тюрьмы сажают и тоже, как чёрные враги, пытают? И это нас, нас, ни в чём не повинных, вра-гами называют! Как с этим разобраться? Кто разгадает эту чёрную загадку?

Ноги шли, а душа видела: ни людей, ни курей, ни коров, ни свиней, ни собак, ни кошек. Жестокий железный язык войны слизывал всё. Особая жестокость немцев на Вос-точном фронте превосходила все жестокости всех на свете войн, но душа об этом не знала. Душа видела смерть, и ужасалась огню, и слышала чужую дальнюю молитву: си-дела в подушках на отсырелом диване в холодной хибарке слепая старуха, и чуть шевелился её рот, и маленькие руч-ки медленно двигались, как рыбьи плавники, и на скре-щенных по-степному маленьких, детских ножках лежали складки когда-то зелёного платья. Слепая улыбалась, а её зрячая молитва тихо обнимала землю.

Ноги шли, зрячая душа видела, рот ел еду, тела сидели на утлых вагонных полках, а иногда даже, если повезёт, и лежали. Так добрались до станции Кинель. Вобла боялась спросить Власа: ты доволен, что мы к слепой Матроне

съездили? Правильно это было? Родится у нас теперь ребёнок? Но замирал на губах этот никчёмный вопрос. Все больше казалось Вобле, что люди много говорят. Молчание и правда золотилось, нежно вспыхивало во тьме сгустком золота, тяжелым самородком. Вобла однажды видала самородок в Сибири, в городке, на столе у начальника, что подписывал им приказ об освобождении. Самородок был крупный, весь изрытый, в яминах и буграх, как кусок золотой земли; лежал на полке этажерки, на кружевной салфетке. Золото то было красного оттенка, цвета красной глины, с виду даже и не золото. Начальник, подмахивая бумагу, проследил за взглядом поселенки, уткнул перо в чернильницу, подошел к этажерке и снял самородок с полки. «Попробуй! – Протянул. – Какой тяжёлый! Взвесь на руке, не бойся!» Вобла качала самородок на ладони, как младенца в колыбели. Начальник, покусывая небритую губу, похвастался: «С Алдана привезли».

И тогда она подумала: а сколько лагерей на Алдане, на Витиме? Сколько тюрем на Яне, Колыме, Индигирке? Ей по секрету шептала в бараке старая Мара из Питера: лаге-ря особого назначения есть даже на островах Новая Земля в Ледовитом океане.

Ничего не спрашивала Власа Вобла, и Влас помалки-вал. Им уже ясно было – скоро до дому доберутся. Когда слезли с поезда, пешком пошли: Влас тут уже дорогу знал. Их подхватила попутная машина, выкрашенная болотной краской «полуторка», быстро от станции докатила до поворота. Шли медленно. Косой дождь хлестал по лицам. Вобла слабо защищалась от дождя тощей рукой. Влас шёл тяжело. Брели уже по просёлочной дороге, ноги тонули в грязи. Влас поскользнулся и упал. Вобла подскочила, на корточки села перед ним.

Власушко, ты не ушибся?

Власушко, гли-кось, мене так тольки Аринушка покойница прозывала...

Ну и я, видишь, тоже. Ногу не подвернул? Идти-то можешь?

А што, милушка, душка моя, и смогу не убягу! Смогу, изволь!

Но подняться не мог.

Вобла ощупывала его слепыми руками. И верно, она внезапно ослепла: от жалости, любви. Что-то новое прос-нулось в ней, внутри нее, птичкой зачирикало около сер-дца, когда он вот так неуклюже свалился, и страшно ей стало – а ну как колено сломал или локоть, и в гипс теперь надо перелом заделать, и на перевязки к фельдшеру Пу-пынину ходить. Нет, не это, не боязнь того, что пропадет у ней работник! Жалость эта пела под ребром нежной пти-цей, заливалась, и заливала её дрожащее нутро, быстрые глупые мысли, лицо и рот ей заливала и смехом, и слеза-ми. Влас Игнатьич, слава Богу, цел! Ну ты посиди, поси-ди! Отдохни! Я тебя... сама... на себе понесу!

Он хотел расхохотаться в голос, да не получилось. Си-дел в грязи, весь землёю с ног до головы перепачканный, всё перепачкано – сапоги и штаны, грязь течёт по локтям, пиджак весь в глине налипшей, а дождь всё хлещет, и зем-ля всё больше раскисает, и плачут от смеха мокрые лица, и прижимается Вобла мокрым холодным рыбьим, боль-шегубым лицом к щеке Власа: ну ты сиди! Не дёргайся! Нас сейчас зальет! Затопит! К дому – вплавь доберемся! Поплывём! Ты ж у меня Волгу переплываешь в погожий день! Влас Игнатьич! Влас! Власушко...

Непогода, ливень и грязь странно, непонятно обороти-лись душистой нежной влагой, чистотой. Руки Воблы пла-вали по телу Власа, по его одежде, лицу, промокшим во-лосам. Он схватил её за запястья. Смотрел в глаза глубоко, и в его глазах она увидала новое, доселе к ней небывалое. И даже испугалась этого нового. Не понять ей было, что к чему; только быстро и крепко она вдруг стала прижи-маться губами к его лицу, влажным щекам, к полуоткры-тому рту, и только шептала: милый! милый мой! – а Влас так и продолжал держать её за хрупкие, будто стеклянные, запястья.

А потом обнял крепко, крепко.

Грязные, под косым дождем, в земле, при дороге, обни-мались и целовались они, и внутри Воблы пела несбыточ-ная музыка: наконец-то! А что наконец, она и сама не зна-ла. Ни он, ни она не знали, что так и только так приходит

и людям любовь – для Власа последняя, для Воблы первая и самая сильная. Старик и молодушка, вчера ещё девчон-ка, сидели при дороге и ласкали друг друга, и невдомек им было, что так же, как они сейчас, сидели от века все странники при дороге, и ели, глядя на дорогу, и обнимались, если было кого обнимать, и молились, если тосковали одни, и при дороге, под кустом, ложились спать, когда смеркалось и Бог высыпал на небо зёрна звезд. А зачем им было это знать? Они чувствовали друг друга, и этого было довольно. Вобла подставила Власу плечо, он оперся и с трудом, плывя сапогами по разводам грязи, поднялся; Вобла подхватила изгрязнённый чемоданишко; они, медленно переставляя ноги, трудно пошли вперед, и Вобла шла чуть впереди, ведя за собою Власа, как слепого, и он обеими руками держался за неё и щурился от дождя.

В Макаркину избу они пришли совсем уж вымокшие. Вобла усадила Власа на лавку, стащила с него сапоги. Он повредил щиколотку и морщился от боли. Пошевеливал ногой и жалко усмехался. Вобла нанесла из колодца воды, быстро растопила печь, поставила на подпечек, на плиту, чан и чайник, кипятиться. Уселась рядом с Власом и дер-жала его за руку.

Когда вода вскипела, Вобла раздела Власа догола, поставила в самый большой таз и старательно вымыла, густо намыливая синим мылом липовую мочалку. Время то сворачивалось в свиток, то разворачивалось, и в этом свитке они могли, если бы захотели, прочитать свои имена. Но они ничего не видели, ни знаков, ни вещей, ни тусклого огня внутри прозрачной узкой рыбы керосиновой лампы. Электрическая, под потолком, перегорела.

Вобла вылила с крыльца грязную воду, налила в таз чи-стой воды и вымылась сама.

Макаркины ходики опускали до полу на стальных це-пях смешные серебряные шишки. На самих ходиках, на игрушечной скворечне, сидела деревянная кукушка, век молчала, не куковала: сломалась.

Вобла взяла лампу и поставила на табурет около супру-жеской кровати. Сухо-насухо вытерла, растерла докрасна Власа больничным вафельным полотенцем, щедро пода-

ренным на прошлогоднее Седьмое ноября фельдшером Пупыниным. Влас поворачивался под её руками, как ребё-нок, припадал на подвёрнутую ногу и постанывал. Вобла откинула одеяло. «Ложись уже», – тихо сказала.

Влас лёг. Долго устраивался, ворочался, лежал на спи-не. В потолок глядел: счастливо, бездумно. Вобла нырнула под одеяло рядом. Легла Власу головой на руку, на плечо. Угнездилась. Он приобнял её. Лежали, молчали. Ощуща-ли жар, друг от друга исходящий.

Не спешили обниматься: им обоим правильно казалось, что именно эта ночь у них первая, а не все те ночи, что были у них прежде. Дождь хлестал в окна, упрямо бил по стрехе. Звон и шорох наполняли избу. Всё звучало и дро-жало, вымокало в слезах. Далёко шла война. А может, она шла близко. Никто не знал.

Влас повернул голову и смотрел на бедный, из жёлтого становящийся медно-медовым огонёк керосиновой лам-пы. Перед ним из тьмы встала женщина; за ней другая. Первая качнулась, подняла полные белые руки, и он чуть не выдохнул: Аринушка! Вторая глядела из-за её спи-ны раскосыми, ночными, блестящими, как у дикой кош-ки, глазами: Земфира. Зёмка, опять чуть не вышептал он вслух, но зашиты были его губы жаркими новыми поце-луями при дожде, при дороге. Первая жена от бога, вторая от черта, третья от людей. Всё не так! Не так! И где Бог? Может, Он сейчас золотым глазом вот этого фитиля, го-рящего слабо, чутко за выгнутым полым рыбьим брюхом, тусклым стеклом, глядит на них?

Они лежали рядом и слышали неведомым тончайшим слухом всё живое – и как стучит дождь по крыше, и как крадётся вдоль половицы кот, и как скребётся мышь в подполье; и как тонко зудит вдалеке запоздалый комар, и цвиркает безумная птица под стрехой. Они слышали, как грохочут танки и рассекают воздух пули, как взлета-ет взорванная земля из-под солдатских ног, а вдали дико гудит огонь, пожирающий чёрные скелеты изб. Они оба лежали внутри войны, на её черной ладони, и горела во-круг них земля, и горели дома, там плакало чьё-то детство, чья-то душа тосковала по жизни, вынужденная умирать,

в ясно было, что забудут эту душу, никто не воскресит ее, а важно было изъять ее из густого мрака, воскресить! Во-бла никогда не думала об этом, и Влас не думал; но теперь они оба, одновременно, были охвачены одной этой мы-слью, и она превратилась в свет керосиновой лампы, свет вспыхнул напоследок и угас, и Вобла повернулась к Вла-су, и Влас обнял её огромными руками за худую, тощую спину и пальцами, ладонями сосчитал все рёбра, будто на гитаре играл, и Вобла очень тихо, смущенно спросила: ну что, нога уж не болит?

Он помотал головой, потом тихо сказал: Воблёшка! А она так же тихо сказала: я Зоя.

Зоя, повторил он шепотом, Зоя.

В погасший в лампе свет стал разгораться в них, внутри, всё ярче, ярче.

В ту ночь, после приезда из столицы, Вобла понесла.

(запись Воблы в толстой тетрадке)

в *наканец забиременела. Ето очен особеное засто-яние. Я ни когда таково неизпытывала. Ето какбудьто за плечами утебя крыля а живот утебя такой тяжёлый как целая земля. И хочетса не подвижно сидеть ивсё. И наживот свой глядеть. Атебе надо вставать и дела делать. И ты агромная земля тяжёлая такая встаёш и катишса какбудьто иправда во крук сонца. Влас Игнативич говорит что земля стоит натрёх китах. Но всё ето скаски. Хромой претседатиль читал нам лекцыю вклубе по астраномии. Земля наша катитса в космасе просто вбезне. И безне етой нет конца краю. Я ни сколько небоюс рожать. Если даже я вродах помру ребёночек останетса ево выкормят. Сечас добрые люди. Вот Душка выкормит.*

(ночная дума Власа Ковылина)

Он думал.

Сидел ночью со свечой.

Свеча медленно оплывала в пустой, давно выеденной до гладкости консервной банке.

Он прочитал на боку банки надпись: «Жерех в томат-ном соусе. Главкаспрыбпром. Астрахань».

Печка остывала. Осенний ветер тихо, побитой собакой, выл за окном.

Он думал: ветер, собака, оплакивает кого-то, кто умер. В соседней ли избе, за Волгой ли, на том краю света белого.

Тихонько дрожал, но тёплый тулуп зимний на плечи не накидывал. Как прирос к стулу. Шелохнуться не мог. Думал.

Это была особая ночь. Он это чувствовал каждым ку-ском чёрствого тела.

Может быть, даже ночь единственная. И таких ночей больше не будет.

Мысли горой высились перед ним, они приходили сразу все, и надо было в них разобраться, выуживать их тонкими серебряными нитями по одной, отчаянно бьющейся, сколь-зкой и блескучей, из горько мыслящего сердца, но руки не могли расплести эту рыбачью паутину, и башка не могла. Он думал не головою, а тем, что билось и выло внутри.

Всем собой – думал.

С ним такое было впервые.

Он думал, как говорил с Богом; да, так с самим Богом и говорят.

Редко это у человека бывает. Люди жизнь проживают, а такого не сподобятся.

Мощным и тяжёлым, стальным колесом катились мыс-ли, легким деревянным колесом катилось сердце, снача-ла он хотел поймать это колесо сердца крепкой рукой за обод, схватить и остановить, – а потом понял: надо, чтобы катилось.

Думал: надо все запомнить.

А мысли клубились облаками, текли мощным стреж-нем тёмной ночной реки, он заглядывал в реку с обрыва и видел: в ней вместо воды течёт кровь, – отшатывался, ловил руками воздух, ловил воздух губами, и стены избы размыкались, яснее становился вой холодного ветра, мёр-зло лицо, ветер в него ударял и сам отшатывался от его страшного лица, а Влас старался ветру улыбнуться, хоть ему и не до смеха было.

Изба исчезла, тихо, бездвижно спящая, брюхатая Вобла исчезла, клубящимся ночным огнём сошедшего с ума неба обжигало ему лоб и руки, он поднял над головой обе руки и сжал кулаки. Он думал: с кем тута бороцца? выходи! Ещё не вся была выпита временем сила его.

Но пустынна и страшна, без единого зверя и челове-ка, без петушьего крика, расстилалась перед ним военная осень, и он думал: Осподи, чем брюхата земля? скажи мене! открой!

Молчало и клубилось огненное небо. Свеча горела у груди, а кто ему её у сердца держал?

Он думал, и волосы дыбом вставали от восторга: спасибо, Аньгел мой Хранитель, енто жа ты мене свечку держиши.

Евгений ШЕСТОВ

СВИСТНИ, РАК, ПОКА ЕСТЬ СИЛЫ

Глава I. Ёжик Башмаков

Люся Морокина

Дверь школы была тяжелая и никак не поддавалась. Люся Морокина тянула ее изо всех сил, но открыть так и не смогла. Звонок только что прозвенел, а опаздывать Люся не любила. Она всегда приходила в школу вовремя. Вот и теперь она бы успела, если бы не этот копошащийся в моторе автобуса водитель. Он простоял на перекрестке и

задержал всех на двадцать минут. Но даже не само опозда-ние огорчало Люсю. Ведь именно сегодня в классе должен был появиться новый ученик. Ей вчера по секрету сказала Лена Полякова, которая знала этого нового ученика. Он был ее соседом по подъезду. И Лена слышала разговор своей мамы с новой соседкой. Ее внук должен был прий-ти завтра в школу, в 4 «Г» класс. А ведь это класс Люси! Как же она пропустит такой ответственный момент? Ни-как нельзя такого допустить. Но дверь не поддавалась. И сколько ее Люся не дергала, открыть не могла.

Она обреченно повернулась от двери, готовая разры-даться. Спасение пришло как всегда неожиданно. Муж-ская рука в меховой варежке легла поверх руки Люси. А голос Петра Петровича попросил Люсю подвинуться. Люся подвинулась. И Петр Петрович, наконец-то, впустил Люсю в школу.

Надо было успеть спуститься в раздевалку, подняться на четвертый этаж, а там еще по длинному коридору в со-рок первый кабинет. Это сколько же надо пробежать!

Еще слышны были голоса последних опоздавших, еще не вошла в класс Эльвира Георгиевна по природе, а Люся уже бухнула свой тяжеленный портфель на парту и радостно улыбнулась. Успела. Да и новичка что-то не видно.

Наверное, сейчас его приведут. Интересно, кто сегодня дежурит? Директор? Или Лидия Михайловна? Наверное, Лидия. Эта железная леди всех гипнотизирует. Все при ней шелохнуться боятся, когда она стоит в дверях кабинета и разговаривает с учителем. Даже Петр Петрович ее боится. А работает в школе уже почти сорок лет. Вон как запыхал-ся, когда открывал Люсе дверь. Торопился. Он старенький. Ему уже отдыхать пора. Так Люсина мама говорит.

Ну, где же новичок? Сейчас мы тебя обработаем, новичок-дурачок.

Ага! Шаги слышны. Понятно, почему Эльвиры нет в классе. Она тоже с новичком вместе с Лидией Михайловной.

Василий Иванович, филолог, классный руководитель

Надо же было именно сегодня прислать мне в класс но-вого ученика. Я только собрался отпроситься, уже открыл рот, чтобы заикнуться об этом, но тут меня остановила Ли-дия Михайловна. Вызвала к себе, усадила, как мальчика, на стул перед собой и долго на меня пялилась. То ли приглядывалась, пытаясь понять, что у меня в голове, то ли принюхивалась. Наконец, изрекла:

– Сегодня мальца к вам приведут. Нового. Я вам не очень доверяю. Но у вас в классе недокомплект. Поэтому реше-но, что этот мальчик будет учиться с вашими детьми. Вам ясно? Привлекайте его к своей театральной деятельности.

И встала еще так надо мной. Вознеслась.

В дверь кабинета постучались, потом дверь открылась и в кабинет вошла бабушка с мальчиком. Очень, кстати, колоритные персонажи. Надо запомнить. Бабушка была в коричневой шубе из искусственного меха, обвязанная сверху по пояс шалью, в валенках и рукавицах. На маль-

чике было толстое драповое пальто, кожаная шапка-ушан-ка, теплые штаны синего цвета и хорошие, похоже, новые ботинки. Они поздоровались, извинились за опоздание, переводя взгляд с Лидии Михайловны на меня и обратно.

На мой вопрос «Как тебя зовут?» ответила бабушка. Сказала, что мальчика зовут Миша Башмаков. Я подошел к Мише, протянул руку:

– Ну, здравствуй, Миша. Меня зовут Василий Ивано-вич. Учиться пришел?

Мальчик кивнул.

Смотрел он как-то напряженно, выжидательно. Хотя… Понравился он мне сразу. Думаю, мы с ним подружимся.

Пришла Эльвира Васильевна, повела Мишу в класс.

Я вдогонку сказал, что надо бы раздеть сначала мальчи-ка. Но Лидия Михайловна меня остановила.

– О нем позаботятся, не волнуйтесь. Марья Семеновна, вы можете идти домой, а после пятого урока придете за-брать Мишу.

– Лидия Михайловна, дело-то какое. Спросить хочу. Миша-то мало разговаривает. Почти и не говорит вовсе. Вы бы как-нибудь осторожно намекнули детям, чтоб не кидались на него. Он ведь сразу-то не скажет ничего, бу-дет молчать как партизан, а ночью опять подушку умывать слезами примется. И мне ничего ведь не говорит, все сто-роной узнаю. Ох, господи боже мой.

– Не волнуйтесь, Марья Семеновна. У нас специалисты квалифицированные, знающие, детей любят, работают с ними не один год. Все сделаем как надо. До свидания, Ма-рья Семеновна.

– Дай-то бог, милушка, дай-то бог. Как бы слова-то с делом не разошлись. Не первая ваша школа. До свидания.

Бабушка Марья Семеновна вышла.

– Теперь понятно, какой вам подарочек? – Лидия Михайловна опять построжела в голосе.

Я улыбнулся:

– Думаю, вы неверно его оцениваете.

– Ладно, не надо мне вот здесь своих театральных штучек. Идите, работайте. И будьте начеку. Молчунов у нас не любят. Тут бабуля права на все сто. А мне надо подумать.

Игорь Быков, одноклассник

И чего это за фрукт ввалился в класс, в пальто приперся? Хоть бы шапку снял, придурок.

А ничё мы вчера в футбол побегали. Миха здорово играет. После игры даже и мороза не чувствовали. А эти два чувака вообще, сидят, прислонились к спинке скамейки. Ну, я им снежку за шиворот. Вот смехота была! Один тут типа попер на меня, но я ему в рог сразу с левой. Нечего варежку разевать.

О! Это новое чудо со Светкой посадили.. Ха, гляньтека на него. И пальтишко на спинку повесил. Деловой кореш. Ща, на перемене обломаем.

Эльвира Васильевна, учитель природоведения

Какой-то мальчик несуразный. Все молчал и молчал,

пока шли по коридору. Я ему вопросы задаю, а он молчит. Надо же мне было так рано его увести. Можно было бабушку расспросить о мальчике. Но все эта железная леди! Везде ей надо показать, кто в доме хозяин.

И зачем надо было вызывать меня с урока? Чтобы я сама привела его в класс? Он что, беспомощный, или Лидия Михайловна решила поучить меня уму-разуму? Нет, все-таки, наверное, не меня, а этого зануду Василия Ивановича.

Это его классное руководство до добра не доведет. Рас-холаживает класс. Никакой дисциплины. Бьешься-бьешь-ся с ними. И ноль внимания. Отвечают невпопад, никто не старается кроме Люси Морокиной. Вот замечательная девочка!

Ну вот. Только подумала про нее хорошо. И она туда же.

Глаз не сводит с новенького.

– Морокина, иди к доске. Пиши новую тему.

Света Вилкова

Вообще! Посадили ко мне этого типа. Весь урок во-зится, как будто у него там мешок с гранатами под стулом. Того гляди, взорвется. А было бы классно. Быков ему все равно какую-нибудь подлянку кинет, не успокоится, если новенького не поставит на место.

Ничего не соображаю. Как тут учиться можно, если рядом со мной за одной партой сидит то ли Хрюша, то

ли Степашка, или оба сразу в одном пиджаке с прической ежиком.

Придумала! Я буду звать его Ежиком.

– Ежик, привет! – Это я ему так тихонько шепчу. А он ни слова. – Чего молчим?

Посмотрел так странно на меня. Сбоку. Рыться начал в тетрадке. Оторвал листок и что-то пишет. Интересно. И что ты там написал, писатель? «Привет». Так значит? Ладно. Ты пишешь, я тоже буду писать, не буду с тобой говорить.

«Ты откуда прилетел, Ежик?»

«Из деревни»

«Из Простоквашино?»

«Почти»

«А родители там остались?»

Не отвечает. Сидит, как сова, глаза прикрыл, насупился. Чего это с ним?

Люся Морокина

Опять Вилковой везет. Сразу взяла его в оборот, уже и записочки пишет. И что они там друг другу пишут? Лю-бовь-морковь? С первого взгляда, с первого вдоха. Ах! Я погибаю-у!

Миша Башмаков

С первой секунды, как только вошли в школу, понял, мне тут не нравится . Дома, в деревне , было хорошо. В класс придешь, все тебя знают, никто не задает дурац-ких вопросов. Нет, не будет так, как в деревне. Не будет первого класса. А всю жизнь будет продолжаться этот кошмар.

Завуч школы показалась мне напуганной. Чего она боится? Я же не зверь какой, не кусаюсь. Хотя если припомнить, в первом классе я укусил девочку за руку. И за это мне в дневнике нарисовали огромную единицу. Во всю страницу. Никто не спросил, что случилось. Я хотел рассказать, как эта Ирка Будяк тыкала весь урок мне в спи-ну карандашом, а потом стала дергать меня за волосы. Не выдержал, схватил ее за руку и укусил. Слегка. Орала она

как резаная. И слезы лились двумя ручьями из глаз. Не бу-дет садиться за спиной и издеваться надо мной.

Да… Теперь уже не надо мной. Три года прошло. Все это было в первом классе. А сейчас я пришел в этот четвертый класс. Никто не улыбается. Даже друг другу, кого давно знают. Только смотрят подозрительно.

А как можно относиться к человеку, которого привели и поставили перед всем классом в начале урока, показали, как обезьяну в зоопарке. Кличку забыли назвать. Надо было крикнуть, и погромче, так, чтоб все классы услыша-ли, что в четвертом «Г» появился новый урод.

Посадили с девчонкой. Как же ее зовут? Косится, отодвинулась на полметра, как будто я ее съем. А я уже давно не ем девчонок. Невкусные они. Только зубы попортишь.

На уроке учительница давала письменные задания. Хо-рошо, что письменное. Что помнил, написал. Она потом даже похвалила. Но это все ерунда. Говорят-то они одно, а поступают совсем не так, как говорят.

Ба осталась еще в кабинете, когда меня повели на урок, все хочет спасти меня, рассказывает учителям байки про меня. А мне это не нужно. Пусть никто не узнает, что слу-чилось со мной. И с моими…

Там в кабинете у завуча сидел еще какой-то учитель. Он боялся завуча даже больше, чем она меня. Если я дикий зверь, тигра какая-нибудь, то завуч здесь – леопард? Или нет, пантера. Только не черная, а рыжая, крашенная. Как говорит Ба, кошка она драная.

А выглядит прилично. Строгая, конечно, серьезная. Очки круглые, с маленькими стеклышками. И нос у нее от этих очков кажется большой.

Рак мой, наверное, уже ушел на зимовку. Залег в спячку до самой весны.

А через полтора месяца Новый год.

Света Вилкова

А он сообразительный. Вон как строчит. Что же ты молчишь, мальчиш-кибальчиш? Ёжик он и есть ёжик. Как же тебя зовут, Ёжик? «Как тебя зовут?»

Гляди-ка, пишет.

«Миша».

«А фамилия?»

«Башмаков».

Ничего себе фамилия!

Ой, Эльвира идет. Сейчас что-то будет. Опять нажалу-ется Лидии. Только и бегает жаловаться. Сама ничего сде-лать не может. Не зря ей вчера устроили сюрприз.

Эльвира Васильевна, учитель природоведения

– Вилкова, ты на что отвлекаешься? Что у тебя тут? Дай мне этот листок. Дай мне, я говорю.

Ужас какой-то, а не дети! Вместо выполнения задания пишут еще что-то. Надо же! Так, что это? Башмаков…

– Какой такой Башмаков?

Новенький поднимается.

– Это ты Башмаков? Ах, да. Конечно. Внимание, класс. Все запомнили: фамилия его Башмаков, зовут Миша. Пра-вильно? Садись, пиши дальше. Что, уже готово? Прове-ряй, скоро звонок.

Света Вилкова

Из-за этого новенького теперь я во всем виновата. Не мог словами сказать? Зачем надо записки писать? Опять Эльвира замечание запишет в дневник.

Миша Башмаков

Урок заканчивается. Сейчас начнется. Тихо. Главное не за-плакать. Нельзя им показывать, что я их боюсь. Надо это пере-терпеть. Сжать зубы покрепче и не отвечать. Они все равно не поймут. Зачем объяснять людям, которые не хотят понимать?

В прошлой школе тоже так же было. Только неделю уда-лось продержаться. Ведь говорил же бабушке, давай я дома останусь. На домашнем обучении. Учитель будет домой приходить. Не люблю, говорит, когда чужие люди в доме. А меня она любит? Бросает, как котенка на растерзание вол-кам. То в одну школу, то в другую.

Соседка по парте любопытная слишком. Тут же вопросы начала задавать. А Ёжик – прозвище ничего. Приличное.

Это тебе не Урод или Немота какая-нибудь. А ведь я не немой. Я только говорить не могу как все. Поэтому пишу.

Звонок. Свистни, рак, чтоб силы были!

Глава II. Молчальник

Эльвира Васильевна, учитель природоведения

Ну наконец-то закончился этот урок. Как же мне этот четвертый класс надоел, одни недоумки.

– Так, класс. Перепишите в свои дневники домашнее задание, в четверг я проверю, как вы его выполняете. Все всё поняли? Да… Вилкова, запишешь задание и дневник мне дай. Я тоже запишу задание, для родителей.

Довольны, ухмыляются, чудовищный класс! Не дети, акулы. Что она там возится?

– Все свободны.

Быстрее бежать из этого ада.

Света Вилкова

Так и думала. Блин, опять мама гулять не пустит. И все из-за… Ёжика.

– Ну, что, Ёжик! Чего молчишь? Сказать нормально не мог, что ли? Писатель, блин.

Люся Морокина

И чего орать? Да всем понятно, что новичок приглянул-ся. А уж переживает-то как!

– Светка, оставь ты его. Он аж побледнел весь от твоего крика.

Игорь Быков

Сейчас мы проверим, что тут за чудо. Или пойти кур-нуть сперва? Не, сначала с этим разобраться.

– Вилкова, он чё те писал? Любовное письмо? Ой-ой-ой, покраснела вся. Кулачки сжала. Сейчас

кинется.

– Светка, да ладно, я пошутил. Чё ты сразу. Я вот этого другана пощупать хочу. Как ты говоришь, твоя фамилия, пацан? И чё молчим? Отвечать не хочешь? Светку обидел

в отвечать не хочешь. Мы за Светку все горой, да, пацаны? Если чё, смотри, морду набьем быстро. Прям сейчас. Хо-чешь? Чё ты башкой мотаешь?

Света Вилкова

Вот, блин, засада. Только слово сказала, тут же начина-ется. Этот придурок сразу пристал к новенькому.

– Не трогай его! Слышь, Быков! Отвянь!

Притихли все, как крысы. И смотрят на меня как на вра-га народа.

Люся Морокина

Хоть что-то интересное в этом болоте начинается. Не-ужели Бычара на Светку кинется? Он может. Он вообще безбашенный, как говорит моя мама. Надо в коридоре по-смотреть, вдруг там кто-то из учителей пойдет.

Миша Фомичев

И чего Быков прицепился к новенькому? Меня еще по-зовет. А мне сегодня на тренировку. Не охота с ним связы-ваться, а придется.

– Гош, да оставь ты его. Ща кто-нибудь придет, тебе надо?

Игорь Быков

– А ты меня останови! Чё, поджилки трясутся?

Тоже мне, мужик, а еще в футбол играет. Чмо ходячее.

– Как ты говоришь, твоя фамилия? Башмаков? Ты бу-дешь у нас Башмак, понял?

Света Вилкова

– Ты опоздал, Быков. Я уже дала ему кликуху. Он у нас Ёжик. Понял?

Коленки трясутся, надо же. Ни за что не уступлю. Не хватало еще уступать каким-то быкам!

– А ты чего молчишь, Ёжик? Скажи хоть слово.

За тетрадкой полез. Чего он там пишет? Опять начина-ется. Что?..

«Не могу говорить».

«Только писать».

– Не могу говорить. Только писать. А ты как, вообще, слышишь?

Кивает. Вот это да! Это надо где-то записать.

Игорь Быков

– Ну-ка, покажь. Чё, правда?

Фу, как курить охота. Пошел я.

Люся Морокина

Слабоват сегодня Быков. Не разогретый. Что-то он так сразу отпустил новенького.

Миша Башмаков. Тоже мне сенсация. Подумаешь. Не говорит, и не надо. Не очень-то и хотелось.

Что у нас следующее? Русский? Надо подготовиться. Вчера весь вечер просидела. Папка опять пришел на рогах. Не давал заниматься. Вот влепит Василий Иванович тройку, и будет мне за четверть четверка. А мне это нужно? И все из-за новенького.

Миша Башмаков

Позор, когда за тебя девчонка заступается. Лучше бы он меня побил. Я бы смог ему тоже бока намять. А она ничего. Смелая. И глаза так сверкали, как у пантеры. Косички только короткие. Она ими может как нунчаками драться.

Вроде первая перемена прошла. И никто особо внима-ния не обратил, что молчу. А записка… Нет, наверное, за-метили, только никто ничего не сказал.

Это еще аукнется, как говорит Ба.

К русскому языку готовятся. Тетрадка у меня есть.

Учебник только надо.

Василий Иванович, классный руководитель, филолог Хорошо в библиотеке, тишина. Особенно на уроке.

Ирина Анатольевна чаем напоила. Весь урок проболтали с ней, я даже про уроки чуть не забыл. У меня же сейчас мой класс. Надо им новенького представить как положено. Его Эльвира Васильевна повела на урок. Но она такая дама… своеобразная.

Что за шум в классе. И говорят, по-моему, одни девоч-ки. Уж не новичка ли там обсуждают? С первого же урока, с первой перемены! Хотя драки не слышно. Была бы дра-ка, тут же набежало бы люду всякого. Сенсация была бы на всю школу. Но обсуждают громко.

– Здравствуйте, ребята. Кто дежурный? Девочки, вы-мойте доску, пожалуйста, мы сейчас много писать будем.

Да, напряженная обстановка. Видимо, что-то уже стря-слось. Но пока без крови. Уже хорошо.

Так, а почему у Миши пальто до сих пор в классе?

– Андрюша! Охлучин! Отведи Мишу в раздевалку, по-кажи, где класс вешает пальто и куртки. Я предупредил Марию Степановну, она вам откроет. Только быстрее, мальчики, скоро звонок.

Миша, Миша. Что же ты такое, Миша?

– Открываем тетради.

Нет, к черту урок. Нельзя бросать человека. Надо этим оглоедам объяснить, как себя вести.

– Так. Ребята, послушайте. Вы уже, наверное, увидели и успели познакомиться с Мишей Башмаковым…

Люся Морокина

Спросит или не спросит? После такого шума в голове как мотор гудит. Не выспалась. И Василий Иванович, Чапай наш любимый, тоже не выспался. Вон как руки трет. Что он там говорит? Чего он так переживает? Из-за новенького? Так его еще никто не тронул. Даже Быков. А это редкость.

Василий Иванович, классный руководитель, филолог

– Сегодня собираемся в два часа. Вика, ты пьесу прине-сла? Хорошо. Миша, подойди ко мне сюда, в этот кабинет, после четвертого урока. У меня будет для тебя задание. А теперь все внимание на доску.

Глава III. Клочки по закоулочкам

Миша Башмаков

Попросил Ба купить мне еще три тетради, купила толь-ко одну. Ей что, бумаги жалко или денег? Мне бумага сей-час очень нужна. Без нее я как без языка.

Василий Иванович все-таки странный. На уроке минут двадцать говорил обо мне, о том, что меня никто не должен обижать… После этого на меня стали смотреть еще злее. Особенно девчонки. Не знаю, что у них в головах. Но что-то нехорошее, это точно.

После урока позвал к себе. Я думал, он опять начнет меня учить. Как надо себя вести, что надо ладить с одноклассниками, а вместо этого он позвал меня в свой театральный кружок. А какой из меня артист? Немой. Для мебели я не хочу там находиться. Показал фотографии из спектаклей, которые они уже играли. Оказывается, Света тоже туда ходит. И Толик Савельев, и Андрей Бузыкин. Но больше, конечно, там девочек. Это для них театр. А для меня?..

Ну, хорошо, представим, я в театре… На сцене… Иду от задника сцены к ребятам в зале. Они смотрят на меня, и хлопают. Шум такой! Все улыбаются. Потом становится тихо. Справа от меня стоит рояль. Женщина, молодая с пышной прической, сидит за клавишами, начинает играть. Кажется, это вступление к песне. Сейчас оно закончится, а я должен открыть рот и петь. Вот уже сейчас, вот еще секунду, ну…

Я не могу ничего сделать. Женщина за роялем поднимает голову, смотрит на меня, еще раз играет вступление, даже замедляет игру, но я опять молчу. Зрители сидят тихо. Они еще пока ничего не поняли. А я отворачиваюсь от ро-яля к кулисе, вижу там Ба, она протягивает ко мне руки, и я бегу к ней, хватаю ее, а лицо прячу в фартук. Никто не должен видеть моих слез.

Даже в мыслях я не могу ничего сказать, уж не говорю про то, чтобы петь.

А вечером Ба звонила кому-то, спрашивала, как прошел день, что я делал. Она волнуется. Но все равно это бесполезно. Никому я не нужен.

И мамы нет рядом. Она с ангелами и с папой там, далеко. Нет! Я нужен бабушке. Она меня любит. Она волнует-ся. Вот звонила сегодня, спрашивала. А я ее тоже люблю.

Только она и я. И никто больше.

Света Вилкова

Устала на тренировке. Вчера театр, сегодня бальные танцы, завтра опять театр. Хоть бы один денек отдохнуть от занятий. А ведь еще уроки. Ладно, Эльвира по природе отстала. Даже замечание передумала писать.

А новенький чудной. Молчит. И даже не мычит, не те-лится. Снова записку начал писать на уроке. Ха. А я ему не отвечаю. Пускай помучается. Не хочешь говорить, не надо. Три дня в классе, а ни с кем не общается. Не разгова-ривает. Только классный наш с ним переписывается. Нет, чего я говорю, переписывается. Классный вслух слова го-ворит, а Ёжик пишет. Писатель в кавычках.

Везде теперь ходит с ручкой и бумагой, как секретарь. Птица такая есть в природе. Нам Эльвира рассказывала. Отличается умом и сообразительностью. Хм… А жалко его. Он совсем один.

Ладно, придумаем что-нибудь.

Миша Башмаков

Сцена не для меня. И я это знаю уже давно. Уже не-делю. Я не ответил сразу В.И., и хоть он меня звал, я на занятия так и не пошел.

Зато я увидел у учителя по математике марки. Они лежа-ли у него на столе в альбоме, мальчики заглядывали туда, пока Б.М. не было в классе. Я тоже поглядел, мне понра-вилось. Красивые. Там у него машины были на марках, поезда, корабли. И даже воздушные шары. А еще маяки. Вот бы попасть на маяк, посмотреть хоть краешком глаза на море. Какое оно? Соленое? Как огуречный рассол? Или капустный, кислый. Фу. Даже есть захотелось.

Василий Иванович, классный руководитель, филолог

Уже вся школа знает, что в моем классе необычный ребенок. Учителя подходят ко мне, сочувственно кивают, советы дают. Это все, конечно, хорошо, но кто поможет мальчику? Он слышит, а говорить не может. И причину молчания никак не объясняет.

Предложил ему прийти в театральный кружок, думал, он обрадуется. Но судя по его реакции, радости у него это

не вызвало. Он стал более напряженным, испугался, может быть, что я ему дам роль без слов? А в самом деле, что я могу ему предложить? Какую роль?

Наблюдаю за ним со стороны. Совершенно здоровый, вполне развитый соответственно своему возрасту маль-чик. Играет с ребятами в футбол, так же злится, если пропустили мяч в свои ворота, так же радуется, когда удалось забить в ворота противника. И ребята во время игры почти забывают, что он молчит. Ведь в футболе язык не нужен. Там разговор другой. Язык телодвижений.

Но почему он ко мне не пришел? Вот это для меня загадка.

Мы с ним переписываемся. Я говорю, он пишет. Или я начинаю писать. Особенно хорошо это делать на уро-ке. Я даю классу письменное задание, и пока все учени-ки пишут его в тетрадях, Миша выполняет его на доске. Я ставлю его так, чтоб доска была отвернута от класса, и мы с ним переписываемся, без единого слова, без лишних внешних эмоций, только мел и доска, и наши глаза и руки. Оказывается, он сообразительный паренек.

Как бы тебя не спугнуть, паренек. Не пришел в театр, ну и пусть. Здесь, на уроке, ты открываешься для меня все больше и больше.

А вот Эльвире Васильевне ты не понравился, она тебя невзлюбила. Почему-то ты вызываешь у любительницы природы ярко выраженную отрицательную эмоцию.

А может быть, дело не в Мише? Может быть, у нее самой что-то не ладится дома?

Света Вилкова

Конец ноября. Через месяц уже новый год. Одна тысяча девятьсот семьдесят девятый год. И в этом году мне уже будет одиннадцать лет.

Почему всегда так грустно делается, когда думаешь о возрасте? Мне десять. А маме моей уже тридцать четыре. Это в три с лишним раза больше, чем мне! А бабушке Ми-шиной еще больше. Ей уже, наверное, за шестьдесят.

Люблю математику. Здесь как-то все просто, не надо думать, цифры сами складываются в нужные строчки. И

Борис Михайлович дает мне задачки посложнее, чем всем остальным. Знает, что я легко все решаю. Не то что не-которые сидящие рядом. Что он там все возится со своей задачей. Там же решать-то нечего, задачка для двоечника. Ну и накарябал. Ручку расписывал что ли? Да у него и не цифры там, а слова какие-то. А где задача? Гляди-ка, за-слоняет, не дает подсмотреть.

Что же у тебя там такое?

– Ёжик, чего пишешь?

«Пока не знаю. Что получится».

«А что получится?»

«Ничего».

Получается, что он раньше меня все решил, и теперь занимается каким-то тайным делом. И мне ничего не гово-рит и не показывает. А еще сосед называется.

«Ты все решил?»

Кивает.

Борис Михайлович на нас смотрит. Руку поднять? Ра-боту сдать?

– Борис Михайлович, а сдавать можно?

– Торопишься, Вилкова, проверила?

– Да, я все проверила. И Ёжик тоже все решил. Ну, в смысле Миша Башмаков.

– Сдавайте, я сразу посмотрю и поставлю оценку. Кто-то, конечно, не любит Бориса Михайловича, но для меня он прикольный. Такой острый, борода, как клин, торчит вперед, как у козла. Его и зовут козлом, пока он не слышит. И все равно его уважают. Он даже моего папу учил в старших классах.

Миша Башмаков

Вот ведь. И не ждешь неприятностей, так на тебе. Эта Вилкова совсем с дуба рухнула? Взяла и сказала матема-тику, что я уже все написал. Ну, кто ее просил обо мне говорить. Хочешь быть выскочкой, так говори за себя. Нет, ей надо еще и меня приплести сюда. Сейчас начнется, од-ноклассници опять будут вопросы глупые задавать. Везде одно и то же.

Дура!

и тоже хорош. Отвлекся, забыл обо всем. Разве можно так расслабляться?! Правильно Ба говорит, дурачок маленький.

Одно хорошо, контрольную я действительно сделал и сдал, и даже получил четверку с плюсом. А Вилкова четверку с минусом. Интересно, а Б.М. ставит пятерки? Ходит слух, что он никогда пятерки не ставит. Считает, что ученики не могут знать математику на пять. А сам-то он знает свой предмет?

Борис Михайлович, математик

А парень не дурак! Будет из него толк. Что-то с ним не так. На марки смотрел как на чудо. Первый раз увидел?

Кстати, сегодня надо зайти в «Филателию», привезли новую коллекцию марок по Эрмитажу. И Рубенса отдельно, шесть марок, чистые, негашеные. Денег хватит? Вроде брал с утра.

Света Вилкова

Что? Мне четверку с минусом?! Офигеть! А этому заморышу с плюсом?! Да я же быстрее его решила все. А он еще чего-то чертил там у себя в тетради. Чертиков, навер-ное, рисовал.

На перемене я все-таки к нему подошла. Спросила так громко, чтоб все слышали, с вызовом:

– И чего ты там писал? Почему из-за тебя мне оценку низкую Борис Михайлович поставил?

А он мне, представляете, пишет:

«Не из-за меня. А из-за того, что отвлекаешься на вся-кую ерунду».

Нормально?

А потом еще мальчишки меня спрашивали, чего я с ним переписываюсь. Если он не говорит, как же с ним общаться? Только записки писать.

А через три дня я вообще открытие сделала. Увидела, как он на перемене сидел в пустом классе и никого не видел и не слышал. Я подкралась и заглянула ему через плечо. Я понимаю, что это нехорошо. И мама потом меня ругала. Но я увидела СТИХИ. У меня челюсть отвисла. Ёжик пишет сти-

хи? Смешно… Или не очень? Или это здорово?! Вот никто не пишет стихи, а он пишет. Я тихонечко отошла, а потом затопала, как будто только сейчас захожу в класс. Он, конеч-но, спрятал листок. Потом увидел, что я одна, и опять до-стал. Но мне не показывает. Я тут обнаглела и спрашиваю:

– Стихи пишешь?

Он удивился, догадался, что я подсмотрела, покраснел весь, как девчонка, мне даже самой неудобно стало. Я от-вернулась и тихо попросила:

– Извини меня. Но ведь это здорово, что ты пишешь стихи. Это стихи, да?

И он ответил:

«Стихи».

– Ты пишешь стихи?! – и я так громко засмеялась, гово-рю: – Молодец!

Ничего себе! Вот это… Надо быстрее всем рассказать… Или нет? Ой, я дура! Не догадалась.

– Покажешь?

«Только не говори никому. Ладно?»

– Конечно, никому. Только одному классу. Шучу, не бойся.

«Я не боюсь. Нельзя показывать неготовые стихи. Они от этого могут совсем уйти, понимаешь?»

– Куда?

«Никуда. Их просто больше не будет».

– Серьезно?

«Да. К сожалению».

Помню, я тогда как-то остановилась, посмотрела в окно, на ветер и снег, и мне стало холодно от того, что я могла сделать что-то противное этому человеку. Ведь я его так мало знаю. И вдруг он открыл мне такую тайную вещь. Я бы ни за что никому не рассказала, если бы сама писала стихи. Это же страшно, вдруг будут смеяться! А он мне рассказал…

Никто еще в нашем классе не писал стихи. А он пишет.

Чудо-юдо-Ёжик Миша.

А потом я сделала такую штуку, я его… позвала гулять:

– Ёжик, ты куда после школы?

«Домой».

– Давай погуляем? Все равно по пути.

«Снова шутишь?»

– Не хочешь, не надо. Так и скажи!

«Хочу, только мне надо торопиться».

– Отбой, команда! Я передумала.

Вот так всегда. Захочешь чего-нибудь, и тут тебе сразу – нельзя. Как я с ним пойду гулять?

Грустный снег сегодня идет. И задачки легкие. Даже не интересно.

Борис Михайлович, математик

Беседовал с бабушкой. Много непонятного с этой семьей. Где родители ребенка? Почему бабушка конкретно не говорит. Нет, и все. Короткий разговор. Хотя, может быть, директор знает, а остальным и знать не положено?

Но как же с ним работать?

Смешно… Захожу в класс с альбомом, а Миша встает с места, протягивает мне записку:

«Можно мне марки посмотреть?»

Говорю:

– После уроков приходи, поговорим, посмотришь.

Кивнул и на место пошел. Еще оглянулся как-то жалостливо на меня, вздохнул и сел.

Мать честная! Какой же это эмоциональный ребенок. За внешней спокойной маской бьется такое пламенное сердце. Он, когда альбом в руки взял, аж затрясся весь, от-крыл первую страницу, долго разглядывал каждую марку. У меня даже впечатление создалось, будто он их запоми-нает для чего-то.

Я спросил его:

– У тебя есть марки?

Он замотал головой, написал:

«У папы были».

И убежал.

Что же с его отцом? С родителями?

Василий Иванович, классный руководитель, филолог Месяц уже в классе этот несуразный молчащий мальчик. Кажется, привыкает. Уже не так сторонится других

детей. Вместе с ребятами играет в футбол, а с соседкой по парте, Светой Вилковой, никак не могут найти общего языка. Она его задирает, пишет что-то ему, а он в ответ. Сидят в классе, как два надутых пузыря, локтями толкают друг друга. Миша все-таки поумнее себя ведет.

Борис Михайлович – жук! Как он сумел увлечь Мишу своими марками. Здорово. Теперь Миша ходит к Борису Михайловичу в кружок филателистов. Даже кляссер у мальчика появился, учитель постарался.

А ко мне в театр он так и не хочет ходить.

Искал вчера в журнале «Семья и школа» беседу с пси-хологом и логопедом из Барнаула. Они рассказывали о за-держке в развитии речевых навыков у детей. И предлагали свои методы работы с отстающими.

Подходит ли описанный случай к нашему? Ведь Миша Башмаков не отстающий, он хорошо соображает, быстро выполняет все письменные задания, у него нет задержки в развитии. Вот чего у него нет, так это семьи, никого кроме бабушки. Нет родителей.

Только сегодня Лидия Михайловна просветила меня. Его родители погибли в автокатастрофе. Как еще сам Миша жив остался? Отделался царапинами и легким уши-бом голени. Тело его не пострадало, а вот душа… Как же ему сейчас непросто!

Через неделю Новый год. Что год грядущий нам готовит?

Кстати, надо посоветовать Свете Вилковой привести Мишу к нам в кружок. Пусть придет, посмотрит, а там глядишь и расшевелим мы его. Может, и говорить начнет? Завтра пойду к ней.

Глава IV. Спасительная маска

Миша Башмаков

Кто бы мог подумать: я и театр. Да и зачем? Но случилось.

Вилкова на уроке написала, что хочет пригласить меня на экскурсию. А куда – не сказала. Велела только ждать

В у расписания в два часа. Я предупредил Ба, что немного задержусь в школе. Она старенькая, будет волноваться, так нельзя. После уроков зашел в столовую, перекусил и пошел к расписанию. Расписание как расписание, ниче-го не изменилось за полдня. С утра только к нему под-ходил, смотрел. Зачем меня Светка позвала сюда? Какая экскурсия?

Но раз обещал прийти, жду.

Является. И загадочно так улыбается. Говорит, пообещай, что не убежишь сразу, не испугаешься. А чего я буду пугаться экскурсии? Что там, дом с привидениями? Видел я уже такой аттракцион. Нисколечко не страшно.

Пишу ей, веди, не убегу. Привела к актовому залу. А там внутри темнота, и только на сцене свет горит. Перед сценой за столом Василий Иванович сидит, что-то говорит. А на сцене наши девчонки в масках.

все какие-то зверушки. Думаю, зоопарк что ли? Потом они говорить начали. И все стихами, стихами. А интересно слушать было. Только они текст переврали, мама эту сказку мне читала, там как-то по-другому было. Я узнал, это «Кошкин дом», кажется, Маршака.

А тут Светка пошла на сцену, и ей сразу маску котенка дали. Она так пищала, когда котенка играла, я даже засмеялся. Василий Иванович обернулся, посмотрел на меня, но ничего не сказал. Стал делать артистам замечание.

еще они масками менялись во время действия. Одну сценку сыграли, поменялись, другие стали играть, а потом вообще Светка маску Кошки взяла. И так важно вышагивала. Прямо как настоящая госпожа, шляпки только не хватало. И веера.

Во-о-от.

А потом я свалял дурака. Мне было сзади плохо видно, и я пересел поближе.

Стали репетировать сценку, когда в дом Кошки прихо-дят гости. Кого-то у них не хватало, Бузыкин, по-моему, не пришел. И тут Светка предложила поставить меня на Кота, за руку меня схватила и потащила на сцену. Слова, говорит, там никакие говорить не надо. Только зеркало вы-нести на сцену, а потом еще портрет.

не хотел, отказывался, но они все так просили меня помочь. Сговорились, точно. И Василий Иванович тоже к ним присоединился. Бузыкин, собака, не пришел, а мне за него отдувайся. А что делать? Назвался груздем, сам при-шел в зал, никто не тянул. Светка схитрила, конечно, но у нее получилось.

Вышел на сцену, взял маску. А маска-то картонная, сверху поролон наклеен, и тканюшка мягкая такая, и мех искусственный. Сказали, как зеркало выносить. А зеркало

В них тоже картонное, только вместо стекла на нем фольга и рисунок по краям как рамка. Я так смеялся, весь затряс-ся от смеха. Они подумали, что я плачу. Чудаки. Плачешь – плохо, смеешься – тоже плохо. Говорят, не смейся. Кот должен быть угрюмым, старым. Это, говорят, роль такая, характер у кота такой.

Ну, ладно. Я вышел медленно, качаюсь, как на палубе матрос. И так несколько раз повторяли. В смысле, мой вы-ход несколько раз повторяли. Я даже напевать что-то такое стал.

И вдруг Василий Иванович как заорет: кто поет? Я на-пугался, замолчал. А тут как раз у Кота слова должны быть. Там слов-то всего два: «Пожалуйста, готово». Но как я их могу сказать?

Светка говорит за меня текст, а я показываю, мол, все исполнил, вот смотрите. И опять несколько раз повторять стали. Потом Светка отвлеклась и пропустила слова, не сказала. Я же вижу, что она отвернулась, и сам чего-то промычал. А Василий Иванович прицепился сразу. Давай, говорит, сам пробуй произнести эти два слова. Хм!.. В об-щем, я мычал-мычал, а на четвертый раз слово «Готово» само взяло и вылетело. Не четко, конечно, а так без соглас-ных. Это учитель потом сказал, про то, что без согласных. Я сам ничего не понял.

Светка зааплодировала, все девчонки за ней тоже захло-пали. А я…

убежал. Отдал маску и убежал. Так стало стыдно за свое косноязычие. И ведь я знал, что так будет. Зачем пошел? Надо было сразу уйти, пока на сцену не позва-ли. Даже еще раньше, когда только увидел, что там театр

репетирует. Нет, интересно ему стало! Чудовище! Мычащее рыло! Скотина!

Домой еле пришел. Сидел минут двадцать в комнате, не раздевался. Даже Ба забеспокоилась, стала кудахтать надо мной. Ничего ей объяснять не стал. Не надо ее тревожить. У нее сердце больное. Давление скачет. А еще я со своими проблемками… Му да му… Ммм, как мне это надоело! Ведь я же мог говорить, когда-то любил стихи свои читать маме. Ох, что же мне делать, мамочка, посоветуй.

Нечего ныть. Надо учиться говорить. Хотя бы эту фразу из двух слов.

Ловко это они меня поймали.

Но ничего, рак мне поможет. Да, клешня?

Свистни, рак, пока есть силы!

Люся Морокина

Этот Ёжик так мычал, так мычал. Мы все рты пооткры-вали. Спрашивается, зачем мычал-то? Сказать хотел, так сказал бы. А так чего трепыхаться? Два слова ему дали, так он их сказать не смог.

А потом как рванул, только пятки сверкали. Вилкова, конечно, за ним бросилась. Да что толку. Он припустил без оглядки. Куда ему, убогому, в театре играть. Сиди уж, не высовывайся.

Я парням потом на следующий день рассказала, они ржали как кони. Пока Ёжик не пришел. Вилкова носится с ним как с писаной торбой. Шефство над ним взяла. И на меня шипит как змея. Вот кого тебе надо играть в театре, змею, а не кошку и не котенка. Я бы Кошку сыграла луч-ше. У меня точно получится. А мне Вася дает только Козу и Курицу. Что, я хуже играю? Я тоже хочу играть Кошку. Не все этой Вилковой.

Она еще и Ёжика притащила. Да какой он Ёжик, так, пенек с ушами. Точно. Надо поменять ему кликуху на Пе-нек с ушами. Фомичу надо подкинуть идейку.

Света Вилкова

Не догнала. Я его не догнала. Все эта Морошкина. Ши-пит исподтишка, как змеюка. Человек такое дело сделал,

выручил, а она начала прыскать со смеху. Смешно ей, что Миша говорить не может. А кто из вас может нормально говорить?! Кто? Сами-то выйдут к доске и как роботы, пык-мык. Двух слов сказать не могут. Не смотри, что гово-рящие. У него, может быть, первый раз появилось желание сказать что-то. Его же поддержать надо. А они смеются.

И сегодня он в школу не пришел. Где же ты, сосед ко-лючий Ёжик? Ты и вправду, Ёжик, во все стороны иголки выставишь, и я не знаю, как к тебе подступиться.

Нельзя расслабляться, надо быть спортивной и целеу-стремленной. Тогда можно чего-то добиться.

Добиться-биться-биться. Надо биться, как та лягушка в сметане. Только так можно сбить масло и выпрыгнуть. А тонуть я не хочу.

Василий Иванович, классный руководитель, филолог С Вилковой не успел поговорить, она сама привела Башмакова в театр. Так закрутишься, ни на что времени не хватает. И тут такой сюрприз. Я даже удивился, что у меня за спиной кто-то смеется. Причем не в том месте, где это должно быть. Котята такие маленькие, их должно быть жалко, они плачут, а в это время за спиной смех. Хо-тел обернуться и одернуть. Но вовремя остановился. Даже рта раскрыть не успел. Увидел Мишу. Он смеялся. В гла-зах было столько задора, счастья. Он на миг забыл о сво-их проблемах, весь погрузился в спектакль. Он так верил героям, сопереживал им, что я не рискнул его остановить. Пусть порадуется жизни человек. Он хоть и маленький, но уже человек. И у него должно быть право на счастье. Если не сейчас в детстве, то когда? Потом поймать момент счастья будет сложнее.

А когда Света потащила его на сцену, я только смотрел и слушал, не сопротивлялся. Все произошло без моего участия. Надо отдать должное этой девочке, она умеет быть настойчивой. И умеет уговорить.

Мы несколько раз повторили эту короткую сценку с портретом и зеркалом, которые выносит Кот, и Миша хорошо это делал, пока не пришла пора говорить слова. И тут тоже Света нашлась. Она стала говорить слова Кота

за Мишу. Он только кивал. Но каждый раз при повторах она все больше делала паузы, и наконец, Миша не выдержал и сам попытался произнести свои два слова «Пожалуйста, готово».

Мы аплодировали. Я тоже, как и девочки, очень обрадо-вался за Мишу. Это же такой прогресс. Пусть он говорил эти слова нечетко, без согласных. По крайней мере, он по-пытался. А это уже дорогого стоит.

Но он сразу испугался и убежал. Через десять минут я отпустил девочек. Занятие закончилось.

Не могу забыть глаза Миши, когда он снял маску. Испуг смешался с чем-то твердым, с каким-то стержнем столк-нулся. Есть у него опора внутри.

Марья Семеновна, бабушка

Ничего не пойму, что с ребенком происходит. Вроде и спит, и не спит. Пришел вчера из школы, как будто его били всем классом. Спрашиваю, тебя избили? Нет, мотает головой, все, говорит, в порядке. Говорит – не говорит. Ох ты боже ты мой. Прижмется к плечу и сопит. Ест мало, на мои вопросы не отвечает, черкнет одно слово, и все. Я уж и не пристаю. Он хоть и маленький, но такой серьезный ребенок.

В школе что случилось , или как? Вроде бы он не болеет. Какой -то ершистый после вчерашнего. Сегодня в школу не пошел. Сидел целый день у окна и мычал. Да как-то странно мычал, как будто слова какие пытался говорить . Уж чего мучиться? Не дал бог слова , так и неча роптать .

Глава V. Чудеса иногда случаются

Василий Иванович, классный руководитель, филолог Башмаков и сегодня в школу не пришел. Вчерашний день пропустил, и сегодня его нет. Что-то случилось. Надо бы проведать пацана. Звонил бабушке, не отвечает. Вилко-ва тоже не знает. А кто еще может знать? Неохота, но надо идти.

Света Вилкова

Ёжик простудился. Я тоже хотела вместе с ним, чтоб заодно, но у меня не получается болеть. Мама говорит, это значит, что у меня хорошее здоровье, и не стоит его подрывать. А если я не просто так хочу заболеть, а для дружбы, чтоб человека поддержать. Но мама и тут меня переспорила. Чтобы кого-то поддержать, не обязательно самому болеть. Надо помочь человеку.

А чем я могу помочь Ёжику? Я же не смогу за него говорить.

И как он мог заболеть за один день? Не болел, не болел, и вдруг сразу за один день потерял голос. Он же не мог петь весь день на морозе. Тогда еще было бы понятно. А сидя дома на печи невозможно.

Миша Башмаков

Говорить не могу, так еще и голос потерял. Напелся.

Чудовище.

Нет, конечно, я сам виноват. Но я хотел как лучше. Хо-тел сразу научиться, чтоб на следующий день прийти и сказать всем: «Здравствуйте». Вот бы они удивились. Хотя что ж тут удивительного, все же говорят. И мне пора. Но я не могу. Ба думает, что у меня ангина, горло красное, опухло, голоса совсем нет. Не только говорить что-то, мы-чать не могу. Даже врача на дом вызывала.

Пришла какая-то молодая врач, как будто только из школы, поглядела на мое горло, послушала, но ничего не нашла. Сказала бабушке, что ничего страшного. Пусть, го-ворит, посидит дома до каникул, а там, в новом году, уже со свежими силами и за учебу. Осталось-то четыре учеб-ных дня, скоро Новый год.

Даже Ба что-то заподозрила.

Но ведь я не специально. Я для дела.

Не получилось.

Света Вилкова

Четверть заканчивается, и у меня два тройбана, по рус-скому и по природе. Я даже к Чапаю подходила, чтоб оцен-ку исправить, а он предложил диктант написать. Но я знаю,

что это бесполезно. Больше тройки, да и то с натяжкой, не выйдет. Правила-то я знаю, ну, почти знаю, а диктант… там же надо чувствовать слово, а я… Вот Ёжик, он бы смог написать на пять. Морокина написала, да и Бузыкин, а Анжелка срезалась. Все чего-то искала, искала. И не успела. Ей за это «не успела» и поставил Вася тройку с минусом.

А с природой вообще полный кошмар. Эльвира до сих пор не может Ёжику простить тот первый урок, когда он пришел в школу. Вечно косится на него. Тоже мне педа-гог. Поговорить с человеком и то не может нормально. Ну Ёжик же не виноват, что он не говорит. Надо же понимать! У него стресс. Или как там это по-научному называется?

А если…

Есть идея. Но говорить пока никому не буду.

У мамы выпросила три рубля на подарок другу. Ой, об этом же тоже нельзя говорить. Вот чучело. Ладно.

Вчера такая метель закрутила. Из школы еле дошла. А вечером попалось в книжке стихотворение «Мело, мело по всей земле, и то и дело / Свеча горела на столе, свеча горела…» А свечи в доме на столе – это что, у них света дома не было? Или где происходит все, в церкви? Свечи ведь только в церкви?

У нас, конечно, свет был. Но я попросила маму зажечь свечку и погасить свет. И занавески открыть, чтоб снег было видно. Она так удивилась, но сделала, как я просила. И мы сидели с ней, смотрели на улицу, на прохожих, которые лезли по сугробам, дорожки-то все замело. И мне ни за что не хотелось оказаться там, в снегу, в темноте. Как же хорошо с мамой, прижмешься к ней, она такая горячая и меня гладит. А я, как кошка, мурлыкаю. Тихонечко, чтоб никто не слышал. А то еще подумают, что я маленькая.

Василий Иванович, классный руководитель, филолог Кто-то подслушивает мои мысли. Не хотел идти к Баш-макову. Бабушка его, Марья Семеновна сама позвонила, сказала, что Миша заболел, врача вызывали, придет после каникул.

Я, конечно, не логопед, но если у мальчика появилось желание говорить, он сможет это сделать, его надо лишь

направить. Дать инструментарий. Вот в январе об этом с ним и поговорим.

Миша Башмаков

Кончается семьдесят восьмой год. Еще один год без… моих родных, без мамы и папы. Есть ли они где-то? Ба говорила, что они видят нас сверху, слушают, что мы го-ворим или думаем. Получается, если я не говорю, а только думаю, мама меня все равно слышит? Все равно знает, что я ее помню и очень-очень люблю. Она мне снится. Она читает мне Андерсена и стихи Чуковского. Ее глаза при этом такие зеленые-зеленые. И губы двигаются мягко, не-слышно, а слова раздаются как будто из наушников или из колонок, как в кино. И почему-то она, как на фотогра-фии, плоская, не объемная. Красивый сон, но после него я проснулся в половине четвертого ночи и не мог долго опять уснуть.

Ба меня любит, но у нее всегда что-нибудь болит, она не может со мной никуда ходить, а одного меня не отпускает. Только в школу и обратно. А теперь и в школу ходить не надо. До конца каникул целых две недели. Вот сейчас Ба ушла в магазин. И я остался один.

У меня есть альбом и двадцать три марки. Семь из них мне подарил Борис Михайлович. А еще мы с ним поме-нялись. Он мне дал четыре марки с маяками, у него были двойные, а я ему олимпийских чемпионов Московской Олимпиады 1956 года. Равноценный обмен. Он мне столь-ко всего рассказывает про марки и про коллекционеров. Оказывается, первая марка появилась в Великобритании. И выпускать их стали для нужд почты. Но коллекционеры сразу все марки скупили, и они стали такие дорогие!

Звонит кто-то.

Света Вилкова

Дома или нет? Захочет со мной разговаривать? Я же его подставила? Или не подставила? Но ведь на репетиции он чуть не заговорил! Я же слышала, как он старается. Он сможет. Ему надо обязательно ходить к нам в театр. Он будет говорить.

Миша Башмаков

Света приходила. Я сначала не понял, кто пришел, а когда Вилкову увидел, даже тормознул, не сразу ее в ком-нату пригласил. Она стала рассказывать о последних но-востях класса, о том, что оценки почти все выставили, что мне тоже поставили оценки, только в дневник их выставят, когда я после каникул уже в школу приду.

Сказала, что пришел снова Быков. Давно его не было видно. Его уже и милиция разыскивала, а он, оказывается, в бега подался на Урал. Его где-то с поезда сняли. Пришел такой весь деловой, всех задирает. И почему-то все маль-чишки его боятся. Он уже курит в открытую, никого не стесняется, не боится.

Зачем она мне про него рассказывала? Мне до него как до лампочки. Но я видел, что она сама чего-то боится. Хоть и храбрится, но боится она его, точно.

Совсем забыл о главном. Вилкова принесла мне маски. Их три: клоун, пират и кот. Не такие, как в театре у Василия Ивановича, глянцевые, магазинные, но красивые.

Я спросил, зачем они мне? Я же не смогу все равно играть, а Вилкова почему-то уверена, что они мне помогут. Такую развернула агитацию, чтобы я занимался, что мне это надо. Что надо обязательно в театр приходить.

А я так думаю, что я туда больше ни ногой. Больше она меня не обманет.

И вот теперь она ушла, даже чай пить не стала. А у меня на диване появилась компания друзей из пирата, клоуна и кота. И одного живого друга. Не скажу какого.

А Ба загуляла, все пропустила. Когда расскажу, не поверит.

Света Вилкова

Йесс! Я это сделала! Я его порадовала. Он заулыбался. Хотел предложить чай, но видимо, разволновался, ничего не успел сказать. Остолбенел. А я ждать не стала. Пусть привыкает к друзьям постепенно.

Пока была у Ёжика, совсем забыла про пьесу. Я же Ёжику пьесу принесла, «Кошкин дом». Он был тогда на репетиции, текст слышал, знает, пусть теперь целиком по-читает. Ему пригодится.

Выхожу из подъезда, а навстречу его бабушка, Марья Семеновна. Я пьесу бабушке отдала, попросила передать Мише. Она обещала.

Марья Семеновна, бабушка

Девочка какая хорошая, внимательная. Принесла Мише задания из школы, сказала, что его записали в театраль-ный кружок и после каникул Миша будет заниматься в школьном театре. Только как же он говорить-то будет? Он же молчун. Только знает сопит по-своему.

А и пускай занимается. Все меньше будет один сидеть. Друзья ему нужны, это точно. И учитель опять же за ним присмотрит, посоветует что-нибудь. Вон один учитель к маркам его привлек. Интересно же ему. Дорого только это все, марки покупать. Лучше б он замки какие собирал или шнурки. А то разоришься на этих покупках. Я вон ему ба-нан купила. Так он и не смотрит на него. Уж потом только увидел, спасибо сказал.

А все почему? Грустит мальчишка, вот что.

Миша Башмаков

Три дня прошло, я только теперь для себя лично понял, что Вилкова сделала. Она меня перевернула. Встряхнула, как грушу. Маски принесла, пьесу передала через бабушку и новости о классе рассказала.

Тогда я как будто спал, все пропустил. А сегодня ночью мне приснился отец. Он пришел домой в нашу старую квартиру, где мы жили с ним и мамой в Почайне. Даже во сне мне стало холодно . Он вошел в квартиру, с улицы за-дул сильный ветер , и из коридора в свет прихожей он внес ёлку, всю в снегу. И сам был как Дед Мороз, по самые брови запорошен снегом. Вошли такие два кома снега и папиным голосом закричали: «Кто -кто из лесочка при-шел?» Мама руками замахала , стала его от снега очищать, обратно в коридор прогнала. Но я не пустил . Сказал, не отпущу папу. И взял его за руку. И мы вместе с ним наря-жали ёлку.

Засунули ее в ведро с песком и поставили на табуретку, и она стала выше всех нас ростом. Чтобы воткнуть звезду

на верхушку, папе пришлось придвигать стул. А мама его снизу поддерживала за коленки.

Игрушек много появилось, некоторые такие старые, что даже потертые. Мишка косолапый, белочка с пушистым ватным хвостом, всякие фрукты плоские с рисунками с двух сторон.

Мама вышла в другую комнату и принесла оттуда коробку. Это, говорит, сегодня по почте нам прислали. Пода-рок к Новому году и твоему дню рождения. У меня сегод-ня, 30 декабря, день рождения.

Открыли коробку, а там игрушки. Свинка в платке, Ко-зел рогатый в шляпе, Коза такая модница с бабочкой и в сарафане, два котенка маленьких, пушистых, Кошка белая вся, как невеста, а кот в костюме дворника с метлой. Еще, кажется, курица была или утка, я не помню. А на дне, под игрушками, еще книжка с яркой обложкой.

Я как взял книжку в руки, как начал ее маме с папой читать, они слушают, хлопают, смеются. Бабушка услышала, пришла, спрашивает, что у вас тут за шум? Прямо как фрекен Бок в фартуке, только добрая.

И мы повесили все игрушки на ёлку, а книжку под ёлоч-ку положили, как подарок к Новому году. Пусть полежит, порадуется.

Утром проснулся, поглядел, на столе стоит маленькая ёлочка в горшочке, рядом пьеса на столе, и рядом с ней ле-жат и смотрят на меня три маски. Пират весь перекосился от злобы, наверное, намок в море и ему стало холодно, да еще зима кругом. Клоун мне поклонился, а кот замяукал по-настоящему.

Мне так стало хорошо. Все-таки чудеса в этой жизни иногда случаются. Я точно знаю.

Глава VI. Надо это день пережить

Миша Башмаков

Третий день января. Сегодня выпал белый-белый снег. Смотрю в окно, а там ни одного темного пятнышка, толь-ко даль синеет и блеск от солнца на снегу. И еще деревья, занесенные белой мукой.

Хотелось вылететь из окна как птице и упасть в это бе-лое море, и утонуть в нем. Но вместо этого я пошел за хлебом. Было жутко холодно, и летать мне перехотелось.

У магазина встретил Фомичева. Я удивился, когда он пригласил меня вместе гулять. Мы с ним никогда особо не сближались. Он всегда находится в чьей-нибудь тени, своего лица у него нет. Какой-то он никакой. Ни хороший, ни плохой. Никакой. И его предложение мне показалось каким-то натянутым. А еще он сказал, что мальчишки собираются через три дня играть в футбол и было бы непло-хо, если я тоже приду и сыграю за их команду.

На снегу кто-то нарисовал контур сердца и воткнул в се-редину палку как стрелу. Художественное послание ушло в космос. А кто-то, сидя дома у теплой батареи, предста-вил себе это послание, и оно согрело сердце.

Ба напекла пирожков, и мы с ней лакомились этой вкус-нятиной. Больше всего я люблю с зеленым луком и яйца-ми. И еще с земляничным вареньем. Аромат от земляники разносится по всему дому. Как в то лето.

Больше никого не встретил. Постоял на дороге, думал, может Света выйдет или увидит меня из окна, рукой пома-шет. Не помахала. И не вышла.

Трактора начали расчищать дорожки, и снег сразу же стал грязным.

Игорь Быков

Фомич прибежал сегодня, звал играть за его команду в футбол. У него типа есть соперник, с которым он поспо-рил, кто сильнее играет. Я чуть было не согласился. А тут он сообщает, что молчальника встретил, тоже пригласил поиграть. А этот дурачина якобы согласился. Куда ему в футбол играть? Только с девчонками в театре представ-лять сцены. Бабник.

Но то, что он придет, даже как-то интересно. Хм. Надо приготовить ему сюрприз. Устрою я ему представление в футбольных воротах.

Марья Семеновна

Миша учудил. Собрался в футбол играть. Говорю, какой футбол зимой. А он: позвали, мол, друзья. Какие

друзья! Разве это друзья, в такой холод за мячом бегать. Это ж только придумать! Никак его не отговорю. Уперся, весь в отца.

Сидели бы по домам, уроки учили, книжки бы читали. За всю зиму книжку в руки не взял. Только пьесу эту сказочную все мусолит. Читает и читает. Наизусть, что ли, учит? Далась ему эта пьеса, вечно придумывает себе какие-то непонятные увлечения. Никакого сладу с ними мальчишками нет.

Миша Фомичев

Сегодня вообще!.. Поиграли, называется, в футбол… От нас пришли пятеро. Даже этот чудик Башмаков при-

перся. Игрок еще тот, конечно, но все-таки пять на пять играли. Я его на ворота поставил, сам в нападение, ребята рядом на подхвате. Гоша не пришел сразу, начали без него. Он потом подтянулся. Сыграли минут двадцать, все шло хорошо, пока Быков не начал орать во всю глотку: кого вы взяли в команду, это фуфло полное, а еще на ворота его поставили. Да ему морду набить за такую игру надо. Стоит тут, столбы подпирает, а играть не хочет.

Я ему говорю, встань вместо Башмакова. Он как попер на меня: типа я на воротах?! Да за кого ты меня держишь? Да я видал весь ваш футбол. Научились бы сначала. Тоже мне вратарь. Да и у другой команды тоже сопляка поставили.

И лезет на поле. Играть не дает.

Сейчас, говорит, я проверю, кто тут лучший вратарь. Ну-ка, ты, чушок, вставай, я тебя разобью в пух и прах. И стал бить по воротам, где Башмак стоял . И все метит ему в лицо, специально по лицу бьет. А Мишка рукой закрывается , отбивает мяч. Так Быков подбежал и ему ногой по лицу врезал. У него сразу кровь пошла носом. Мы ему велели снег приложить, а он на Быкова кинулся. А тот…

Козырь со своей командой свалили быстрее.

Гоша вообще без тормозов. Как они хлестались с Миш-кой! Но ведь этого придурка не переплюнешь. Бык он и есть Бык. Он прет как танк. Его не остановить.

Мы стояли в стороне на поле, никто не хотел ввязывать-ся в драку. Кто его знает, заступишься, а завтра он и тебя где-нибудь подкараулит.

Когда уже Башмак лежал на снегу, я Гошу хотел оста-новить, но он сам выдохся. Накурился, и дыхалка у него не работала нормально. Пошел от нас медленно. Ему тоже досталось. Руку потирал ушибленную.

Мы Башмакова поднимать стали, а он от нас вырвался и почапал куда-то. Проводить хотели, а он в другую сторону пошел, не к своему дому.

Куда он такой избитый пошел?

Василий Иванович, классный руководитель, филолог Башмаков пропал. Звонила бабушка, разыскивала его.

Ушел, говорит, с утра и до сих пор нет его. А уже вечер, восемь часов. Скоро ночь перед Рождеством. Дьявольщи-на какая-то. Вот еще приключение на мою голову. Надо разыскивать пацана.

Марья Семеновна, бабушка

Да где ж ты, дитятко? Ой, неразумное создание? Разве так можно? Куда его понесло? Нет покоя на мою седую голову. Сначала сын со снохой, теперь за этого мальца бес-покойся. Все сердце изболелось.

Учителю звонила, думала, вдруг он у учителя занима-ется? Или у друзей каких? А какие друзья-то у него? По-шел вот в этот футбол чертов играть. Сказал, с однокласс-никами. Где его теперь искать?

Василий Иванович, классный руководитель, филолог Обзвонил всех родителей мальчиков. Узнал про утрен-нюю игру. Кто-то даже рассказал, что там нарисовался опять этот ублюдок Быков. От него все беды в классе. Ни-

кто про Башмакова ничего не знает.

И время уже половина одиннадцатого. Белолапов ска-зал, что в старом флигеле у парка, на лебедином островке мелькает какой-то свет. Он шел с работы в восемь часов, видел.

Пойду туда.

Миша Фомичев

Звонил классный. Спрашивал про Башмакова. А я откуда могу знать, куда он делся? Теперь мне отец устроил допрос с пристрастием. Ушел и ушел. Не доиграли и разошлись. Кто же знал, что он пропадать решил. Спрятался куда-нибудь, а теперь кто-то виноват из-за него.

Жалко парня, а что мы могли. За время драки он вообще ни одного слова не произнес, что там слова, ни одного звука, как заведенный дрался. Только взгляд у него был страшный. Весь насупился, лбом вперед кидался, как будто забодать Гошу хотел. Кровищи, конечно, у Мишки было. Да и Быков тоже отхватил кусочек радости. Так ему и надо.

Куда же Мишка мог деться? Сиди вот теперь и думай. И отец на меня дуется. В шахматы даже играть со мной не стал. Это, говорит, не по-спортивному. Так спортсмены не поступают. А как спортсмены поступают? С битой мордой ходят? Или конечности свои ломают ради других людей? Они дрались на равных. Один на один.

Но Бык сильнее и чаще дерется. Ему вообще драка удовольствие доставляет. Он сам всегда стремится подраться с кем- нибудь. Обкурится и сам лезет, даже на тех, кто сильнее. А как-то раз мне водку предлагал. Но я не стал. Так он этот стакан в два приема засандалил. Задохнулся, конечно, куда ему водку пить. И ходил потом не как человек.

Мишка другой. Не слабее, нет, он мягкий. Стихи вон пишет.

Черт. Теперь будут думать, что я его специально зама-нил в игру, чтобы потом избить. Но ведь я тут ни при чем. Я его для игры звал, а не в драке поучаствовать.

Василий Иванович, классный руководитель, филолог Обошел весь парк, Миши нигде нет. В старом фли-геле бомж сидел, грелся у костра. Спросил его про мальчика. Сказал, что мальца не видел. Но милиция объезжает этот участок раз в два часа, как по графику. Может быть, они что-нибудь видели? Подобрали Мишу

где-нибудь?

Позвонил в милицию. Там тоже пусто. Хотя сигнал, ви-димо, уже поступил, сказали, что звонила бабушка маль-чика, просила о помощи. Ей ответили, что еще не прошло трое суток. Может сам вернется. Но это вряд ли. Они не знают всех обстоятельств, не знают мальчика, не знают нашу школу. Действуют по инструкции.

Двое родителей мне взялись помогать. Теперь я не один, со мной еще помощники. Ищем.

Марья Семеновна, бабушка Василий-то Иванович какой человек. Велел мне нику-

да не отлучаться, сам , сказал, пойдет Мишу-то искать. А как я буду сидеть на месте сложа руки? Собралась, уже почти вышла, так ко мне ребята из класса пришли, оста-новили, их родители с учителем пошли Мишеньку ис-кать. А ребята у нас остались. Сидим с ними, чай пьем и ждем новостей . Так, конечно , спокойней мне . Да и по-заботиться есть о ком . Все ж таки дети. Они внимания требуют.

Света Вилкова

Ёжик пропал? Ужас. Я как услышала, мне даже трясти стало. Куда он пропал? Ведь он же здесь ничего не зна-ет, никуда не ходит, кроме школы. Если только к Борису Михайловичу. А может он у Бориса Михайловича? Блин, у меня телефона его нет. Позвонить не смогу. И из дома меня теперь уже никуда не пустят. Время – одиннадцать. Как же ты, Ёжик? Куда ты запропастился? Зачем ушел от мальчишек? Они хорошие. Они только притворяются таки-ми крутыми. На самом деле там только один отморозок – Быков.

В школе его нет, дома тоже. Где же он? Если только… Срочно позвонить Василию Ивановичу.

Телефон не отвечает. Ну же… Да, блин, давай же бери трубу….

– Алло, Василия Ивановича можно к телефону? Нет его? Ищет Мишу? Передайте ему, он может быть за вокзалом, там у него укромное место, где он любит проводить время, один, чтоб его никто не видел. Передайте Василию Ивановичу,

пожалуйста! Да, там еще озеро рядом, за вокзалом, и островок маленький. Он мне показывал. Да, это Света. Он может быть на этом острове.

Ну вот. Еще неизвестно, когда Василий Иванович домой придет и узнает про Мишу, про то, что я ему сказала.

Эх, Ёжик, Ёжик! Надо ж тебе было так попасть!

Миша Башмаков

Стенка хорошо заслоняет от ветра. Я ее круговую сделал. Тут можно вообще целую крепость выстроить, и никто не разрушит. Потому что никто сюда не ходит. Только я. Пустырь и ветер свободы. Говори – не хочу. Я уже осво-ил несколько слов.

Снега навалило, есть из чего город строить. Сейчас костер разведу, чтоб совсем не замерзнуть.

Бабушка ждет меня, ищет, наверное. Бедная, жалко ее. Не надо ее тревожить. Как я ей покажусь с таким лицом? Вон, весь глаз заплыл. И губа тоже треснула. Надулась, как пузырь. Я к ней снег прикладываю. Так немного легче. Ба увидит, тут же причитать начнет, за сердце хвататься. А так не видит, не знает, и хорошо. Сейчас, вот еще немного, и пойду домой.

Только как идти? По улицам нельзя. Там, наверное, еще люди ходят. Им нельзя показываться. Увидят, ментам сда-дут, скажут, вот какой-то пацан идет, наверное, беспризор-ный. С таким-то лицом…

Есть охота. А я ничего не взял, даже хлеба не взял. Но я не собирался надолго уходить. Я же только в футбол по-шел играть. А тут этот…

Руки я об него отбил. У него ремень, наверное, с ар-мейской пряжкой. И дерется он лучше. Он неожиданно по лицу меня ударил. Я на миг даже потерялся.

Мутный он какой-то, все его боятся. Стояли как трусы, никто даже слова не сказал, хотя могли. Команда, блин… Ладно, был один, и проживу один. Не привыкать. Ни-кому я не нужен. Только Ба меня понимает. Надеюсь, она не очень тревожится, она же знает, что я живучий. Я же не погиб, когда мама с папой… ушли к ангелам. Был с ними

и… остался без них, с бабулечкой моей.

Предательские слезы… текут и текут. Да сколько мож-но. Я же мужик! Я могу это все перетерпеть. Надо этот день пережить. Потом будет все проще и легче. Потом я все сделаю, все сделаю. Они еще узнают Мишку Башма-кова. Я им докажу, что я многое могу. Вот захочу и буду говорить. Надо только выбрать момент. Чтоб они все рты открыли.

Тренироваться надо, как спортсмену.

Не понравилось им, что я в театр пришел? Так вот нет, не выйдет у вас ничего. Я пойду в театр. И буду там зани-маться. Буду. Заниматься. В театре.

Василий Иванович, классный руководитель, филолог Ночь удивлений не кончается. Каждую минуту новые и новые откровения. То пропал мальчик, кидаемся его ис-

кать, то звонит Света Вилкова, говорит, где его можно най-ти, то бабушка говорит, что он скоро придет. Ничего я уже не понимаю в этом малом семействе. И, наконец, когда я увидел Мишу, это было что-то. Он как будто порывался мне что-то сказать, все норовил найти где-нибудь бумагу, чтоб написать какие-то слова. Закоченел весь. Еще бы, це-лый день на таком морозе, да еще на ветру. Хорошо, Ни-колай Михайлович Сутейкин на машине был, подвез нас к дому Миши.

Но больше всего меня поразило, что мне Миша напи-сал, когда домой пришел. Он написал: «Возьмете меня в театр?» И так посмотрел на меня, что я обещал. Я в шоке.

Василий Иванович, классный руководитель, филолог
Прошла неделя после каникул, прежде чем Миша при-шел в школу. Опухоль на губе опала, глаз тоже почти не пострадал. Синяк разлился, конечно, большой, но уже не пугал своим злокачественным блеском. Но поразил меня в этот день даже не внешний вид мальчика, не то, как он выглядит, а его взгляд и улыбка. Он перестал смотреть исподлобья, на его лице гуляла какая-то совсем другая

эмоция. Только я не пойму пока, какая именно. Он на что-то решился.

В этот день у нас не было занятий в театральном кружке, но он остался после уроков и подошел ко мне. Я был несколько удивлен и насторожен. Миша зашел в класс и положил на мой стол записку. Вот она:

«Уважаемый Василий Иванович!

Я вас очень прошу, научите меня снова говорить. Я очень этого хочу. Мне очень нужно. Я буду вам во всем помогать в театре, только возьмите меня в кружок, я могу быть суфлером, показывать, кто за кем будет говорить, могу делать декорации и реквизит, могу пол мести, чтобы чисто было.

Мне очень нужно. Я знаю уже весь текст пьесы “Кошкин дом”. И могу выучить любое стихотворение, но я дол-жен его прочитать вслух для всех в классе. Чтобы все зна-ли, что я не урод».

Я прочел записку и поднял голову на Мишу. Он стоял передо мной, смотрел прямо и не отводил глаз. Ждал от меня ответа. Решительный мальчик.

Спешить мне было некуда, и я спросил его, может ли он задержаться на полчаса прямо сейчас. Он согласился. И мы начали занятие.

Миша Башмаков

Учитель со мной сегодня занимался. А я сам испугался. Делал все не так, как он говорил. У меня ничего не получалось. Хотя он и хвалил меня, но я-то знаю, что это никуда не годится. Так нельзя! Надо, чтоб получалось, я должен заговорить. Пока я могу только мычать.

Василий Иванович велел мне помычать. Сказал:

– Просто произноси букву «м», не открывая рта. Мычать просто. Одна буква получилась. А дальше… Он говорит:

– Теперь начинай мычать с закрытым ртом букву «м», а потом рот открой и говори «а».

Я подумал, ерунда какая, смогу. А как открыл рот, так звук где-то застрял и не захотел выходить из горла. По-пробовал еще раз, опять так же. На третий раз я даже рот

раскрыть не смог. И убежал бы, если б он меня не поймал за руку.

Думаю, все, теперь он точно не будет со мной ничего делать. А учитель заставил меня дышать. И не просто ды-шать, а дышать правильно. Оказывается, мы все дышать правильно не умеем. А тут целая наука. Система! Столько упражнений. Как сказал учитель, целый комплекс.

За полчаса я сделал много открытий:

1. Учитель – неравнодушный человек.

2. В языке есть буквы и звуки, и это разные шутки.

3. Дыхание очень важно для человека.

4. Я смогу одолеть свое уродство.

Василий Иванович, классный руководитель, филолог Не думал, что с Мишей будет так сложно. Мне поче-му-то казалось, что он просто не хочет ни с кем говорить из-за психологической травмы. Но на деле оказывается, что ему надо разрабатывать лицевые мышцы и мышцы всего речевого аппарата и снимать зажимы. Сегодня начали дышать.

Света Вилкова

На кружок Мишка пришел. Ну, в смысле Ёжик. У меня челюсть отвисла. Я даже забыла с ним поздороваться. С ходу, как увидела его, так и ляпнула:

– Вот и Кот пришел. Теперь Бузыкина можно не ждать.

И все заржали как кони. И даже Василий Иванович вместе с нами.

Ёжику это тоже понравилось. Он тоже засмеялся. Почти без звука, но весело так.

Василий Иванович говорит:

– С сегодняшнего дня Миша будет нам помогать. Он знает весь текст пьесы. Кто забудет, обращайтесь.

И мы стали репетировать.

Миша Башмаков

Ох, нелегкая это работа, из болота тащить бегемота. Бегемот – это я. А тащить придется меня Василию Ивановичу. Но он упорный. Как начал меня гонять. Дыхание – это основа.

В кроме этого сразу пошли упражнения на развитие арти-куляционного аппарата.

Ладно бы я это делал один. Но Василий Иванович придумал делать эти упражнения вместе со всеми, кто пришел в театр. Вот смеху-то было. То высуни язык как можно дальше вперед, то до уха языком достань. Никто, конечно, не достал. Или еще упражнение «челюсть идиота». Это когда челюсть должна свободно упасть и отвиснуть, чтобы не были зажаты никакие мышцы вокруг челюсти. Крив-лялись, как обезьяны. Насмеялись вдоволь, а потом стали работать. Это тоже не просто.

потом началось самое страшное – упражнения со зву-ком. Надо было позвенеть как пчела со звуком «з», насос со звуком «с», поцокать недовольно языком, завести трак-тор на звук «тр». Девочки старались.

я старался не отставать от них. Даже забыл на время, что у меня что- то не получается. Никто внимания на это не обращал. Учитель со всех требовал одинаково. И еще он говорил, чтобы каждый слушал сам себя, потому что главный контролер в этом деле сидит внутри нас. Никто лучше нас это не проконтролирует. Слушайте сами себя. Следите за правильной постановкой частей всего рече-вого аппарата. И изменения придут. Вы это почувствуете очень скоро.

Теперь, когда я иду по улице, я стараюсь повторять те звуки, которые слышу. Или играю в разные виды транспорта. Вот я машина, она урчит тихо, на малых оборотах. То есть на звук «м» с горловыми призвуками. Потом подъ-езжает джип. Он уже ревет «ж». А вот я уже самолет, и я реву по-настоящему как реактивный – «р»!!

Но бабушке я пока это не показываю.

Марья Семеновна, бабушка Миша-то мой что-то все таится, ничего не говорит, но

вижу, что радуется по-тихому. Девочка ему, что ли, какая приглянулась. Ходит все, улыбается, даже на синяки не ре-агирует. А вчера, когда в ванную зашел, думает, я не слы-шу, воду включил и зарычал, да так громко, я аж напуга-лась. Но потом вышел и светится.

Василий Иванович, классный руководитель, филолог Морокина демонстративно ушла с занятий. Не захотела, видите ли, время тратить на пустое дело. Что ж, каждый выбирает для себя… Насильно мил не будешь. Учится она хорошо, а вот что у девочки творится в душе, одному богу известно. Малоразговорчива, хотя и не страдает так, как

Миша Башмаков.

Кстати о Башмакове. Прогресс налицо. Произносить слова он еще стесняется, но на индивидуальных заня-тиях весь погружен в работу, роет и роет, как крот нору. Если так пойдет, через месяц он действительно сможет рассказать стихотворение. Что же у нас там по програм-ме? Там у нас Лермонтов , его стихотворение «Бороди-но». Вот пусть заранее и учит. Целиком, конечно, это много, стихотворение немаленькое, но хотя бы полови-ну. Надо ему намекнуть, предупредить заранее. Даже если одно четверостишие расскажет – это будет боль-шая победа.

Люся Морокина

Что же такое придумать, чтоб спесь с него сбить? Ох, трудяга, ох, молодец! Какая голова! Какой удивительный мальчик! Столько вздохов и охов, и все из-за кого? Из-за этого неполноценного? Он же говорить толком не может, чего с ним возиться? Так нет, мало его в театр привела эта дура Вилкова, так теперь и Вася с ума сошел. Каждое за-нятие только ему и посвящает. И вместо репетиции пье-сы, вместо того, чтобы продвигать спектакль, все должны артикуляцией заниматься, разрабатывать свой аппарат. Вот кому нужно, тот пускай и разрабатывает отдельно от остальных.

А то, Люся, ты давай выучи две роли, вдруг кто не при-дет, ты сможешь быстро переключиться, а то кривляйся тут вместе с уродами. И роль еще у Бузыкина отняли, это-му Ёжику передали. Ну пропустил парень пару репети-ций, что – нельзя? Не мог он прийти, что ж теперь, роль от этого отнимать? И Вилкова крутится вокруг него как юла.

Быкова на них нет. Опять пацан загулял. Вот это я по-нимаю. После того футбола он вообще свинтил из города.

До сих пор ищут. По-моему, даже заяву на него кто-то накатал.

Может быть, это Ёжик и накатал?

Возможно… ***Света Вилкова***

И чего Василий Иванович с Мишкой скрывают, все отдельно чего-то репетируют? И главное, не показывают никому ничего. Я тут в школу забежала после уроков, сменку забыла, прохожу мимо класса, слышу голоса, один Василия Ивановича, а другой новый какой-то, я его не сразу узнала. А это, оказывается, Ёжик так говорит. Ёжик?! Да, он! Я подсмотрела в замочную скважину. Слов не понять, но голос уже слышно. Я хотела вбежать в класс, поздравить его, но потом подумала, вот скажут, ходит, подслушивает, неудобно.

А Ёжик молодец. Месяц прошел после каникул, а фраза Кота «Пожалуйста, готово» у него уже получается. Мед-ленно, конечно, но так четко. Как на пластинке в записи. Только при медленном темпе. Он когда первый раз это ска-зал, все замерли. А он потом в первой картине часть текста стал говорить. Мы вообще выпали в осадок. Но показы-вает всем, кто за кем должен говорить, он здорово. Даже, глядя на него, сразу текст вспоминаешь.

Холодища такая, метели только не хватает. Как у меня мама говорит, февраль – самый морозный месяц. Четверть самая длинная, но уроков задают хоть отпадай. Тут еще Василий Иванович стихотворение задал наизусть учить. Хорошо хоть половину, не целиком. Нет, главное, такое говорит: кто хочет, может выучить полностью. Это же сколько его учить надо. Не, у нас таких смелых не найдется. Ладно, хоть половину выучат. И то не все.

Одно плохо, Ёжик на уроках писать стал меньше для меня. Раньше подсказывал, писал на листочке, а теперь все больше улыбки рисует, самой приходится головой ду-мать. А что, я хуже, чем он? Нисколечко. Я могу и лучше. Только мне лень.

Василий Иванович, классный руководитель, филолог В середине февраля у нас премьера спектакля «Кошкин дом». Ребята молодцы, стали ходить стабильно, уже

меньше пропускают. Чувствуют ответственность. Бузы-кин так и пропал, не стал появляться. Но мы перераспре-делили роли. Часть сцен у нас теперь Миша Башмаков играет, там, где не надо много говорить, а где его диалог с Кошкой или Котятами, там Савельев на себя берет сцены. Выкручиваемся. Лидия Михайловна приходила на репе-тицию с инспекцией. Очень ей было любопытно, что у меня делает в театре неговорящий мальчик. А он очень даже активен на занятиях. Он в процессе. И Лидия Ми-хайловна это увидела.

Миша Башмаков

Сегодня решающий день . Или я буду говорить со все-ми, или замолчу навсегда. Если все провалится , тогда мне незачем говорить. Уйду в другую школу. Опять.

Как примут меня мои одноклассники? Мальчишки бу-дут слушать? А девочки? Дадут сказать или будут бол-тать как сороки ? Это они умеют. Особенно на уроках Эльвиры Васильевны. Ей трудно. Она с нашим классом не справляется. Но ведь никто не виноват, что ее уро-ки такие неинтересные. У Василия Ивановича не заба-луешь. Он умеет всех организовать . Не зря его Чапаем кличут.

Как Света Вилкова воспримет мои слова? Она смеш-ная. Так старается все делать сама, даже когда не знает. Листок с записками по столу ко мне отодвигает, я ей рожи-цы рисую. Она смеяться начинает, и ей замечания учителя делают. А еще мы с ней в виселицу стали играть на уро-ках, пока есть время.

Так. Вот и дверь класса. Кажется, я готов. Текст знаю.

Лишь бы не струсить.

Ну, дверь, слушай сюда. Сезам, откройся!

Василий Иванович, классный руководитель, филолог

Когда прозвенел звонок, класс приуныл. Конечно, за-дание было не из легких, выучить стихотворение Лер-монтова «Бородино». Я частично облегчил ребятам зада-ние. Велел выучить половину. Тех, кто знал текст, стало видно по первым минутам. Руки потянулись вверх сразу.

И правильно, отмучились, и спокойно отдыхай, наслаждайся жизнью.

Прошла уже почти половина урока, когда я заметил руку Миши Башмакова. Он тоже тянул ее вверх. Я, честно сказать, растерялся.

Спросил его:

– Ты хочешь отвечать? Письменно?

Он замотал головой и показал пальцем на доску.

– Писать на доске?

– Нет, – ответил Миша, – рассказать.

Я пригласил его к доске.

Ребята замерли. Они смотрели на Мишу как заворожен-ные кролики на удава.

– Лермонтов. «Бородино».

Миша сделал небольшую паузу и начал читать. Я не ожидал, что этот ученик отважится читать стихотворение. Все привыкли , что он всегда молчит, не говорит, а пишет ответы на доске или в тетради. И вдруг такой номер!

Но меня поразили еще и ребята. Притихли все, слушали так, будто это молитва. Миша сбивался, и на лицах одноклассников я видел страх за него, желание помочь, подсказать. Но никто не мешал. Миша сам справлялся с проблемой и говорил текст стихотворения дальше. Особенно трудно ему давались слова с «р». Но он их особенно четко форсировал, получалось как-то нарочито отчетливо и в некоторых местах гортанно.

Когда Миша дошел до места « И клятву верности сдержали мы в Бородинский бой », я уже вздохнул об-легченно и хотел заговорить . Но Миша не останавли-вался и продолжал. И не просто продолжал , а дошел до конца стихотворения. Сколько длилось его чтение, я не засек по часам. Думаю, не меньше пятнадцати минут. Когда отзвучали последние слова, в классе стояла ти-шина , а потом поднялся такой гвалт, что я еле их успо-коил. До звонка оставалось три минуты. Ребята напере-бой поздравляли Мишу. Я поставил ему заслуженную пятерку.

Марья Семеновна, бабушка

Батюшки! Миша-то заговорил. Я уж и не думала его услышать. А вчера из школы пришел, руки помыл, на стол стали с ним собирать обедать. Он мне и говорит:

– Давай, бабушка, я тебе помогу.

Я так и села. А он посмотрел на меня и тихо так говорит:

– Привыкай, Ба, теперь будем вместе разговаривать.

Я говорю:

– Как же так, сынок?

Он мне и выдал:

– Учитель помогает.

Я и про еду забыла. Сижу и плачу. А он меня утешает. Сколько мы так с ним просидели? Не знаю. Суп опять ра-зогревать пришлось.

Глава VIII. Поговорим по-мужски?

Миша Башмаков

Вчера после урока вышел из класса как мышь мокрый. Все так мне хлопали, улыбались, поздравляли. Многие де-вочки искренне радовались. А по парням я не очень по-нял, они, конечно, тоже стали руки жать, по плечу хлопать, ободрять. Но, уже уходя, я услышал, как кто-то сказал уже у меня за спиной:

– Выпендрился.

Вышли на крыльцо вместе и стали разбредаться в разные стороны, кому куда надо . Мой путь совпал со Светой . Наши дома совсем рядом. И мы пошли вместе. Мимо детского сада, мимо высотки в двенадцать эта-жей, обошли заброшенный фундамент какого-то мага-зина , мы туда ходим иногда прыгать по плитам. Света зашла в «диетку» хлеба купить домой, а я остался на улице. Было пасмурно, но ветра не было, поэтому я ре-шил остаться .

И вдруг в отражении стекла магазина я увидел Быкова. Он подходил медленно, руки в карманах , мне показалось, он был пьяный. Подошел, посмотрел на меня, ухмыль-нулся и сказал:

– Чё, умник, научился говорить? Теперь доносы строчить не будешь?

– Какие доносы? – не понял я.

– Ты заяву в ментовку написал? А меня искали потом всеми собаками. А?

– Я не понимаю, что ты говоришь.

– Тебе сразу сейчас морду набить или прилюдно, когда весь класс соберется?

– А при чем тут весь класс?

– Харэ. Класс тут ни при чем.

Быков без замаха резко махнул рукой, и я почувствовал, что губа у меня стала кровоточить . Все -таки он меня ударил без предупреждения. Отвлек и ударил. Я пошатнулся и отскочил подальше. Чуть не упал. С моей головы свалилась шапка, я хотел ее поднять, уже наклонился , но Светка меня опередила . Она подбежала с батоном в руках , подхватила мою шапку, нахлобучила ее мне на голову. И только после этого резко повернулась к Быкову.

– Еще раз его ударишь – пожалеешь, что родился. Понял ты, чмошник?

– Слышь, овца, за словами следи. А то не погляжу, что ты девчонка, звездану по уху.

– Рискни, герой, – проговорила Светка, – ты же смелый, только когда слабый перед тобой, кто тебе сопротивляться не может, да?

Быков минуту стоял неподвижно, видимо, переваривал, потом развернулся и, молча стал отходить. Но, дойдя до асфальтовой дорожки, повернулся и, глядя мне в лицо, процедил:

– Мы еще поговорим с тобой по-мужски, щенок.

Было понятно без объяснений, что он имел в виду. Я не собирался о нем говорить со Светой. Но она меня спросила:

– Ты видел, кто его поджидал вон у того подъезда? Проследив за рукой Светы, я увидел, что Быков идет

не один. С ним рядом шла Морокина. Она, конечно, пря-талась, таилась, но мы успели ее заметить. Как-то Быков умел появляться не вовремя каждый раз. Было такое впе-

чатление, что ему сообщили, какой дорогой мы пойдем. И теперь мы знали, кто это сделал.

Света Вилкова

Закончился февраль, мы мальчишек поздравляли с мужским праздником, приготовили целый концерт. Юля Панченко пела красивый романс, Лена Сидорычева стихи читала, мы с Галей Вороненко подготовили сценку с мас-ками. Я была кошкой, Галя котом. Другие девочки вышли в масках зверей и просто слушали нас двоих. Я от лица кошки рассказывала, какой кот герой. А потом все вместе поздравили наших мальчиков с праздником. Получилось интересно. А на следующем уроке всем классом поздрав-ляли Василия Ивановича. Он у нас настоящий герой. Ока-зывается, он бывший военный, служил на границе. Когда он вошел в класс, мы зажмурились. У него орден боевой и медали. Даже Лидия Михайловна удивилась, когда его таким увидела.

Не хочу говорить о неприятном. Сидела над листком десять минут, все думала, писать или не писать. Но все-таки решила, что надо.

Быков опять появился в классе, от него по школе одни неприятности. И в первый день налетел на Мишу. Хоро-шо, я рядом оказалась. Еще бы немного, и случилась бы беда. Быков ударил Мишу. А Миша… Он совсем не уме-ет драться. Конечно, ему трудно, бабушка ему в этом не помощник.

Потом на уроке он мне написал:

«Напугала ты Быкова»,

и поставил три восклицательных знака.

Я спросила:

«Тебе очень больно было?»

А он:

«Терпимо. Не первый раз».

Наверное, он все-таки может драться, если так говорит, только ему надо время сосредоточиться, понять, чего хо-чет соперник. А когда неожиданно, он не успевает.

Василий Иванович, классный руководитель, филолог

Один праздник провели хорошо, готовимся к другому.

Теперь очередь мужской половины школы поздравлять наших дам. А наши классные дамы прямо ждут этого. Глаза у них горят от любопытства, что же мальчики им приготовят. Они думают, что мы не сможем? Мы еще ого-го!

Но как-то странно наблюдать четвероклассников в таком состоянии. Они еще дети, они ждут чудес, хотя и делают вид, что не верят ни в какие чудеса.

Все-таки напряжение в классе нездоровое. Идет недовольное брожение, только вот против чего, не могу уловить. При первом же моем вопросе дети замыкаются и от-вечать не торопятся.

Быкова давно поставили на учет в детской комнате милиции, но ему, видимо, неймется. Уроки прогуливает, ведет себя вызывающе, на любые замечания реагирует агрессивно. Боится только Лидию Михайловну. Она имеет силу и знания, как управлять им. Я – нет. Взять его за шкирку и встряхнуть хорошенько нельзя. А руки так и чешутся.

Миша Фомичев

Первое марта. Снег хороший. Играть очень даже можно. Не скользко, и утоптали его основательно. Сегодня двойной урок физкультуры. Нам физрук дал мяч и предло-жил поиграть. Мы с радостью.

Еще в раздевалке стали делиться на команды. Получилось пять на шесть. Футбол – мужская игра. Жесткая, сильная, быстрая, без соплей. Тут девчонки не в счет. Они же не будут в футбол с нами гонять. Поболеть, поорать – это они могут. Им типа тоже дали задание, пробежать за два урока пять километров по школьному кругу. А он тянет на 500 метров. Это ж десять кругов. Кто нетрени-рованный, тому, конечно, сложно. А мне пофигу. Я всю жизнь бегаю в футбол. Естественно, что никто по кругу не побежал. Все девки у бортов стояли, за сеткой.

Андрей Бузыкин

Со мной в команде было пять человек, другая коман-да у Фомичева. Но он подумал и мне Башмакова передал.

Забирай, говорит, его, мы и без него вас сделаем. Ошибся Миша Фомичев, что отдал нам Мишу Башмакова. Со мной Димка Фролов играл, Андрей Охлучин, Сашка Шелепов и Толик Носков. Мы повели в счете. Я Башмакова на ворота поставил. Я тогда видел, как он играл. Классно он мяч ло-вит, не боится его. Я ему даже перчатки свои дал кожаные. И он только один мяч пропустил, а забили мы три.

Отыграли полчаса. И вдруг появился Быков.

Миша Фомичев

Чё-то я не рассчитал силы. Отдал Башмакова, ладно, но

у них в команде играющие люди оказались. А нам тара-на не хватало типа Быкова. Он резкий, безбашенный, прет как танк, его не остановить.

Сначала проигрывали, а через полчаса и Гоша нарисо-вался, к нам присоединился. И игра переменилась.

Андрей Бузыкин

Счет сравнялся. Но не в этом дело. Как только они заби-ли третий мяч, игру остановили. Быков предложил дуэль. От каждой команды выходят по одному человеку и заби-вают в ворота соперников мячи. Друг другу. До разницы в два мяча. Если после десяти ударов счет будет равный, считаем, что ничья.

Я хотел встать сам, но Бык решил, что так не годится. Надо, мол, проверить, что за девочки там в команде сопер-ников играют. Мы переглянулись, а он указал пальцем на Башмакова и сказал ему: «Давай один на один. Поговорим по-мужски?»

Мы думали, Башмаков откажется. Даже протесто-вать стали. Но Мишка похлопал меня по плечу, сказал: «Я играю».

Миша Башмаков

Я играю. Сейчас не время отступать. Все только и ждут, что я откажусь. Но мне терять нечего. Я уже прошел тот рубеж, когда надо бояться боли. Где-то, в каком-то фильме, говорится: чувствуешь боль – значит, еще живой. Я жи-вой. И я просто так не сдамся. Быков соответствует своей

фамилии. У него мозгов зеро-зеро. А значит, что эта груда мяса не сможет меня сломить. Я хитрее. А рак мне поможет. Ну, любезный рак, свистни, пока у меня есть силы!

Андрей Бузыкин

Кинули жребий, кому бить первому. Башмаков начи-нал. И с первого удара забил Быкову гол в верхний левый. Тот от злости сплюнул, посмотрел недобро на Башмакова. А когда ударил, попал ему в лицо. Бил специально по лицу. Не по воротам, а по человеку. Не обыграть хотел, а убить. Но Башмаков выдержал. Пригодились мои перчатки Ёжику. Щека у него, правда, сразу покраснела. Девчонки заорали. Но он на них даже не посмотрел. Здесь мужская игра.

Мишка опять ударил по воротам. Быкову удалось оста-новить мяч, но руку он отбил основательно. Долго тряс ей, в снегу купал, но после вообще обезумел. Мы думали, он Башмакова на клочки разорвет. Так он смотрел на против-ника. И опять ударил по Башмакову. Еще сильнее ударил, чем первый раз. И опять метил в лицо. Мишка упал, мяч ногой откатил, стал подниматься. А Быков побежал к нему и хотел ударить.

На этот раз мы остановили Быкова. Он рвался из наших рук, матерился на чем свет стоит. Но мы его не пусти-ли. Он вроде бы смирился, отошел, а после второго про-пущенного мяча кинулся с Ёжиком врукопашную, мы еле успели. Растащили их.

Люся Морокина

Вот нашли забаву, все как с ума посходили от этого футбола, делать им нечего. Смотреть-то на кого? Кто там играть-то умеет? Разве только Фомичев, и то потому что третий год в секцию ходит. Вот когда Бычок пришел, все сразу оживилось.

Но он тоже с приветом. Как начал кидаться на Башмако-ва, чуть не забил его до смерти. Жаль, пацаны помешали. Стенку, понимаешь ли, вокруг этого Ежа сделали. Глав-ное, Быков на них наскакивает, а они его руками отталки-вают, он с кулаками на них, и они его тоже кулаками. Вот потасовка-то была! Я такого цирка еще не видела. А уж

матюками-то сыпали! И Бузыкин, оказывается, умеет ру-гаться?! Уши в трубочку сворачиваться стали у некоторых наших девчонок. Слышали бы они, как мой батя ругается, они бы не так одурели.

Света Вилкова

Я думала, что сегодня умру. Стояла у сетки, глаз не сво-дила с поля, глядела на игру и ничего не понимала. Скуч-ное зрелище, зевать начала. Но как только появился этот псих конченый, сон как рукой сняло. Я сразу поняла, что сейчас что-то случится. И каждый раз обмирала, когда Быков бил по Ёжику, каждый удар Быкова по мне ударял. Я собственными боками их чувствовала. Сколько же зло-сти и ненависти в человеке!.. Сколько животной силы и бешеной энергии, которую он не знает куда направить. Весь мир разделился на белое и черное. Стал двуцветным, резкость изображения увеличилась, а окружающее про-странство сузилось до размеров половины футбольного поля. И в голове забили колокола.

Миша Башмаков

Я – выдержал. Я его не победил, но выдержал его натиск. Теперь он будет знать, что не все будет так, как только он хочет. Спасибо команде. Помогли, остановили. Хорошие все-таки они ребята. Редко такое единство встре-тишь. А здесь целый класс подобрался. И один Быков этот класс не испортил.

Поговорили по-мужски.

Люся Морокина

И чем все закончилось? Быков сразу свалил. Куртку схватил и чуть ли не бегом припустил. А еще крутой, крутой. Его пуганули один раз, он и раскис. Или правду говорят, только со слабыми справиться горазд? Тоже мне герой… Нет, анекдоты он травит смешные, похабные, но смешные… В какой-то момент он мне понравился. Но так уйти с поля!.. Надо уметь проигрывать. Быков не умеет. А этот Ёжик не так прост, как кажется.

Глава IX. Весна вступает в свои права

Василий Иванович, классный руководитель, филолог
Целый месяц разбирались, кто виноват в этом инциденте.

Таскали к директору учеников, родителей, меня приглашали к руководству раз десять, Лидия Михайловна все грозилась статью мне впаять за халатное отношение к работе. Нервировали класс так, что дети не могли спектакль отыграть нормально. Пришлось его отложить до лучших времен.

Миша Башмаков делает большие успехи, говорит уже почти бегло. Еще временами запинается, но преодолева-ет препятствия упорно. (Вот фразочка, сплошные «пр-пр».) Дать ее Мише как скороговорку. Теперь весь класс ходит и бубнит скороговорки. Это какое-то скороговорное безумие. Учителя подходят ко мне и спрашивают: чем вы так детей привлекаете к театру, какими словами? А мне их не надо привлекать. Они сами приходят. Преодолевая пре-пятствия. И спектакль мы все-таки с ними сыграем, вот как выйдем после каникул, так и сыграем.

Завтра начинаются весенние каникулы. Мы с ребятами решили провести один день на природе, устроить пикник на свежем воздухе. В этом году весна удивительно теплая, снег уже весь сошел, но лед на реке еще стоит.

Света Вилкова

На классный час приходила женщина-милиционер. С тремя звездочками. Рассказывала о преступности, о том, как надо себя вести, в очередной раз пропесочила нас по поводу драк и мата. И под конец сообщила, что Быков по-пал в колонию для малолетних преступников. Быкова по-садили! Это же… Это… В общем, туда ему и дорога. Сам напросился. Вот ему надо было говорить, как себя вести. А наши мальчики знают, как себя вести, они вовремя все правильно сделали. Была бы я на поле, я бы сама ему зен-ки вырвала за Ёжика.

Миша Башмаков

Когда договаривались, где проведем этот пикник, я предложил пойти на остров. Взять две лодки и переплыть

на него в два захода. Весь класс и переправится. Идея всем понравилась. Никто почти не знал, что это мой остров, только Василий Иванович да Света могли что-то знать. Они так на меня посмотрели и поддержали.

Я на этом острове многое передумал, сроднился с ним. Теперь он уже становится зеленым, еще немного и покро-ется травой. А зимой он был белый-белый. Еще в прош-лом году, видимо, кто-то на нем посадил три куста шипов-ника, и они осенью плоды дали. Зимой птицы прилетали кормиться.

У меня даже дрова были припасены. Я их быстро на-шел, когда мы на остров приплыли. И костер зажгли.

Андрей Бузыкин

Он интересный, этот молчальник Башмаков. Сейчас он уже начал говорить, а как пришел, все записки писал. Мы думали любовные. Он же с Вилковой начал переписывать-ся, а оказалось, что он вообще не говорит. Но как-то стран-но, говорить не может, но слышит. Если бы он глухонемой был, тогда понятно. А тут как-то странно. Но пацан оказался свойский. Уважаю.

Света Вилкова

Не все , конечно, пришли, но народу набралось девят-надцать человек. В лодки грузились со смехом и визгом. Я, наверное, громче всех визжала . Мальчишки лодку раскачивают, сесть не дают. Как тут не визжать? Но ког-да ехали на остров , не качали. Понимали, что не время баловаться.

А потом все разошлись за дровами для костра. Я на бе-рег вышла, поглядела на наш микрорайон через воду, он такой маленький показался. Пятиэтажки почти не видно. Только девятиэтажные дома торчат как свечки.

Зимой этот остров выглядит по-другому. Пустой и глу-хой какой-то. А сейчас он совсем не такой. Он веселый, листочки на кустах уже почти проклюнулись, еще чуть-чуть и полезут.

Ёжик с мальчишками в футбол играет. Фомичев в своем репертуаре, никуда без мяча не ходит. Везде ему футбол

подавай. Тут, правда, места мало. Они чеканить взялись. Вон как стараются. Даже языки повысовывали, как гончие. Смешно на них смотреть.

Он одно время перестал мне записки писать, но потом опять подсунул какую-то уморительную рожицу. Я прямо в голос рассмеялась. Я давай его ругать. А он опять ри-сует. Не дает думать об уроках. Нет, не на всех уроках. На контрольных он меня контролирует, чтобы я не отвле-калась. И мне даже почти не хочется лениться. Ну, если только чуть-чуть.

Василий Иванович, классный руководитель, филолог

Лишних людей здесь нет. Поехали те, кто по-настоя-щему хотел. Минус двое «болящих». Весну мы встретили весело. Шуму было… О! Как галчата, то тут, то там, где-нибудь какая-нибудь свалка, но все по-доброму, без зло-сти. А потом сели вокруг костра и запели. Хорошо пели или плохо, не важно. Главное, с азартом, с удовольствием. Миша Башмаков сначала сидел-слушал, а потом тоже стал подпевать. Все были так увлечены, что не сразу заметили, что он поет. Рядом с ним сидел Миша Фомичев. Услышал, посмотрел на него и как закричит: «Ёжик поет!» И опять все повскакали со своих мест и давай кружить по острову.

Даже песню не допели.

150 лет со дня рождения А.М. Горького

Елена ШУВАЕВА-ПЕТРОСЯН

Ереван

ДИАЛОГ: ГОРЬКИЙ И АРМЕНИЯ

Огромное число писателей, художников, музыкантов, актеров могут с гордостью считать своей родиной солнеч-ную Армению. До сих пор на слуху такие гении армянско-го искусства, как Арам Хачатурян, Александр Арутюнян, Арно Бабаджанян, Мартирос Сарьян, Грант Матевосян и многие другие.

Армения славится не только талантливыми людьми, но способностью оказывать влияние на творчество предста-вителей других стран. Не стала исключением и Россия, которая издавна связана с Арменией исторически и куль-турно. Многие писатели, поэты, музыканты, художники черпали свое вдохновение в живописных местах Арме-нии. Взаимное влияние двух стран насчитывает уже не одно столетие. Особенно хочется отметить период в нача-ле XX века – Серебряного века русской литературы.

История литературно-культурных отношений XIX–XX веков русского и армянского народа полна таких имен, без которых невозможно представить эти связи. Наиболее ши-роко известными армянской интеллигенции по праву счи-таются: Александр Пушкин, Лев Толстой, Александр Гри-боедов, Антон Чехов, Валерий Брюсов, Сергей Городецкий,

Осип Мандельштам, Андрей Белый, Василий Гроссман, Александр Фадеев. Безусловно, есть еще много настоящих мастеров поэзии и прозы, чьи произведения честно и душевно воспели дружбу двух народов, единых по духу, позволили русскому читателю всесторонне оценить в сво-их переводах мощь и богатство армянской поэзии.

Именно благодаря стараниям писателей и поэтов двух стран стало возможно взаимное погружение в культуру двух народов. Особенно важным был момент в конце XIX и начале XX века, когда народ Армении подвергся Геноци-ду сначала со стороны Османской империи, потом ее преемницы Турции. Именно тогда Россия показала себя защитником армянского народа. Стоит отметить, что в этот исторический период влияние России на Армению было выражено не только в присутствии и помощи российских войск армянскому народу, но и взаимному влиянию двух культур. Очень показателен пример, когда Сергей Городецкий отправляется в Западную Армению, охваченную резней, спасать армянских детей, пишет ряд стихотворе-ний – «Армения», «Ван», «Сад», «Прощанье», «Ангел Армении» и другие, которые впоследствии были объединены в книгу «Ангел Армении». Стоит отметить Юрия Веселовского, который в 1887 г. посвятил армянам и Армении цикл стихов («К армянам», «В Армении», «Армянскому народу», «На развалинах» и др.), выразив сочувствие и поддержку.

Еще в конце XIX века Максим Горький многократно бывал в Тифлисе, сосредоточившем большую часть вос-точно-армянской интеллигенции. Именно поэтому в своих воспоминаниях о погромах 1905 года в Баку Максим Горь-кий пишет открытое письмо, где выражает соболезнования армянскому народу, а также негодование тем, что представителей двух этносов натравливают друг на друга. Касаясь событий на Кавказе, писатель отмечает в памфлете «Рус-ский царь» из цикла «В Америке», 1906 г.: «На Кавказе ар-мяне были убиты руками верноподданных тюркских татар. Однако этому явлению был придан вид национальной не-нависти и нужно верить, что это так и что это правда. Но как могло случиться, чтобы армяне и татары, которые веками

жили вместе, вдруг стали бы врагами…» Тут трудно согла-ситься с Горьким, охваченным идеей революции и осужда-ющим царизм, но история донесла до нас факты более ран-ней резни, когда турки, которых тюркские татары считают своими братьями, вырезали сербов, болгар, потом приня-лись за армян. Этому факту посвящены многие страницы «Дневника писателя» Федора Достоевского. Для примера несколько выдержек из «Дневника», датированных 1877 г.: «придут турки когда-нибудь и к ним <...> и зарежут и мать его, и невесту, и сестру его, и коня, и собаку их» или «я разумею буквальное сдирание кож, вот то самое, которое происходило летом в Болгарии и которым, оказывается, так любят заниматься победоносные турки». Для примера еще цитата из Достоевского: «в Москве, в одном из приютов, где наблюдают маленьких болгарских детей сироток, при-везенных к нам в Россию после тамошнего разгрома, есть одна больная девочка, лет 10, которая видела (и не может забыть), как турки, при ней, содрали кожу с ее живого отца. Ну, так в этом же приюте есть и другая больная болгарка, тоже лет десяти, и мне об ней недавно рассказали. У ней. странная болезнь: постепенный, всё больший и больший упадок сил и беспрерывный позыв ко сну. Она всё спит, но сон нисколько ее не укрепляет, а даже напротив. Болезнь очень серьезная. Теперь эта девочка, может быть, уже умерла. У ней тоже одно воспоминание, которого она не может выносить. Турки взяли ее маленького брата, ребенка двух-трех лет, сначала выкололи ему иголкой глаза, а потом посадили на кол. Ребеночек страшно и долго кричал, пока умер, – факт этот совершенно верный. Ну, вот этого и не может забыть девочка, всё это они сделали при ней, на ее глазах. Природа, может быть, и посылает таким, поражен-ным сердечно, сон, потому что они не могли бы долго оста-ваться наяву с таким беспрерывным воспоминанием пред собою. Теперь представьте себе, что вы бы там были сами в ту минуту, как они прокалывали ребенку глаза».

Но Горький показывает, что с историческим матери-алом он хорошо знаком, поэтому в его очерке «В доли-не Делижана» есть отсылки к генезису геноцида армян: «Помимо воли память воскрешает трагическую историю

Армении конца XIX начала XX веков, резню в Констан-тинополе, Сасунскую резню, “великого убийцу”, гнусное равнодушие христиан “культурной” Европы, с которыми они относились к истреблению их “братьев во Христе”, позорнейший акт грабежа самодержавным правительст-вом церковных имуществ Армении, ужасы турецкого на-шествия последних лет, – трудно вспомнить все трагедии, пережитые этим энергичным народом».

Безусловно, эти шаги писателя не были оставлены без внимания Арменией, и с того времени Максим Горький приобрел еще большую популярность среди армянского населения.

Горький не только словом поддерживал Армению и ее народ, но и максимально стремился распространить куль-туру, в первую очередь, литературные шедевры армянско-го народа, среди русской интеллигенции.

Активное взаимодействие Максима Горького с армян-ской интеллигенцией внесло огромный вклад в привлече-ние особого внимания русской общественности к армян-ской истории и культуре.

Горький своим литературным талантом продемонстри-ровал тесную связь русской и армянской культуры.

Отношения Горького и армянской литературы с армян-ской интеллигенцией начались еще в 1891 году и продол-жались до последних минут его жизни. Он был поглощен культурной и экономической жизнью армян, их историей и культурой.

На рубеже 1890-х годов и позже в армянской периодике было широко представлено творчество Максима Горького. В 1900–1902 годах журналы «Тараз» и «Лума» публику-ют переводы произведений Горького, печатаются статьи профессора Самвеляна, литератора и общественного дея-теля М. Берберяна, отражающие литературное творчество русского писателя. К 1906 году Максим Горький уже был знаком армянским читателям по многим переводам его произведений, таким как, «Старуха Изергиль», «Макар Чудра», «Челкаш» и др.).

Для Горького, неутомимого деятеля и пропагандиста, слово и дело были неотделимыми понятиями. Он был

истинным интернационалистом и великим гуманистом. Он отдал на служение народу свой талант и всю свою жизнь. Он поистине хотел, чтобы люди во всем мире жили свободно и счастливо.

Доктор филологических наук и литературовед Р. Баг-дасарян в статье «Великий друг армянской культуры. К 150-летию со дня рождения Максима Горького» приводит воспоминания выдающегося армянского поэта, прозаика и публициста Аветика Исаакяна, который в 1899 году, бродя среди шумной толпы одесского порта, встретил оборван-ного нищего, который, протянув руку, попросил помочь «ради Горького». «Впервые услышавший такое имя, Аве-тик подумал, что, видимо, это “новый святой”, – пишет Багдасарян. – Но ответ бродяги поразил поэта: “Это пер-вый человек, который пишет о нас, бедняках, правду”. За-интригованный Исаакян в тот же день покупает два тома рассказов Максима Горького и читает и перечитывает их». Именно Исаакян первым познакомил армян со знамени-тым «Буревестником». «В 1901 году я был на Западе, когда мне попалась “Песнь о Буревестнике”, это замечательное произведение Горького, только что вышедшее в свет, – пишет Исаакян. – Я тут же его перевел и напечатал в зару-бежных армянских газетах. Таким образом, мне первому выпала честь перевести на армянский язык “Песню о Бу-ревестнике”, и факт этот я отмечаю с особой гордостью. Это изумительное произведение нашло большой отклик в армянском обществе, я получил восторженные письма, на армянских литературных вечерах везде читали “Песню о Буревестнике”».

Горький всегда стремился продвигать литературу. Он был очень деятельным, активным писателем, которого интересовала не только и не столько собственная слава, сколько возможность донести до общественности шедев-ры литературы, в том числе национальных литератур. Здесь особняком встает литература Армении.

Как было отмечено ранее, писатель имел тесные связи с армянской интеллигенцией и ставил перед собой цель опубликовать самые значимые произведения армянской литературы. Но изначально писатель сталкивался с рядом

проблем, несмотря на которые, он в 1916 году смог опубликовать «Сборник армянской литературы», в работе над которым были привлечены, среди прочих, такие выдающиеся поэты Серебряного века как Александр Блок и Валерий Брюсов. Именно благодаря ярчайшим представителям поэзии начала XX века этот сборник можно по праву считать «жемчужиной» армянской литературы, переведенной на русский язык. Но планы Максима Горького по изданию армянской литературы на этом не ограничивались, что отмечал один из его помощников при составлении «Сборника» писатель Ваан Терьян в своих письмах к великому писателю.

24 июля 1928 года Горький выехал из Тбилиси в Ереван. 25-го прибыл в Кировакан (сегодня – Ванадзор), оттуда проехал по Дилижанской долине и к вечеру добрался до армянской столицы – Еревана. По дороге он останавливается и общается с простым народом и интеллигенцией.

Подъезжая к Дилижану, Горький восхищается долиной, которую «горы обняли и охраняют <…> с любовью и нежностью живых существ»*, он отмечает, как изменилось настроение народа, недавно пережившего геноцид. Писатель передает яркий диалог своих спутников:

«Кто-то из товарищей сказал вполголоса:

Есть предположение, что путевой очерк об Армении Максим Горький писал не по горячим следам, а позднее, но не позже декабря 1928 года. В 1929 году он был опубликован в советском журнале художественного очерка «Наши достижения», издание которого инициировал сам Горький, став во главе. Следуя цели журнала освещать «достижения на фабриках и заводах, на полях, во всех областях науки, техники и культуры, в быту трудящихся», рассказывать «о наших достижениях широким массам рабочих и крестьян в живой и доступной для понимания форме», Горький пишет об Армении: «Да, Армения бедна, но уже отличная силовая станция украшает Эривань, силою ее работает завод, очищающий хлопок, масляный и мыльный заводы, богато освещен город. Энергично идет стройка жилищ для рабочих, два больших корпуса уже заселены, всюду чувствуется смелая рука умного хозяина, и движение в городе носит характер движения накануне большого праздника».

В книгу избранных художественных очерков русских советских писателей об Армении «Глазами друзей», которая вышла в 1967 году в ереванском издательстве «Айастан», очерк вошел под условным заглавием «В долине Делижана», по первым словам произведения. Сам писа-

– Много здесь турки перебили армян.

– Ну, что же вспоминать об этом в такой красоте, – ответили ему».

И все же «на красоту ее неустрашимо падает мрачная тень воспоминаний о недавнем прошлом», «меньше всего лирически прекрасная долина Делижана должна бы служить рамой для воспоминаний», – Горький описывает природные красоты Армении, напоминая при этом об очевидной мрачной тени воспоминаний о недавнем прошлом. Он выделяет драматический образ армянского народа, который еще совсем недавно перенес столь трагические события, автор восхищается большими успехами армянского народа в экономической, образовательной, литературной, культурной сферах.

* Глазами друзей. Сост. Авакян Р. – Ереван: Изд-во «Айастан», 1967. – С. 3.

тель не дал очерку заглавия, как и другим путевым заметкам по союзным республикам. В собрание сочинений Горького очерк об Армении вошел в первую часть серии его очерков «По Союзу Советов».

Очерком об Армении Горький продолжил традиции, заложенные Пушкиным, и показал пример советским писателям: через год, в 1929 году в Армению совершили путешествия еще два писателя – Николай Тихонов (правда, для него это была вторая поездка, первая – в 1924 году) и Вольф Эрлих, которые отразили образ Армении и ее народа в своих очерках: «День открытий» (Тихонов) и «Алагезские рассказы» (Эрлих), а в 1930 году в Армении побывал Осип Мандельштам, посвятивший стране очерк «Путешествие по Армении» и поэтический цикл «Армения».

В 1934 году Максим Горький принимает решение посвятить специальный номер журнала «Наши достижения»

Армении. Незадолго до этого республику посетила группа таких советских писателей, как Иван Катаев, Николай Зарудин, Семен Гехт. Их очерки – «Голубой Севан» и «В стране семи вёсен» Катаева, «Наш друг Ованим Петросян» и «Когда цветет виноград» Зарудина, «Архитектор» Гехта – вошли в 9-й номер журнала «Наши достижения» за 1934 г.

Посыпались отклики многих мастеров армянской литературы, среди которых душевными воспоминаниями о встречах с ним делился Дереник Демирчян – один из классиков новой армянской литературы. Он вспоминает его высоким, костлявым, с длинными руками, одетого в простую серую одежду, деловито шагающего и смотрящего уставшим, тяжелым взглядом. При этом видит в нем приятную мягкость и легкость, присущую лишь человеку духовно культурному, настоящему человеку.

Максим Горький имел большой круг армянских знакомых и друзей, не только из литературной среды. Среди них есть и музыканты, и художники, и актеры, среди ко-торых можно выделить классика армянской музыки Алек-сандра Спендиарова. Первое их знакомство произошло в 1902 году в Ялте, где писатель прочел свою поэму «Рыбак и фея», которой воодушевил Спендиарова. Знаменитый армянский композитор в Горьком отмечал прежде всего желание найти в каждом человеке личность. Он в каждом пытался найти человека, что было для него главной радо-стью. Для этого у Максима Горького были все предпосыл-ки: «всепокоряющая простота, деликатность и нежность в обращении». При этом хочется отметить, что Горький в процессе общения с разными творческими людьми совершенствовался и сам. Так, Горький, которого сложно назвать стихотворцем, создал поэму «Рыбак и фея», которую именно Спендиаров превратил в балладу (в исполнении Шаляпина).

Общение двух ветвей культуры, безусловно, обогаща-ло их обоих – позволяло формировать передовые взгляды, разрабатывать те или иные темы в творчестве.

В заключение хотелось бы отметить, что Армения и Россия достаточно длительный промежуток времени яв-

ляются союзниками на Кавказе. Но взаимодействие двух стран не ограничивается только геополитическими ин-тересами. Прежде всего это взаимодействие культурное. Многие армянские артисты являются любимцами совре-менной российской публики, но это не было бы возможно без участия российских писателей и поэтов в начале XX века в процессе взаимного проникновения двух культур.

И среди всей творческой интеллигенции, обращавшей-ся к теме Армению и ее культуры, выделяется фигура Максима Горького, который не столько описывал красоты Армении, сколько популяризировал армянскую литера-туру в России. Чтобы измерить вклад Максима Горького в армяно-русские культурные отношения, процитируем самого писателя: «История человеческого труда и творче-ства гораздо интереснее и значительнее истории челове-чества – человек умирает, не прожив и сотни лет, а дело человека живет века».

В армянском городе Вагаршапат (он же – первоспре-стольный святой Эчмиадзин) школа № 5 носит имя Алек-сея Максимовича Горького, в Ереване по адресу: улица Алека Манукяна, 3 установлен бюст писателю, на улице Хачатура Абовяна, 10 висит памятная доска, что в этом доме в 1928 году останавливался великий русский писа-тель Максим Горький, а в музее Ереванского коньячного завода посетителей встречает доска с цитатой из писателя: «Наверное, гораздо легче подняться на гору Арарат, чем из подвалов “Арарата”», датированная 1928 годом.

ПОЭТЫ-СОРМОВИЧИ –

ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО ЗЕМЛЯКА

Алексей Максимович Горький в детстве, после того как сго-рел дом деда Каширина, некоторое время жил в Сормове. Его отчим работал на Сормовском заводе и забрал к себе будуще-го великого русского писателя вместе с матерью и бабушкой. В книге «Детство» это отображено довольно скупо. Но благо-даря именно этому впоследствии Горький написал великий роман «Мать», что даёт право сормовичам считать писателя своим земляком. Эта подборка стихов сормовских и нижего-родских поэтов, и живущих ныне, и ушедших, о Горьком и его связи с Сормовом.

Николай СИМОНОВ,

руководитель сормовского литературного

объединения «Волга»

Виктор АВДЕЕВ

Набат Сердца

Жизнь была ему с
рожденья нелегка,
Лишь порой
врывались радостью
весенней Ласка
матери да пляска
Цыганка, Сказки
бабушки да птиц
лесное пенье.
Унеслось скупое
счастье этих дней:

В люди изгнанному радостей не будет.

Если б не было у мальчика друзей,

Он, наверно, никогда б не вышел в люди.

Хороши вы, книги, верные друзья!

Припадая к человеческому слову,

Словно жажду утолял он из ручья,

Словно зрячим становился из слепого.

Он читает при свече и при луне,

Поклоняется Толстому и Флоберу,

И хозяйские занозы на спине

Угасить не могут в будущее веру.

Он запомнит, заклеймит тот страшный быт, Чтобы мы к мещанам ненависть питали. Не за это ль был нещадно в детстве бит Гордый юноша, что стал на пьедестале? Он вознёсся – нашей правды торжество, Как герой, по-настоящему народен.

Нет, не зря набатом сердца своего

Призывал людей он к свету и свободе.

И недаром на любом материке

Слово Горького – стоусто и стооко.

В каждой фразе, в каждой огненной строке Бьётся сердце гуманиста и пророка.

И на что б враги народов ни пошли –

Трудовое человечество – несметно.

За трудящимися – будущность земли,

Потому и слава Горького бессмертна.

Борис КОПЫТОВ

В тот день на Ковалихе

Плавил март последние снега.

Звон гудел – к вечерне у Варвары.

У каширинского флигелька

Бабы разводили тары-бары.

– Ноне, в самый, бабоньки, обед

Парень, слышь, у Пешковых родился…

Уж не знай, как примет его дед?

Крут старик… Наверно, взбеленился…

– Поделом и муки: не ходи

Против воли батюшкиной замуж.

– Норовят всё по любви, поди.
Нет бы старых слушаться… Куда уж!
Только бабка, добрая душа,
Перейдя порог, перекрестилась:
– Чай, младенец наш не от греха…
Дай ему господь ума и силы!
…Слава богу, внук был не в родню
(Разве только рос горластым в деда),
Подымался ото дня ко дню
Будущий великий непоседа.
Рос он не по дням, а по часам…
А в тот день, напористо и лихо,
Он уже подкрикивал грачам

На мещанской старой Ковалихе.

Николай СИМОНОВ

Алёша Пешков – сормович!

Трещали бревна от огнища
И стекла вылетали прочь …
Семья стоит на пепелище
И проклинает эту ночь.

Сгорел твой домик, дед Каширин …
Стекают слезы по усам…
Но я смотрю на вещи шире –
Стал земляком мне Горький сам!

Стал сормович он, между прочим,
Пошел совсем в другой народ.
На Сормовском заводе отчим
Работал уж который год.

Завод гудел, дымил и строил,
Здесь мастерства не занимать,
А Горький тут нашел героев
Для своего романа «Мать».

Здесь, в Сормове, под Нижним градом,
Рос революций грозный вал.
И Павел Власов жил с ним рядом –
Так он Заломова назвал.

Алёша, это между нами.
Был парень дерзкий, сам такой –
Не раз он дрался с пацанами
На старой Узкозаводской.

Жаль, Сормову он в книге детской
Лишь три страницы посвятил,
Но он по Александро-Невской
И по Большой не раз ходил.

Он видел бедность, труд и горе,
Он видел, как живет народ
И через дырочку в заборе
Ходил на Сормовский завод.

И сам я сормовской породы,
И мной родной район воспет,
И я на этом же заводе
Тружусь уж сорок с лишним лет.

И я, покуда ходят ноги,
И с головой пока дружу,
Вдоль Сормовской Большой дороги,
По тем же улицам хожу.

Сквозь толщу лет проникнуть взглядом
Не хватит силы у меня,
Но знаю я, что где-то рядом
Тогда жила моя родня.

* рад такому вот соседству,
И я кричу, и звонок клич!

Пусть знают все: – Был в годы детства
Алеша Пешков – сормович!

Юрий СИМОНОВ

Алёша Пешков

Пешков уходит по Руси,

Чтобы назад вернуться Горьким!

Виктор Авдеев

По Руси Алёша Пешков
Исходил немало вёрст,
Обстоятельно, без спешки
(Парень только с виду прост).

Уходил ещё парнишкой –
В мир стремился поскорей.
А в котомке только книжки
Да немного сухарей.

Он в степи встречал рассветы,
Не жалел в работе сил,
Жизни университеты
Он в скитаньях проходил.

Не шагал по жизни пешкой –
Ждал парнишку пьедестал.
Уходил Алёша Пешков,
Возвратился – Горьким стал.

Александр ФИГАРЕВ

Сердце Данко

…Сколько лет это сердце топтали
И никак не могли растоптать.
Красным знаменем сделать пытались –

Солнцем сердце всходило опять.

Будут ночи забвенья и стужи,

Только сердце прорвётся сквозь тьму.

Отраженье его даже в луже

Растоптать не дано никому.

Друзьям-поэтам

Мне Сормово корабль напоминает.

И светлой ночью, кажется, вот-вот

Вдруг загудит, как будто отплывает,

Отчаливает каменный завод.

А Волга берег волнами ласкает, Нам светит путеводная звезда.
Завод с ладони твёрдой выпускает Как белых птиц, крылатые суда.

«Сормовичи – они народ особый,

Огнеупорный твёрдый матерьял.

Сердца и руки самой высшей пробы!» –

Не раз вот это Горький повторял.

Писателя внимательно читают,

И, хоть он жил ещё подростком тут,

Рабочие его своим считают

И попросту Максимычем зовут.

И нём сегодня говорят поэты, Что
из цехов раздумья принесли.

В их строчках пламя плавки и рассвета,
Глаза любимых, красота Земли.

Чтобы сердца руки не устали,

Сияют ярче радуги стихи.

Здесь слово честное, пожалуй, крепче стали, –
Слова любви, как ручейки тихи.

Поэтический конкурс им. А. М. Горького

«Человек – это звучит гордо!» – девиз поэтического проекта, посвя-щенного 150-летию со дня рождения А.М. Горького на «Радио России Ниж-ний Новгород», филиала ВГТРК ГТРК

«Нижний Новгород». На адрес «Радио России» от нижегородцев приходили сотни писем со стихами, которые звучали в еженедельной утренней программе (автор и ведущая – Н. Михайлова). В марте этого года были подведены итоги конкурса. В жюри входили известные нижегородские литераторы, в том числе председатель жюри лауреат многих престижных литературных премий Д. Бирман, главный редактор издательства «Кириллица» М. Шкуркин.

Представляем стихи победителей.

Номинация «Человек – это звучит гордо!»

Вячеслав КАРТАШОВ

Русское слово

Усталости злые оковы
надела на жизнь суета.
Чу… слышится Русское Слово
из ветром побитого рта.
В том слове надежда и горечь.
Но русской словесности ствол
рубил не однажды под корень
чужой, иноземный глагол.
Но вновь,
словно Феникс из пепла,
ростком из отжившего пня,
оно возрождалось и крепло,

всё яростней день ото дня.

Давая усталым отдышку,

давая надежду живым…

Мы Словом и мыслим, и дышим,

мечтаем, ликуем, творим!

Владимир КОЛЧИН

Время

Мы торопим время. Это зря.

Время ни при чём, так вот по чести,

Можно, даже время торопя,

Пребывать на том же самом месте.

И опять, невесть в который раз

Сам себе твержу для разогрева:

«Время не работает на нас,

Это мы работаем на время».

Пощадите время господа

От растрат никчемных, кто не знает,

Время истекает иногда,

Навсегда не оставаясь с нами.

Номинация «Верность русскому слову»

Ирина ДРУЖАЕВА

Городец, Нижегородской области

* * *

Серой сетью облака небо занавесили.

Бледной рыбой свысока просвечивает сквозь рваный невод туч жёлтая Луна.

В её призрачном свете все окружающие предметы: дома, заборы, кусты, деревья обретают иные очертания и отбрасывают длинные бесформенные тени.

В обволакивающей тишине даже крадущиеся шаги по песчаной дорожке отдаются в голове гулким эхом. Кажет-ся, что кто-то идёт следом и пристально смотрит в заты-лок, заставляя оглянуться.

\endash Поэтический конкурс им. А. М. Горького

Никого. Лишь ночь, тишина и попавшая в сети грустная лунища.

При полном безветрии вдруг потянуло по земле влажным холодком.

От ручья, из низины по пологому лугу медленно ползёт вверх, стелется и колышется голубовато-серая бесформенная масса. Она двигается с едва уловимым шорохом.

Туман, словно живой, извивается, вздыхает и что-то шепчет.

Он ползёт тихо, но упорно, обтекая препятствия, остав-ляя на них тающие сизые клочья, протягивая во все сто-роны призрачные щупальца, словно цепляясь ими за каж-дый выступ, травинку, веточку, скрывая всё под своей непрозрачной подвижной пеленой…

От его неуклонного движения, шорохов и вздохов пробегает по спине холодок. Серая медуза тумана обволакивает ноги и двигается дальше, оставив посреди дрожащего живого покрывала.

От этой скрывающей поверхность массы закрадывается в душу страх и трудно сделать первый шаг. Туман словно не хочет отпускать из себя то, что захватил в своё серое тело.

Он цепляется за ноги, за одежду, отрывая от себя полу-прозрачные лохмотья.

И медленно отступает, словно сожалея об упущенной добыче…

Постепенно отступает и ночь…

Медленно светает. Лёгкий свежий ветерок прилетает из-за леса.

И пелена тумана испуганно съёживается под его дуно-вениями, расплёскивается брызгами и клочьями и пятится, опускается назад, в низину, к ольховым зарослям, к журча-щему ручью. И, словно опечаленный этим уходом, туман оставляет после себя повсюду чистые капли слёз…

Из разорванного ветерком облачного невода уплывает бледная рыба-луна.

А восточный край горизонта окрашивается розовым светом. Эта алая кайма всё расширяется и поднимается ввысь.

А потом вспыхивает слепящими солнечными лучами.

с весь луг, и кусты, и деревья, заплаканные туманом, вспыхивают, искрятся и переливаются бриллиантовыми каплями слёз-росинок.

Рассвет гонит прочь остатки тумана и ночных страхов. Солнце взошло!

Дмитрий ТЕРЕНТЬЕВ

* * *

Мы леса вырубаем под стройки,
Под шоссе вырезаем луга.
Превращаем, простите, в помойки,
Заболоченных рек берега.
В парках больше не веет прохладой,
Дым шашлычных в аллеях застыл.
Прорастает серебряный ландыш
Через пластиковую бутыль.
Мы бесстрастны – природе по силам
Не погибнуть от нашей руки…
Льются горькие слезы России,
Обвиненьем – её родники.

Номинация «Слово»

Григорий СОМОВ

Чкаловск, Нижегородская область

Прописные истины

Хоть немало в мире безобразия,
И порой в смятении душа,
Жизнь во всём своём разнообразии
Всё же, безусловно, хороша.

Лишь бы от людей не прятать взгляда,
Видеть чью-то как свою беду,
Честно жить, а это значит – надо
Быть всё время с совестью в ладу.

Передав её в наследство детям,
Надо так пройти земной свой путь,
Чтобы о тебе на этом свете
Добрым словом вспомнил кто-нибудь.

Софья АЛЕКСАНДРОВА

Домик Каширина и далее

Приземистый одноэтажный дом.
В углу за печью светятся иконы.
Так принято – с усилием, с трудом –
Работать, жить, в согласии с поконом
Плести судьбу, как кружево плела
Улыбчивая бабка Акулина;
И Сергиевской церкви купола
Круглились, будто ягоды рябины;
И высилась Гремячая гора;
Произрастали прутья новых розог;
По Ковалихе младший столяра
Бежал куда-то – босоног и розов;
Холера, оспа… Что его спасло?
Искромсанные жития и святцы?
Стремление существовать назло,

Как говорил он сам, «не соглашаться»?

Почтовый съезд. Одноэтажный быт.
Сквозняк волнует простыню худую.
Горбатый город. Здесь всегда знобит,
Болит, горчит и отовсюду дует.

Номинация «Открытие»

Ольга КОСОВА

Кстово, Нижегородская область

Возвращение

Знакомая до трещинок дорога
Проводит до заветного крыльца,

Где, яблоки рассыпав до порога,

Ждут терпеливо сад и дом жильца.

Слепые окна дома, как глазницы,

А паутина – как седая прядь,

Но сердцем вижу я родные лица,

И чудится, в окне мелькнула мать.

и волненьем, торопясь, открою двери. Луч солнца на стене, как лампы свет, И я уже почти готова верить, Что ждут меня здесь те, которых нет.

Всё так же на стене висит гитара,

Коснусь струны – и зазвенит, дрожа.

Играл отец, высокий, сухопарый,

Да так, что слушали, едва дыша.

Когда волненье схлынет, понемногу

Займусь делами: круговерть, поток…

Вернулась, дом родной мой, слава богу.

Ты – воздуха живительный глоток.

Номинация «Народное признание»

Александр МАКАРЫЧЕВ

* * *

Два ангела: черный и белый

Идут неотступно со мной.

Два ангела: черный и белый

Следят за моею спиной.

Ждет, чёрный, неверного шага

И в спину толкает: пади,

Но белый спасает: не падай:

Иди потихоньку, иди.

Так будет до самой могилы,
По правде идти и по лжи;
Но шагом последним и силой,
Любви и добру послужи.

Иллария ШАДРИНА

* * *

Уходя, не старайтесь забыть,
Все, что было когда-то вам дорого,
Постарайтесь любовь сохранить,
Избегайте решения скорого…

Уходя, постарайтесь простить
Тех, кого вы по-прежнему любите,
Может, вам не дано вместе быть,
Так зачем время попусту губите…

Уходя, пожелайте добра,
Никуда ваша гордость не денется,
Наша жизнь – не простая игра:
Все не раз и не два переменится…

Уходя, не сжигайте мосты,
Наше прошлое – часть настоящего,
Бойтесь в сердце своем пустоты,
И любя, ждите дня предстоящего.

Российский бард-фестиваль «Музыка сердец»

Российский бард-фестиваль «Музыка сердец» ведет свою историю с 2012 года. Фестиваль проводится на подмостках Дома культуры пансионата «Буревестник», что на Горьков-ском море, дважды в год. Аудитория фестиваля, а это около семисот человек, благодарно помнит творческие встречи с Александром Городницким, Сергеем Никитиным, Тимуром Шаовым, Александром Дольским и другими ведущими бар-дами страны. Поэтическую секцию фестиваля в разные годы возглавляли Вероника Долина, Вадим Егоров, Владимир Виш-невский, Вадим Жук, Юрий Ряшенцев.

Здесь представлены стихи лауреатов и дипломантов XII бард-фестиваля «Музыка сердец», прошедшего в апреле нынешнего года.

Анастасия ФРОЛОВА

Суздаль

* * *

Бывают такие дома:
В них люди живут,
А пусто.
Музыка не слышна,
Свечи не жгут,
П у с т о.
Ни ласкового разговора,
Ни брани –
Только хлопают двери
И тарелки
Сами
Становятся грязными.

* * *

в сухой колодец кот наплакал,
А люди с вёдрами пришли...

Несла бидон невеста дьяка
Цистерну вёз китаец Ли,
Младенец взял пустую кружку,
Две бабы таз приволокли.

в сухой колодец КОТ наплакал
А люди с вёдрами пришли.

* * *

Звезды в небе появлялись,

Стыли теплые ветра,

Человечки собирались

У лимонного костра.

Ставили в огонь кастрюли,

Руки грели так и сяк,

Важно восседал на стуле

Главный между них рыбак.

Он поймал сегодня щуку

Ростом с целом коня,

Карасей размером с руку

И большого окуня.

В огонь пылал сильнее,
Приготовилась еда

а. Человечки рядом сели,
Стали есть плоды труда.
Так позвякивали ложки,
Чайник тихо закипал.

На свету клубились мошки
И один из них сказал.

– Человечки, чем мы вечны?
Тем, что есть вода и хлеб?

Тем, что рыбу ловим в речке?

Тем, что солнце дарит свет?

Или тем, что мы сердечны?

Тем, что есть у нас душа?

Промолчали человечки.

Рыбу ели не спеша.

* * *

Лев Сергеевич спал притворно,

как спят подо льдом реки.

То щурились, то вздрагивали

полузакрытые веки.

Льву Сергеевичу пять

Лет. И по праву такому.

Его отправили спать

В половине восьмого –

Как ни был старателен он в убеждении

И как ни пытался сказать:

За окнами темными всё воскресенье

Снежные птахи учились летать!

То туда, то сюда мягким клювиком трогали Заиндевевшее стекло.

Стая белая над сугробами

Разучивала крыло.

Лёва радовался их знакомству,

Хлопал в ладоши с подоконника.

Птахи улыбались ртами звездными

Маленькому поклоннику.

Мама звала Леву ужинать

Лева кушать не стал.

Он бы ещё этак дюжину

Лет у окна простоял.

Но уже через полчаса,

Было объявлено – спать.

Лева заплакал в три голоса

И попросил подождать.

Лёва в нетерпении рассказал родителям,

Дернул занавеску, пальцем указал,

А они как будто ничего не видели –

Мама улыбалась, папа в кресле спал.

Наш герой нахмурился,

Глубоко вздохнул

И на чудо-улицу

Ещё раз взглянул.

Плыли птахи снежные,

Голову склонив.

Помахали вежливо

Попрощались с ним.

Лев Сергеевич

Спал притворно.

Как реки спят подо льдом.

И щурился, и вздрагивал,

Поворачивал лбом.

Завтра он встретит опять

Свою снежную стаю.

Льву Сергеевичу пять.

Лет.

Он верит.

По этому праву

Они прилетают.

* * *

Мы движемся, забыты снами,

И в этот час, из года в год

Нас видят звёзды над домами,

Заглядывая в дымоход.

Мы движемся, обняв планету.

И вывевка на чердаке

Кружит, ложась на части света,

Оставив отсверк на руке.

* * *

Недоволен старый

Старостью.

Недоволен юный

Юностью.

Недоволен малый

Малостью.

Да доволен глупый

Глупостью.

Надежда СОЗИНОВА

Ветлуга

* * *

Давит на голову каменный потолок…

Что же ты, сволочь, белый такой и гладкий?
Кто в эту комнату ночью меня приволок?
Чашка какао на столике... и не сладкий.

Значит, следил, предпочтения узнавал.

Господи боже, кому-то сдалась такая...

Помню, бежала, так сильно, потом провал,
И две больших руки волокут от края

Выпусти! Слышишь? Выпусти, говорю! Я здесь была, я вспомнила. Да, прикольно Хочешь меня без чувства? Бери. Дарю. Ты не стесняйся, это почти не больно...

Это как будто киль прорубает лёд

Мощный, конечно, сильный и всё такое.

Глухо внутри, на любови уже не прёт,

Делай своё, отпусти и оставь в покое.

Не испугаешься призраков в голове?

Прошлое в изобилии их доставит.

Доктор, а есть ещё козыри в рукаве?

Выпусти... мне ничто уже мозг не вправит.

* * *

\endash тебя, как настойку из тысячи трав, Буду пить осторожно, смакуя по капле, Без иллюзий, надежды, законов и прав,

Без любви, без тепла. Ты так хочешь? не так ли?

Здесь идти до тебя по причинам из дней

Тех, в которых я в жизни ещё не бывала.

Ставлю ноги на кромку и, стоя на ней,

Как всегда прячу голову под одеяло.

Не суди, не
решай за меня,
как мне быть.
Ты веками
мудрей и на
жизнь
прозорливей. Но
внутри живёт та,
что умеет не
выть Оттого, что
нельзя её
сделать
счастливей.

* * *

Так сегодня пахнет морем,

Солнцем рыжим, дном песчаным...

Может, прошлое зашторим,

Да и бог с ним окаянным?

\endash с
м
о
г
у
,
д
а
ч
т

о мне стоит – В сотый раз по
проторенной Мне надежда
мостик строит, Видимо,
заговоренный...

Заскрипит сомнений щёлка

«Стой, дуреха, рухнешь снова!»

Да заткнись ты, богомолка,

Всё и так уже хреново.

Зубы сцеплены рефлексом

Ампутаций без наркоза,

И любви во время секса

Впечатляющая доза...

Нет картинок, смежу веки

Пусть привидится лавстори

Небо, солнце, человеки

И опять запахнет морем...

* * *

Что-то треснуло, надломилось, оборвалось вновь
Между левым и правым разницы нет совсем

Оглушительно капая просится время в кровь Оставляя так много мной не решенных тем

Как могу, как умею расшатывая сустав Прохожу эти квесты жизненный строя фланг Я почти что никто, и почти что никем не став Не сгибаю спины перед теми кто выше в ранг

За плечами давно годы брошенных мной камней Время сбора маячит пламенем впереди Валунами раздавлена грудь, но ещё больней Оттого что всё знаю, но... не могу идти...

* * *

и помню, море берег целовало И неба край развешивал закат,
И женщина на пристани стояла, Обняв руками своих плеч покат...

Глазами в даль, с набросками на веру,

С надеждами на «будет» и «придёт»,

Отмеривая всем за мерой меру,

Выписывая всем за счётом счёт.

а ультрафиолет не жёг ей кожи,
Душа трещала, покрываясь льдом...

Она мечтала стать на жизнь моложе, – Не там, не с тем войти в свой первый дом.

165 обмен на жизнь с изгибами вопроса, На мягкость гуттаперчевых вершин, – Никто не скажет правил переноса Из жизни А в жизнь Б холодных льдин.

* * *

167 к тебе со своими рассветами,
Как на край расколовшихся льдин.

168 к тебе со своими сонетами
Утлой лодочкой средь бригантин.

Тонкой веточкой среди прутиков,

С узелком небогатых опытов,

Среди громко кричащих путников

Позову тебя нежным шепотом...

Проливается сок берёзовый

На изломы судьбой затёртые,

По губам... словно пепел розовый,

Руки в стороны распростёртые.

Грудь дождинками наполняется

Не пугает уже прошедшее

И душа не болит, не мается...

Я люблю! (твоя Сумасшедшая)

Андрей АНДРОНОВ

Павлово

Ага...

Полгода мне не снилась, и ага:

Вдруг воду разорвали берега,

Дно памяти открыто, боль нага,

Крошатся половинки пирога.

С ты из недр с русалочьим хвостом, А я никто, по-прежнему, никто!

Не Стинг, не Огден Нэш, и не Платон,

С миллион не выкачу на кон.

Всё на работу, нехотя, брожу,

Как сонный неуклюжий майский жук.

Ворчлив, немногословен поутру,

И не поеду «стопом» до Перу.

Так для чего ты милая пришла

Опять – обворожительна, мила?

Дрожат чешуйки, словно хрустали,

И, кажется – лишь руку протяни...

* * *

крупные капли дождя будят голос карниза

странно – к воде не идя, я не дождался прилива

берег возле меня временем только облизан

волны, молчанье храня, катятся неторопливо.

ну, а теперь что – пойти вслед за упрямой водою?

ждал тут до тридцати и вдруг в погоню сорваться

а если осталось чуть-чуть и поездом море завоет

и принесет, что хочу, без пересадочных станций?

но умные люди, сломав композицию

сказали – ты перепутал море,

море не колосится, а колосится пшеница

но в поле надо работать, а это не сочинять

зерна важны сегодня

их можно потрогать, понюхать,

собрать и даже отнять.

а что с твоих строчек взять?

скажет когда-нибудь зять

жене: твой папаша все же чудной
старик! ну зачем хранить столько старых
книг? и он помнит, чем славится Моби
Дик, но опять забыл оплатить квартиру.
пусть возьмет гарпун, пойдет в ЖКО
будет польза реальная от него, а не
только стенания на бумаге...

вы хотите купить не седан, а багги?

никаких сидений греющих зад

этот гряземестительный агрегат

есть машина, раздетая догола

создает дорогу там, где прошла

ах, конечно, нам всем интересна суть

выжата, подкрашена, зажевана чуть

этот козырь кладет любой обормот

шах и мат! обыватель теперь пилот

и не надо громить о столбы костей

и незачем сплевывать в траву песок

право дело – был бы я поумней

эту фишку просек и глупость пресек…

но умчались музы, мозг просолив

или сильно книгой попали в лоб

жду на поле пшеничном морской прилив.

описать ожидания тщетность чтоб.

Далекое – близкое

Александр КРАМЕР

Любек, Германия

«МЫ ЧТО, ЗДЕСЬ ВСЕ И... УМРЕМ?»

Фрагменты немецкой жизни

Немки -старушки, в большинстве своем, невысоко-го роста, худенькие и хрупкие; за покупками они ходят в старомодных причудливых шляпках, строгих темных платьях, кружевных перчатках и низких туфельках с ту-пыми носами... Увидишь – невольно улыбнешься их ми-лому, отжившему век свой аристократизму. А поглядишь, как такая старушечка , в чем только душа держится, бо-дро крутит педали велосипеда , – и только диву даешься да завидуешь по-хорошему. А как они доброжелательны и любезны, отзывчивы и деликатны... Прелесть просто, какие старушки.

Однажды стою я на остановке, жду автобуса, а рядом со мной стоит типичная такая, преклонного возраста изящ-ная фрау; она только что вышла из универсама напротив и держит в руках небольшую стопку баночек с «Педигрипа-лом», кормом собачьим. Стоим мы себе совсем рядышком, солнышко весеннее светит, птички чирикают... Благодать! И оттого мы не просто стоим, а переглядываемся и изред-ка улыбаемся друг другу, делясь таким образом весенним своим настроением.

Тут подходит, не торопясь, к остановке матрона вальяжная – кустодиевских габаритов, широко за бальзаков-ский возраст шагнувшая – останавливается с нами рядом, видит, как мы замечательно улыбаемся, и становится ей, вероятно, завидно. Но вместо того чтобы вместе с нами поулыбаться и не портить словесами пустыми тишину ве-сеннего утра, поворачивается она к старой женщине и с нашим акцентом, который ни с каким другим нельзя пере-путать, важно так спрашивает:

– Haben Sie Hunger? (Вы голодны?)

Дело в том, что в немецком языке слова Hunger – голод и Hund – собака – немного похожи; и вопрос о том, есть ли у вас собака, звучит так: Haben Sie einen Hund? Види-те, как похоже! Особенно если учесть, что артикли (einen) наши не произносят совсем – непривычно.

Несчастная бабушка, услышав столь странное предположение, просто подпрыгивает на месте, на лице у нее появляется выражение странно-обиженное, просто непередаваемое... Матрона же, не дождавшись ответа (нет бы увидеть, что что-то не так происходит), вопрос свой опять повторяет, да с напором, погромче (старуха же, может, не слышит):

– Haben Sie Hunger?

У старушки на глазах от обиды появляются слезы, и она, не в силах выслушивать дальше подобные инсинуации, торопливо семенит прочь от болтливой нахалки, а кустодиевский персонаж недоуменно разводит руками и в порыве простодушно-равнодушного негодования воскли-цает в пространство: «Вот ведь дура какая!»

* * *

Сегодня ей во что бы то ни стало надо было отметить-ся на бирже труда! Иначе плакала четверть пособия, и так не слишком большого. Однажды она уже это проходила, и наступать снова на те же грабли никакого желания не было. Вот только куда же девать малыша, ведь там часами можно сидеть. Ведь часами!

Ну что ж, придется на этот раз взять Женьку с собой.

Другого выхода нет.

Она оторвала талончик и в ожидании, когда на табло над дверью загорится их номер, посадила малыша на ко-лени и стала читать ему книжку.

Женька вначале вел себя смирно, слушал внимательно сказки, играл с газетами, разложенными на низком столи-ке... Но чем больше времени проходило, тем раздраженней и неуправляемей становился мальчишка. К середине вто-рого часа он уже очень сильно устал и начал, как говорят у нас на Украине, казиться.

Чиновнице не повезло. Пик раздражения малыша сов-пал с вызовом мамы к ней в кабинет. Ребенок уже ни ми-нуты не мог усидеть на месте, хныкал, злился, вырывался из рук, не давал разговаривать... Мама, увы, еще понимала немецкий неважно, а малыш ужасно мешал, все внимание уходило на то, чтобы как-то с ним сладить, какое уж тут понимание!

Обычно в заведении этом изумительно тихо, а тут безобразие такое творится! Чиновница – тощая белобры-сая дама лет сорока – раздражалась все больше и боль-ше, и от раздражения лицо ее становилось все краснее, а речь все громче, быстрее и непонятнее, и несчастная мама в конце концов вообще перестала что-либо соображать и, естественно, отвечать, сосредоточившись полностью на неугомонном ребенке. А тот гибким движением выкру-тился внезапно из рук, соскочил с колен и стал носиться, как ненормальный, вокруг стола, вопя и сбрасывая попе-ременно на пол то письмо, то ручку, то папку...

И тут произошло нечто неправдоподобное! Чиновница, поняв, вероятно, что дальше будет лишь хуже, внезапно взяла себя в руки, успокоилась и... перешла на вполне удо-боваримый... русский язык. После чего все уладилось в считанные минуты.

* * *

Начну с того, что за маленькую зарплату работать в Германии сегодня невыгодно. Выгодно в этом случае не работать совсем. Если зарплаты на полноценную (по здешним понятиям) жизнь не хватает, то соответствующие

государственные органы до уровня полноценной жизни доплачивают (оставляя вам, впрочем, скромный прива-рок, чтобы не было окончательно несправедливо), а если вы совсем не работаете, то просто платят за все: квартиру, медицинскую страховку, лекарства, карманные расходы...

Даже ежемесячный поход в кино и подарок близкому родственнику пособие социальное учитывает. И это – до кон-ца вашей жизни. Впрочем, желающих разлюли малиной немецкой полакомиться немного совсем. Соблазнов здесь предостаточно, а пособие – все же только пособие, да и статус социальный, честно сказать, не очень приятный.

Мы живем возле самого Балтийского моря. Совсем рядом – знаменитый немецкий курорт Травемюнде: трид-цать минут на электричке или в автобусе – и вы на пляже. Однако пляжи все платные и дорогие отменно. Неважно. В конце замечательной набережной есть местечко под солнцем для тех, у кого денег не густо. Мы между собой называем это место «русской поляной». Нет, здесь, конечно, не только «русские», но их всегда много, отсюда название.

А поляна роскошная, огромная, на зеленой подстриженной травке можно в мяч или в бадминтон поиграть на солнышке, а под старыми липами от того же солнца укрыться. Через набережную скоренько перебежали – и бултых с пирса в балтийские волны... Благодать.

Однажды корреспондент местной газеты приехал на эту поляну в разгар рабочего дня и стал с простодушным видом подходить к отдыхающему народу и спрашивать, где народ шляпы такие оригинальные, необыкновенные покупает. Оказалось, что шляпки купили: на Канарах, Сици-лии, в Тунисе, Египте, Израиле... Один безработный даже на Кубе панаму себе приобрел. Замечательный репортаж получился, без комментариев. И я их давать не стану.

* * *

Господин Шнайдер господином не всегда назывался. Еще недавно совсем звался он просто Шнайдером Вячеславом

Борисовичем. Внезапное превращение в господина так сильно на него повлияло, что он еще в общежитии, где, пока не подыщут квартиру, живут эмигранты, в очередь с осталь-ными мыть полы в коридорах наотрез отказался, равно как и от другой какой деятельности, не подобающей его ново-му статусу; даже общаться со своими соземцами бывшими стал через губу, не считаясь с тем даже, что они теперь тоже вроде бы господа и ему, Шнайдеру, таким образом, ровня.

Впрочем, довольно быстро внутреннего ощущения оказалось Шнайдеру недостаточно совершенно, и ново-испеченный барин начал настойчиво изыскивать средст-ва внешнего воплощения своих притязаний, для чего стал одеваться хоть и на блошином рынке (фломаркте), но зато в одежду исключительно от лучших, знаменитейших фирм, купил себе хоть и старючий, потрепанный, но «мерседес» и так далее, и так далее.

Правда, очень скоро выяснилось, что и это не совсем то, что требовалось. Теперь ему сделалось крайне необхо-димым подтверждение окружающими его господинства, но именно это и оказалось задачей практически неразре-шимой для безработного эмигранта, чьи амбиции много-кратно превышают трудолюбие, терпение и способности. Но ни на что невзирая, Шнайдер, с упорством, достой-ным лучшего применения, искал выход из ситуации, каза-лось бы, тупиковой, безнадежной, бесперспективной и...

НАШЕЛ!

К тому времени, когда найденный теоретический вы-ход смог воплотиться на практике, прошло, примерно, лет пять эмигрантской жизни. Именно через это время Шнайдер и смог купить (не в сезон , а потому и, по мер-кам немецким, недорогую) путевку на крымский курорт. Он купил ее не как большинство отдыхающих на полу-острове, а за валюту, получил номер люкс в очень про-стеньком пансионате, явился при всем блошином параде пред очи пансионатской обслуги и стал ждать почитания и подобострастия.

Обслуга эта была еще при старом, советском ре-жиме воспитана и господином Шнайдером совершен-но манкировала. Однако Шнайдер, у которого времени

для осуществления плана было совсем-совсем мало, раз-вил просто бешеную активность... и много чего за корот-кое время достиг. Вот только свежий сок перед завтраком ему подавать отказывались. Наотрез. Потому что его про-сто не было. Шнайдер же понимать ничего не желал, ма-хал кулаками в кабинете директора, топал ногами перед шеф-поваром... и добился и этого. Наконец-то у него – од-ного-единственного – утром стоял на столе апельсиновый свежий сок. Но, вот безобразие, теплый! «Ну теплый же! Должен! Холодный быть! Очень холодный! Со льдом!», – он чуть не растерзал несчастную официантку и пить сок не стал демонстративно, не притронулся даже.

На следующее утро, только успел господин сесть за стол , из раздаточной показалась торжественная процес-сия: к его столику шли разодетые в ресторанный пух и прах три официантки цугом; каждая несла перед собой на подносе серебряном апельсиновый сок в высоком прозрачном стакане; подойдя к господскому столику, по-давальщицы низко Вячеславу Борисовичу поклонились и... грохнули перед ним на стол три стакана... с кусками апельсинового льда , в который сок превратился в холо-дильнике за ночь. Вы бы слышали хохот, сотрясший сте-ны столовой .

* * *

общежитии изредка собирались мы небольшими ком-паниями – человек по шесть-семь – поужинать, поболтать, выпить по капельке. За спиной у всех был недавний сов-сем переезд: невероятная нервотрепка, бесконечные уни-жения, горькие расставания... Нам хотелось от всей этой переездной дряни как-то освободиться, расслабиться. Вот мы от стрессов недавнего времени посиделками этими пу-стопорожними и избавлялись.

Так мы однажды сидели, кутили, в сотый раз дели-лись друг с другом приснопамятными впечатлениями...

173 вдруг Леночка – симпатичная маленькая толстушка среднего возраста – и говорит: «Ребята, мы что, здесь все и... умрем?»

с меня кусок в горле застрял... Смотрю, а все тоже при-тихли, друг на друга оглядываются. Секунды всего и ви-села напряженность печальная в воздухе, а потом в шутку как-то все обратили, растормошились, забалагурили – и кутеж дальше пошел. А во мне вопрос этот почему-то с тех пор засел и всплывает время от времени:

«Ребята, мы что, здесь все и... умрем?»

* * *

Они приехали из глухой казахстанской деревни – муж с женой и мальчик с синдромом Дауна. Муж в совхозе трак-тористом работал, а жена бухгалтером там же; и когда у них такой необычный, с азиатским разрезом глаз, ребенок родился, решил тракторист почему-то, что жена с предсе-дателем совхоза – казахом – ему изменила, со всеми выте-кающими из этого для жены последствиями.

Доказательств неверности жениной не было, разумеет-ся, никаких, но так мужика нелепое предположение про-няло, что уже ничьи доводы на беднягу не действовали. Даже когда местный фельдшер ему объяснил, что ребе-нок родился у них , к сожалению, больной, неполноцен-ный и болезнь эта лечению сегодня не поддается, что в нормальную школу ходить никогда не будет, что долго с болезнью такой не живут и разрез глаз у ребенка – тоже от этой болезни , из-за чего она раньше «монголизм » назы-валась, даже тогда ревнивец -тракторист не поверил, ре-шил, что председатель с фельдшером сговорились и хотят вокруг пальца его обвести. Но кое-что важное для себя он из беседы с медиком вынес: в школу ходить не надо, жить долго не будет. На основании этих сведений и при-нял решение дикое, невероятное просто: непонятно чьего ребенка (кому охота, чтоб в деревне над тобой насмеха-лись) из дома больше не выпускать, в дом посторонних тоже не пускать никого, ничему пацана не учить, ждать, когда окочурится. Точка.

Когда эта семья эмигрировала из Казахстана в Германию, мальчик-даун совсем большой уже был – лет четырнадца-ти-пятнадцати. Разговаривать он не умел, мычал только.

Ел руками. Вместо зубов изо рта черные пеньки торчали. На улице у него начиналась истерика, и он только в каком-нибудь замкнутом, не слишком освещенном пространст-ве успокаивался. На незнакомых людей, точно зверь, на-брасывался, мог покусать, исцарапать. При виде машин впадал в ярость неописуемую. В общем, был чем-то вроде Маугли, превратившегося в звереныша среди человече-ских особей.

В Германии не учить ребенка в школе запрещено. Даже если ребенок неполноценный. Даже если неполноценный, слепой и полностью парализованный. Нет никаких исключений! Во-первых, вы не будете получать от государства пособие – «детские деньги», а во-вторых, вас накажут, согласно гражданскому законодательству.

Поэтому после приезда дикий подросток-даун попал, наконец, в специальное учебное заведение. Каждый день за ним домой приезжал микроавтобус и забирал его в шко-лу, а вечером привозил обратно. Дело это было непростое и даже опасное. Пока его заводили, как быка упирающе-гося, брыкающегося и ревущего, в автобус и там ремнями безопасности к креслу пристегивали, семь потов сходило с шофера и помощника, много чего повидавших и умевших. К непростой этой операции хотели даже привлечь родного отца. Его, безработного, в штат обещали зачислить и зарплату платить, да он отказался.

С тех пор как я об истории этой узнал, три года прошло, и событие среди прочих в памяти затерялось. А недавно гуля-ли мы в парке, который находится на территории заведения для душевнобольных и одновременно городу принадлежит, и встретили сильно повзрослевшего, растолстевшего боль-ше прежнего дауна-переселенца – его нетрудно узнать было по длинному тонкому шраму на правой щеке. Он катил важ-но на взрослом трехколесном велосипеде с толстой сумкой через плечо; я окликнул его, поздоровался. Он остановил-ся, осклабился в фарфоровой улыбке и произнес важно и вполне членораздельно: «Их бин Зергей. Их арбайте хир. (Я работаю здесь)», – и покатил себе дальше.

К слову сказать, дауны до семидесяти лет теперь запро-сто доживают.

* * *

Мне почему-то кажется, что общие недостатки сбли-жают людей гораздо легче, чем их достоинства. Найдя в ком-либо кучу не присущих мне достоинств, я начинаю комплексовать и растерянно озираться. Я чувствую себя так, как должен себя, наверное, чувствовать дистрофик в компании борцов сумо.

Задолго еще до приезда в Германию я был уже наслы-шан о врожденной немецкой пунктуальности, напуган не-обычайной немецкой аккуратностью и педантичностью, а знаменитыми немецкими дорогами бредили все знакомые автомобилисты. «Никогда, – думалось, – никогда не удаст-ся стать естественной частью этого отточенного мира». Поэтому, когда на третий день по приезде автобус опоздал на 10 (!) минут, я гордо поднял голову и подумал, что все еще, может быть, не так плохо. А когда увидел, как мест-ные жители бросают окурки не в урну, а прямо на тротуар, понял, что все еще даже (!) может быть хорошо.

Я, конечно, скучаю. И, как водится, недостатки прош-лой жизни помню лучше достоинств. Наверное, для того и оставлен кусок исконной ухабистой русской дороги на самом подъезде к нашему дому почти на окраине города. Вечером, поздно, когда не видать уже из окна опрятных не-мецких домишек, я закрываю глаза, откидываюсь на спинку сиденья... Мое тело трясет, громыхая по кочкам, немецкий автобус, и кажется, что я – дома! И душа – отдыхает...

А недавно я ждал жену возле выхода из универсама и вдруг обнаружил дыру у себя на штанине. Бог весть от-куда взялась! Я присел на корточки и стал ее пристально разглядывать.

– Was ist? (Что случилось?) – раздалось неожиданно ря-дом, и худой темноглазый старик навис надо мною.

– Hier ist ein Loch (Здесь дырка), – заявил я печально, подняв к нему голову.

– Das ist ja toll! (Это же классно!), – расцвел вдруг в щербатой улыбке старик, и, салютуя оттопыренным боль-шим пальцем, нетвердо ступая, отправился прочь.

Аркадий ЖУРАВЛЕВ

Самара

КОРЮШКА

Светлой памяти моего отца посвящается

двадцатых числах апреля в Дудинке открывается сезон замечательной подледной рыбалки, когда плот-ные косяки корюшки устремляются из Карского моря в устье Енисея на нерест. Небольшая, но нагулявшая жир прожорливая рыба в эту пору клюет на все, что движется, блестит или имеет красный цвет. Корюшка идет числа до 10 мая, а потом исчезает до следующего года. Поэтому в эти две недели у рыбаков-любителей из Дудинки и Боль-шого Норильска настоящий праздник, к которому готовят-ся заранее и в момент, когда он наступает, боятся пропу-стить даже один день этой феерии.

Корюшка – небольшая рыбка размером с крупную се-ледку (длиной сантиметров до 30–35 и весом до 80–120 г), очень жирная в этот период и обладающая характерным запахом свежего огурца. В малосольном, вяленом, копче-ном и жареном виде имеет исключительно нежный вкус

175 особую ценность на фоне авитаминозного девятого ме-сяца заполярной норильской зимы. При всем при том ко-рюшка в советские времена никогда не продавалась в но-рильских магазинах.

На этот раз выходной Федора совпал с праздником, а вернувшиеся накануне знакомые рыбаки хвастались уло-вом, перевалившим за сотню штук на каждого, поэтому

он решил взять на рыбалку и четырнадцатилетнего сына – Андрея. Нельзя сказать, что Андрей был счастлив от это-го, но на подледный лов раньше ему доводилось попадать нечасто, поэтому отказываться он не стал. Рыболовные снасти имелись у Федора избытке, полиэтиленовая па-латка собственной конструкции с титановым каркасом была склеена им еще в морозном феврале. Комплект те-плой у Андрея был – валенки, цигейковая крытая шуба с большим шалевым воротником, кроличья шапка-ушанка, меховые рукавицы. Самый важный элемент экипиров-ки – ватные штаны – подошли отцовы, из его комплекта шахтовой спецодежды. Мама, как обычно, поругала их за затею и за предстоящую грязь, которую они обязательно привезут с рыбалки, но собрала достойный набор съест-ных припасов.

Электричка в Дудинку отправлялась из Норильска в полночь. До Норильска из Талнаха нашим героям надо было минут сорок ехать на автобусе. Поздним вечером Федор с Андреем пешком пошли на автостанцию. Мороз был под тридцать градусов, но днем обещали потепление до минус 15–20. Ветер не чувствовался, так как одеты они были очень тепло. Андрей опустил уши у шапки, поэто-му мир звуков для него был приглушенным и каким-то нереальным. Отчетливо слышался только хрустящий под ногами морозный снежок. С каждым шагом уши у шап-ки подпрыгивали, и из-за этого звуки то усиливались, то пропадали. У них был огромный брезентовый рюкзак и ледобур в чехле с плечевой лямкой. Все это на санках вез отец, а сын шагал рядом. Но даже без поклажи, дойдя до автовокзала, Андрей изрядно запарился, так как во всем, что было на него надето, идти было очень даже не просто.

Зайдя в полупустой автобус, Федор с Андреем поста-вили вещи на заднюю площадку, а сами сели на послед-ние два места, расположенные на колесной арке спиной к водителю. Утомленный переходом и оказавшись в тепле после морозца, Андрей быстро уснул.

Проснулся он уже около 11 вечера, когда автобус ехал по Норильску. Было еще светло, ночь в это время года совсем

короткая и по-настоящему темно не более трех часов. Раз-моренному сном в тепле Андрею совсем не хотелось ни-куда идти из автобуса. Отец похлопал его по колену, и Ан-дрей, собравши волю в кулак, поднялся. Подхватив свой скарб, они вышли на сумеречную морозную улицу.

К маленькому норильскому вокзалу стекались стайками рыбаки. В тесном его помещении было душно. Взяв биле-ты, Федор и Андрей вышли ожидать электричку на улицу. Федор закурил. Андрею было хорошо – озноб после сна в автобусе прошел, приятно пахла батина сигарета, бодря-ще пощипывал свежий морозный воздух, и впереди ждало что-то новое, интересное. Он посмотрел на отца, Федор тоже был доволен, хотя в его глазах видна была усталость, ведь он отработал сегодня утреннюю смену, потом соби-рал вещи и снасти, потом тащил огромный рюкзак. Но все равно сейчас им было очень хорошо.

Минут за двадцать до отправки по расписанию подали электричку. К этому времени на заснеженном перроне со-бралась огромная толпа рыбаков. Гул разочарования про-несся, когда народ понял, что электричка состоит всего из четырех вагонов. Этого явно было недостаточно для всей «праздничной» толпы.

Федор поднял рюкзак, Андрей взял санки с закрепленным на них ледобуром, и оба замерли, угадывая, где окажется ближайшая дверь медленно подаваемой электрички. Тормоза ее заскрипели, и они побежали в толпе за проплывающими мимо них дверями. Поезд встал. Они оказались в первом ряду перед входом. За ними собралась гудящая, матерящаяся, задорная толпа. Когда двери открылись, начался настоящий штурм. Федор, придерживая напирающую толпу, направил сына и санки в тамбур. Затем забрался сам, держа перед собой огромный рюкзак. Когда прошли внутрь, в вагоне уже почти не было свободных мест. Они успели расположиться в первом от входа отсеке, заваленном уже рюкзаками. Пока размещались, напротив кто-то открыл окно. С улицы ему кричали, чтобы при-нимал рюкзак. Двое мужиков долго кряхтели около окна, втягивая защитного цвета мешок, впоследствии оказав-шийся среднего роста рыбаком, который под общий хохот

всего вагона с довольной миной и кряхтеньем мягко упал на стоящие под окном рюкзаки. К тому моменту вагон был полностью забит. Люди из тамбура кричали, требуя потес-ниться. Слышалась возня и голоса тех, кто пытался утрам-боваться в тамбуре, чтобы двери электрички закрылись. Но Федора с Андреем это уже мало волновало. Стиснутые со всех сторон рыбаками и рюкзаками, они сидели надеж-но, и никакое уплотнение им уже не грозило. Поезд дер-нулся и рывками, скрипя по рельсам, пополз вперед.

Электричка шла медленно, то разгоняясь, то замед-ляясь. Уже через час в вагоне стало значительно тише – многие спали. Андрей тоже пытался уснуть, но это скорее было похоже не на сон, а на дремоту, так как постоянно какой-то шум будил его после недолгого забвения. Когда электричка останавливалась, в вагоне становилось холод-но, так как двери в тамбур были открыты и в вагон заходил холодный воздух. Через три часа езды ноги у Андрея зате-кли и очень захотелось встать. Но встать было негде. Даже пошевелить ногой, сменить ее положение было нельзя. Желтый свет из потолочных плафонов то горел ярче на перегонах, то становился совсем тусклым на остановках. Соседи разговаривали, травили анекдоты. За окном неза-метно стемнело, была глубокая северная ночь. Электричка не быстро катилась по заснеженной бескрайней тундре. Разнообразие в пейзаж вносили только сколоченные из до-сок щиты снегозащиты вдоль железной дороги и снежный бруствер, обозначавший идущую рядом автодорогу.

В Дудинку прибыли около четырех часов утра. Андрей проснулся от того, что вагон стоял на месте. В тусклом свете аварийного освещения люди переодевались, укла-дывали рюкзаки. Некоторые уже шагали за окном.

– Ну что, давай поедим и будем собираться, – сказал Федор, вынимая из рюкзака термос и бутерброды.

– М-м-уху, – промычал в ответ Андрей.

Еще весь тепло-ватный он ел неохотно. Зато горячего сладкого чаю попил с удовольствием, и от его обжигающе-го тепла начал просыпаться.

На улице было очень тихо. Мороз уменьшился, ветра не было совсем. Они шли не спеша по сонным улицам

Дудинки. Снег скрипел под валенками, шуршали полозья санок, со звуком взлетающей птицы похлопывали уши шапки, других звуков не было. Наверное, от недосыпа у Андрея было чувство какой-то нереальности происходящего. Пока они шли через город, ему казалось, что на заснеженных чердаках бревенчатых двухэтажек что-то охает, шуршит, постанывает. В какой-то момент стало даже страшновато, и он непроизвольно ускорил шаг. Дудинка выглядела совсем не так, как Норильск или Талнах. Дома были все маленькие. Кругом лежал чистый белый нетронутый грязью снег. Даже дорожка, по которой они шли, не была посыпана шлаком, как в Талнахе, а имела чистый первозданный вид. Отовсюду веяло какой-то непривычной стариной, как будто они попали в предыдущий век. Сон постепенно проходил. Все вокруг было интересно.

Вот они вышли на открытое место и Андрей увидел уже подзабытый за год пейзаж зимнего морского порта. В утреннем сером сумраке от края до края простиралась снежная равнина, очерченная двумя линиями берегового спуска, и, ниже него, еле различимыми железнодорожными путями. Перехода береговой стенки в Енисей видно не было, но он угадывался по едва заметной разнице в цвете снега. Портовая площадка выглядела более темной. Меж-ду горизонтом и берегом темнела серая полоса фарватера, обозначенного ледяными торосами. Вдалеке справа, начинаясь от торосов и доходя почти до берега, виднелось темное расплывчатое пятно, состоящее из отдельных точек-рыбаков. Вдоль всего берега хаотично стояли портовые краны, похожие на пеликанов, застывших в причудливых позах. За грядой из кранов, вагонов и контейнеров стояли несколько кораблей. У одного из них краны плавно двигались, издавая резкие звуки сирен. Тут и там горели прожекторы, напоминая о недавно закончившейся ночи.

Они пошли вдоль железнодорожных путей к шестому причалу, напротив которого виднелись рыбаки. Пройдя между контейнерами, спустились на лед Енисея. Сразу почувствовался ветерок, которому ничего здесь не могло помешать, но, пока они шли, холод не чувствовался. Ми-нут через тридцать они достигли рыбацкого стана. Рыба-

ки строили ледовые укрытия от ветра, бурили лунки, дол-били лед пешнями, грелись у костров.

Федор и Андрей остановились и начали оглядывать местность. Им нужен был участок льда минимум два на два метра, на котором бы не было торосов, чтобы уста-новить палатку. Вскоре они нашли такое место на окраи-не рыбацкого лагеря. Собрали ледобур. Федор принялся с чувством и расстановкой бурить, Андрей достал из рюк-зака палатку, развернул, бросил, как покрывало, на лед. Ветер не утихал, поэтому поставить палатку в одиночку было невозможно. Он принялся чистить площадку от мел-ких льдин. Работа его не требовала больших затрат энер-гии и холод начал проникать в него сквозь одежду. Андрей использовал последнюю возможность утеплиться – завя-зал уши шапки и поднял шалевый воротник шубы.

Федор удачно прошел первую лунку и принялся за вто-рую. С третьей попытки ему удалось забуриться, и мелкая белая ледяная крошка покрыла заходной виток шнека. Фе-дор энергично, иногда рывками, с ударом, крутил бур, нава-ливаясь на него всем телом. От него уже валил пар, а вот Ан-дрей начал мерзнуть. Ветер начал продувать его шубейку.

– Давай я побурю, – сказал он отцу.

– Нет, не стоит. Тяжело. И у бура нож один лопнувший.

Надо осторожно, а то сломается, и без бура останемся.

Тихое поскрипывание ножей и шнека о лед сменилось резким скрежетом и звуком зачерпываемой воды. Ледяная пульпа стала черной, бур провалился на всю длину шнека в лунку и выдавил из нее воду. «Е-е-есть!» – радостно ска-зал Федор, вытягивая бур наверх плавно, давая стечь воде обратно. Звук вынимаемого бура походил на звук ведра, которым зачерпывают воду. Откинув ледяную крупу, он опустил бур на всю глубину, до самого колена, проверяя, нет ли там второй льдины или воздушной камеры. Все было нормально. Он посмотрел на сына.

– Замерз? – спросил Федор, доставая сигареты и прикуривая.

– Начинаю, – сказал. Его задор поиссяк: холод прони-кал под одежду все сильней, а перспективы согреться он не видел никакой.

– Давай тогда соберем рядом палатку, и ты в нее залезешь, погреешься. А я тем временем сделаю еще две лунки. А потом займемся установкой палатки на месте.

Федор быстро докурил, и они стали собирать каркас палатки. Несмотря на пронизывающий ветер, Федор снял рукавицы и состыковывал трубки каркаса голыми руками.

177 некоторые муфты успел забиться снег, и он тщательно выковыривал его ответной частью трубки, выдувал, под-нося ко рту. Андрей держал каркас. Вскоре четыре стойки, связанные крестовиной были собраны. Затем в лежащую на льду палатку ввели получившуюся конструкцию и раз-вели крылья в стороны, получив полиэтиленовый шатер, который сразу же под дуновением ветра стал вырываться из рук Андрея.

Андрей раскинув руки, держал шатер, Федор заледеневшими пальцами привязывал к нему каркас. От поры-вов ветра замерзший, огрубевший полиэтилен трепыхался, хлопал и палатка вырывалась из рук. Завязки тоже вырывались из замерзших пальцев Федора. Дело двигалось не так быстро, как бы этого хотелось при такой погоде.

С разведенными в стороны руками Андрей стал замерзать еще быстрее. Шуба его была с широкими рукавами, и в них задувало холодный воздух . Он начал впадать в оцепенение. Вместо того, чтобы как можно активнее двигаться, шевелить руками- ногами , он стоял неподвижно, с плотно стиснутыми зубами, все тело его было судорожно напряжено и мелко-мелко дрожало. Сознание затуманивалось. Он смотрел в сторону города, туда, откуда они недавно пришли. Ход мыслей в голове замедлился и , казалось, даже остановился на одной-единственной мысли: хорошо бы как-то сейчас согреться. Над городом рассвело, и вот-вот уже должно было взойти солнце. Он стоял как истукан и ждал восхода. Ветер пронизывал его , каза-лось, насквозь, выдувая из-под одежды остатки тепла. В какой -то момент ему начало казаться, что сделать уже ни-чего нельзя, что согреться здесь уже невозможно и дойти до теплого вокзала – просто не реальная задача. Отчаянье и смирение охватили его, сопротивляться холоду сил уже не было.

Солнце осветило стрелы портовых кранов и крышу большого магазина на берегу, а потом и само тонким кра-ешком выглянуло из-за крыш Дудинки. Все вокруг окраси-лось и заискрилось, словно в телевизоре черно-белое изо-бражение заменили на цветное и добавили еще блесток от свежего снега. Над покрытой льдом и снегом рекой небо было низкое и серое, затянутое сплошными облаками. А у горизонта, над городом, виднелась полоска чистого голубого неба и из ее середины сияло ярко-красное плав-но восходящее солнце. Ветер продолжал обжигать лицо и, казалось, с рассветом стало еще холодней. Андрей чувст-вовал, как у него остекленели скулы. Солнце совершенно не грело!

Федор закончил привязывать палатку к каркасу и, по-смотрев на бледное с синими губами лицо сына, скоман-довал: «Давай, залезай в палатку, грейся!» Андрей ват-ными руками раздвинул колышащиеся на ветру двери и, с трудом согнувшись, забрался внутрь. Ему казалось, что этот замерзший кусок полиэтилена его уже не спасет и что скорее всего надо было бы бежать туда, откуда они при-шли, иначе ему вообще не выжить. Но замерзший его мозг работал вяло, и воля к действию была подавлена. Он встал на колени, с трудом скрестил руки на груди и сжался, как мог, опустив голову. Все тело его пробивала мелкая дрожь.

Федор разметил положение палатки на площадке и продолжил бурить лунки, с беспокойством поглядывая на скорчившегося в палатке сына. Сжавшийся в комок Анд-рей даже не понял, в какой момент он перестал дрожать. Его оцепенение прошло. Палатка покрылась изнутри ине-ем от его дыхания, и солнце, вставшее над Дудинкой, че-рез нее выглядело ярко-красным.

Федор бросил бур, подошел и заглянул в палатку.

– Ну как ты, согреваешься?

– Да, кажется, – ответил Андрей почти уже без дрожи в голосе.

Федор просиял. Он было уже подумал, что зря взял сына в такой холод с собой. Согреться у костра в такой ве-тер на открытом месте нельзя, а дойти до вокзала смогли бы не меньше, чем за полчаса. «По такому холоду можно

179 обморозиться», – подумал Федор. Но сейчас все уже было позади. Раз сын согрелся один в палатке почти без сол-нца, то дальше будет легче, так как будет только теплее – солнце поднимется выше и начнет понемногу греть, ну, и примус в палатке зажечь можно.

Федор достал из рюкзака складной стул и подал Андрею:

– Садись вот на стул, посиди немного. Я сейчас лун-ки добурю и палатку на место поставим. Может, чаю попьешь?

– Не, не надо пока, спасибо, – ответил совсем уже пришедший в себя Андрей. Нельзя сказать, что ему стало сов-сем тепло, но и холодно уже не было. Зубы не стучали, тело было не закостеневшим, настроение поднялось, мыс-ли потекли своим чередом.

Федор удачно пробурил четвертую лунку, и они водрузили палатку на место. Затем маленьким коловоротом Андрей начал сверлить во льду отверстия, а Федор в них загонял 150-милиметровые гвозди, служившие колышками палатки. На специальный отворот привязанной таким образом ко льду палатки по периметру набросали ледышек, не дающих ветру поддувать снизу. Занесли внутрь рюкзак, вынули второй складной стул и наконец-то сели в палатке. Федор зашнуровал завязки дверей и с торжественным видом посмотрел на Андрея.

– Ну как, не мерзнешь?

– Нет, нормально себя чувствую.

Ветра в палатке не было. Пахло полиэтиленом. В лун-ках колыхалась черная холодная вода. После непростой и долгой дороги, мучительной подготовки начиналось са-мое интересное – рыбалка.

Бросив на лед рукавицы, быстро распутали четыре удочки, наживили на все крючки нарезанное кубиками мясо и запустили в лунки. Федор не без гордости проверил работу электронной, тоже самодельной удочки, состоящей из пенопластового корпуса и встроенных в него удили-ща, динамика, спаянного своими руками мультивибрато-ра, батарейки «Крона» и двух проводков-выключателей,

замыкаемых при сгибании пружины-сторожка. С такой удочкой можно было смело дремать в ожидании поклевки, ведь она начнет гудеть при каждой поклевке рыбы. А с появлением в телах тепла и покоя после бессонной беспо-койной ночи на свежем воздухе спать очень даже хотелось.

Федор убрал лишнее в рюкзак, поставил на середину банку с наживкой, потер руки, улыбнулся во весь золоче-ный вставными зубами рот:

– Ну, теперь по чайку?

– Ага, – бодро кивнул Андрей.

Федор поставил на лед термос, вынул подзамерзшие бутерброды с салом. Ели не спеша, но с хорошим аппети-том. Рукавицы валялись на полу, шапки были развязаны, верхние пуговицы шуб расстегнуты. Раскрасневшиеся с мороза и после горячего чая лица светились удовольст-вием. Палатка уже была непрозрачной от инея. Через нее можно было видеть только красный шарик начинающего пригревать солнца и причудливые тени проходивших из-редка мимо рыбаков.

– Не жалеешь, что поехал? – спросил Федор, жуя пече-нье и запивая чаем. Ему казалось еще, что, может, зря он в такую погоду повез ребенка морозить сопли за сто киломе-тров от теплой квартиры. Для себя самого он давно понял, что надо использовать любую возможность выехать на при-роду, а временные погодные неприятности надо терпеливо преодолевать, ведь в конечном счете они забудутся и оста-нется только чувство удовлетворения от общения с суровой, но по-своему прекрасной и в чем-то даже щедрой северной природой. Ему хотелось, чтобы и сын разделял с ним эту радость, но все же сомневался, что выросший в тепличных условиях пацан сможет воспринимать это также, как он.

– Не, не жалею. Мне нравится, – замотал головой Анд-рей, которому было уже очень хорошо – по телу с каждым глотком чая разливалось волнами тепло, еда казалась безумно вкусной, и лицо приятно согревали пробившиеся сквозь полиэтилен и иней нежные солнечные лучи.

Федор посмотрел на часы и продолжил:

– Девятый час. Сейчас рыба тоже завтракать начнет, наверное.

– Ага-а-а, – сказал Андрей широко зевая. После еды его клонило в сон.

– Ну, ты подремли пока. А я схожу покурю.

Федор развязал двери , закурил и вышел наружу. Андрей придержал одну из них и высунул голову из палатки, но сразу почувствовал холодный ветер и вернулся обратно, заделывая на ходу щели. Он сел поудобней, так, чтобы видеть оба сторожка, которые равномерно покачивались вместе с движением воды в лунках. На поверхности воды плавали уже мелкие льдинки. Палатка изредка похлопывала под порывами ветра. Все это успокаивало и навевало сон.

Федор с наслаждением курил, оглядываясь вокруг. Солнце осветило город, и теперь со всеми подробностями были видны его бревенчатые и бетонные постройки, портовое хозяйство , громадины стоящих у причалов ледоколов . Рыбацкий лагерь немного оживился. Кто бурил лун-ки , кто стучал пешнями, кто пилил дрова, кто возводил из снежных и ледяных глыб стену для защиты от ветра. Лагерь пестрел разного вида палатками и «крепостными» ледовыми сооружениями. Тут же стояло несколько легковых автомобилей, неизвестно как сюда проехавших, и даже автобус и армейского типа грузовик с кунгом. Много было и рыбаков, просто, без укрытия, сидевших, скукожившись, на льду или даже лежавших между торосом и лункой. Каждый создавал себе комфорт, как умел.

Федор постучал по ледобуру, отбив с него лед, сложил его, надел чехлы на ножи и вместе с санками поставил под палатку так, чтобы он не лежал на дороге и не стал легкой добычей какого-нибудь любителя прихватить то, что пло-хо лежит. Потом залез в палатку и завязал двери. Андрей, повесив голову, дремал перед своими удочками.

Федор вынул из рюкзака шумовку и принялся вычи-щать от ледяной шелухи все лунки. Затем взял в каждую руку по удочке и начал блеснить, резко поднимая и плав-но опуская их. Участки лески, погружаемые-вынимаемые из воды, быстро покрылись бородой – белыми бесфор-менными бусинками льда. Через какое-то время Федор по-чувствовал , что за леску удочки в правой руке несильно

потянули. Он опустил удочку из левой руки на лед, а пра-вой продолжил блеснить и, когда почувствовал еще два-три клевка, резко дернул ее вверх, подсекая рыбу, схватил леску левой рукой, подтянул, положил удочку и принял-ся вытаскивать леску из воды, бросая ее кольцами на лед. Андрей открыл глаза. В глубине лунки что-то мелькнуло и забилось. Федор с довольной улыбкой вытянул трепыха-ющуюся серебристую рыбину, поймал ее левой рукой, а правой ловко вынул из ее рта крючок и отдал ее сыну.

– Ого, – сказал тот, ощупывая брюхо рыбины, – с икрой! Федор достал из пластиковой баночки нарезанное ку-биками мясо и восстановил наживку, следя краем глаза за остающейся наготове удочкой. Андрей положил рыбу в угол палатки и принялся блеснить. Федор очистил лун-ку от принесенной с рыбой ледяной шульги и тоже стал блеснить обеими руками. Минут пять они напряженно ждали следующей поклевки, а потом снова погрузились в полудрему.

Недалеко от их палатки послышался гомон толпы и упорный стук пешни. Через заиндевелую палатку было видно, как в одно место неподалеку подходят все новые и новые рыбаки. Федор и Андрей тоже решили посмотреть, в чем там дело и вылезли из палатки.

Двое рыбаков сидели около лунки. Один из них держал в руках удочку, а другой разбивал пешней лунку. Через некоторое время второй рыбак положил пешню на лед и принялся вычищать шумовкой лунку. Он был сильно раз-горячен, видно, давно долбил. Лунка была уже прилич-ного размера – сантиметров тридцать в диаметре. Рыбак пристально вгляделся в черную воду лунки. Его напарник поводил леской вперед-назад и в стороны и сказал: «Не идет, надо шире». Первый с досадой расстегнул фуфайку, бросил на стоящий рядом рюкзак шапку, поднял пешню и с еще большей энергией принялся долбать лед.

А мужики все подтягивались к стоящей вокруг толпе и с любопытством наблюдали за происходящим. «А что, что такое? Что там поймали?» – слышалось тут и там. В от-вет раздавалось разнородное: «Да хрен его знает!» и тому подобные неопределенные выражения. Зрители ежились

от мороза, притопывали, прихлопывали по себе варежка-ми, но никто не расходился. Всем было интересно, что же там за рыба такая попалась, что в лунку не пролазит. Кто-то крикнул долбящему лунку рыбаку: «Мож, там утоплен-ник какой, Сань?» Саня злобно оглянулся на говорящего под руку, что-то буркнул про себя, но долбить не перестал. От его головы и распахнутой фуфайки валил пар. В тол-пе кто-то напомнил анекдот про найденную утопленницу и громко кричал: «Не, Вась, не ту мы спасли, та была в купальнике, а эта в куртке и в коньках!» Народ захохотал.

Андрей и Федор терпеливо ждали развязки. Толпа вокруг покачивалась, подпрыгивала. Притопывала на морозе. Красные от ветра лица рыбаков уже не были веселыми – история затянулась, и развязка обещала быть уже не такой веселой.

Рыбаки, бывшие в центре внимания, поменялись ро-лями и теперь уже тот, кто раньше держал леску, рабо-тал пешней. И он уже раскраснелся, и от него уже валил пар. Вот они оба сгрудились над прорубью, выгребая из нее осколки льда. Вот потянули в очередной раз леску и из глубин Енисея вдруг что-то начало подниматься, вода из проруби выплеснулась, в глубине ее показались белые ледяные осколки. Что-то крупное было в проруби. Тол-па ахнула и замерла. Вслед за водно-ледяным потоком из проруби вытащили санки. Самые обычные детские санки!

Толпа грохнула от хохота. Некоторые от смеха сложились пополам.

Горе-рыбаки, мокрые от пота, с досадой глядели на свой трофей. Но их озадаченные взгляды просветлялись по мере разглядывания добычи. Один из них с недовери-ем потянулся к санкам и отцепил от них длинную узкую никелевую блесну. Второй тоже присел рядом и начал со-бирать с них урожай всевозможных блесен, мормышек и даже целых удочек с несколькими поводками и грузилом. В толпе кто-то присвистнул. «Да, – послышалось чье-то, – да тут удочек на целое состояние!»

В те времена не просто было купить подходящие блес-ны в магазине. Считалось, что корюшка лучше идет на узкие длинные белые блесны. А в магазинах продавали

почему-то короткие золотистые блесны в виде довольно-та-ки толстеньких рыбок. Самыми же удачными были блесны из «чистого никеля», который, к слову сказать, в Большом Норильске можно было найти по знакомству. Возможно, «чистым никелем» называли какие-то виды нержавеющей стали, а может, это был и настоящий никель, сейчас уже трудно сказать. Проблема была обработать никелевую за-готовку, придать ей нужную форму, припаять крючок, за-лить оловом, отполировать. На изготовление таких блесен уходили многие-многие долгие полярные вечера. Поэтому санки, увешанные различными блеснами и мормышками, были несказанной удачей и дорогого стоили.

Все зеваки, весело обсуждая происшествие, сразу же разошлись к своим лункам. Федор и Андрей тоже забра-лись в свою палатку, тщательно закрыли ее и принялись сторожить удочки. Солнце за тонкой пленкой облаков под-нялось уже высоко и хорошо припекало через заиндевев-ший полиэтилен палатки. Оба рыбака расстегнули вороты шуб, меховые варежки лежали брошенные на льду. Над их головами на палатке вместо инея появились мелкие ка-пельки воды. В палатке запахло полиэтиленовой пленкой. Оба рыбака ощущали тот спокойный восторг, который ис-пытываешь на рыбалке, когда твой быт устроен, не надо никуда спешить и можно просто наслаждаться единением с природой.

Из этого состояния их вывели раздавшиеся откуда-то снизу по течению крики: «Пошла!», «Пошла, пошла!..» – приближалось, как эхо, к их палатке. Когда крик раздался уже совсем близко, метрах в десяти от них, сторожок одной из удочек Федора резко изогнулся, выпрямился и удоч-ка, вздрогнув, поползла в лунку. В то же время завизжала электронная удочка под ногами Андрея. Сын и отец почти одновременно подсекли и начали вытягивать улов, кидая леску кольцами на лед. Не успев вытянуть одну удочку (глубина на ней стояла четыре метра), Федор подсек рыбу на второй и продолжил вынимать первую. Андрей только успел снять с блесны рыбу, как и у него закивал сторо-жок на второй удочке, и он, не успев насадить наживку

на первую, принялся вытаскивать вторую. В это время Федор снял одну рыбину со своей удочки и принялся за вторую, попавшуюся на ближайшую к грузилу мормышку.

Андрей изумленно спросил:

– Сразу две?!

– Да, жор пошел, – быстро работая руками и озабоченно улыбаясь ответил Федор.

Андрей снял вторую рыбину и поменял на второй удочке наживку, но опустить ее сразу не смог – нижний поводок зацепился за лежащую на льду леску первой удоч-ки и запутался в ней. Тем временем опытный Федор уже снял рыбину со второй удочки и отправил в лунку первую. Видя, как Андрей мучается, распутывая снасти, он сказал:

– Бросай электронную и лови на одну простую. Раз уж жор пошел, не успеешь за обеими следить.

И тут же принялся вытаскивать очередную рыбину. Андрей, разгоряченный, путающийся в леске, с завистью поглядывал на спорую работу отца. Федор же взял нож и срезал два поводка на своей удочке, заменил наживку и опустил удочку обратно. При попадании на удочку двух рыбин слишком был велик риск, что она запутается из-за бьющейся на поводке корюшки, а терять время на распутывание во время столь горячей поклевки было нельзя.

Андрей, распутав, наконец, удочки, насадил кусочек мяса и отправил одну из них в лунку. Долго ждать не пришлось. Сторожок закивал, Андрей подсек и принялся вытаскивать удочку обратно. Приятная тяжесть ощущалась на ее конце. Он глядел в черную дыру лунки, вытягивая четырехметровый конец, и скоро увидел блеснувшее в глубине тело корюшки, бьющейся и вертящейся на крюч-ке. Он перехватил ее второй рукой над самой лункой. Ве-село и азартно было тянуть и хватать шуструю рыбину. Не так весело было вынимать из нее крючок, который пробил верхнюю ее челюсть, но все это было частью той увлека-тельной работы, которая сейчас занимала все его сознание и приносила какую-то первобытную радость. Холодная и мокрая корюшка обжигала руки, но на это некогда было обращать внимание. Андрей быстро нацепил мясо и кинул грузило в лунку. Еще не вся леска выбралась под весом

грузила, как он ощутил рывок новой поклевки и подсек следующую рыбину. «Вот это да!» – выкрикнул он, пере-полняемый радостью. «Такая вот она рыбалка бывает!» – ответил Федор, сосредоточенно доставая очередной улов. Под их ногами прыгали и бились еще живые рыбины. Часть рыбы уже уснула и лежала неподвижно. В кан ее склады-вали только тогда, когда какая-нибудь шустрая рыбка под-биралась к лунке и возникала опасность, что следующим движением сможет вернуться в родную стихию.

Поклевка продолжалась минут тридцать. Лед по углам палатки покрылся слоем свежевыловленной корюшки, застывшей в причудливых позах – какая-то ровно вытя-нулась на боку, какая-то – растопырив плавники и жабры, лежала на брюхе, какая-то – изогнувшись крючком. Неко-торые рыбки, внезапно проснувшись, начинали прыгать и биться, толкая соседок, издавая хлесткие, шлепающие звуки. Рыбаки сидели каждый со своей удочкой в руке, все еще продолжая блеснить в ожидании продолжения клева. Первым из эйфории вышел Федор.

– Пока все, кажется. Давай сложим рыбу, приберемся, да и поесть уже, наверное, пора. – Он положил и принялся вычищать шумовкой лунки.

– Да, покушать бы неплохо, – ответил Андрей, сбра-сывая с себя оцепенение, и принялся укладывать улов в кан. Большая часть корюшки была с икрой. Было приятно пальцами ощущать ее большой мягкий живот. Спинка у корюшки черная, с плавным переходом цвета в серебри-стый на боках. Под определенным углом света средняя часть рыбины отсвечивает то бледно-розовым, то голу-бым, то фиолетовым. Морда ее острая, с большими глаза-ми и хищной, немного загнутой кверху нижней челюстью с частыми мелкими, но острыми зубками. И особое свой-ство корюшки – это исходящий от нее тонкий запах свеже-го огурца. Если близко поднести к носу, то пахнет не так характерно, а вот когда откроешь мешок с рыбой или когда она лежит где-то глубоко в рюкзаке – так и источает этот дивный и особенно желанный в норильскую зиму запах.

Андрей заполнил половину кана собранной со льда корюшкой. Федор очистил все лунки, распутал, наживил

и установил все четыре удочки. Затем достал из рюкзака примус «Шмель», подкачал и принялся разжигать. Анд-рей начерпал из лунки кружкой воды в котелок. Уже через пять минут в палатке приятно пахло сгоревшим бензином и стоящий на примусе видавший виды котелок уютно ши-пел. Солнце вышло из облаков и ласково припекало. Стало настолько тепло, что к лежащим поверх рюкзака рукави-цам теперь добавились еще и шапки. Вокруг палатки опять закипела жизнь – кто-то жег костер, кто-то благоустраивал свою территорию, кто-то потянулся в сторону городского магазина, в котором с 11.00 начиналась продажа водки.

Вдалеке послышалось бодрящее «Пошла!», но на этот раз радостный клич подхватили немногие и сформировав-шаяся было из редких криков волна, так и не докатилась до палатки Федора с Андреем. Федор улыбнулся, глядя на склонившегося друг к своим лункам Андрея:

– Да это шутят так, чтоб народ не дремал.

– А-а. А я-то уж было поверил…

Тут электронная удочка два раза скрипнула своим гру-бым хрипловатым голосом, и Андрей боковым зрением уловил колебания пружинки сторожка. Он схватился за толстый корпус удочки и после очередного кивка подсек рыбку. С прежним азартом он вытащил бьющуюся корюш-ку. Только он опустил удочку на место, как клюнуло сразу у обоих. Еще пара блестящих рыбок упала в кан. Правда, за следующие десять минут не клюнула ни одна.

– Ну, теперь точно все, не будет большой поклевки, – сказал Федор, ставя на лед кипящий котелок, – у рыбы тоже обед. Дай там банку тушенки.

Уже через пять минут оба рыбака попеременно черпали алюминиевыми ложками горячую говядину из банки, зае-дая ее холодным, но незамерзшим хлебом и запивали горя-чим чаем. Палатка окончательно потеряла прозрачность, так как покрылась толстым слоем серого инея. Внешние звуки в ней тоже стали глуше. Слышалось шипение при-муса, да иногда в кане вдруг начинала отчаянно биться и стучаться в толстые пластиковые стенки не смирившаяся со своей участью корюшка. Лица рыбаков раскраснелись и покрылись испариной.

– Хорошо? – спросил Федр сына.

– Кайф! – ответил тот, подбирая кусочком хлеба души-стый бульон со дна банки.

– Подлить чайку? У нас вот еще печенье есть.

Федор достал из рюкзака пачку «Юбилейного». Анд-рей кивнул и подлил дымящего чая в отцовскую и свою кружки из успевшего протопить во льду аккуратную ямку глубиной в палец котелка.

– Ну вот, теперь ты понимаешь, что самое главное в подледной рыбалке? – спросил отец.

– Еда на свежем воздухе? – растеряно переспросил Андрей.

– Ну, не только еда. Вообще сам процесс. На рыбалке все выглядит и ощущается несколько по-другому, ярче как-то. То, что в повседневной жизни даже не замечается, здесь доставляет большое удовольствие.

– Ага, и еда становится намного вкусней, – подытожил Андрей.

После обеда и приборки в палатке оба рыбака надели шапки и рукавицы и выбрались наружу. В лагере было тихо и несуетливо. Только в нескольких местах была вид-на активная деятельность – пара рыбаков бурили новые лунки. Некоторые занимались обустройством своих убе-жищ – возводили стенки из снежных и ледяных глыб для укрытия от ветра, крепили куски полиэтилена на само-дельные причудливые конструкции из подножного мате-риала. Федор закурил, оглядывая окрестности. Вид у него был довольный. Ему было приятно смотреть на сына, ко-торому тоже нравилась рыбалка и глаза которого блестели. Заполярное солнце поднялось уже высоко и по-весеннему пригревало. Ветер совсем стих. На открытом воздухе ста-ло очень комфортно, и забираться в палатку совсем не хо-телось. В порту своим неспешным чередом текла работа. Несколько кранов, как гигантские туканы, ворочали сво-ими клювами. За телами кораблей и рядами контейнеров, стоящих вдоль берега, проехал маневровый тепловоз.

Андрей и Федор заметили, что многие рыбаки смотрят в одну и ту же сторону – вверх по течению на фарватер.

На фоне бескрайнего белого пейзажа виднелся двухцветный объект. У кромки льда он был черным, а над черной полосой на фоне серого неба виднелось желтое пятно правильной формы.

– Ледокол! – с восторгом вырвалось у Андрея.

– Ага, – кивнул Федор. – Не видел ни разу идущего ледокола?

– Не, не видел. Сколько раз бывал в Дудинке, но вот идущего ледокола видеть не приходилось.

– Ну, посмотри, когда поближе подойдет, интересно.

– А он куда подойдет? Нам не надо отсюда сматываться? – растерянно спросил Андрей.

– Не знаю. Надо поглядывать за ним, – спокойно ответил Федор.

Когда в следующий раз, так и не дождавшись поклевки, Федор с Андреем, выбрались из палатки, ледокол был уже близко – напротив соседнего причала. «Капитан Сорокин» – прочел Андрей название на его носовой части. Над жел-той восьмиэтажной надстройкой из труб стелился серый дымок. Ледокол шел сквозь лед, как нож сквозь масло, только около носовой части судна было видно, как взды-маются, ломаются и переворачиваются льдины. Осталь-ная же часть корабля скользила на фоне торосов. Андрей удивился, что прохождение ледокола было совершенно бесшумным. Звуки рыбацкого лагеря полностью заглуша-ли все звуки, идущие со стороны ледокола. Корабль тор-жественно и безмолвно прошел мимо вверх по течению в сторону четвертого причала. Некоторые рыбаки, как и Федор с Андреем, с интересом провожали его взглядом, большинство же других вообще не обращали на него вни-мания, не прекращая свои обычные заботы. Но Андрей увидел и нескольких третьих, которые вышли из основ-ного лагеря и направились к фарватеру, обходя вмерзшие в ледяное поле торосы. Они все ближе и ближе подходили к узкой черной полосе чистой воды, появившейся после прохождения ледокола. Острым взором можно было раз-глядеть клубящийся над полосой пар.

– Зачем они туда идут? – изумленно спросил Андрей отца.

– Идут к полынье, смертнички, – ответил Федор, с осу-ждением глядя на группу отчаянных, – там рыба, говорят идет недуром. Во-первых, глушенная винтами, во-вторых идет воздуха глотнуть.

Он помолчал и назидательно добавил:

– Но там лед тонкий, непредсказуемый. Могут в любом месте трещины быть, нагромождение льдин. Частенько на фарватере народ купается, но некоторых это не останавли-вает, сам видишь. Дорого может рыбка обойтись.

– Понятно, – ответил Андрей, пытаясь разглядеть за то-росами, не исчезнет ли вдруг темная фигурка и не понадо-бится ли кого-то спасать.

Минут через пятнадцать вся группа отчаянных прекра-тила движение и уселась вдоль кромки чистой воды. Кто-то смог подойти ближе, кто-то закрепился подальше. Уви-деть, идет ли у них клев или нет, с такого расстояния из-за торосов было нельзя, и Андрей вернулся в теплую, пах-нущую мерзлым «кварцованным» полиэтиленом палатку.

За день была еще пара хороших поклевок. Заполнив до-верху очередным уловом кан, Федор, достал из рюкзака толстый рыбацкий полиэтиленовый мешок и остальную рыбу сложил в него.

– Больше ста пятидесяти штук наловили. Бывало, ко-нечно, и лучше, но и это неплохо.

– Я вообще по стольку, кажется, еще не ловил ни разу, – весело, горящими глазами глядя на улов, сказал Андрей.

За два с половиной часа до отхода дополнительной «праздничной» электрички на Норильск Федор с Андре-ем стали без спешки собираться домой. Заварили, попи-ли и залили в термос чай. Подобрали неувиденную рань-ше рыбу. Сложили вещи в рюкзак. Солнце еще немного пригревало, в палатке было тепло и уютно. Лед под ней слегка подтаивал, рукавицы обоих без надобности лежали на нем. Вынесли вещи из палатки, освободили полог от прижимавших его льдышек, вытащили гвозди-колышки. Через несколько минут палатка была сложена и лежала

181 рюкзаке. В последнюю очередь смотали, очистили ото льда остававшиеся до последнего настороже две удочки. Пока Андрей привязывал бур под санки, Федор задумчиво

курил, глядя на копошащийся вокруг народ, который тоже начал потихоньку собираться, на тепло-красное опускающееся солнце, на медленно движущиеся на заднем плане дорогой его сердцу картины портовые краны. Федор был доволен собой – сыну рыбалка, по всему видно, понравилась, общение друг с другом и с природой получили, рыбки наловили. Немного огорчало то, что все заканчивается и завтра опять начнутся трудовые будни.

– Готово, – сказал Андрей, закрепив рюкзак на санках. И они пошагали по той же тропинке, что и утром, в сто-рону берега. Глядя на залитый солнцем искрящийся све-жим снежком порт, Андрей вспомнил, как утром замерзал и хотел бежать по этой тропе без оглядки, чтобы окончательно не дать дуба. Но сейчас все сильно изменилось. Ветер стих, мороз ослаб градусов до пятнадцати. Рукавицы торчали из карманов, ворот шубы был расстегнут, потное лицо горело румянцем. Бежать совсем не хотелось. Наоборот, даже неспешным шагом в валенках, ватных штанах и шубе идти было тяжело, жарко.

По дороге на электричку они зашли в местную столовую и умяли по салату, первому, второму и компоту. Все было съедено с большим аппетитом и очень быстро. Блаженно посидели за столом, переводя дух, затем застегнулись, подобрали сложенные у входа вещи и вышли на свежий воздух. Пока Федор курил, Андрей рассматривал деревянные дудинские двухэтажки. Настроение у обоих после еды еще поднялось.

Последний отрезок пути до железнодорожного вокзала показался Андрею самым тяжелым. Ноги не слушались, веки набухли, и от монотонной ходьбы одолевал сон. Но идти оставалось совсем немного.

Электричка уже стояла на пути. Федор с Андреем прош-ли в теплый вагон, поставили санки к окну, примостили на них рюкзак и завалились каждый на свое сиденье. Народу в вагоне было немного. Электричка была дополнительной, которую пускали только в праздничные дни, и не все ры-баки знали о ней.

Когда электричка тронулась, Андрей свернул и подло-жил под голову и часть спины шубу. Он полулежал, закинув

за голову обе руки и смотрел в противоположное окно вагона. Красно-оранжевое, уже не греющее солнце сади-лось за горизонт. Перед ним мелькали столбы и снегоза-щитные щиты. Мотор электрички монотонно гудел, с ним сливался гул голосов пассажиров. В вагоне было тепло и пахло свежими огурцами. Федор уже похрапывал на си-денье напротив. Андрей прикрыл глаза. Сквозь веки про-ходил оранжевый свет закатного солнца. Затем перед ним промелькнули утренние улицы Дудинки, величественный вмерзший в лед порт, колышущаяся в лунке черная вода, покрытая мелкими льдинками, уходящая в глубину блес-на, мелькнувшая в створе лунки рыбина, слегка дымящий над фарватером ледокол... «Каким насыщенным был этот день! И как приятно вот так вот после всех трудов, уста-лому, возвращаться домой…» – с этими мыслями Андрей погрузился в сон.

Если сейчас его разбудить и спросить, поедет ли он в следующий выходной с отцом на рыбалку, он задумается, будет взвешивать все за и против и, наверное, даже может отказаться. Но уже после возвращения домой, плотного ужина, горячей ванны и полноценного сна, он опять захо-чет на рыбалку, потому что есть в ней что-то настоящее, зовущее из глубины ушедших времен, дающее заряд сил и несравнимых ни с чем другим эмоций.

Вехи памяти

Владимир ГОФМАН

ОДИССЕЯ ПОНОМАРЯ БОРИСА

Персонажи этой непридуманной истории – наши земляки, уроженцы села Катунки: митрополит Новгородский Иов и его племянник Борис. Время действия – начало XVIII столетия. Место действия – Катунки – Новгород Ве-ликий, Новгород Нижний.

Не знаю, как насчет града Китежа, но то, что Катунки, родина моих предков, в середине прошлого века скрылись в водах Горьковского водохранилища, или, как его назы-вают в народе, «Горя-моря», это факт исторический. Дать объективную оценку сему деянию еще предстоит. Но что сделано, то сделано.

Многие помнят, как все это было. Сначала, конечно, разрушили. Все разрушили – дома, храмы – все, что строилось триста лет. Тех, «старых», Катунок я не видел, но они как бы есть, вот тут, рядом, слева, где сердце. Плывешь на лодке вдоль берега, мимо останков красивой некогда каменной лестницы, что уступами поднималась по крутому откосу от Волги к храму Иоанна Предтечи, от которого те-перь осталась одна алтарная апсида, мимо невидимого за густыми кронами серебряных тополей дома графа Турча-нинова, глядишь на бедный куполок молитвенного дома, на много лет заменившего катунцам их пять утопленных церквей, и думаешь: а что там, под водой?..

Здесь была когда-то центральная площадь с памят-ником императору, Смоленская и Крестовоздвиженская церкви. В последней крестили всех детей моей бабушки, а священник этой церкви, протоиерей Иоанн Добротин, дружил с моим дедом и был крестным отцом его детей, и один из них, мой дядя Иван, помогал ему в алтаре. Дед погиб на Первой мировой, а дядя Иван – на Второй. Отец Иоанн Добротин лежит на катунском кладбище, недалеко от могилы моих предков, под простым деревянным кре-стом, который поставила во дни оны моя мать. Я сам при-винтил к небу табличку с именем… Так все в жизни связа-но незримыми ниточками.

…Так что же там, под водой? Ничего там сегодня нет, только рыбы плавают да год за годом все плотнее заносит илом невидимые улицы старых Катунок. Но в час, когда восходит солнце над Волгой, вдруг покажется на миг, что сейчас ударит под водой или где-то в другом измерении соборный колокол, подаст весть из глубины веков…

1. Катунки

«Погост Катунки на берегу Волги, а в нем церковь вели-комученицы Варвары, древна, верх шатром, на подклетях с папертью, а церковь и в церкве образы и книги и всякое церковное строение волосных людей Белогородские воло-сти». Это первое официальное свидетельство о Катунках – XVII век. По тем временам поселение серьезное. Пого-стом тогда называли административно-духовный центр округи. «В приходской описи 1653 года, кроме Варварской церкви, указаны еще две: чудотворца Николы и мученицы Параскевы…» Согласно преданию тогда в Катунках был еще и мужской монастырь, который впоследствии сгорел.

По документам имелись в Катунках и государственная таможня? и кабак. И торг немалый. А начальник тому – та-моженно-кабацкий голова – назначался в Москве, и конт-ролировал его центральный приказ Большого Дворца.

Много с той поры воды в Волге утекло. Много поколе-ний катунцев сменилось. Нет Катунок и есть Катунки – имя-то живет, тянется через века ниточка! И, может быть,

еще геном некий, что в характере людей по сей день нет-нет да и проявится.

Народ в Катунках всегда отличался нравом жизнерадостным, практичным и, если можно так сказать, ухватистым. Вот что писал местный священник Иоанн Доброзраков в 1867 году: «Жители села Катунок отличаются веселым характером и трудолюбием – никакое дело из рук их не валится… Между катунскими жителями замечательная черта та, что они очень религиозны и усердны к церквям, в сравнении с прочими жителями уезда. Несмотря на свою разгульную жизнь, они в праздничные дни явля-ются в церковь к службам по первому звону, стоят с благоговением и любят стройное пение… Усердию прихожан, и в том числе замечательным пожертвованиям г. Турчанинова, обязаны здешние церкви великолепными своими украшениями».

Село невеликое, а известность большая. Даже Ленин удостоил Катунки своим вниманием. Вот, что писал он о катунцах: «Сами жители некоторыми чертами своего характера точно так же напоминают уже сложившийся на Руси тип “фабричного”: некоторая щеголеватость в одежде, в домашней обстановке, в манерах, разгульный в большинстве случаев образ жизни и малая забота о завтрашнем дне, смелая, подчас витиеватая речь, некоторая гордость перед деревенским мужичьем – все это черты общие у них со всем фабричным русским людом». (ПСС, Т. 3, стр. 353).

Неслучайно Ильич взял примером Катунки. Что ни город, то норов, что ни деревня, то обычай. Написал о жителях хоть и заочно, но точно. И не крестьяне, и не пролетарии. Мастеровые, не голь перекатная. Такие не хотят перемен. А зачем им перемены, когда и так неплохо живется? Может быть, это Ленина огорчило. Но что есть, то есть. Уж такие они, катунцы. И церкви украшают, и разными промыслами не брезгуют. От скуки, как говорится, на все руки. В Катунках не только пряники, горшки да коромысла расписные мастерили. «В селе Катунках Ба-лахнинского уезда выделываются десятки тысяч поддель-ных бобровых, котиковых, соболиных и другим мехов,

материалом для которых служит кошачий мех. Скупка по деревням кошек составляет здесь особых промышленни-ков, называемых “кошатниками”».

А я-то в детстве гадал, откуда у соседней деревни такое колоритное название – Кошкодариха!

Надо сказать, что Катунки стали родиной знаменитых людей, немало на благо Отечества потрудившихся. Кре-стьянин Яков Самарин, например, выступил инициатором одного из первых в губернии приходских училищ. В 1814 году училище в Катунках было построено на его деньги, и пока Самарин был жив, он и содержал свое детище. Но этим его вклад в историю Нижегородского края не огра-ничился. Удивительный был человек, истинный катунец!

Еще одной исторической знаменитостью Катунок был митрополит Новгородский Иов.

2. Митрополит Иов

16 февраля 2009 года возле собора Рождества Пресвя-той Богородицы в Катунках был заложен, а потом и освя-щен памятник земляку – митрополиту Иову, выдающему-ся иерарху Русской Православной Церкви. До недавнего времени о митрополите Иове даже земляки-катунцы знали немного, а если честно, так и совсем не знали. Чуть было не затерялось имя в истории. А между тем это был удиви-тельный человек, подвижник, которым жители села могут по праву гордиться. В Катунках Иов (имя его до монаше-ского пострига неизвестно) родился и провел, по всей ве-роятности, детские годы.

Каких-либо сведений о родителях будущего митропо-лита нет, но предполагают, что принадлежали они к духов-ному сословию. Долго ли прожил Иов в Катунках, мы тоже не знаем. По некоторым сведениям, он с малых лет ходил по монастырям и наконец добрался до Троице-Сергиевой лавры, где и был пострижен в монашество. Доподлинно известно, что в 1689 году он уже архимандрит Высоко-Пе-тровского монастыря в Москве. По всей видимости, Иов был умелым духовным и хозяйственным руководителем, потому что не прошло и десяти лет, как он становится

настоятелем Троице-Сергиевой лавры, хиротонисан в епископа с возведением в сан митрополита Новгородского.

Много добрых дел сотворил Иов на Новгородской кафедре (кстати, новая столица Санкт-Петербург в то время входила в ведение Новгородского митрополита). Он устроил три больницы, странноприимный дом, первый в России дом для незаконнорожденных детей и подкидышей, богадельню для сирот и престарелых людей духовного звания при Знаменском соборе, завершил строительство знаменитого Софийского собора в Новгороде.

Митрополита Иова называют по справедливости сподвижником Петра Первого. Именно он освятил в новой столице первую церковь в Петропавловской крепости. Сторонник просвещения, Иов собрал обширную библиотеку, открыл 14 школ, училище для будущего священства, в котором учились 150 человек на средства митрополита.

О деятельности уроженца Катунок митрополита Новгородского Иова можно прочитать и в словарях, и в энциклопедиях, и монографиях. Мне же хочется добавить к его портрету небольшой неофициальный штрих. Историю, которую я хочу рассказать, поведал более ста лет тому назад уже упомянутый в этом очерке священник катунско-го Предтеченского храма Иоанн Доброзраков в журнале «Странник» (октябрь 1861 год). Мне она показалась занимательной, и, чтобы не забылась совсем, я привожу ее почти дословно, лишь немного вмешавшись в стиль повествования да добавив некоторые не меняющие суть дела детали.

3. Племянник

Был у митрополита Иова родной племянник по имени Борис, служил при Крестовоздвиженской церкви Катунок пономарем. Семья у Бориса была большая, а жалованье пономаря скудное. Чтобы как-то сводить концы с конца-ми, Борис по веснам нанимался в бурлаки. Надо сказать, что бурлацкий промысел тогда был широко распростра-нен и хорошо оплачивался, тем паче что от Катунок рукой подать до Пучежа («Пучецкой слободки»), своеобразного центра по найму бурлаков.

Сам Пучеж был в те времена невелик, чуть больше ты-сячи жителей, но ранней весной, когда тут происходил бурлацкий базар, население увеличивалось аж до шести тысяч. Здесь заключались сделки, формировались артели. Как говорили в ту пору: кобылку в хомут, а бурлака в лям-ку. В слободке строились расшивы, основные волжские суда. Их-то с товаром и тянули по реке бечевой бурлаки.

Наше представление о бурлаках сложилось в основном по картине Репина, да по стихам Некрасова и Никитина:

…Выдь на Волгу: чей стон раздаётся

Над великою русской рекой?

Этот стон у нас песней зовётся –

То бурлаки идут бечевой!..

…Ввечеру Пантелей уж сидел в кабаке

И, слегка подгульнув с бурлаками,

Крепко руку свою прислонивши к щеке,

Песни пел, заливаясь слезами.

То ли пьяницы, то ли доходяги, еле-еле тянущие лямку! А было не так. Тяжелый бурлацкий труд был хорошо органи-зован. Впереди шли так называемые «коренные» во главе с «шишкой», опытным бурлаком, который и задавал ритм дви-жения всей ватаги. Потом шли «кабальные», это действитель-но были разные бродяги, беспаспортный люд, работавшие только за харчи. От них толку было немного, поэтому замыка-ли группу «усердные», те, что подгоняли «кабальных».

В одну из таких ватаг нанялся в очередной раз катун-ский пономарь. Но не только заработать денег на прокорм семьи мыслил Борис. Имелась у него давняя задумка стать священником, но без серьезной протекции пономарю по-лучить священный сан было непросто. А где взять протек-цию? Слухами земля полнится. Борис знал, что родной его дядя – митрополит Новгородский, и надумал он добраться до родственника привычным порядком – в бурлацкой ар-тели. Бечевой шли вверх по Волге – до Рыбинска, а там, бог даст, и Новгорода достигнуть можно. И дорога не вхо-лостую – и кормежка тебе по пути, и заработок.

Оставил Борис свое семейство и отправился в путь. Не впервой ему было лямку тянуть, дело привычное, поставили его в коренные. От Пучежа до Рыбинска четыре сотни километров. Бурлаки идут бечевой от рассвета до звезды 10–14 верст, то есть за день одолевают по нынешнему измерению где-то 15 километров. Значит, до Рыбинска артель дотянула расшиву примерно за месяц. До намеченной цели оставалось половина пути. В Рыбинске Борис оставил артель и решил дальше добираться в одиночку. Здесь он нанялся на тихвинку, что направлялась в Великий Новгород. Пятьсот верст по северным рекам – Молога, Чагодоша, Горюн, Тихвинка, наконец из реки Сясь в Волхов, а тут прямой путь на Ильмень-озеро. Имелись и другие водные пути до Новгорода – Мариинская, Вышневолоцкая системы, но Тихвинской по тому времени отдавалось предпочтение.

И вот добрался наш пономарь до Великого Новгорода. Помолившись в знаменитом Софийском соборе, отправился на подворье к своему дяде, митрополиту Новгородскому Иову.

Дальше порога обносившегося за долгий и нелегкий путь странника не пустили.

– Доложите преосвященному, – говорит Борис, – дескать, земляк пришел, из Катунок.

Доложили. Владыка велел пригласить пришельца в кабинет, и Борис предстал пред очи митрополита Иова. Тот, видя человека в разодранном рубище, с недоумением спрашивает:

– Ты что за пилигрим?

– Из Катунок я, владыко святый! – отвечает пономарь.

Иов привстал, поглядел внимательно.

– Борисушка, ты ли это?

– Я, дяденька!

– Да как ты попал-то сюда?

Склонил Борис голову.

– Нужда заставила…

И рассказал митрополиту все подробно.

Выслушал Иов племянника, призвал эконома и ве-лел ему накормить да одеть родственника надлежащим порядком.

Через некоторое время умытый, накормленный и при-лично одетый Борис снова явился к преосвященному.

– Вот, – довольно улыбнулся Иов, – теперь на земляка похож!

Засмеялся и Борис, осмелел после трапезы да душевно-го приема.

– Так ведь, дяденька, бурлак что сиротка, когда белая рубаха, тогда и праздник!

– Вижу, на язык ты ловок, – промолвил митрополит. – Ну да в Катунках это не редкость, узнаю! Так с чем ты явился-то сюда?

– Дяденька, – говорит Борис, – осмелюсь у тебя денег малость попросить на обеспечение семейства.

– Откуда у монаха деньги? – отвечает Иов. – Нет у меня своих денег ни гроша. Вот велел я лодку для тебя нанять, и отправляйся-ка ты с богом восвояси. Семейство твое без тебя уж, пожалуй, страждет зело.

Повесил Борис голову. Но только для виду, потому как задумка-то у него совсем не денег касалась.

– А не сделаешь ли ты меня, дяденька, попом? У нас в Катунках всего один священник, да и тот стар весьма, не знаю, не умер ли, пока я к тебе добирался.

– Ишь ты! – удивился преосвященный. – Попом? Да знаешь ли ты хотя бы устав церковный?

– Знаю. Чай я пономарь.

– Пономарь? А бурлаком назвался?

– Так я и бурлак тоже по бедности. Нужда заставляет.

Борис замолчал, а митрополит покачал сочувственно головой и произнес:

– Ладно, пономарь так пономарь. Да ведь и пономари всякие бывают. Лень-матушка порой наперед человека родится. Проверим, каков ты пономарь. Ответь-ка на мои вопросы.

Тут же испытал Иов Бориса в знании церковного устава. Отвечал племянник бойко и правильно, устав он знал назубок.

– Ладно, – сказал митрополит, удовлетворенный ответа-ми племянника, – Только хиротонисать-то я тебя не могу. Ты правила знаешь – в своей епархии рукоположение про-ходить надобно.

У Бориса на все ответ заготовлен.

– А ты бы, дяденька, написал мне грамотку…
Усмехнулся митрополит.

– Какую-такую грамотку? – спрашивает.

– Чай, знаешь какую – нашему бы преосвященному в Нижний…

– Шустрый ты, племянник, как я погляжу! Да оно и до-бро, такому выжить легче. Ладно. Напишу я вашему ар-хиерею письмо, отвезешь, он и решит, что с тобой делать. Авось будешь попом!

На том и распрощались. Спрятал Борис драгоценное послание на груди под новой рубахой и тем же путем на легкой лодочке, нанятой знаменитым родственником, вер-нулся в Катунки.

На родине путешественника ждало немаловажное изве-стие – единственный священник, о котором он рассказы-вал Иову, действительно скончался. Это бы ладно, царство ему небесное. Но на его место, как оказалось, уже опреде-ляется один из дьяконов. Недолго думая, Борис отправля-ется в Нижний, благо недалеко – всего восемьдесят верст. Здесь он узнает, что завтра, а это будет воскресенье, состо-ится хиротония катунского диакона в пресвитеры. Нужно было действовать незамедлительно.

Другой бы, может, и руки опустил, но не катунский уро-женец. Борис сумел-таки передать митрополитово письмо нижегородскому архиерею. По прочтении тот пригласил его к себе, и снова Борис подвергся допросу.

– Ты кто таков? – строго спросил владыка, разглядывая пономаря.

Борис сразу сказал, что он родня митрополиту Иову. – Как ты родня митрополиту? – Я ему родной племянник.

– Так! Племянник, значит? Чай, не врешь? А то у нас тут проходимцев немало бродит, и все кому-нибудь родней сказываются.

– Я не проходимец, – сказал Борис. – Я катунский поно-марь. А дяденька-то мой, владыка Иов, из Катунок родом.

Покачал епископ головой согласно, а в руках письмо держит.

– Вот пишет мне владыка, что ты устава церковного знаток. Так ли?

– Так, владыко, – отвечает Борис. – Люблю я устав за стройность и понятность.

– Вот как, понятность? Хм… А скажи-ка мне, зна-ток, можно ли по церкви во время чтения шестопсалмия ходить?

– Нет, владыко, – отвечает Борис. – Никоим образом нельзя. Ни ходить, ни шептать, ни плевать, ни харкать. Руки надо к груди прижать, а глаза в пол упереть…

– Ладно-ладно, вижу – знаешь. А ведь народ-то наш не гораздо устав чтит. Так ли?

– Истинно так, владыко, – отвечает Борис. – Но у нас в Ка-тунках на шестопсалмии тишина. Люди богобоязненные.

– Да, чай, врешь ты все, – отмахнулся преосвященный. – Ишь, скажет – богобоязненные! Знаем мы вас! Давно ли ты в пономарях?

Борис сказал.

– Ладно, – промолвил архиерей, разглаживая на столе грамотку митрополита. – Готовься к посвящению!

Диакон, несолоно хлебавши, вернулся в Катунки про-должать служение в своем чине. Осердился, пожалуй, на Бориса, да что поделаешь, знать, воля божья, коли так вышло. А Борис в скором времени, на удивление земляков, да и родного семейства, приехал домой священником.

Вот какая история.

Священник Иоанн Доброзраков в своем очерке сообща-ет, что в Катунках о Борисе до сих пор помнят и расска-зывают, что служил он до самой смерти добросовестно,

183 любовью пас свое стадо. А дело его продолжили сыно-вья, что пошли по стопам отца и стали священниками. Им уж не доводилось в бурлаках хаживать по Волге-матушке. Вот-де какое раньше было простое время. Может, и так. Мы не знаем, триста лет, однако, прошло. И митрополит Иов у современных катунцев в синодиках не записан. А жаль, надо бы записать и поминать владыку. Да и священ-ника Бориса помянуть не помешает.

А еще о. Иоанн говорит, что в Катунках в его время были три иконы, подаренные после пожара родному селу

митрополитом Иовом. И будто были они из Троице-Сергиевой лавры: одна Успения Божией Матери, другая – московских чудотворцев, и третья – явления Божией Матери преподобному Сергию. Все они были в посеребренных ризах с серебряными венцами, двухметровой величины. Не уберегли, конечно… Храмы разрушили, Катунки за-топили. Слава богу, немало сохранилось в Крестовоздви-женском молитвенном доме, собравшем после разрушения и хранившем полвека на своей малой площади церковное богатство разрушенных катунских храмов – Иоанна Предтечи, Смоленской иконы Божией Матери, Крестовоздвиженского, преподобного Сергия Радонежского…

А память о былом все же осталась – белоснежный собор Рождества Пресвятой Богородицы, построенный в честь победы в Отечественной войне 1812 года и восстановленный в начале века двадцать первого. Он стоит на самом берегу. Смотрит в небо и отражается в Волге. Свеча между прошлым и будущим.

Александр ЦИРУЛЬНИКОВ

185 ОЛЕГОМ ТАБАКОВЫМ ЗА ГРАНИЦЕЙ И ДОМА

12 марта 2018 года в Москве после почти четырех месяцев тяжелой болезни умер Олег Табаков. С середины декабря 2017 года Интернет изобиловал сведениями о состоянии его здоровья, оно то резко ухудшалось, то вроде шло на поправку, а потом снова становилось угрожающим.

Я с большой тревогой следил за этими беспокойными известиями, чувствовал, что теряю еще одного своего дав-него друга. Мы с ним весьма редко встречались, но

как-то так вышло с первого дня знакомства в сентябре 1963 года близко чувствовали друг друга, уважали друг друга, помнили друг о друге. И когда я звонил ему по домаш-нему телефону в Москву или позже по сотовому, и когда встречал его на вокзале в Горьком или в театрах Нижнего Новгорода, где он гастролировал со своими актерскими коллективами, всегда первое что от него слышал: «Саня, как здорово, что мы еще живы!» Наверное, он так привет-ствовал не только меня, а и других близких ему по возра-сту друзей, но я сейчас пишу о том, что привык слышать от него я. И горько понимаю, что больше никогда этого от него не услышу…

187 сентябре 1963 года в составе туристской группы мо-лодежного бюро «Спутник» я впервые в жизни оказался за границей. В то время в Италию из Советского Союза в год

приезжали всего 120 экскурсантов. В нашей группе было 32 человека, кроме нас в 1963 году там побывали две груп-пы перед нами и одна – после. Вот почему нас принима-ли почти что на официальном уровне и сопровождали по стране члены ЦК Итальянской компартии и итальянско-го комсомола. Группа наша тоже была подобрана особым образом: в её составе были секретари нескольких обкомов и горкомов комсомола, молодые журналисты газет, радио и телевидения, искусствоведы, известный уже в стране и за рубежом актёр Олег Табаков. В программе пребывания у нас были встречи с молодыми и не очень молодыми ита-льянцами на предприятиях, в рабочих клубах, на фести-вале главной коммунистической газеты «Унита» во Фло-ренции. Мы должны были участвовать в дискуссиях на различные темы, в том числе по литературе и искусству. Как раз тогда ими очень заинтересовался Никита Сергее-вич Хрущёв, который провёл ряд встреч с интеллигенцией и высказал кое-какие свои оценки явлениям культуры, чем в ряде случаев просто шокировал мировое общественное мнение. Нам нужно было, «выступая с партийных пози-ций», тем не менее убеждать собеседников, что в нашей стране деятели культуры свободны в своём творчестве и пишут о том, что считают важным, не подвергаясь пре-следованиям, открыто говорят о теневых сторонах жизни. Но наш народ категорически не приемлет антисоветской пропаганды и тонко чувствует разницу между крити-кой недостатков во имя их искоренения и враждебным злопыхательством…

Говорили мы искренно и убеждённо, потому что ве-рили в то, о чём говорили, и хотели в это верить. Хотя внутренняя тревога, что время «оттепели» проходит, уже появилась, и очень не хотелось, чтобы «похолодало» и на-грянули «заморозки»… Надо сказать, что на эти темы мы спорили и между собой, потому что все тридцать два че-ловека не были единомышленниками, а имели различные взгляды на происходящие в нашей стране политические и экономические процессы. Могу сказать, что многие мои одногруппники потом сделали успешную карьеру, неко-торые стали крупными деятелями партии и государства,

членами ЦК КПСС. Один из них при Горбачёве возглавлял Крымский обком КПУ, другой работал первым секретарём ЦК компартии Молдавии, а после XXVIII съезда КПСС стал членом Политбюро и секретарём ЦК КПСС. После развала СССР он вернулся в Молдавию и выиграл там президентские выборы, правда, продержался на этом по-сту только один срок, до следующих выборов…

О наших товарищах- туристах мы вспоминали с Оле-гом Табаковым, когда в сентябре 2002 года он вместе со своей « Табакеркой» приезжал на гастроли в Нижний Новгород. Естественно , вспоминали наши итальянские встречи.

В Москве нам поменяли 22 рубля на 15 тысяч итальян-ских лир. Одна тысяча лир стоила на наши деньги пример-но один рубль сорок пять копеек. По предложению руко-водителя нашей группы Николая Зиборова мы передали в общественный фонд на непредвиденные расходы по одной тысяче лир. Так что у каждого осталось 14 тысяч. И они тяжелили наши карманы. Первым итальянским городом у нас на пути была Венеция. После того как мы вселились в небольшой дешёвый отель «Тициано» и поели во время обеда спагетти на первое и на второе, нам объявили, что сегодня никаких мероприятий не будет и каждый может использовать свободное время по своему усмотрению. Только желательно, чтобы не уходить далеко по одиночке, а идти группами в три-четыре-пять человек. Олег Табаков предложил мне и еще двоим нашим ребятам сходить на здешний рынок.

– Понимаешь, – убеждал он меня, – деньги надо тра-тить быстро, чтобы голова была свободна от покупатель-ских забот. Оставим 100–200 лир на мелкие расходы, а на остальные деньги купим вещи для себя, для родных, суве-ниры для друзей.

Когда мы уезжали с Киевского вокзала Москвы, Оле-га провожала жена актриса Лариса Крылова с маленьким Антоном на руках, с перрона нам махали и давали Оле-гу наказы Михаил Козаков, Игорь Кваша… Наверное, вся труппа «Современника» вышагивала рядом с медленно уходящим поездом… Я мысленно прикинул, сколько же

тысяч лир нужно Олегу, чтобы каждому что-то привезти на память.

– Не напрягайся, старик, – посоветовал Табаков, – я решу эту проблему. Куплю пару бутылок «Кьянти», и они все будут рады этому вину и вообразят себя персонажами из Ремарка. У него «Кьянти» в большом ходу…

Сразу скажу, что поход на рынок оказался, на наш взгляд, очень удачным. Правда, мы не сразу освоились с тем, как нужно торговаться. На собеседовании в Москве в МИДе нам сказали, что на всех рынках, во всех магазинчиках и магазинах, кроме тех, что зовутся «Станда» или «Упим», принято торговаться, в этих же двух фирмах цены стабильные и товары очень высокого качества. Но дали понять, что с нашими лирами туда ходить не стоит.

Наши «рыночные отношения» на итальянской промтоварной толкучке в Венеции с местными торговцами поначалу были сложными. Продавцов было много, а нас мало, и все они наперебой зазывали нас к себе, раскладывая пе-ред нами свои товары: множество шерстяных свитеров, кофт, и, конечно, нейлоновых плащей, которые тогда у нас дома были криком моды, потому что были практичны и удобны в сырую погоду летом. Они легко укладывались в пакет из той же ткани, если дождь прекращался и выходи-ло солнце. Каждый из нас в обязательном порядке предус-матривал покупку такого плаща, который в России назы-вали «болоньевым» или просто «болоньей». Но для начала надо было освоиться на этом шумном торжище.

Помощь пришла неожиданно: кто-то похлопал меня по плечу и почти дословно процитировал Эллочку-людоедочку: «Парень, у тебя спина белая!» Рядом со мной стоял молодой человек в рубашке с короткими рукава-ми и светлой курткой, перекинутой через руку. Ниче-го себе – на итальянском базаре русская речь! Видимо, на наших лицах было такое удивление, что незнакомец поспешил представиться: «Мы матросы с “Радищева”, пришли сегодня утром…» Оказалось, что их тут пяте-ро. А рубашка моя на спине действительно была в мелу: где-то прислонился. Матросы, люди в торговых делах опытные, подсказали, что к продавцу надо подходить

189 вопросом «Кванта коста?». То есть сколько стоит? На бумажке он напишет свою цену. Не считайте зазорным перечеркнуть её и написать свою, в два или три раза мень-шую. Он несколько снизит, а ты чуть-чуть прибавь. И стой на своём, пока он не огласит приемлемый вариант.

Мы оказались хорошими учениками и купили всё, что хотели. И шли в гостиницу, потрясённые, как много мы приобрели здесь, по сути, за двадцать наших рублей… А когда пришли в «Тициано», были подняты на смех сво-ими же: «Вы посмотрите на них! Они в первый же день из шестнадцати растратили все деньги на первом же попав-шемся рынке! Вот что значит – люди первый раз за грани-цей!.. Вы еще пожалеете о своей опрометчивости!..» Са-мое удивительное, что жалеть пришлось не нам, а нашим критикам, потому что во время поездок по другим городам стало ясно, что цены на рынке в Венеции оказались самы-ми доступными для наших карманов. Везде те же товары были дороже, а кое-где – в разы! Тут последовали упрёки и даже подозрения: «Вы же не просто так решили всё, что надо, купить в Венеции… Вы знали, что она самый деше-вый город, а нам не сказали!..»

Олег как мог объяснял оппонентам, что мы ничего не знали, а просто хотели сразу же освободить себя от забот, связанных с покупками… Что он всех приглашал с собой, а откликнулись трое… Знал бы Табаков, какое испытание было уготовано ему на последний, шестнадцатый, день нашего нахождения в Италии.

Мы были в Неаполе, и после экскурсии по заливу и по городу наш автобус сделал короткую остановку на одной из площадей как раз перед универмагом фирмы «Упим». Коля Зиборов сказал: «Даю двадцать минут на свободный полёт. Через двадцать минут едем в Рим. А оттуда на по-езде – в сторону дома через Геную, Вену и Будапешт…» Мы решили уже никуда не ходить и стояли с Табаковым возле нашего длиннющего автобуса какой-то давней ан-глийской марки и желали нашему шофёру Луиджи успеш-ной дороги через всю южную и срединную Италию в Рим на самый крупный в Европе вокзал Термини. Луиджи в это время попивал «Кьянти» из горлышка полуторалитровой

стеклянной бутылки. И через нашего переводчика Франческо объяснял, что в вине этом всего одиннадцать градусов и в Италии его дети пьют вместо молока с младенческого возраста… И в это самое время какая-то шумная группа молодых людей, показывая пальцами на Табакова, бросилась к Олегу и стала что-то ему объяснять. Олег только успел сказать нам, что это его итальянские коллеги, А Франческо переводил, что они уже давно искали нас в Неаполе и рады, что наконец нашли.

Дальше разговор носил примерно такой характер: «Мы долго думали, что тебе, Олег, подарить. И решили сделать проще – вот тебе от нас пятнадцать тысяч лир, и купи на них то, что сочтешь нужным…» Нужно было видеть охва-ченное ужасом лицо Табакова, который, по сути, в первый час пребывания на итальянской земле расстался со всеми лирами, чтобы не думать о покупках, а тут за пятнадцать минут до отъезда домой получил на руки сумму даже на тысячу лир больше той, чем каждый из нас располагал в Венеции. Потратить её нужно было именно за эти самые пятнадцать минут!

Мы бегали по этажам «Упима», помогая Олегу растратить деньги. И признаюсь, что это нам удалось. Правда, не знаю, насколько нужными и полезными были покупки. Помню, что там был большой хрустальный набор для вина. И что-то из него, кажется, разбилось потом, когда мы ехали в сидячем поезде из Вены в Будапешт… Во время последующих встреч с Олегом я собирался спросить его, кто же были те щедрые кинематографисты, которые возникли словно из воздуха и тут же застенчиво испарились, сообразив, как затруднили своим даром Табакову последние минуты пребывания в Неаполе. Когда я спросил об этом Олега в первый раз, он развёл руками: «Не помню, кто тогда приходил, всё случилось так стремительно…» А во время нашей встречи в сентябре 2002 года, когда я спросил, не вспомнил ли он, кто же были эти неожиданные дарители, Олег, похохатывая, признался: «Как же вспомнил, это был киноре-жиссёр Сильвано Агости с актёрами, которые у него тогда снимались. А вот кто были они – не помню. Может быть, уже ходят в звёздах мирового кинематографа?..»

Кажется, осенью 1973 года Олег Табаков приехал в Горьковский театр комедии и играл в спектакле по пье-се Вампилова «Провинциальные анекдоты». Я не знал об этих гастролях и спокойно уехал на три дня в Большое Болдино на 143-ю годовщину первой Болдинской осени Пушкина. Снимали репортажи для новостей Центрально-го телевидения, для «Горьковских новостей». Тогда пуш-кинские даты отмечались как большие народные праздни-ки, потому что были еще живы старики, чьи дедушки и бабушки общались в селе с приезжим молодым барином и сохранили в памяти рассказы и предания о нем, помни-ли народные песни, которые он любил здесь слушать. Их замечательно исполнял хор болдинских старух, одетых в платья и сарафаны, оставшиеся им от бабок и прабабок…

С утра до вечера мы запечатлевали все это. И вдруг меня вызвали к телефону в райком партии. Звонил глав-ный режиссер нашей студии Марк Анатольевич Скворцов:

– Саша, вам нужно срочно возвращаться в Горький, тут вас ждут в театре комедии.

– А кому я там нужен?

– Приехал Олег Табаков. Он поднял на уши весь город, ищет вас!..

На следующий день я был в Горьком. И мы с Раей пришли на дневной спектакль в театр комедии. С Оле-гом встретились так, как будто расстались только вчера. С Раей они тут же перешли на «ты», и казалось, что давно знают друг друга. В гримерке у Олега встретили давне-го знакомого – актера «Современника» Валерия Хлевин-ского, который год или два года назад проходил воинскую службу в армейском ансамбле «Сокол» в Лесном городке и приходил за книгами в библиотеку имени Грибоедова, где Рая работала…

Спектакль прошел с большим успехом, Олег после него шутил, что играл специально для меня, потому что я так громко смеялся, что провоцировал весь зал…

После этой встречи прошло много лет, так много, что в следующий приезд Олега мой сын Аркадий был уже студентом-старшекурсником филфака Горьковского университета и владел съемочной телекамерой, так что снимал

нашу встречу с Табаковым на бетакамовскую кинокамеру на Откосе у парадного входа в гостиницу «Россия». Пожалуй, тогда мы с Олегом были уже с сединой в волосах, и он тогда впервые произнес свое сокровенное: «Старик, как хорошо, что мы живы!» За нашим веселым общением наблюдали со стороны два молодых актера со знакомыми уже всей стране лицами – Сергей Безруков и Евгений Миронов. А когда приезжие ушли в гостиницу поселяться и мы остались с сыном вдвоем, Аркадий спросил:

– Сколько лет вы с Табаковым не виделись?

– Когда он приезжал осенью 1973 года, тебе был год, мы оставили тебя дома с дедом, а сейчас тебе двадцать три. А почему ты спросил?

– Да вы сегодня так встретились, как будто только вчера расстались…

Потом были гастроли и в другие годы, во время которых Олег приходил ко мне на телевидение, и мы с ним встречались в эфире моей программы «Поверьте на слово».

... Прошли годы , и в апреле 2007-го Аркадий позвонил мне из столицы: «Я снимал открытие мемориальной до-ски Олегу Ефремову для “Вестей Москвы”, там был Олег Павлович Табаков, он передает тебе привет и приглаша-ет на спектакль “ Похождение ” по “Мертвым душам” Гоголя.

–А кого он там играет?

– Плюшкина!

– А Чичикова кто?

– Безруков…»

Конечно, я не мог не воспользоваться этим приглаше-нием, тем более что с детства знал и любил старую мха-товскую постановку «Мертвых душ».

Тогда на радио была программа «Театр у микрофона», и я слушал по репродуктору записанный на пленку спектакль. Причем таких записей было две – с разными актерскими составами. В одном Чичикова играл Топорков, в другом – Белокуров. В одном Маниловым был Кедров, в другом – Масальский. Роль Собакевича была в одном случае у Тар-ханова, в другом – у Грибова. Не помню, были ли другие исполнители ролей Ноздрева, Коробочки, губернатора.

И меня в памяти сохранилось, что их изображали Ершов, Зуева, Станицын. А вот Плюшкиных тоже было двое – Ле-онидов и Петкер.

слушал эти спектакли несчетное количество раз, за-помнил каждую роль наизусть и повторял с присущими тому или другому актеру интонациями.

Однажды, когда я рассказал об этом Смоктуновскому, Иннокентий Михайлович озорно спохватился:

– А может быть, что-нибудь вспомните и изобразите? И я показал, как подвыпивший Ноздрев (Ершов) обзы-

вает фетюком своего пришедшего к нему родственника, а тот голосом Лужского жалобно просит: «Ты меня фетю-ком не обзывай! Какой я тебе фетюк?»

Смоктуновский рассмеялся:

– А что такое – фетюк?

– Понятия не имею, но что-то не очень хорошее, вроде глупца или неумехи… А какой у вас Плюшкин?

– Жалкий, жадный, потерявший облик. Человек, кото-рый живет в своем закрытом мирке и боится, что кто-то его там потревожит.

И тут я рассказал Иннокентию Михайловичу о своей давней встрече с Николаем Константиновичем Черка-совым, который собирался играть Плюшкина в фильме «Мертвые души» у Ивана Александровича Пырьева и был очень рад, что тот предложил ему эту роль.

– Плюшкин – это же целое явление на все времена! – басил он. – Это же не просто скопидом, а целая филосо-фия скопидомства! Но в то же время он достоин жалости и сострадания. Почему? Потому что сама жизнь – щедрый дар! И чтобы жить, надо быть щедрым! Тогда жизнь пол-ноценна. Он обобрал сам себя. Плюшкины есть всюду и везде. Сколько я знаю таких Плюшкиных!..

– Саша, это же все очень интересно, вы об этом обязательно напишите! – мне показалось, что мой рассказ растрогал Смоктуновского. – Конечно, очень жаль, что Николай Константинович не оставил нам своего Плюшкина, а Пырьев не снял этот фильм!.. Я к этому персонажу отношусь не так, как Черкасов – глобально-публицистически, хотя Плюшкин в любом случае остается на все времена,

по характеристике самого Гоголя, – «прорехой на человечестве». Просто он опустившийся и больной человек, которого жалко…

И вот 17 апреля 2007 года в Москве в спектакле «Табакерки» «Похождение» я увидел неожиданного Плюшкина в исполнении Олега Табакова. Это был совсем не привычный Плюшкин – толстый, сытый, себе на уме, ироничный, кажется, в нем погиб несостоявшийся хлебосол. И вовсе он не «прореха на человечестве», а хитрюга, по-своему довольный жизнью, которой живет и которая его устраивает. Когда на следующий после спектакля день мы говорили с Олегом по поводу новых постановочных решений и он сказал, что остается традиционалистом, сторонником классических подходов, я заметил моему давнему товарищу, что не далее как вчера видел его Плюшкина и знаю, какой Табаков «традиционалист», и что спектакль мне понравился и блистательно сыгранного Табаковым друго-го Плюшкина я принимаю.

Встреча была во дворе «Табакерки» перед отъездом Та-бакова на репетицию в МХТ. Мы были тогда втроем: Олег, я и Аркадий, который нас с Олегом сфотографировал. И я тоже снял их на пару.

А в самый последний раз мы виделись с Табаковым в ноябре 2007 года. Он приехал на гастроли с «Табакеркой» в Нижегородский ТЮЗ. На начало пресс- конференции я опоздал, вошел в репетиционный зал ТЮЗа и примостился на свободном месте в задних рядах. Олег был на сцене, ходил за стульями тех, кто сидел за столом – актерами, режиссерами, устроителями гастролей. Говорил, как, несмотря на свои «за семьдесят », он, отец четверых детей от двух жен, превосходно себя чувствует, много работает в двух своих театрах, преподает в Школе-студии. На сон остается полтора-два часа… И вдруг остановился на половине фразы и стал вглядываться в дальний конец зала:

– Саня, это ты там спрятался? А ну иди сюда…

Я пошел к нему навстречу, а он спустился с подмостков и направился ко мне, повторяя: «Как здорово, что мы еще живы!» Пожали друг другу руки и обнялись. «Когда вижу

твоего Аркашу в Москве по телевизору, всегда мысленно передаю тебе приветы…»

И все-таки годы были уже властны над ним. Он распол-нел, обрюзг, но глаза светились молодо. Я вспоминал, как после спектакля «Похождение» в апреле мы с Аркадием пошли повидаться с ним за кулисы, так днем договори-лись по телефону, и его не обнаружили.

– Саня, я очень устал и, как только вышел из роли, сразу уехал домой, давай до завтра! – услышал в ответ на мой звонок. Завтра он нас ждал в «Табакерке»…

Я принес в ТЮЗ фотографии, снятые во дворе «Таба-керки», две подарил ему, а на двух попросил оставить ав-тографы – мне и Аркадию.

На обратной стороне снимка, где мы с Олегом вдвоем, он размашисто написал: «Саня! Несмотря ни что – мы еще живы! Слава Богу! О. Табаков»

И вот теперь его нет…

Андрей ДМИТРИЕВ

ЕГО ГРЫЗЛА ТОСКА ПО РОССИИ

По следам поэта-нижегородца

феврале прошлого года в Нижнем Новгороде на стене дома № 10в по улице Большой Покровской была торже-ственно открыта мемориальная доска другу и соратнику Сергея Есенина – поэту, прозаику и драматургу Анатолию Мариенгофу, который жил здесь до 1913 года. Это собы-тие благодаря усилиям энтузиастов вернуло старинному волжскому городу свою частичку Серебряного века. Но она у нас не единственная. Однажды в соцсетях на стра-нице писателя и кандидата исторических наук Леонида Юзефовича, который затрагивает в своих работах тему Гражданской войны, появилась информация о поэте Ле-ониде Ещине – уроженце Нижнего Новгорода, участни-ке белого движения, эмигранте, и она показалась крайне любопытной.

Углубившись в биографию этого человека, представ-ленную в открытых источниках скупо и разрозненно, удалось выяснить, что семья Леонида Евсеевича Ещина просто уникальна, ведь несколько человек в этом роду, включая самого поэта, занимались литературным трудом. Отец Леонида Евсеевича – Евсей Маркович Ещин – для Нижнего Новгорода был фигурой заметной. Родился он

А Белоруссии, а гимназию окончил в украинском Черни-гове, где стал работать в театре, пройдя путь от суфлера до заведующего репертуарной частью. Попробовал себя

В в роли драматурга. Его пьеса «Наслаждение жизнью» была поставлена в 1884 году на черниговской сцене.

Из Московского университета, куда Евсей Маркович поступил на юридический факультет, он был исключен за участие в студенческих волнениях и сослан в Ростов-на-Дону. Там он написал повесть «Из-за любви». Впрочем, позже Евсей Ещин все-таки окончил университет, после чего и перебрался в Нижний Новгород в качестве при-сяжного поверенного. Но молодой юрист и литератор не оставил революционных идей, поэтому активно влился в нижегородское отделение партии кадетов. Опять был аре-стован, два года провел в ссылке в Архангельском крае. Крах Российской империи встретил на посту гласного Ни-жегородской городской думы.

Однако для летописи города Евсей Маркович все же ценен в большей степени не как политический деятель, а как журналист и издатель. С его именем связана история легендарного издания «Нижегородский листок», в редак-ции которого состоял и наш классик Максим Горький. Ев-сей Ещин издавал эту газету с 1906 по 1917 год. Редакция располагалась в трехэтажном доме на пересечении улиц Большой Покровской и Грузинской.

Умер Евсей Маркович в 1936 году. О его брате – Алек-сандре Марковиче Ещине, писавшем под именем Алек-сандр Мордухович, практически ничего неизвестно, кро-ме того, что был он журналистом и переводчиком. Сын Александра Марковича – Владимир Ещин пошел по сто-пам отца и остался в истории благодаря своим переводам Шиллера, Гёте, Гейне и даже Джордано Бруно. Многие работы Владимира Александровича, к сожалению, так и остались неизданными.

Адъютант его превосходительства

Но вернемся в Нижний Новгород. У Евсея Ещина было два сына – Леонид и Михаил. Михаил погиб во время Великой Отечественной войны в 1941 году. О нем ника-ких других сведений найти не удалось. А вот о Леониде Евсеевиче известно достаточно. Родился он в 1897 году

С Нижнем Новгороде. Был студентом историко-филологического факультета Московского университета, окончить который помешала разразившаяся Гражданская война. Советскую власть не принял. Воевал на стороне белых, сначала в отряде генерала Перхурова в чине прапорщика, потом участвовал в восстании в Ярославле, организованном лидером эсеров Борисом Савинковым. В 1919 году примкнул к Колчаку, став адъютантом командира Ижевской стрелковой дивизии полковника Викторина Молчанова. Произведен в поручики. В составе дивизии участвовал в Великом сибирском ледяном походе, которым руководил генерал Каппель.

Приморье также участвовал в сражениях с Красной армией. Во Владивостоке ему было присвоено звание капитана. За короткий период жизни в городе Леонид Евсеевич успел проявить себя не только на военном, но и на литературном поприще. Стал писать статьи для газе-ты «Руль», опубликовал единственный прижизненный сборник стихов «Стихи таежного похода». Подготовил к печати вторую книгу, но выпустить ее не успел. Под натиском наступающих красноармейцев Владивосток был сдан. Пришлось бежать. Сначала на японском судне Леонид Ещин тайно переправляется в Корею, где пришлось какое-то время жить в лагере беженцев. Затем приезжает в китайский Харбин, ставший столицей белой эмиграции на Дальнем Востоке.

Этот период жизни Ещина хорошо отражен в мемуарах Юстины Крузенштерн-Петерец – родственницы прославленного исследователя адмирала Ивана Крузенштерна и жены поэта-эмигранта Николая Петереца: «Ещин скоро расстался со своей “белой музой”. Его грызла тоска по России. Он начал работать в советской газете, там он не очень прижился, ушел, с горя стал пить горькую. Огромный, никогда почти небритый, неряшливый, Ещин подкупал своим детским незлобием, и его любили, как беспризорного ребенка, как большого доброго пса. Он, вероятно, таким себя и чувствовал, когда писал:

Неужели не знаешь ты, Господи Боже,

Что меня и обидеть-то грех...

Да, в эмигрантском Харбине 20-х годов были просовет-ские газеты – «Молва», «Трибуна», «Харбинская правда». Здесь царил плюрализм мнений, и каждое сообщество имело свои печатные издания. Свои газеты выпускали де-мократы – «Вперед», «Заря», «Голос Родины», «Рупор», черносотенцы – «Русский голос», центристы – «Харбин-ский вестник» и даже русские фашисты – «Наш путь». Кстати, сама Юстина Владимировна работала в редакции популярнейшего харбинского литературного журнала «Ру-беж», выходившего целых 18 лет – до прихода советских войск в августе 1945-го.

В мемуарах Юстины Крузенштерн-Петерец говорится, что Леонид Ещин передал самую дорогую реликвию – те-традь со стихами – своей знакомой Екатерине Воейковой (в замужестве Ильиной), состоявшей в родстве с Толстыми и Мусиными-Пушкиными. В 50-х после войны Екатерина Дмитриевна вернулась в Россию. Позже ее дочь – советская писательница Наталья Ильина на основе этой тетради и своих воспоминаний сделала Ещина прототипом своего ро-мана «Возвращение», где он выведен под фамилией Евсеев.

Муж Юстины Крузенштерн-Петерец поэт Николай Пе-терец тоже дал свою оценку собрату по перу: «Ещин не стал крупным поэтом, но из всей дальневосточной плеяды он имел наибольшие внутренние данные, чтобы стать им...

Жизнь оказалась сильнее и его незаурядного характера, и глубокого дарования. Он умер... И, как-то странно, только после смерти все почувствовали, кто такой Ещин – загово-рили о нем, стали писать...»

Другой соратник по литературе и бывший сослуживец Леонида Ещина – поэт Арсений Несмелов писал о его жизни в эмиграции так: «…Семь лет жизни Леонида в Харбине были сплошной каторгой… Раздетый, разутый, голодный ходил он по улицам города в поисках случай-ного заработка: репризы для эстрадных актёров, редкие статьи в русскоязычных газетах и журнальчиках… Его знали и любили как человека, но… Он сам был отчаянно непрактичен и не умел за себя бороться… Думаю, что в последние месяцы перед смертью он уже чувствовал свою обреченность…»

Арсению Несмелову принадлежат и такие высказывания о своем друге: «Какая пёстрая жизнь... Леонид Ещин не избежал судеб русского народа и прошёл их мрач-ным рядом вместе со всеми теми, кто были его спутни-ками , прошёл и скрылся, подобно многим, в сумерках прошлого...»

Где эта улица, где этот дом?

Поиск информации о Леониде Ещине в Интернете навел на еще одно имя. Оказывается у Леонида Евсеевича жив родной племянник – писатель, переводчик, сценарист, участник Великой Отечественной войны Юрий Хазанов. Его мать была дочерью Александра Марко-вича Ещина – дяди поэта. В своем мемуаристическом произведении « Горечь» Юрий Самуилович упоминает и талантливого родственника: «Генерал-лейтенант В.О. Каппель командовал в 1919 году колчаковским Восточным фронтом. Может, кто-то помнит: в знаменитом в конце 1930-х годов кинофильме “Чапаев” есть впечатляющие кадры – психическая атака белых офицеров-каппелевцев, которых чапаевцы легко развеяли по полю с помощью пулемётов. Так вот, мой дядя Леонид мог бы принять участие в ней, этой атаке. Однако не принял, потому что, как утверждают военные историки , её никогда не было».

Юрий Хазанов успел познакомиться с Екатериной Воейковой-Ильиной, вывезшей в СССР творческое наследие поэта, незадолго до ее смерти. Воспоминания Екатерины Дмитриевны о Ещине и жизни в эмиграции можно про-честь в «Горечи».

Леонид Евсеевич умер в Харбине по одним данным в 1929-м, по другим в 1930 году. Умер молодым – в возрасте 33 лет. По одной версии, он покончил жизнь самоубийст-вом, по другой – его сгубило пристрастие к алкоголю и кокаину. Как бы то ни было, перед нами типичная судь-ба эмигранта-белогвардейца, не сумевшего найти смысла жизни вне России, которую горячо любил. Он не дожил до оккупации Харбина японскими войсками в 1932-м,

не дожил до прихода сюда советских войск в 1945-м, когда бывшие враги большевизма пополнили сталинские лаге-ря, в числе которых оказался и его друг Арсений Несме-лов. Он не успел состояться в русской литературе. Лишь спустя десятилетия его строки долетели до узкого круга ценителей поэзии. Но однозначно Леонид Евсеевич явля-ется неотъемлемой частью русской культуры и истории Нижнего Новгорода.

Интересно, сохранился ли дом, где проживала неорди-нарная и талантливая семья Ещиных? Если да, то мемори-альная доска на нем стала бы для нижегородцев еще од-ним поводом изучать и беречь свои корни, ощущать себя наследниками литературных традиций.

Андрей ШИМИН

«ОБЩИМ УСЕРДИЕМ АРЕСТАНТОВ...»

В начале февраля 2018 года автору настоящей статьи довелось консультировать одного нижегородского дилера по поводу уникальной иконы размером 31×35 см. Она нуждалась в реставрации, но две трети изображения были целы. Два ангела, несущих Спаса, на убрусе осеняют две крупные фигуры с рекой и городом между ними. Левая фи-

4 апреля 1866 года, утром, император Александр II гулял с племянником и племянницей по Летнему саду. Большая группа любопытствующей публики наблюдала за императором. В момент посадки Александра в коляску прогремел выстрел. Пуля чудом прошла над головой Александра. Спас императора Осип Комиссаров, шляпник, крестьянин Костромской губернии, инстинктивно ударивший стрелявшего по руке. Стрелявший пытался бежать, но был задержан. Им оказался Дмитрий Каракозов, мелкопоместный дворянин Саратовской губернии (кстати, пистолет был двуствольный и второй ствол был тоже заряжен). По меткому замечанию историка Игоря Шумейко, покушение стало выстрелом «стартового пистолета» русского террора. Далее – «Народная воля», взрыв в Зимнем и так далее вплоть до 1881 года. Первое публичное покушение на царя 1886 года потрясло русское сообщество. 1886 год – не 1905-й и не 1917-й. Слова «самодержец» и «помазанник божий» не были пустыми для большинства русского народа. В стране прошло огромное количество собраний – от сельских сходов до дворянский собраний

гура в княжеской одежде, латах и хоругвью в руках – святой благоверный князь Александр Невский, а правая – в монашеской схиме – святой Иосиф Песнопевец. На иконе широкая серебряная рамка с красивым растительным орнаментом и картушем – надписью в нижней части рамки.

Надпись заслуживает самого пристального внимания и изучения. Вот она: «Ѻ (“О” со знаком сокращения слова, предполагаем, что это слово – “общим”) усердием арестантов Нижегородского тюремного замка в память незабвенного события 4-го апреля 1866 года».

На нижней кромке рамного серебряного оклада именник мастера И. У. (Удалов Иван Иванов, серебряного дела мастер, 1859–1909 гг.: имел 1 мастера, 5 подмастерьев и 3 учеников; делал чеканно-резные изделия из серебра и меди с позолотой и посеребрением). Далее клеймо пробирного мастера Кудрина Александра Стахиева (после 1854 – до 1865 г.) с датой 1866 г., затем клеймо 84-й пробы и герб Нижнего Новгорода – олень, идущий влево. Чему же посвящена надпись на этой иконе?

и балов, благотворительных концертов, посвящённых событиям 1866 года. Святейший синод через 10 дней после покушения принимает решение о ежегодном повсеместном крестном ходе 4 апреля (правда, митрополит московский Филарет указывал на опасность подобного напоминания для России), были отслужены массовые молебны о чудесном спасении. Особым повелением императора Александра II была учреждена золотая медаль «4 апреля 1866 года». Ею был награждён Осип Комиссаров за спасение императора.

Все вышеизложенные события не обошли стороной и Нижний Новгород. Ярким свидетельством этого является нижегородская икона, созданная усердием нижегородских арестантов. Главный этапный путь в Сибирь пролегал через Нижний Новгород, и губернский тюремный острог использовался не только для заключения «по делам содержащихся колодников», но и для размещения пересыльных. Во второй половине 20-х годов XIX века через город проходило от 150 до 250 человек в неделю. По прибытии

пересыльных «местные» арестанты сгонялись в несколько камер. Тяжелейшие условия содержания, скученность, холод и отсутствие нар и мест для отдыха, невозможность выйти ночью во двор для надобностей. И так этап за этапом, еженедельно, в любое время года, каждые три дня. Красивый белый замок, получивший название по внешнему виду (четыре круглые башни по углам), был настоящей тюрьмой для мужчин, женщин и детей. Единственной отдушиной для арестантов была церковь Божьей Матери Всех скорбящих радость, к 60-м годам XIX века расширенная и отремонтированная иждивением нижегородского купечества. 4 апреля 1866 года стало настоящим потрясением для обитателей замка. Судя по надписи на серебряной рамке, арестанты собрали определённую сумму денег на заказную икону нижегородским мастерам. Очевидно, что деньги собирали всем «миром»: и «местные сидельцы», и этапируемые (кстати, этапируемых снабжали кормовыми деньгами до Иркутска по 12 копеек в день). Икона в серебре с прекрасной иконописью, видимо, была передана для острожного храма как особое напоминание о чудесном спасении помазанника божьего.

В первое десятилетие после покушения было построено и освящено несколько часовен в различных городах Российской Империи, посвященных как Александру Невскому, так и Иосифу Песнопевцу. Наиболее известна была часовня около решетки Летнего сада на месте покушения Каракозова (разобрана в 1930 г.). Кроме чудесного резного мрамора на полу и стенах, прекрасной мозаики с изображением святого благоверного князя часовню внутри украшала уникальная надпись: «Не прикасайся к Помазаннику Моему». Кредит доверия монархии у русского народа был огромен. Нижегородцы здесь исключением не являются. Достаточно вспомнить, что решение о постановке памятника Александру II было принято не за освобождение крестьян, а за реформу городского самоуправления.

На наш взгляд, русские монархи уделяли Нижнему Новгороду особое внимание. Так, Александр II посещал Нижний по меньшей мере трижды: как наследник престола в 1837 году, в 1858-м перед реформой 1861 года (знаменитое нижегородское противостояние консерваторов и реформаторов) и в 1871-м. Последний визит – по железной дороге из Москвы до Нижнего, здесь пересадка на пароход. Кста-

Особое внимание следует обратить на правую фигуру иконы. Это Иосиф Песнопевец, день которого празднуется 4 апреля. И если Александр Невский – небесный покровитель Александра II, то Иосиф Песнопевец – небесный покровитель Осипа Комиссарова, спасшего царя. Предполагаем, что подтверждением сбора денег нижегородским арестантами является изображение города и реки между центральными фигурами. Похоже, что здания и пакгаузы на левой, низкой стороне реки, принадлежат комплексу Нижегородской ярмарки. А гористый правый берег и здания на нём – это Рождественская сторона и Софроновская площадь Нижнего Новгорода. К сожалению, сохранность красочного слоя на иконе оставляет желать лучшего, изображений этих районов Нижнего 60-х годов XIX века сохранилось не так много, и вопрос об изображении города требует дополнительных исследований.

Данный иконописный сюжет с разными вариациями использовался вплоть до падения монархии в 1917 году.

ти, особым примером для темы нашей статьи послужит, как ни странно, именно путешествие на двух пароходах по Волге 1871 года и встреча императора в Саратове. Вплоть до 1917 года в саратовских семьях хранили платки и одежду, брошенные под ноги императору и наследнику во время встречи. Думаем, что и в Нижнем императора встречали не менее восторженно. Результаты каждого из этих визитов царя-освободителя до сих пор можно найти на улицах города в зданиях бывших коммерческих училищ, храмов и органов местного самоуправления, железной дороги. Таким образом, икона нижегородских арестантов – памятник не только истории Нижнего Новгорода, но и истории династии Романовых, истории России. Подтверждением этого могут служить и слова Петра Вяземского: «Народная любовь – сокровище царей. Издавна на Руси родник ея обилен: в царе живёт народ и царь народом силён».

Остаются с нами

Сергей КАРАСЕВ (1953–1995)

Сергей Николаевич Карасев родился в Урене Горьковской области, детские и школьные годы провел в Княгини-не. Окончил Казанский университет по специальности «журналистика». Ра-ботал в княгининской районной газете «Победа», затем в «Ленинской смене» и «Нижегородской правде». В 1985 – стал лауреатом премии им. Валентина Овеч-кина за серию материалов по земледель-ческим проблемам Нечерноземья. Стихи начал писать еще в детстве, впервые они были опубликованы в «Ленинской сме-не» в 1970 году. В 1973-м стал лауреа-том областного литературного конкурса им. Бориса Корнилова, был участником VIII Всесоюзно-го фестиваля молодых писателей. Член Союза писателей России. Стихи печатались в журналах, альманахах, кол-лективных сборниках, выходивших в Москве, Нижнем Новгороде, Казани.

При жизни у поэта вышли три книги: «Переправа» (1983), «Проселки» (1987), «Ночные поезда» (1995). Позд-нее, в мемориальной серии «Свеча горела…», – книга «На полпути» (2005). В 2007 году его стихи были включены в сборник «Письмо солдату », в 2013 году вышла книга избранных стихов «Отблеск первого костра».

КАРАСЬ

Небольшая пачка рукописных листов. Они сложены не по поряд-ку, вразнобой. Тщательно переписана только первая часть, другие представлены короткими отрывками, но все равно читается – часть II, III и «Конец». Датировано 1995-м – последним годом жизни.

Вероятно, сначала предполагалось, что это будет «повесть о первой любви», о встрече повзрослевших друзей и об осознании того, что «ничего не возвращается» – этому посвящена пара стра-ниц. Но… Слишком долго автор подходил к задуманной теме, да так и ушел от нее вовсе.

Осталась семейная хроника: отец, мать, бабушка, родственни-ки, история взаимоотношений, воспоминания детства, горькие, безжалостные по отношению к самому себе, признания… На-сколько эти отрывки – автобиография? Насколько – литературный вымысел? Маленькому герою здесь дано другое имя. Имена роди-телей – реальны. А имена других героев?

Связное повествование ограничивается первой частью. Даль-нейшее дано почти конспективно – как тезисы будущей повести.

А «Конец» – выписан четко: это, надо полагать, уже прием из поэ-тической кухни, ведь часто, складывая стихи уже знаешь, чем они закончатся, иной раз последняя строка приходит в голову самой первой… Так и здесь. Не уверена, что автор именно ради послед-них строк задумал эту повесть, но то, что она стала жить своей собственной жизнью и диктовать автору повороты сюжета – не-сомненно. В эту «семейную сагу» дружба с девочкой по имени Т.Б. (так в рукописи) как-то даже не вписывается.

Поэтому предлагаю вниманию читателей отредактированную автором первую часть и авторский же «конспект» продолжения по-вести «Карась».

Ирина ДЕМЕНТЬЕВА

I

Мой отец был алкоголиком и эпилептиком.

Такое случается. В конце концов окружающие привы-кают к этому и воспринимают как нечто обыденное. Чаще всего бедолаг можно встретить около пивной, где они тор-чат с утра до вечера, ожидая подачки. Здесь же и валяются в припадочных корчах. Но отец по пивным не ходил, по-тому что не был законченным одяшкой или приемщиком шкур в заготконторе. Он был в райцентре заметным чело-веком. Он был судьей.

Кстати, из-за этого меня в школе прозвали «Пан Судья». Это после того, как в программу внедрились короленков-ские «Дети подземелья».

Да, все знали, что мой отец судья, и одни уважали его, другие побаивались, а третьи тайно или откровенно не любили. Мы же, домашние, денно и нощно страшились одного: как бы не выползли наружу, не стали известны два терзавших отца змия – Болезнь и Порок.

Стоит ли объяснять, что между собой эти гады жили душа в душу, любовно переплетаясь, и один всячески содействовал другому. Обычно отца трясло по утрам, после вчерашних возлияний. Как сейчас вижу такую картину. Бабушка кормит меня завтраком на кухне. Сквозь неплотно задернутую ситцевую занавеску видно, как мать ищет или делает вид, что ищет что-то в «большой» комнате, отделенной от «спальни» тоненькой фанерной переборкой. Мать напряжена и старается не смотреть в сторону прихожей.

В прихожей отец бреется около настенного зеркала, осторожно, даже нерешительно проводя лезвием безопасной бритвы по густо намыленным щекам и шее. Вдруг раздается дикое, ужасающее: «А-а-а-а!» – и отец, как подрубленный, валится на пол. Он бьется в судорогах, ноги ходят ходуном, словно хотят оторваться от туловища. С потревоженной тумбочки летят на пол помазок, стакан с горячей водой, мыльница с пенящимся обмылком… Мать и бабушка бросаются к отцу, стараются прижать его к полу, отводят от лица руки, что-то ищущие в иллюзорном, одному их хозяину ведомом мире…

Когда судороги прекращаются, отца переносят на кровать или оставляют тут же, в прихожей, подложив подушку под голову. Теперь ему обязательно нужно поспать.

Мать подходит к телефону, крутит ручку аппарата, вы-зывает суд и говорит, что Николай Петрович плохо себя чувствует, поэтому придет попозднее.

Говорят, во многих случаях таких «похмельных» при-падков можно избежать, если утром принять грамм сто. Судить не берусь, не знаю. По утрам отец заботился толь-ко об одном: выглядеть по возможности пристойно. По-сле сильных попоек он собирался особенно тщательно.

Неприятно сопя и отдуваясь, до блеска драил хромовые сапоги, подолгу чистил щеткой черный китель и галифе – специально сшитый по моде того времени костюм воен-ного образца.

Местом своим он дорожил. Точнее, не местом даже, а са-мим званием юриста. Об этой профессии он мечтал со шко-лы, хотя на пути к высшему образованию мелкие, помятые розы были почти не видны в густых зарослях терний. Шла война, в семье было семеро детей, а отец – старший. Дед, правда, не воевал. Он работал в сплавной конторе, гнал лес для нужд фронта. Но все равно пришлось мужику поломать пуп, прежде чем вывел детей «в люди». Ладно, что и пар-нишки, и девки оказались способные. Школу окончили кто с медалью (отец – с серебряной), кто с похвальной грамо-той. В институтах крутились сами, с родителей не тянули. Когда появился я, отец еще был студентом. Так он даже со стипендии умудрялся присылать сотню-другую. Это мне уж потом рассказывала бабушка, которая очень любила зятя и всегда вспоминала о нем что-нибудь хорошее.

Любил ли я отца? Сейчас, сквозь туман времени трудно различить все оттенки наших не очень простых отноше-ний. В редкие абсолютно трезвые часы отец бывал хмур и неразговорчив. Иногда он возился по дому, что-то пере-двигая, распиливая, приколачивая. На меня смотрел мель-ком, искоса, стараясь не встречаться глазами. Видимо, ему было стыдно передо мной за вчерашний, позавчераш-ний… за множество предыдущих дней.

Вообще, несмотря на суровую должность, отец был мягким и деликатным человеком. Лишь один раз в жизни я слышал от него мат. Это было уже несколько лет спу-стя. Как-то в начале мая переносили зимние рамы в сарай. Одну отец не удержал, попытался подхватить и прищемил пальцы на руке. Вот тогда он и ругнулся. Мать испуганно оглянулась:

– Ты что! При Алёшке!

А меня-то это как раз ничуть не смутило, потому что ругаться я и сам умел лет с шести.

Отец ни разу не ударил меня, а вот мать однажды вы-порола. Выпорола за дело: соседка застала нас с пацанами

В овраге, где мы зобали подобранные на улице чинарики. Но порка была так жестока, что обида осталась надолго, да и сейчас вспоминается иногда. Думаю, мать осерчала не потому, что я курил (можно бы обойтись внушением), а потому, что это видела соседка…

Так вот, своей наверняка не очень срочной работой по дому отец старался как бы отгородиться от меня, не пони-мая, что мне-то как раз и хочется помочь ему и пилить, и передвигать, и приколачивать!

Бабушка часто рассказывала, как давно, еще в девках, встретила в лесу медведя. Зверь и человек неподвижно стояли в трех шагах друг от друга и смотрели не мигая. Чувствовался даже запах тухлятины из медвежьей пасти. Потом медведица (а это была именно медведица) рявкнула, повернулась и побежала в одну сторону, а бабушка сломя голову, бросив лукошко с ягодами, в другую. Медведица – к своему медвежонку, который, оказывается, резвился неподалеку, а бабушка – к лесорубам на соседнюю делянку.

Вот и мы с отцом не решались перейти какой-то невидимый Рубикон, словно опасаясь друг друга. Но ведь там,

В лесу, были зверь и человек. А здесь – два человека, самых близких. Отец и сын…

Еще картина. Отец в теплом китайском белье, шерстяных, домашней вязки носках, лежит на кровати лицом к стене и что-то читает. Я играю на полу. Строю из кубиков дом и тут же рушу его, стараясь произвести как можно больше грохота. Это называется «землетрясение». Потом беру большой зеленый самосвал (если повертеть ручку впереди – кузов поднимается. Мало у кого из пацанов были такие машины). Я гоняю самосвал по всей комнате, урчу и фыркаю, подражая звуку работающего мотора. Мне хочется, чтобы отец обратил на меня внимание, оторвался от книги, поиграл со мной.

– Пап! – кричу я, «подъезжая» к кровати. – Смотри, мы поехали спасать землетрясение!

Отец садится на кровати, улыбается опять-таки нелов-кой, стыдливой улыбкой, кладет мне на стриженную под ноль макушку большую белую, чуть дрожащую ладонь. Я замираю, словно в ожидании чего-то небывалого.

– Землетрясение спасать? – отец нагибается и зачем-то трогает самосвал. – Это дело хорошее. Ну, играй, играй, а я вот тут…

Он показывает на книгу и снова ложится лицом к стене.

Я иду собирать кубики.

Очевидно, отцу сейчас не до меня и не до книги. Он мучительно думает, где бы достать… Но ни матери, ни ба-бушки нет дома. Да мать все равно не даст. И бабушка, сколь ни любит она зятя, не даст тоже. Можно бы, конеч-но, пойти к кому-то из приятелей, людей своего круга, у кого-нибудь все-равно найдется. Но его оставили «домовничать», попросту – присматривать за мной. Не на цепи, а не убежишь.

Это теперь, спустя не один десяток лет и наученный собственным опытом, я приблизительно могу представить ход тогдашних мыслей отца. А пока просто обидно. Заре-веть бы – да прямого повода нет…

Гораздо больше мне нравилось, когда отец был чуточку подшофе. Не сильно, а именно чуточку. Тогда глаза у него блестели, взгляд становился уверенным, ироничным. Он шутил, рассказывал разные интересные истории, показы-вал мне Москву…

Если день выдавался выходной, мы обязательно шли в «городской сад». Вообще-то никакой это был не сад. Так назывался чудом сохранившийся клочок березовой рощи на окраине райцентра. Здесь проложили несколько кривых, посыпанных песком дорожек, устроили качели, поставили редко когда работающую карусель, сделали волейбольную площадку, соорудили тир, еще несколько павильонов. Был летний кинотеатр, обнесенный глухим забором, но без крыши. Во время сеансов мальчишки постарше гроздьями висели на этом заборе, и билетерши их не гоняли.

По выходным в саду всегда гуляло много народу, пото-му что больше пойти было некуда.

Иногда мы ходили в горсад втроем. Тогда шли чинно, степенно. Отец – невысокий, но импозантный, плотный, до синевы выбритый. Зимой – в пальто с каракулевым воротником, в каракулевой же шапке с кожаным верхом в серых подшитых чесанках. У матери на груди поверх пальто

повязан пушистый «оренбургский» платок, на ногах – лег-кие ладные валенки.

Себя я со стороны, понятное дело, видеть не мог, но, за-кутанный с ног до головы, наверное, представлял доволь-но забавное зрелище.

Летом в тенниске, на волнистых волосах – светлая капроновая шляпа, на ногах – сандалии из коричневых ремешков. Мать – в легком цветастом сарафане, который ей удивительно шел. Ну а я, само собой, в матроске с вышитым под нагрудным карманом корабликом и в штанах по колено, с помочами, которые застегивались крест-накрест на уровне пупа.

В общем, по тем временам мы, надо полагать, казались весьма респектабельным семейством. Иногда навстречу попадались такие же. Кто с одним шкетом или пацанкой, а кто и с двумя. Останавливались . Мужчины жали друг другу руки , закуривали. Дамы разговаривали о чем-то своем , да я не прислушивался, а , набычившись , смотрел на ребятишек. Вообще в детстве я был диковат, с пацанами , кроме давно знакомых, контачил туго. Может быть, потому, что в садик меня не водили, оставляя под присмо-тром бабушки.

Шли дальше, до конца дорожки, на угор. Смотрели, как внизу течет медленная река, даже летом вода в ней свинцового цвета. Интересно было, если на излучине садился на мель плот. Они почти всегда тут садились. Такое уж было окаянное место. Суетились плотовщики, сновали бригадиры. Но мать обычно не давала насладиться зрелищем, потому что здесь неизвестно было, чего в воздухе больше

– мата или кислорода.

Домой возвращались также чинно, но, маленько не до-ходя до «Бакалеи», отец начинал жевать потухшую «бело-морину », покашливать, притормаживать, даже как будто запинаться о какое-то невидимое препятствие.

– Валентина Ивановна, что-то стало холодать, – игриво обращался он к матери, если дело было зимой.

Или, если летом:

– Слушайте, мадам, не знаю, как вы, а у меня от этой жары ноги гудят. Как бы это с устаточку? А?

– Коль, опять! – говорила мать, но в голосе ее сквозила лишь притворная укоризна.

Она настроена благодушно. Все-таки воскресенье уда-лось. Вот погуляли семьей, людей посмотрели, себя пока-зали. Дома все сделано еще на неделе. Она и сама не прочь выпить наперсток-другой.

Отец прекрасно чувствует это.

– Валь, ну соточку перед обедом. Чего с этого будет-то? Возьми маленькую.

– Ладно, – соглашалась мать. – Вы идите пока, уже сама. Она всегда заходила в магазин сама. Может, потому, что была не совсем уверена в отце (свинья грязи…), а может, и потому, что считала: не пристало судье на глазах у людей покупать водку.

Отец сразу веселел, глаза загорались, он закуривал те-перь уже с явным удовольствием. Да и я был доволен: уж наверняка мать купит и мне чего-нибудь. Хорошо бы ири-сок «Золотой ключик». По краям они мягкие, а середина плотная, тягучая, можно долго жевать, и сосать, и пускать пузыри.

Вот в такие дни, после «соточки перед обедом», отец играл со мной, читал вслух мои книжки. Правда, читать-то я и сам умел, но у него это получалось интересней.

И на следующее утро он чувствовал себя нормально. Но иногда лучше было, когда мы ходили в горсад вдво-ем. Чаще так оно и бывало, потому что не всегда успевала мать в будние дни и постирать, и погладить, и полы по-мыть, и сделать еще кучу женских дел.

С матерью чем плохо было гулять? Она мне ничего не разрешала. На качели – нельзя:

– Не выдумывай, убьешься еще.

На карусели, когда они работали:

– Свалишься с лошади, да задавят тебя.

В тир:

– Еще чего! Тоже, стрелок нашелся.

– Мам, посмотреть. Там всякие звери падают.

– Под ружье полезешь – сам упадешь. А ну, дай руку!

Отец не запрещал ничего. Он сажал меня на качели и легонько раскачивал их. Вел на карусели и давал рубль,

чтобы я сам мог с важным видом купить билет. Только вот до тира мы доходили редко. Потому что на центральной дорожке навстречу обязательно попадались приятели отца. Иные с детьми, иные так, но обязательно без жен. И вообще благообразных семейств встречалось немного: у большин-ства женщин по воскресеньям было полно работы.

Постоянных отцовских знакомых я уже знал: прокурор, какой-то непонятный зампредрик, учитель рисования Ан-дрей Андреич. У него, когда он прикуривал, всегда тря-слись руки. И зампредрик всегда спрашивал:

– Слушай, как же ты карандаш-то держишь?

– А я кистью работаю, – отвечал Андрей Андреич. – Там , если мазок не туда положил – скажи, что так заду-мано . Вот увидишь, все эти твердолобые критики вос-хищаться будут. Еще с Пикассо сравнят или там с Ван Гогом.

Так они говорили каждый раз, и каждый раз все смея-лись. А потом вместе шли к павильонам. Но не в тир, а в «Чайную», где, как я уже знал, чай редко кто спрашивал, а все спрашивали водку.

Рядом стоял еще один павильон под названием «Голу-бой Дунай». Он действительно был покрашен в голубой цвет, но при чем тут Дунай, до сих пор не пойму. Тогда я этого тем более не знал и думал, что Дунай означает «пив-ная». Это действительно была пивнушка самого низкого пошиба. Когда летом открывали дверь, изнутри шибало табаком, какой-то кислятиной, но над всем царствовал тошнотворный запах тухлой рыбы.

Дунайское крыльцо состояло всего из двух ступенек, но все равно кто-то из выходящих обязательно умудрялся ско-вырнуться носом в землю. Некоторые, побарахтавшись, вставали, а иные так и засыпали тут. Все стены павильона снизу были залиты мочой, потому что постоянные клиен-ты прямо здесь решали свои проблемы.

Ходить в это заведение порядочные люди считали не-приличным. Да и противно было, я думаю. «Чайная» – дело другое. Там посетители сидят за столами, и официантки им подают. Правда, клеенки на столах грязные, в пивных и водочных лужах плавают хлебные крошки, за тучами мух

потолка не видать, но это, вероятно, было единственное в поселке место, где мужики могли отвести душу.

Тем не менее, купив мне какой-нибудь карамели, отец обычно говорил:

– Леха, ну-ка жми на улицу. Только смотри, от крыльца далеко не уходи. Я скоро.

Вот тогда-то я и насмотрелся на пикантные сцены у

стен соседнего «Дуная», пока не сообразил, что отцовское «скоро» – понятие весьма относительное и вовсе не обя-зательно торчать около крыльца. Тем более я никогда не бывал один. Вместе со мной из «Чайной» изгонялись или прокуроров Витька, или зампредриков Валерка, а то и оба сразу. Они были примерно мои ровесники, и с ними я чув-ствовал себя уверенно. Поэтому от крыльца мы быстрень-ко перебирались вглубь сада, на полянку, которую еще не успела оккупировать какая-нибудь компания с бутылоч-кой. Выходящего из «Чайной» отца я встречал с зелеными от травы коленками и со следами карамели на пузе.

– Хорош! – говорил врастяжку отец и подмигивал: – Ну, дома нам влетит!

Но «влетало» чуть-чуть, символически. Мать знала, что ругать выпившего отца бесполезно. Его грызла совесть и коробили попреки только с самого жуткого похмелья. А сейчас, хотя отец явно принял побольше «соточки» и под видом сына привел домой какого-то грязного поросен-ка, но грань не переступил.

И на следующее утро он опять чувствовал себя нормально.

Страшней воскресений были другие дни. Точней, вече-ра. Отец редко приходил с работы вовремя.

* * *

Причин для развода, вероятно, было много. А поводом стал… футбол.

Отец любил эту игру фанатично. Из-за болезни он не мог стать игроком хотя бы на уровне сборной района, зато, по мере возможности, внимательно следил за всеми перипе-тиями чемпионатов, от того же районного до олимпийского

и мирового, откуда-то узнавал пикантные, не знаю уж, на-сколько достоверные, подробности из жизни «звезд» типа Яшина и Пеле, любил предсказывать результаты игр, при-чем довольно часто попадал в точку.

Газеты в те време-на еще были почти всем по карману, мы их выписывали много, но в увесистой пачке отец прежде всего выискивал «Советский спорт».

Стоит ли говорить, что футбольные правила он знал досконально. У него не было никакой категории , но ему доверяли судить матчи на первенство облсовета ДСО «Урожай». Чего темнить, есть судьи не только что рай-онного, но и мирового масштаба, которые свистят в одну сторону, чаще всего в пользу хозяев поля или той коман-ды, которая больше даст на лапу. Отец был безукориз-ненно честен. Вероятно, какие- то ошибки случались, но не корысти ради . Об этом знали футболисты всех окрест-ных районов. И когда приезжала чья-то команда, игроки требовали:

– Карасёв! Пусть Карась судит!

Да редко кто и заменял отца. Уж если только мешала работа или пьянка.

Но за два-три дня до матча он с пьянкой завязывал. Мо-жет быть, и выпивал помаленьку, да мне было незаметно. Корпел над какими-то таблицами, графиками, списками игроков, накануне игры тщательно гладил черную судей-скую форму, единственную на весь район. Обычно, ском-канная, измятая до изнеможенья, она пребывала в доща-той каптерке на стадионе.

Андрей Андреич как-то сказал:

– Слушай, Петрович, ты, кроме как судить, чего-ни-будь умеешь? И на работе судишь, и на стадионе. Вот есть люди дважды судимые. А ты – дважды судящий. Я как-то для смеху подсчитал: ты в среднем свистишь каждые пять минут. Если и приговоры в таком темпе выносишь, это сколько же людей пересажал?

Разговор, естественно, кончился смехом. Однако не знаю, как на работе, а на футболе у отца неприятности были. Разборки происходили после игры, в той самой деревянной каптерке. Особенно туго приходилось, когда

наша команда проигрывала. (На своем поле!) Тогда судью обвиняли во всех смертных грехах. Но дальше шума дело не заходило. Наскоро ополоснувшись холодной водой, попив из того же ведра, игроки вместе с судьями, спор-тивным начальством и меценатами шли к большому по-клоннику футбола – старику Поликарпычу, на огороде у которого начиналась грандиозная пьянка.

Я тогда уже сделался пацаном довольно зрелым: один-надцать лет исполнилось. Дело было летом, в каникулы, и мать отпустила меня с отцом. Во-первых, с родными пови-даться, а во-вторых, она, наверное, рассчитывала, что при мне отец не шибко загуляет.

Когда человек верит в лучшее, он чаще всего ошибается…

Приехали мы в субботу, к концу дня (тогда субботы были рабочими). В доме у деда как раз собрались почти все мои тетки и дядья, с мужьями и женами, но без ребя-тишек. Только что поужинали. У женщин зарозовели лица, мужики много курили и разговаривали оживленней обыч-ного. При нашем появлении еще больше воодушевились. Кто-то закричал:

– Дядя Петя, а ты говорил – всё! Мама, давай за стол дорогих гостей!

Дядя Петя, видать, и сам был не прочь поужинать еще разок, а баба Поля сочла бы за великий срам не уго-стить дорогих гостей . Быстро накрыли стол с обязатель-ной жареной рыбой: дед был знаменитый на всю окру-гу браконьер , число его бредней, сетей, неводов, морд не поддавалось учету. К дяде Пете завсегда обращались местные начальники, когда надо было угостить ухой при-езжее, более высокое начальство. А уж дома-то рыба не переводилась.

Весть о том, что к Карасевым приехал старшенький, Николай Петрович, с сыном, уже обежала всю улицу. Пришли Разумовы, Селиверстовы, еще кто-то из соседей. У дяди Пети никому нет отказа.

Тихонько постукивая лезвием тяжелого темного ножа, дед сбил сургуч с горлышка бутылки. Еще несколько раз-нокалиберных посудин ждали своей очереди. Всем налили

водки в граненые мутноватые стопки, а мне кагору в маленькую – с половину грецкого ореха – рюмочку зеленого стекла. Я выпил и разомлел. Окно, затянутое марлей, чтобы не лезли мухи, отворили, но это не спасало от жары. Печка была раскалена. Ее топили и летом, потому что приходилось готовить корм для скотины, а сегодня вот еще полна горница гостей, тут одним подтопком не обойтись.

Осоловелый, я как сквозь туман смотрел на застолье. Все родные да знакомые, но не больно часто приходилось их видеть вместе. Вот тетя Лида – самая любимая моя тет-ка, она ненамного старше и нянчилась со мной, когда мы еще жили в этом поселке. Вот дядя Толя и дядя Витя, оба в офицерской форме, один во флотской, другой в авиационной. Так совпало, что отпуск им дали в одно время. А вот и сам дядя Петя, низенький, широкоплечий, почти квадратный, с большим ноздреватым носом, в старомодных круглых очках, из-под расстегнутой клетчатой рубахи прут серые курчавые джунгли…

Это те, кто сидит рядом со мной. Они наперебой подкладывают мне на тарелку лакомые кусочки . Кстати, я единственный обладатель отдельной тарелки. Остальные едят рыбу с одной гигантской сковороды, складывая кости на стол, кто ложкой , кто вилкой зачерпывают из мисок квашеную капусту, соленые грибы, уже остывшую толченую картошку, руками дотягиваются до огурцов и помидоров.

Знать бы, что вижу это в последний раз…
Пуще всех ухаживает за мной баба Паля.

– Ой, да милой сын, что ты ничего и не поешь? – причитает она. – Может, молочка тебе? Погоди-ко, я сейчас.

Она выбегает в сени и почти тут же возвращается с кринкой густого холодного молока.

Ухаживанья бабы Пали приторны, наподобие патоки. Она изо всех сил старается показать, что любит меня, как родного внука.

Свою родную бабушку Маню я знал только по большой фотокарточке, которая висела в передней комнате непо-далеку от иконостаса в красном углу. Строгая женщина с тонкими чертами лица, огромными задумчивыми глазами.

Толстые темные косы перекинуты на грудь. Она не похо-дила на местных женщин, которых я видел. Казалось, в ней было нечто не то цыганское, не то еврейское. Хотя вряд ли это могло случиться в староверческом кулугурском краю. Может быть, через несколько поколений сказалась тюрк-ская кровь? Ведь как ни крути, два с лишним века Русь жила под монголом.

Баба Паля совсем другая. Плотная, круглолицая, со све-жими налитыми щеками, вздернутым носом и небольши-ми, но острыми светло-голубыми глазами, порой напоми-нающими мартовский лед. Она умела посмотреть ласково, но могла глянуть и так, что у меня голова уходила в плечи. Кажется, и дед ее чуток побаивался. Что говорить, женщи-на была с характером. Да и какая слабохарактерная согла-силась бы пойти за вдовца, у которого семеро по лавкам? Это было за пять лет до того, как я увидел свет божий, когда бабушка Маня умерла, родив Иванка – моего по-следнего дядю и старшего товарища, организатора многих наших детских хулиганств.

Вот он сидит на противоположном дальнем конце сто-ла, улыбается мне и держит на весу полную рюмку. Как большой. А давно ли мы вместе играли в попа-гоняло, громили августовские сады и втихаря пробирались без би-летов на стадион, благо задний забор дедова огорода был одновременно и стадионной оградой. Причем, страши-лись мы не столько контролеров, дружинников и милицио-неров, сколько дедушку, который, поймав, не раз драл нас, чтобы не выламывали доски из забора и не приучались шаромыжничать с младых ногтей.

Но все-таки чаще нам удавалось проникнуть на три-буну, если можно так назвать несколько рядов потем-невших от времени деревянных скамеек. Пробираясь на четвереньках по проходу, натыкаясь руками и коленями на окурки, плевки, винные и пивные пробки, мы наконец втискивались на свободные места. После первого свистка судьи я напрягался и замирал, вцепившись руками в край скамьи. А Ваня, гордясь своим знакомством с футбольной элитой, в особенно критические моменты орал, едва не срывая голос:

– Каса-атки-ин!

– Ваня, слышу! – иногда откликался кумир местных бо-лельщиков, и Ваня получал свою скромную долю завист-ливо-почтительных взглядов.

На сей раз мы попали на стадион опять-таки без биле-тов, но вполне официально. Отец с небольшим «балетным» чемоданчиком, где лежала его судейская форма, около вхо-да поздоровался с какими-то спортивными чинами, сказал:

– Эти парни со мной, – и мы гордо прошли мимо улыб-нувшегося контролера.

Сама игра закончилась плохо. Да и не случилось ничего интересного. Соперник оказался явно слабее, даже самое пристрастное судейство ничего бы не изменило. Хозяева выиграли 3:0. Касаткин забил свой гол, и Ваня чуть было окончательно не сорвал голос.

Мы рванули с трибуны минуты за две до финального свистка, чтобы встретить отца у раздевалки. Он пришел бо-дрый, улыбающийся, окруженный игроками, тренерами, бо-лельщиками, многие из которых помнили его еще пацаном.

– Коля! Микола! Колюха! Земеля! На ять су-дил! Абгемахт! – кричали наиболее подвыпившие и темпераментные.

– Подождите здесь, – велел нам отец, уходя в разде-валку. Появился через несколько минут, уже без формы, с влажными расчесанными волосами, отдал Ване чемодан-чик, сказал:

– Идите домой, только не через забор. Скажите, что я попоздней приду.

Разочарованные, мы с полчаса крутились около разде-валки, пока не увидели, как отец, все еще возбужденный, окруженный кучкой что-то наперебой говорящих людей, вышел со стадиона.

Я долго ждал его, лежа на раскладушке за ситцевым по-логом, куда меня определили на ночлег, но так и заснул, не дождавшись. Увидел уже утром, спящим в той же комнате на кушетке. Дорогой темно-серый костюм пестрел травя-ными зелеными пятнами. А на лацкане пиджака – я поче-му-то сразу заметил – не было неизменного институтского «поплавка»…

Но это случилось примерно через час после пробужде-ния, а пока я тихо лежал за пологом и слушал, как с при-страстием допрашивают Ваню:

– Дак куда хоть он пошел после футбола-то?

– А я откуда знаю? – огрызался Ваня. – С Касаткиным пошел, с Кругловым, с Михал Михалычем… Кто еще? Радченко вроде был.

– Ну вот! Вот! – встрепенулась баба Паля. – Я знала, отец, что без этого еретика не обойдется. И куда он его завел, знаю. Всё-ё знаю! Дай господи, хоть бы никто не видал.

– Зна-аю! – передразнил дед. – Знаешь, да не взлаешь. А поди уже все давно брешут. Так-то я тоже приду пьяный – утром думаю: «Ну, кажись, никто меня не видал». А это я никого не видал.

– Тебе все смехи, а ему, поди, седни на работу. Элек-тричка-то давно ушла. Иванко, беги-ко к Василию, пусть хоть в колхозе машину возьмет да отправит. Ведь уж с петухами заявился. Ждали-ждали… Батько-то баню все держал, два раза ходил подбрасывал… Ох ты, господи-ба-тюшко! А кустюм-то, кустюм! Где его черти валяли? Вы-то хоть что его не увели?

– Да, послушает он нас, – проворчал Ваня, хлопая дверью.

После его ухода баба Паля уже другим, озабоченным,

но не сердитым тоном обратилась к деду:

– Ну, буди, что ли. Не знаю, право, опохмелять, нет ли? Послышался глухой кашель, и вслед за тем кто-то убе-

жденно сказал:

– Надо опохмелить.

Я не удержался и выглянул из-за полога. Так и есть: на крашеной лавке у окна сидел дед Маркел. Носом и бородой он походил на Льва Толстого, но во всю голову сияла багровая плешь, только по краям обрамленная сивыми давно не стриженными космами.

Его звали дедом все, независимо от возраста, хотя мне, например, он приходился прадедом, а дедушке – отцом. Жил дед Маркел километрах в пяти от поселка, приходил всегда пешком, хотя было ему далеко за девяносто. На помятом, потерявшем от ветхости свой цвет пиджаке неизменно болтались

криво повешенный солдатский Егорий и светлая медаль с профилем последнего царя и надписью «За усердие»

Были любители задавать деду Маркелу вопрос:

– Слушай, дед, а за что ты Георгия-то получил? За бру-силовский прорыв, что ли?

Дед Маркел, как всегда, минуты полторы кашлял, потом трубным голосом отвечал:

– Нет, парень, еще за японскую. А на эту меня уж не брали, стар был.

К сыну он приходил раза два на неделе и обязательно – во все двунадесятые праздники. Покупал бутылку водки, они выпивали по стопочке, дед Маркел закупоривал початую бутылку обрывком газеты, основательно закусывал и шел на базар. Там его знали если не все, так почти все. С некоторыми он заводил разговоры, называя всех без разбора «парень». При этом не забывал прикладываться к бутылке, сосал прямо из горла, уже не закусывал, а только сплевывал в сторону да вертел самокрутки. Когда водка кончалась, дед Маркел совал в карман пустую бутылку и шел домой, беседуя сам с собою.

Потом мне рассказывали, что трезвые дни выпадали у него редко. Тем не менее он «издержал» трех жен, от двух первых имел пяток детей, большинство из которых умер-ли раньше него. А сам он помер в сто девять лет.

II

В то время уже стали взрослыми сироты военных лет и не было еще той «мирной» безотцовщины, которая гряну-ла лет через двадцать. В небольшом поселке, куда мать пе-реехала после развода, среди знакомых пацанов всего двое или трое росли без отцов. Но они были местные, к ним все давно привыкли. А меня часто донимали вопросами: где отец? Не помню уж, что я врал, смущаясь и краснея. Мне почему-то было стыдно, как будто в чем-то виноват.

* * *

Пришла другая беда: запила мать. Что ни суббота (как раз объявили пятидневку) – или уходит куда-то, или у нас

гости. Мужики те же, но теперь приходили с женами. Тех я никак не мог запомнить. Запомнил только: смеш-ливая толстушка со звонким голосом – прокурорша, ва-льяжная, в дымчатых очках, ходившая зимой в невидан-ной у нас длинной, волнами, серо-голубоватой шубе (с муфтой!) и такой же шапке, всякий раз начинавшая свою речь: «Когда мы с Валей жили в Лотстали…» – это жена военкома.

* * *

Хуже всего, что в доме не было канализации. В углу двора за сараями стоял дощатый клозет на четыре очка. Но зимой – холодно. Самодельная параша: ведро и доска. Выносить – мне. Старался поздно вечером, в темноте. И все-таки при встрече торопливо бросал:

– Здрасте, – и бегом.

А мужчины останавливались, ставили ведра, закурива-

ли, шутили:

– Ну, много ли сегодня? Твоя, я видел, в магазине горо-

ху брала.

– Слава богу, хватит все твои поля удобрить.

– Ты-то съешь свою вонь, а другим как?

* * *

Это был первый в поселке восьмиквартирный дом. Подозреваю, что местные власти им шибко гордились, недаром квартиры здесь дали людям значительным. Но канализации не было, и из туалета весьма чувствительно попахивало. Печка-голландка была устроена как-то так, что обогревала (да и то слабо) только зал и комнату роди-телей, а у нас с бабушкой (мы жили в одной комнате) всю зиму стоял собачий холод. Пришлось поставить «буржуй-ку», выведя трубу в форточку. На полу постоянно валялись щепки, кусочки бересты и другой сор. Все это мало соот-ветствовало, лирическому настроению, но я как-то мало обращал на это внимания, может быть, потому, что за свои 12 лет никогда и не жил в приличной квартире.

* * *

Бабушка вроде бы не имеет прямого отношения к тому, о чем я рассказываю . По крайней мере тогда мне так ка-залось. Наверное, потому, что труднее всего говорить о людях, которых знаешь лучше других. А бабушку я знал как самого себя. Знал каждую морщинку, знал ее жидкие серые волосы, расчесанные на прямой пробор, знал ее темные натруженные руки со вздутыми венами, на пра-вой не было указательного пальца, который она отрубила в девках , работая на лесоповале в войну (не в последнюю, а еще в Первую мировую). Знал ее цокающий костром-ской говорок с непривычными оборотами. Вот с ней мы и сидели около топящейся «буржуйки», когда в другой ком-нате шла гулянка, и мать при взрывах смеха взвизгивала неприятно.

* * *

Вскоре я пошел в школу, в ту самую, где учил рисованию Андрей Андреич. Мне нравился этот человек. Как я теперь понимаю, он был одинок. Одеваться пытался опрятно, черные ботинки всегда блестели, как зеркало, но воротник застегнутой наглухо рубашки был вечно измят, а карманы пиджака пузырились, словно в каждом лежало по здоровенному булыжнику. Его щеки и подбородок але-ли свежими порезами, но лицо не выглядело чисто выбри-тым, то тут, то там топорщились кустики светлой щетины.

Таким я видел его по воскресеньям в горсаду. Но мне казалось, что в школе, на уроках Андрей Андреич должен быть совсем другим, не похожим на остальных знакомых мне людей. Да и могло ли быть иначе? Когда, приняв в чайной лишнюю стопочку, он начинал разглагольствовать на улице, пренебрегая отсутствием достойной аудитории, я слышал от него неземные, завораживающие слова: им-прессионизм, сюрреализм, Ренессанс, Античность… И еще – необычные то ли имена, то ли фамилии: Рембрандт, Матисс, Тициан, Гойя… Иногда, правда, проскальзывали имена русские, но было ясно, что Федотов, Серов и Коро-

вин, о которых говорил Андрей Андреич, не чета нашим знакомым, носившим те же фамилии.

Словом, я до смерти хотел поскорей увидеть, как Анд-рей Андреич работает кистью, дрожащей рукой уподобляя себя Ван Гогу и Пикассо. Но в первых четырех классах все предметы вела одна учительница – сухощавая, рыжая, сплошь в мелких веснушках Мария Васильевна по прозвищу Курочка Ряба. А до пятого класса я в этой школе не доучился. Грянула административная реформа, наш район, как и многие, прихлопнули, отца перевели в другой поселок, километров за пятьдесят.

Мы уезжали, а всё оставалось – школа, некогда построен-ная из кирпичей разгромленного графского особняка, горсад с качелями-каруселями, «Чайной» и «Голубым Дунаем», река с ее коварной мелью, на которой сидели почти все плоты… Оставался и Андрей Андреич. Собственно говоря, почему я жалел именно о нем, почти что и не знакомом? Может быть, потому, что инстинктивно, по-собачьи, по-детски чувствовал трагедию человека, который как тот плот, намертво сел на мель и будет торчать там, пока разгулявшаяся река не раска-тает всё к чертовой матери по бревнышку?..

III

Прижимался в темноте к матери: «Мама, я никогда не буду пить вино. А то буду, как папа»…

О господи! Благие намерения! Вами вымощена не одна дорога, но все они ведут в одну сторону…

Мать прижимала меня к себе в темноте на печке:

– Папа у нас хороший, только вот пить ему правда нель-зя. У него болезнь… Да ведь он и сам не рад, что выпивает. Это тоже болезнь.

– Пусть эти дядьки больше не приходят. Ну их!

– Как же, сынок! Ведь они работают вместе, они друзья.

* * *

Когда переехали, мать завязала. Но теперь эстафету принял я. Первая пьянка – первый раз до упаду…

Поступил на истфил в одной малосимпатичной для меня республике, так как это было ближе, чем до областного центра, а конкурс – меньше.

Парней на факультете было мало, но… Сначала сосед по квартире… Потом в общаге – приятели с других факультетов. Потом пьянки в школе, а когда к матери на вы-ходные – с друзьями старыми и новыми. Дошел до того, что стал ходить в вонючий «Голубой Дунай».

Помню, как в первый раз попал в вытрезвитель: «Мужики, где я? В Дзержинске?» Потом было еще и не раз.

Из школы выгнали, друзья устроили в НИИ, редакто-ром какого-то никому не нужного листка. Бумаги было навалом. Здесь печатались «труды». Кому был нужен этот листок в 1000 экземпляров – до сих пор не знаю. Может, лежал на складе, а может, авторы дарили родственникам и коллегам, тоже считавшим себя жрецами науки.

Работы было мало, но на службу я ходил исправно, т. к. МНС, инженерам и прочим выдавали спирт. Мне он не полагался, но у меня был пусть небольшой, зато отдельный кабинет, куда начальство сроду не заглядывало.

* * *

Мать «пробила» квартиру. Умерла. Остались с бабушкой. Стыдно вспомнить, как в одной комнате – мы пьем, а в другой – беспомощная старуха слушает наш гомон. Утром с похмелья не мог за молоком для нее сходить.

* * *

Встретил на вокзале Андрея Андреевича… На нем был все тот же светло-серый костюм, совсем плохой (на дру-гой, конечно, денег не нашлось), тот же узкий, вконец за-саленный галстук, те же черные ботинки, но уже не бле-стящие, а ободранные, облупившиеся, на правом подошва лопнула поперек. Он меня, конечно, не узнал, а я не ре-шился подойти: стыдно было и за него, и за себя.

Боже мой! Неужели и я так? Нет! Но подспудно вну-тренний голос – «ты уже на подходе…»

Конец

Конечно, все это я пишу в порядке бреда. Взял только одну черную сторону жизни. Как будто не было ничего хо-рошего. Было. Друзья, любовь, семья (которую, кстати, я тоже потерял из-за пьянки) и прочее.

Но пишу, чтобы осмыслить все это, так как твердо ре-шил завязать. На этот раз точно и навсегда.

Человек может храбриться на людях и заниматься са-мообманом, но только он сам в глубине души понимает всю глубину своего падения.

Зачем пишу об этом? Помню, как в детстве сам все это болезненно воспринимал. А вот теперь жена ушла с ре-бенком. И решил завязать. В лечение не верю, в том чи-сле и в кодирование. Многие держались подолгу, но потом резко спивались. Завязывал только тот, кто сам этого хотел и у кого хватало силы воли.

У меня хватит!

Должно хватить!

Но вот кто-то звонит в дверь условным звонком. Пой-ду в последний раз открою, чтобы сказать: «Ша, ребята! Я завязал, и больше не надо ко мне ходить». Так и скажу. Жестко, четко, конкретно!

Пойду открою…

О СЕРГЕЕ КАРАСЕВЕ

Юрий Адрианов, поэт

...Помню, в 1972 году, в ту пору, когда тополя желтеют в предчувствии близкой осени, пришел ко мне домой незнакомый юноша. Он представился: Сергей Карасев, родом из Княгинина, учится на факультете журналистики Казанского университета, пишет стихи... Строки удивили серьезностью взгляда на самые обычные вещи, обстоятельностью мысли, выбором тем. Без барабанно-го боя, без риторики в стихах зрели зерна ненавязчивой, убежденной гражданственности, которая свойственна поэзии, а не стихотворству.

Наш современник, известный грузинский прозаик Чабуа Амирэджиби высказал мысль, что в мире действует спасительная энергия доброты, которая не исчезнет никог-да. Мне кажется, что именно этой энергией рождается и живет творчество Сергея Карасева...

Александр Фигарев, поэт

Сергей Николаевич Карасев был блестящим журнали-стом и самобытным поэтом. Впрочем, себя он называл просто «газетчиком», а звания «поэт» стеснялся. В редак-циях газет он трудился около 20 лет, исколесив всю область вдоль и поперек. Сергея Карасева знали в любом город-ке, поселке и самой глухой деревне. Знали, что он всегда придет на помощь во имя попранной справедливости и не склонится перед высоким чином. В 1977 году на совеща-нии молодых писателей Владимир Гордейчев называл его новым Борисом Корниловым. Иногда мне казалось, что в поэзии он старше себя самого. Традицию русской литера-туры будить в людях милосердие он хранил свято в жизни, творчестве. Веселый, ироничный, он был духовно тонок и незащищен…

Виктор Майоров, журналист

Среди журналистской братии, пишущей о сельском хо-зяйстве, мобильнее Сергея, наверное, никого не было. Он, казалось, успевал делать невозможное. В страдное время почти ни один номер газеты не обходился без материалов Сергея. И дело не в одной «горячей теме», просто он был таким человеком. Он никогда не ныл, как бы трудно ему ни приходилось. Близкие знают, что он рос без отца, многие годы снимал частную квартиру, не совсем удачно сложи-лась семейная жизнь, но никогда не жаловался на судьбу. И стихи его, которые он писал, – такие же жизнелюбивые, как и сам Сергей.

Людмила Калинина, поэт, журналист

Он был потрясающим эрудитом, книгочеем. Еще в школе слыл философом, этаким «профессором». В 17 лет Сергей пришел на практику в «Ленинскую смену», где я тогда работала, и сразу стал своим, но творческая судьба его сложилась непросто, ведь провинция не всегда ценит талантливых людей...

Книжная полка

Татьяна КРИНИЦКАЯ

Саров

ПУТЕШЕСТВИЕ КАК ОСМЫСЛЕНИЕ БЫТИЯ

В литературе есть очень плодотворный и эффектный приём: художественное произведение в форме описания путешествия. Благодатный приём. Зарубежных литературных примеров на эту тему – начиная с легендарной «Одиссеи» – немыслимое множество. В русской литературе тоже: от «Слова о полку Игореве» (в той или иной степени) и «Хождения за три моря» Афанасия Никитина, прямого образчика жанра, – и до… В общем, только самый-самый ленивый русский писатель его не использовал.

В жанре путевых заметок написаны «Путешествие из Петербурга в Москву» Александра Радищева (правда, не самая удачная книга, но всё-таки), «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» Александра Пушкина, «Фрегат “Паллада”» Ивана Гончарова, часть глав романа «Детские годы Багрова-внука» Сергея Аксакова. В современной ли-тературе это и Венедикт Ерофеев «Москва – Петушки», и даже «Бубновый валет» и «Камергерский переулок» мое-го любимого Владимира Орлова выстроены с элементами описания путешествий. Как и «Здравствуй, вчера!» и «Эн-генойская ведьма» екатеринбургского писателя Екатерины Наговицыной. Понятно, что у каждого читателя перечень запомнившихся, запавших в память книг свой.

Принимая дорогу в качестве одного из главных дей-ствующих лиц, авторы рассуждают, философствуют, раздвигая параметры «пространство – время». Дорога и философские рассуждения в данном случае совершенно органично связаны, ведь, собственно говоря, все мы пу-тешествуем если не в пространстве, то во времени. При однозначной простоте схемы из-под пера авторов выходят совершенно разноплановые произведения. Может быть, именно оттого, что авторы такие разные, приём и не уста-ревает, не затирается.

Такие разные…

Недавно в литературных журналах России напечатаны две работы саровских авторов в жанре путевых заметок. В воронежском журнале «Подъём» опубликована повесть Александра Ломтева «Разглядеть зимородка», в крымской «Белой скале» – повесть Елены Кашевой «427», оценен-ная вторым местом в международном литературном кон-курсе им. Александра Куприна за 2017 год.

Итак, это очень разные авторы и очень разные изда-ния. «Подъём» – старый «толстый » журнал, важный ин-формационный участник литературных фестивалей в Во-ронежской области и Центральном федеральном округе России. Его редакторы – непременные участники жюри литературных форумов , что для редакции принципиаль-но. Лучшие произведения, представленные на творческих праздниках, публикуются в «Подъёме». Произведения лауреатов музыкально-литературных состязаний «Во-ронцовская Русь» (Каменка), «Батька-Дон» (Павловск), «Калитвянский причал » (Россошь), « Во славу Бориса и Глеба» (Борисоглебск), «Стихоборье» (Воронеж), «Хру-стальный родник», «Русский Гофман» (Калининград) не раз публиковались на страницах «Подъёма».

«Белая скала» – совсем молодой , литературно-худо-жественный журнал региональной общественной ор-ганизации « Союз писателей Крыма ». В нём представ-лены поэзия, проза, публицистика, научно-популярные статьи, культура, религия, быт, искусство. Традиция

ежеквартального журнала – непременно публиковать крымского писателя прошлых лет, гостя журнала и юного автора.

Вот и авторы очень непохожие; немалая разница в возрасте – они представители разных поколений, разный жизненный опыт, следовательно, по-разному оценивают действительность. Одна жизнерадостно со светлым оптимизмом смотрит вперёд, другой словно оглядывается и подводит некие жизненные итоги.

427 км и целая жизнь

Оба произведения А. Ломтева и Е. Кашевой – о дорогах, России и народе. Повесть А. Ломтева «Разглядеть зимородка» ведёт читателя по малой реке Сатис, протекающей по Сарову, Присаровью и – по жизни автора.

Округу А. Ломтев знает отлично – здесь родился, вы-рос, состоялся как журналист и писатель. Знает, кажется, каждый родничок, усадебку, в каждом селе или деревушке у него друзья, знакомые или родственники. Именно о них, жителях Присаровья, – самые тёплые, душевные страницы повести. Старики, вросшие в свои родные места, не бросившие их в поисках жизни полегче, – автор описывает их мудрыми, добрыми, готовыми поддержать и обогреть. Таков старик-пастух, помогавший спустить лодку и попутно сетовавший на суету и легковесность современной жизни. От них-то и убегал на время автор.

Как хороши вот эти нетронутые временем места. Проселочная дорога с разноцветным роем бабочек-однодневок в сырой колее, голос кукушки в глубине леса, неведомо кем поставленный сруб над родником и берестяной ковшик, остатки водяной мельницы поперек русла речушки. Кто жил здесь и когда, куда ушел и почему – теперь уж об этом никому не узнать. Хочется бросить все, забыть мелкие свои суетные мыслишки, пропустить сквозь себя величие вечности, выйти на едва заметную тропу и побрести не торопясь, куда бы она ни повела. И хорошо бы брел рядом с тобой седой старичок… и говорил бы тебе простые слова, которые отче-го-то все реже говорятся в этом мире.

Персонажи повести А. Ломтева сменяют один другого, как повороты Сатиса, открываясь, меняясь, но не сливаясь в неразличимое и малозначимое. Они-то и врачуют устав-шего героя повести словами, которые ему и нужно было услышать.

Из совсем уже сгустившегося сумрака вышел к огню монах-па-ломник. Пробирался пешком из Санаксарского монастыря в Ди-веево и неведомо как набрел на мою стоянку. И была совместная трапеза, и долгая неспешная беседа. Батюшка, который по годам много меня младше, смотрел-смотрел мне в глаза и, безмерно по-ражая, вдруг сказал:

– А ведь вас что-то сильно печалит, вы смеетесь, а в глазках-то тоска, – и принялся говорить мне положенные утешительные слова, которые по своей обыденности и общеизвестности утешать не должны были бы, но отчего-то утешали.

Или ещё один персонаж:

Дед стоял робинзоном на крутом берегу и смотрел из-под ко-зырька ладони, как я выгребаю по плёсу. Он зазвал меня в избу:

– Как эт на улице спать, когда изба есть! – Он не успокоился, пока я не перенёс в дом рюкзак и не затащил лодку на лужайку под окнами.

Мягкий юмор А. Ломтев позволяет себе в отношении земляков, описывая особенности речи, наивную веру в нечистую силу. А о незамысловатой деревенской еде го-ворится и со знанием дела, и с нежностью. Вы почитай-те описание рецепта окрошки из села Суворова. Слюнки потекут!

Здесь же, в «Зимородке», автор затронул такую важ-ную особенность жизни окрестных сёл, как близость к Сарову, городу двуединой силы: подвигов преподобного и важного оборонного объекта. Они наложили отпечаток на округу. О паломнике , который брёл в Дивеево на поклон преподобному Серафиму Саровскому и переночевал око-ло костра с автором, мы уже упомянули. В «Зимородке» А. Ломтев с юмором и с печалью описывает «последнего

блаженного наших мест», Саню-Кнута. Наивный блаженный, не имевший законной возможности прийти помолиться на камне Серафима, выискал-таки лазейку и пробрался в город… Бедняга даже не задумывался, чем для него обернётся «паломничество», но у блаженных свои законы.

А. Ломтев включил в повесть также детективно-комич-ный фрагмент о том, как старенькие суворовские колхоз-ницы изловили шпиона. Настоящего, замаскированного под старьёвщика, или, как назвал его автор, тряпичника. Как ни крути, значимость Сарова ядерного для защиты страны простые люди понимают.

Субботним вечером в деревне все только и говорили о том, как бабы у тети Мани в избе шпиона вязали. На закате я… слушал настоящую сагу о том, как соседки хитро заманили тряпишника в дом, как председатель замешкался и тряпишник, несмотря на уго-воры, а может, и почуяв опасность, собрался уезжать, как бабы набросились на него и связали заранее приготовленными веревка-ми, с помощью которых носят вязанки сена… Как приехали потом военные люди, вызванные председателем по телефону, и забрали связанного тряпишника.

Да, они всё прекрасно понимают, хотя слыхом не слыхали ни о статьях Уголовного кодекса о государственной измене и шпионаже , ни о законе о государственной тайне, ни о более позднем – «О закрытом административно-территориальном образовании». Но они прекрасно помнят и осознают, что слишком дорогой ценой вышли из прошлой – прошедшей, но не забытой – войны. И не хотят такого ни для детей, ни для внуков. Ни для кого.

Не крикливая и не пафосная , но так же исповедуе-мая привязанность к Отечеству ярко прописана и у Елены Кашевой в повести «427». Её герой спецназо-вец Володька-Баржа – человек неоднозначный, упёр-тый , гордый своим профессионализмом и просто гор-дый (к гордыне его достоинство не имеет отношения). Первое впечатление от спутника Е. Кашева, мастер выразительных деталей , описывает так: «Из кабины

выскочил невысокий, бритый наголо, загорелый дочер-на мужичок лет сорока пяти, мускулистый и гибкий, в полосатой майке и камуфляжных штанах, на ногах – разношенные и пропылённые кожаные сандалии. Глаз имел шальной, повадку кошачью, и от него за версту разило опасностью». По мере развития событий оказы-вается, что Володька - Баржа прошёл огонь, воду и мед-ные трубы, его ломали, но он себя не потерял. Баржа – боец легендарного подразделения « Вымпел». Для обыч-ных людей Елена поясняет:

…Они владеют всеми видами огнестрельного оружия, даже тя-желого, и не только российского, но и натовского. Что умеют сут-ками не спать – не есть. Что в ближнем бою любого Ван Дамма положат на обе лопатки за секунду. Что маскируются на открытой местности так, что наступишь на вымпеловца – и не заметишь…

* чувство опасности исходит не от него – его тело сканирует про-странство вокруг, просчитывая на подсознательном уровне все возможные риски и угрозы, впитывает их и от того фонит, как изотоп радия. …С ним ты выживешь даже на Северном полюсе, без теплой одежды и провианта.

Чудно характеризует Баржу и речь в переложении авто-ра повести:

Выяснилось, что Баржа любил комментировать всех во-дителей, попадающих в его поле зрения, причём за рулем вы-ражений особо не выбирал, но, поскольку являлся человеком верующим, при монастыре подвизающимся, то каждую полума-терную тираду он завершал покаянным и искренним «Господи, помилуй!» И непременно вскидывал глаза к потолку кабины, чтобы адресат точно знал, что к Нему относятся только два по-следних слова.

Дорожные разговоры, в которых можно услышать мас-су всего интересного и, что важно, с высокой долей прав-дивости, Елена передаёт в свойственной ей лёгкой иро-ничной манере:

– А мы люди простые, – ответила Лариса и воткнула в рот тонкую сигаретку с ментолом, щёлкнула зажигалкой, сделала глубо-кую затяжку. – При монастыре живём. На земле тяжело, до неба не доросли, болтаемся посередине: не миряне, не монахи, что-то среднее.

– Давно болтаетесь?

– Лет пять.

– А живущим при монастыре курить можно? – подначила я Ларису.

– Нет, конечно. Но если я курить брошу, то у меня ника-ких недостатков не будет. Володька сразу закомплексует, – засмеялась Лариса.

– А чё мне комплексовать? – удивился Володька. – Я и так знаю, что у меня жена святая.

Лариса горделиво отвернулась к окну, приспустила стекло и воодушевлённо выпустила дым на дорогу.

\endash так же непринуждённо рассказывает автор о тяжёлых испытаниях, пройденных Баржой и его «святой» Лари-ской. А из-за этой лёгкости проглядывают и знание авто-ром реальной – не книжной – жизни, и накопленный опыт,

А умение принимать и ценить окружающих такими, какие есть. Не обеляя и не отвергая. Знание своё Елена вклады-вает в реплику ещё одной попутчицы – Ольги:

Душа, видать, не каждому даётся. А нет души – так и стыда нет.

И вины – ни капельки! Но ты, Баржа, наплюй на них! Господь-то сам разберётся. Они за своё ответят перед Ним, а мы – за своё!

Резкие, порывистые, стойкие, нежные и ответственные – таковыми оказались попутчики в повести Елены Кашевой «427». Таких не найдёшь в книгах из списков престижных столичных литературных премий – нормальных.

Не менее значимые герои повести Е. Кашевой «427» (как, впрочем, и в «Зимородке» А. Ломтева) – природа и бытовые детали. К примеру, вот это:

Трасса убегала по взгорку за горизонт, справа и слева расти-лались пшеничные поля, уже убранные, ощетинившиеся короткой

стерней. И были поля похожи на затылок Володи: в загорелых складках. Прозрачное небо к горизонту наливалось молочной спе-лостью, густело. Осыпалась с берез августовская желтая листва, шуршала по обочинам, разлеталась обрывками писем. Не остыв-шая за ночь земля дышала печным теплом.

Или это:

– Мне после гарнизона под Сургутом любая избушка – царские хоромы, – выдохнула дым Лариса.

– Стены гнилые, крыша течёт, полы разошлись! – восхищённо затараторила Олька. – А главное – ни газа, ни водопровода, ни сортира! …То есть ни в доме, ни возле дома! Я продавца спраши-ваю: где сортир?! А он рукой двадцать соток обводит: вам чё, места тут не хватит? А теперь? Колодец поставили, насос кинули – вот тебе и вода в доме. Бойлер купили – вот тебе и горячая вода. Сор-тир, между прочим, настоящий, ватерклозет. И двадцать соток – вылизаны идеально.

с этом слегка ёрническом диалоге подруг об обустрой-стве «домика в деревне» прописано умение русского чело-века при необходимости довольствоваться малым, а при возможности приложить руки – и вуаля! – сделать из чего-то конфетку.

* * *

и дороги… Что ж, на то они и дороги, чтобы вытря-сти вздорные мысли, пустить по ветру лишнее, высветить главное. Как у Е. Кашевой:

Володька похлопал меня по плечу на прощание и, довольный, пихнул Лариску в тощий бок: – Гля, жена, небо-то здесь какое! Божье!..

Вечером я сидела на балконе с видом на мачтовые сосны и телевизионную вышку, пила кофе из керамического бокала и смотрела в закатное небо. А оно и в самом деле было Божьим…

Или как у А. Ломтева:

Может, и правда все эти наши искания, прогресс, цивили-зация, путешествия – всего лишь нелепая попытка убежать от себя и от смерти? Может быть, и не стоит никуда плыть? Не знаю. Душа просится, вопреки разуму надеется, что все-таки стоит. Хотя бы для того, чтобы убедиться, что есть на свете лес, река, покой, что живет на свете чудная райская птица – зимо-родок. Изумительно красивая просто так – ни для кого и ни для чего.

…Такие разные времена. Такие разные авторы. Такие разные журналы – а дорожные повести всё публикуют и публикуют. Потому что… потому что охота к переме-не мест вообще свойственна человеку, а уж русскому – так особенно. И потому ещё , что «Широка страна моя родная».

Андрей КУЗЕЧКИН

«КОШИНАЯ ПРЫНЦЕССА»

В «СТРАНЕ НЕСЛЫХАННОГО СЧАСТЬЯ»

Наталья Ларкин. «Необыкновенные приключения кошки Нюси. Сокровища короля Андраша»

«Какую книгу подарить ребёнку?» – этот вопрос задают многие родители. Во-первых, она должна быть не только

увлекательной, но и познавательной. А во-вторых, такая книга будет интересна и детям, и взрослым. Точнее, чита-тель любого возраста найдёт в ней что-то своё. Вспомните «Житейские воззрения кота Мурра» Гофмана, «Приключе-ния Алисы» Кэрролла, истории о Простоквашино Успен-ского… Но все эти книги объединяет и ещё кое-что: один из героев – мудрый кот, обладающий собственным взгля-дом на мир. И единственно верным, как он сам считает – но не за это ли мы и любим котов и кошек?

Новая книга Натальи Ларкин «Необыкновенные при-ключения кошки Нюси. Сокровища короля Андраша») – продолжение сказки о «кошиной прынцессе» и её хозя-евах: девочке Маше и весьма нетипичных бабушке с де-душкой. На этот раз вся компания отправляется отдыхать в Венгрию – в деревню Тихани на озере Балатон. И, как нетрудно догадаться по названию книги, одними лишь ку-панием и рыбалкой дело не ограничится…

А чем же в это время будет заниматься другой наш знакомый – домовой Палыч со своей подругой Крысой?

Что ж, забот хватит и ему. Пока Маша и Нюся ищут сокровища в далёкой стране, старику придётся защищать от посягательств злоумышленника волшебную книгу, спрятанную в доме. В итоге читатель этого небольшого повествования получит два захватывающих сюжета вместо одного.

Страна, впрочем, не такая уж и далёкая – всё-таки бывший собрат по соцлагерю. И если взрослый читатель найдёт в описании тамошней жизни немало знакомых примет, то юный узнает, что такое по-венгерски «уборка» (к чистоте никакого отношения не имеет!), почему «зарва » – это плохо, кто такие « бабаки» и «тюндереки» (подсказка: венгерская нечисть), и для каких повседневных дел в Венгрии нужно получить официальное разрешение . Полезно будет узнать и том, какие животные обитают в тех краях, и о том, какие связи с нашей страной поддерживал тот самый король Андраш , и в целом – дей-ствительно ли Венгрия – страна неслыханного счастья, как считает Нюся?

Всё, за что мы любили первую книгу, на месте: и обаятельные герои, и приключения, и главное – юмор. Домовой по-прежнему изъясняется в рифму, чудаковатые ба-бушка и дедушка попадают в забавные ситуации, много и других смешных моментов:

– Ка-акая красавица! – воскликнула Сашка. – Сейчас я ее сфотографирую на пять тринадцатых и заодно покажу вам фото моего кота.

– А «пять тринадцатых» – это что? – поинтересовалась бабушка.

– Пять тринадцатых – это пятый из моих тринадцати айфо-нов, – не моргнув глазом, ответила Саша.

\endash главное, чего мы ждём от продолжения истории

В кошке Нюси – это, конечно же, сама кошка Анфиса, для своих – Нюся. Девушка с характером, любимое занятие которой, как и у любой другой кошки, – полу-чать удовольствие от жизни. Поспать, поесть яишенку, шкварочки, иногда поохотиться… Впрочем , изредка

Нюся снисходит и до людей с их суетными проблемами, вот тогда и начинается самое интересное . Кто как не Нюся найдёт общий язык и с нечистой силой, и с местной фауной?..

Словом – достойное продолжение интересной сказки, которое можно прочесть и как самостоятельную книгу. А ещё ходят слухи, что на страницах «Сокровищ короля Андраша» спрятаны подсказки – они помогут вам выиг-рать в конкурсе, который проводит сама Наталья Ларкин. А это значит – читайте внимательно!

КОРОТКО О НОВИНКАХ

Евгений Макаров. Про воров и оперов. Нижний Нов-город: «Книги», 2017.

Условно говоря, наша жизнь делится на две стороны – за решеткой и вне ее. И есть те, кто стоит между, служит буфером, охраняя нас – добропорядочных обывателей, со-блюдающих закон, – от нарушившителей его. Автор как раз из этих людей. Полковник милиции, в прошлом начальник УБОП ГУВД Нижегородской области. Служил в легендар-ной «Шестерке», той самой, что в девяностые, которые сей-час принято называть «лихими», боролась с организован-ной преступностью. Так что весь антураж налицо. Кто, что, почему, зачем. И какие пункты неписаного кодекса должны соблюдать воры в законе, чтобы таковыми оставаться. И как воры его не соблюдают. И какова роль была государства в формировании этого кодекса и как оно контролировало и использовало «воровское движение». И много другой ин-формации что называется «из-за кадра», из первых рук.

В предисловии автор уточняет, что книга написана в пер-вую очередь для молодежи – чтобы уберечь ее от блатной романтики и направить на правильный путь. За что я его искренне благодарю. Книга Евгения Макарова по-настоя-щему честна и убедительна. Имеющий уши да услышит.

Петр Родин. С Ветлуги до Светлояра. Сборник расска-зов и стихотворений. Нижний Новгород: «Книги», 2017.

Фамилия автора этой книги как нельзя более созвучна ее названию: вся она – о нашей с вами родине, хоть малой, хоть большой, хоть той, что осталась в детстве или в мечтах. Настоящая проза настоящего мужика. Да – сурового, да –

жесткого, но и, конечно, нежного и любящего. Где-то в глу-бине души. Иногда поговаривают, в горькую шутку: «где-то так глубоко, что и не найти». У Родина – найти. Потому что у нас все так – сначала морду бьют, а потом тоскуют. И это я в хорошем смысле, не в издевательском. Такая уж у нас плани-да, и не надо с ней бороться – делать вид, что Россию можно измерить общим аршином и понять умом. Надо жить по со-вести, и все. Как живут люди в книжке Петра Родина.

Галина Таланова. Светлячки на ветру. Роман. М: АСТ, 2017.

На редкость качественная женская проза. Или так – «жен-ская проза». В кавычках, потому что это жанр хоть и с чет-кими требованиями, но и с большими, широкими возмож-ностями. Таланова ими пользуется вовсю, выходя за рамки просто «женского романа» и звуча полифонично. А это боль-шая редкость. В основном писатели пишут от себя про себя и для себя. Редко кому удается говорить от лица своих героев, и только от них, не вкладывая герою в уста собственные мысли. И вообще приятно, что наш местный нижегородский автор попал в большую серию крупного московского издательства.

Федор Сухов. Буреполом. Повесть. Нижний Новго-род: «Книги», 2017.

Это проза поэта в лучшем значении этого понятия. Сейчас на таком языке почти никто не пишет, да и не «почти», а вооб-ще никто. Книга оставляет ощущение прикосновения к чему-то настоящему, чему и объяснения нет и что анализу не под-дается. Просто читаешь и понимаешь – это все наше, родное, даже если и не всегда понятное, да зачастую и не особо род-ное. Это я про читателя, а не автора повести Федора Сухова. Ему-то как раз это все было знакомо с детства, впитано, что называется, с молоком матери. И я его еще совсем мальчиш-кой читал – попадались мне где-то то ли сборник стихов, то ли журнальная подборка. Хорошие стихи. И проза его такая же. Не помню, кто говорил: поэт проверяется своей прозой.

Почитайте. Не пожалеете.

Олег МАКОША

Русский смех

Евгений ОБУХОВ

Москва

МИСТИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВО

Кот у Евстифеева – просто страшное существо. Не в том смысле, что, например, ночами орёт или всех царапает без разбора. Он наводит ужас на Евсея Игоревича своим даром предсказывать ход мировой истории. Да так, что тот всерьёз считает всех остальных животных созданными на Земле, а вот котов – космическими пришельцами, тонень-кой ветвью какой-то великой внеземной цивилизации… Так врачам и рассказывает.

В общем, как-то раз для общего образования Евсей Игоревич купил в электричке и прилепил на стену в коридоре огромную карту континентов со всеми городами и странами. Мол, сколько раз за день из кухни в комнаты без пользы хожу – а тут тебе карта. Глядишь, походя са-мообразуюсь, буду знать, где Белиз находится и велика ли хвалёная пустыня Гоби…

На другой день кот, дефилируя мимо, вдруг встал на задние лапы и царапнул карту в районе Японии, кусочек отодрал. Евстифеев махнул на кота полотенцем, поднял кусочек, чтобы приклеить обратно на место, и прочитал: «Фукусима». А вечером по телевизору сообщение…

Евсей Игоревич сперва значения не придал. Так, хмыкнул по поводу совпадения. Но дня через три эта

скотина подпрыгнула и деранула в районе Мексики. И тут же сообщение: землетрясение девять баллов, столь-ко-то жертв, столько-то разрушений. Тогда уж Евстифеев задумался.

А этот злыдень – шмарк в районе Персидского зали-ва. Через час по всем каналам: опа, война! Выдрал клок из Большого Барьерного рифа – наутро диктор кадры комментирует : лайнер напоролся и затонул, в воде три тыщи народу. А то подбежал и с самого низа всю Антар-ктиду когтищами исполосовал . Вечером на экране дядь-ка с бородой: мол, катастрофа, потепление, айсберги тают, пингвинам жить негде, а Европу затопит к чертям собачьим…

Тут-то и дотюмкал Евстифеев: страшная скотина в доме живёт, мистическая. Захотел от греха карту со стены соскрести, так кот увидал и бегом в кабинет, к глобусу. Евсей Игоревич аж передёрнулся весь: брысь! Нет уж, лучше пусть континенты частями , чем планету целиком. Избавиться от кота? Ещё не легче, это хуже десятка Фуку-сим – скотину ведь тёща для семейного счастья подарила, и если только узнает … Уж лучше пусть торнадо с ополз-нями, тем более, что они где-то далеко, а эта – в соседнем районе…

Так и терпел Евстифеев, только наблюдал, как безжа-лостное животное о карту когти точит. А там уж каждый день сыпалось: погода, климат, взрывы, войны, дома ру-шатся, наводнения пучатся, эпидемии на огромных терри-ториях с три царапки величиной.

Вчера же кот подпрыгнул и когтём точно город Речинск подцепил. Евстифеев аж помертвел весь и говорит Лидке: «Ну всё. Мы же в Речинске живём!» А котяра уселся пе-ред ними на пол и так с любопытством смотрит: что, мол, предпримете?

А они сами не знают. Сидят растерянные в постели, простынками укрывшись, головами крутят, через окно на улицу выглядывают, прислушиваются. Чего ждать? Газ рванет? Метеорит шарахнет? Может, пустоты какие под городом и время пришло половине улиц провалиться?..

Евстифеев успокаивает: «Ты, Лидочка, если вдруг, то главное – не это… не того… не пугайся!» А у самого руки ледяные…

Так и просидели часа два, как окаменели. И вдруг в две-ри ключ – шурр, шурр… В общем, жена Евстифеева на два дня раньше из санатория вернулась, не понравилось, что ли, или мистика какая вмешалась… А тут – он сидит в спальне с рыжей с этой, с Лидкой…

Что там было – куда цунами с землетрясениями, и близ-ко не похоже!

Один кот из спальни на кухню сумел улизнуть, толь-ко оглянулся на бегу и посмотрел на хозяина с укоризной: «Я ж тебя предупреждал!»

Вот и лежи, рассуждай про котов, пока из травматоло-гии не выписали…

Олег ЗАХАРОВ

Кстово

ПАРОДИИ

Шуточное

купали красную кобылу

вода стекала из коня

так хорошо и грустно было

но как обычно без меня

Евгений Прощин,

Нижний Новгород

Со мною так нередко было:

Остыв от бешеных погонь,

Пойдёшь купать свою кобылу,

А приглядишься – это конь!

Забыть стараюсь о конфузе,

Но так с поэтом всякий раз –

Спешишь-спешишь в объятья к музе,

Нырнёшь в постель – а там Пегас!

и надо мной теперь, не скрою, Уже смеётся кое-
кто:

«Ты ж видел – конь перед тобою!» Да как увидишь под
пальто?!

Теперь, когда друзья резвятся,

Опять к реке меня маня:

«Пошли с кобылами купаться!»

– Нет-нет! Спасибо, без меня…

Паронимы*

Летят стремительные кони,

Неся могучих седоков,

в *поступь тяжкая полков*
Сопровождалась лязгом брони…

Владимир Проскуряков,

Санкт-Петербург

Поток словесный урезонь,
Пойми, чтоб избежать афронта –
Броня в бою нужна. А бронь –
Освобождение от фронта.

Бывает в знаниях изъян,
Как в небесах порою тучка,
И всё ж: невежа – грубиян,
Невежда – это недоучка.

Знать должен каждый индивид,
Который к знаниям стремится:
На свадьбе здравица звучит,
Тогда как здравница – больница.

Умей кокетку отличать
От содержанки, суть кокотки,
Что продаёт красу и стать,
Когда кокетки нравом кротки.

Тебе же скажут комплимент,
Когда весомо скажешь где-то:
Отрывок – повести фрагмент,
Обрывок – лоскуток газеты.

От Сахалина до Москвы
Запомнить каждому по силам:
Венец – убор для головы.
Венок – убранство для могилы.

в *Паронимы* – слова, близкие по звучанию, но разные по значению.

Коль ты поэт, то всякий раз

(В расцвете лет или на склоне)

Следи за смыслом слов и фраз.

Вдруг – пародист, а ты без брони!

Всё okey!

Поэзия зевала, сидя рядом,

Хоть у неё был волчий аппетит.

Она отвоевала ярд за ярдом

Мою реальность с этикеткой speed...*

...Когда мы всё кружили по маршруту,

*Осознавая неизбежность grief**...*

Мила Машкова, Харьков

Когда порой брожу в аллеях сада,

Поэзия сама ко мне идёт.

Родной язык – души моей отрада –

Я с юных лет люблю его, my god***!

Я каждый morning**** на природе, ибо

I love you***** Русь, язык её, хоть плачь!

За образность, my friend******, тебе спасибо!

За мелодичность thank you very much*******!

Good-bye********, природа, время пролетело!
Всё very well********, в душе звучит регтайм.

– Good night********, – сказать поэзии хотела,
А глядь – она спала всё это time********!

---

* Скорость (*англ.*).

** Печаль *(англ.).*

*** Мой бог! *(англ.).*

**** Утро *(англ.).*

***** Я тебя люблю *(англ.).*

****** Мой друг *(англ.).*

******* Большое спасибо! *(англ.).*

******** До свидания *(англ.).*

******** Очень хорошо *(англ.)*.

******** Спокойной ночи *(англ.).*

******** Время *(англ.).*

Воспоминания

Он вёз меня, хвалу слагая буксам,

Туда, где ты слезами остеклишь

Объект, что ныне величают ГУПСом,

Носивший в детстве прозвище ЛИИЖТ…

Андрей Романов, Санкт-Петербург

Вдруг вспомнил детство, молодые годы,
Я был тогда с Ч/Ю и без В/П,
А ЗИЛ, Ижмаш и прочие заводы
Удваивали наше ВВП.

КПСС служила нам примером,
Рос в ЛТП незримо КПД,
А ВЛКСМ с СССР-ом
Вели на БАМ, в ДОСААФ и в ДНД.

Ч/Ю теперь зависит от погоды,
И терапевты пишут мне Ц/У.
Удел мой – ВТЭК да ЗОЖ в такие годы,
Поскольку я, товарищи, Б/У…

В назидание молодым

Сказкой и тайнами дышащий лес

Каждое утро наполнен чудес…

Татьяна Хатина, Москва,

учитель высшей категории (стаж 30 лет)

Как педагог самых важных основ,
Я вам открою секрет падежов.
Главное, что нужно помнить про их –
Правильно вставить и в прозу, и в стих.

Хочете быть развитыми людьми?
Надо уметь говорить падежьми!
Чтобы не приняли вас за бомжа,
Верной должна быть у вас падежа.

Я, между прочим, ни с кем не дружу,

Кто не умеет склонить падежу.

Помните, дети, и вы – молодёжь:

Чтоб не срамиться, учите падёж!

Машинисты

Устанут парни, чертыхаясь,

Как на ходулях, вниз сойдут.

Найдётся вряд ли кто, бахвалясь,

Мечтал блаженно прямо тут…

Юрий Дворников, ветеран РЖД,

Свердловск

Бывало, парни еле-еле

С локомотива вниз сойдут

И то, что три часа терпели,

Хотят с блаженством прямо тут.

Но прямо тут недопустимо,

И пассажиры не поймут.

Но если сильно нестерпимо,

То так и быть. Давайте тут!

Светлана СУПРУНОВА

Калининград

Рейтузы

Муза в розовых рейтузах,

И непокрытой головой,
Полезай, подруга, в кузов
Санитаркой фронтовой.

Александр Люлин

Чьи-то музы в платьях, блузах,

А моя так просто ах! –

Ходит в розовых рейтузах,

На высоких каблуках.

и писал, бывало, бодро
(Правду-матку говорю), На
обтянутые бёдра Каждый
день теперь смотрю.

Сладко сердцу, ярко глазу,

Я теряюсь, как никто,

Мысли путаются сразу,

Представляется не то.

а уже душою маюсь,
а не думаю совсем, Ну,
короче, отвлекаюсь От
больших и вечных тем.

И, прилепленный к рейтузам,

Понимаю всё сильней:

Чтоб стихи звучали, музам

Одеваться бы скромней.

Преступление и наказание

Да простит меня Бог и Природа,

\endash *к*
о
м

и

с
и
м
в
о
л
,

и

с
м
ы
с
л

е
с
т
е
с
т
в
а
,

Я

в

орую Слова у народа, Не стыдясь
своего воровства.

Владимир Молчанов

Это гены такие, порода,

По-другому уже не бывать,

Я ворую Слова у народа,

А ведь мог бы и не воровать.

Жаль народ, но привычка сильнее,

Благо совесть утихнет к утру.

Он богатый, а я победнее,

Потому у него и беру.

\endash к тому же народу я ро́дный, Никогда не предъявят мне счёт. Знаю, знаю характер народный – Не поднимется, стерпит народ.

Я вчера возле Слова крутился

(В нём загадочный образ сиял),

Всё курил, ну, короче – крепился.

Видит Бог: не хотел, но украл.

Слово к Слову – вот сборничек новый,

Снова слава, почёт до седин,

И пришёл, не стерпел участковый:

«Одевайтесь, – сказал, – гражданин!»

Маясь уходом

Когда умру, о сколько будет слёз!

И сколько слов! И сколько возлияний!

Надежда Мирошниченко

Писатели, правление, родня,

Сбежится люд, барышники с базара,

И понесут притихшую меня

По улицам родного Сыктывкара.

и к образу поэта как штрихи Появятся – ни много и ни мало – На плюшевых подушечках стихи – О как трудилась, сколько написала!

\endash сколько слов приятных и речей, Как много всё же о себе не знала! И сладость слов – что на́душу елей. Подумаю: зачем я умирала?

а прокурлычут громко журавли,
Прислушаюсь: всё слёзы и рыданья,

а вот уже бросают горсть земли.
Последние мгновенья расставанья!

Но голоса знакомые слыхать,

Замечу, эти были не речисты.

«Тебя нам будет очень не хватать!»

И догадаюсь – это пародисты.

Рядом с народом

Разведусь я с поэтом, и уйду я в народ,

То бишь к дворнику Федьке...

Буду двор с ним мести по утрам,

Собирать стеклотару…

Диана Кан

Эх, знал бы Герцен, что затеял,

А мне теперь вот разгребать.

Народ всю жизнь пахал и сеял,

Кормилец, в общем, так сказать.

Подумалось: ведь нету риска,

С народом и себя найду.

Чтоб рядом быть, ну очень близко,

Я к Федьке-дворнику уйду.

Какие тут уже сомненья,

Я буду с ним гонять чаи,

Ещё читать для просвещенья

Стихи (конечно же, свои).

Читать о городе и роще

(А Федька и всхрапнёт порой).

Оденусь в старое, попроще, –

И ну с утра махать метлой!

Ах, всё ж решусь, задумки пылки,
Ведь можно жить и без строки,
Лишь собирать в мешок бутылки,
Сгребать окурки и плевки.

Захочет Федька похмелиться –
Я тут как тут, аж гордость прёт.
Где Кан? – встревожится столица.
Вестимо, где – ушла в народ!

Текучки в классике, утечки,
И шепоток пройдёт опять:
Такие, знаете, словечки
Порою стала выдавать!

И голос странный, как продутый,
И взгляд как будто нездоров,
Краснеет даже критик Лютый,
Слыхавший много разных слов.

Но стоп! Задето за живое,
На кой такие женихи.
Взбредёт же в голову такое,
Когда не пишутся стихи!

Марина КОПКИНА

Саров

* * *

Детей я спать пораньше уложила
И вымела весь мусор за порог,
Да у соседки скалку одолжила –
Испечь любимый яблочный пирог.

Поставила на скатерть два бокала,
Сварила борщ, нажарила котлет,

Вино из холодильника достала,

А из фольги – печёночный рулет.

Плывёт волшебный запах из духовки.

Поглядывая мельком на часы,

Я винегрет украсила морковкой,

Нарезала копчёной колбасы.

Тут за окном сова заголосила,

На счастье это или на беду?

Зашла соседка, скалку попросила...

Не отдала. Я тоже мужа жду.

* * *

166 расскажу про местного скинхеда – Нет повести печальнее на свете. Ведь у него есть жизненное кредо, Что неграм в нашем городке не светит...

А также гринго и башибузукам,

И всяким мусульманам из Аль-Каиды!

Без них в округе ну такая скука,

Адронный легче выдумать коллайдер.

Толпой в районе шляются скинхеды,

«Раммштайна» песни
знают, как молитву, Как
волки, хищно смотрят на
соседа, И пиво пьют
конкретно, не по литру.

Они напрасно стаптывают кеды,

У нас тут негры не живут, поверьте.

И медленно спиваются скинхеды.

Нет повести печальнее на свете...

Детская страничка

Ирина ДРУЖАЕВА

УХО НА ВЕРЁВОЧКЕ

Как всегда, на лето Мишку с сестрёнкой отправили в деревню к бабушке набираться сил на свежем воздухе и парном молоке.

Мишка радовался свободе, старым друзьям и увлека-тельным занятиям: рыбалке, играм, походам в лес и купа-нию в реке.

Все замечательно, если бы не Лидка, младшая сестра. Поблизости не было её ровесниц, и Лидка, как привязан-ная, всюду ходила за Мишкой. Чего только не делали при-ятели, чтобы избавиться от навязчивого «хвоста».

Мишка торопливо ел кашу, поглядывая на сестру. Он с друзьями договорился пойти на лесопилку. От Лидки надо было сбежать во что бы то ни стало.

Лидка протянула руку и больно дёрнула брата за мочку уха. Мишка от неожиданности чуть кашей не подавился.

– Вредина! Ещё раз дёрнешь, бант выдеру!

Мишка попытался дать сестре затрещину, но вмеша-лась бабушка.

– Не дерись! Маленькая она ещё. Подрастёт – поймёт, что нельзя.

Бабушка строго посмотрела на внучку.

– Лида! Ты зачем всех за уши дёргаешь? Так нельзя. Что за странная привычка?

Бабушка вышла в кухню, и Лидка показала Мишке язык.

Это стало последней каплей. Он помчался в гостиную.

– От плохих привычек надо отучать!

На глаза Мишке попался Лидкин любимый плюшевый медведь.

– Ага! Вот и ухо!

Мишка без раздумий отрезал ножницами медвежье ухо, продырявил и протянул в дырку ленту.

Бабушка наливала в чашки молоко.

Радостный, что придумал способ мести, Мишка быстро повесил ленту с ухом на шею сестрёнке.

Лидка удивлённо разглядывала странный кулон. А раз-глядев, завизжала так, что у брата уши заложило. Она дёр-гала за плюшевое ухо и от страха не могла понять, как его снять.

Бабушка охнула.

– Ой! Да что же ты вытворяешь, негодник! Ребёнка до истерики довёл! Ну, погоди, покажу тебе, как пакостить!

Мишка растерялся от такой бури.

– Бабуля! Да эта малявка достала всех с ушами! Пусть за это дёргает! Всегда при ней будет!

Бабушка мимоходом шлёпнула Мишку кухонным по-лотенцем по спине, увела всхлипывающую Лидку в зал, успокаивая.

– Не плачь, родная! Мы его починим. Будет лучше прежнего.

Мишка торопливо выскочил из дома, пока сестра не успокоилась и не увязалась за ним.

Целый день приятели провели на реке и на лесопилке. А Лидка целый день жалела заштопанного медвежонка

и играла с ним.

Но это ей надоело. Она ушла в угол сада, отыскивая ягоды на смородине у забора, и сквозь редкие доски изго-роди увидела мальчишек. Они стояли возле забора кучкой и таинственно шушукались.

«А что это они там? Что делают?» – любопытная Лид-ка встала на цыпочки и высунула голову в щель между досками.

Мальчишки ничего вокруг не видели и не слышали, ув-лечённые чем-то.

Лидка устала стоять на цыпочках, опустилась на ступ-ни и попыталась вытащить голову назад. Но не тут-то было. Щель внизу была у́же, и голова застряла.

И тут Лидка увидела, что к ней приближается Полкан, большущий соседский пёс. Девчонка очень боялась собак, а эта громадная дворняга внушала ей ужас. С перепугу она не смогла даже закричать.

А огромная собачья морда всё ближе. Глазищи, пасть, зубы, язык… Лидка зажмурилась от страха и почувство-вала, как горячий мокрый язык вылизывает её лицо.

Полкан от души обслюнявил торчащую из забора Лид-кину голову и отправился дальше по своим собачьим де-лам. Лидка, облегчённо вздохнув, заморгала мокрыми ресницами.

И тут мальчишки что-то подожгли и бросились врассыпную.

– Бежим!

Под носом у Лидки что-то глухо бухнуло, и поднялись клубы чёрного едкого дыма.

Мальчишки восторженно наблюдали за результатом своей проделки.

– Ух, ты! Сколько копоти!

Но стоило чёрной туче рассеяться, все дружно завопи-ли от страха.

На заборе висела голова негритёнка и испуганно мор-гала светлыми глазищами.

Мишка от ужаса попятился и упал в заросли крапивы.

И тут к Лидке вернулся голос. Она завизжала так, что сбежалось полдеревни.

Мишкиных приятелей за уши утащили возмущённые матери.

А бабушка освободила из дощатого плена чернолицую внучку и взялась за Мишку.

– Я и так пострадал! – оправдывался он, показывая красную сыпь от жгучей крапивы на торчащих из шорт и футболки голых ногах и руках.

Но бабушка была неумолима. Пока она не остынет от гнева, придётся всюду таскать сестрёнку с собой.

Бабушка протянула Мишке мыло и мочалку.

– Ты из сестры негритёнка сотворил, сам и отмывай!

Но сажа так глубоко въелась в мокрую Лидкину мор-

дашку, облизанную Полкашкой, что никак не отмывалась. К тому же Лидка мыться не желала, визжала, сопротивля-лась и укусила Мишку за палец.

– Вот чума! Ходи чёрной!

Несколько дней Лидка ходила за мальчишками, куда бы они ни направились. Чернолицая девчонка выглядела так забавно, так удивляла всех встречных своим видом, что мальчишкам было даже забавно таскать её за собой. Мальчишки чувствовали свою вину и не избавлялись от надоедливого «хвоста» – Лидки.

Пока не отмылась!

БАРС – ВАСИЛИЙ

«Ни за что!» – этот ответ Иришка слышала от мамы много раз, когда вопрос заходил о котёнке.

«И так проблем полон рот – комнатёнка с пятачок, и в коридор не выпустишь, сама знаешь, как тётя Зина к животным относится…»

Да, причина уважительная… Ничего не поделаешь, коммуналка, а соседка – ярая противница всякой живно-сти. Когда, однажды, Ирка всё-таки решилась принести в квартиру маленького бездомного котёнка, дрожавшего от холода на ветру у подъезда, соседка устроила такой скандал!

Котёночка пришлось отдать в добрые руки старушке из соседнего дома, а Ирка отчаялась завести себе пушистого друга…

Приближался Новый год. Говорят, в это время сбыва-ются чаще мечты и случаются чудеса.

Иришка, укладываясь спать, тихонько молилась и про-сила всегда об одном – ей так хотелось котёнка…

И – может, случайность, а может – чудо, но…

Перед самым Новым годом у входной двери раздалось жалобное мяуканье.

Кот жаловался так громко, что его услышали все соседи по этажу. Двери квартир одна за другой открылись, и все уставились на источник шума.

На лестничной площадке стоял кот. Большущий, с крупной лобастой головой, белый и пушистый, но… весь запачканный кровью.

Кровавый след тянулся за котом вдоль лестницы, а воз-ле него на площадке натекла уже маленькая лужица…

Что произошло с этим красавцем – так и осталось для всех тайной.

А вот реакция соседей на его появление была разной. Кто-то предложил вышвырнуть его из подъезда, чтоб не

пачкал пол.

Соседка Зина, конечно, сразу предложила: «Надо выз-вать ветеринара и усыпить зверя, или – милицию, чтоб убрали кота – он спокойствие в доме нарушает!»

Соседи пререкались и галдели, а истекающий кровью кот больше не мяукал – лёг и молча смотрел на людей вокруг.

Ирка присела рядом и погладила бедолагу по лобастой голове.

И тут её мама решительно подошла к коту и принялась его осматривать. На спине обнаружилась неглубокая цара-пина, а вот на правом боку и на одной из лап были глубо-кие раны.

«Ах ты, красавец. Кто ж тебя так, бедолага?» – при-читала мама, снимая с себя фартук и заворачивая в него животину.

Кот, пришедший к людям за помощью, не сопротивлял-ся, доверчиво прижавшись к своей спасительнице.

Зина, открывшая было рот для очередной скандальной фразы, так и стояла молча на площадке, глядя, как Ирка и мама Люся вносят ненавистное ей «животное» в квартиру.

Люся поставила раненого в ванну, налила в таз воды. Пока она смывала кровь, обрабатывала кота перекисью во-дорода, Ирка металась между комнатой и ванной, принося то стрептоцид, то марлю, то бинт.

Всё это время Зина, стоя в проходе, тараторила без умолку – и о том, что громадную зверюгу надо усыпить, и о том, кто же будет мыть лестницу…

Наконец, кота внесли в комнату и уложили в большую картонную коробку, постелив туда старое полотенце.

Ирка не отходила от раненого, ласково с ним разговаривая.

Кот попил водички, а от предложенной колбасы отказался. Он свернулся калачиком на здоровый бок и задремал.

А Люся быстро вымыла и лестницу, и площадку.
Потом мама и дочка собрали на стол праздничный

ужин, а рядом на стул поставили коробку с котом – насту-пал Новый год!

Вот так и встретили его – втроём. Чем не чудо новогод-нее – исполнившаяся Иркина мечта?

Поправлялся кот быстро. Уже на второй день начал сдирать присохшие повязки. Тогда Люся размочила и сняла марлю и бинты, ещё раз обработала раны – они почти уже не кровоточили. А кот принялся зализывать их сам

– лечился.

Несколько дней Ирка выносила кота на короткую прогулку на руках. Он был ещё слаб, ходил медленно, пошатываясь.

А через неделю он был уже здоров – зажило всё быстро, «как на коте».

Всё это время Иришка с мамой гадали: откуда пришёл красавец-кот, что с ним случилось, как его зовут?

А котяра ласково смотрел на них зелёными глазищами, громко хмурил, но – на вопросы не отвечал…

Поэтому обращение Кис-Кис заменили на Барс. Уж очень не подходили простецкие кошачьи клички к бело-снежному великану-коту. Даже назвать его уменьшитель-но Барсиком язык не поворачивался.

Кот и впрямь оказался невероятно красив. Огромный, лобастый, пушистый, с тёмными тапочками на лапах и полосатым хвостом-веером. Ходил Барс важно , смело, с чувством собственного достоинства. Глядя на него, ни у кого из соседей, ребятишек и соседских собак не

возникало желания пнуть, обидеть или ещё как-то про-верить кота на эту самую смелость. Кота уважали и… побаивались.

Но самые удивительные перемены Барс принёс в скан-дальную прежде коммуналку. Ненавидевшая раньше всё и всех Зина… полюбила удивительного кота. Она начала сама встречать его с улицы и кормить. Так что кот стал хозяином всех уголков квартиры.

Ирка, хоть и ревновала немного любимца, но его обще-нию с соседкой не препятствовала. Уж, очень эта одино-кая женщина изменилась с появлением Барса. Она больше не искала поводов для скандала. Наоборот, полюбив кота, вдруг подобрела и к соседкам. Теперь частенько угощала Иришку чем-нибудь вкусненьким.

Вот какие перемены принёс в дом новогодний подарок Барс.

Только одним всех трёх хозяек беспокоил кот: своими внезапными исчезновениями.

Даже в сильные морозы он то и дело исчезал на не-сколько дней. Потом появлялся, как ни в чём не бывало, греясь в лучах бурной всеквартирной радости.

Так прошли полтора года. Никто не вспоминал о былых ссорах, а сказочно изменившаяся Зина, Люся и Иришка прожили это время дружно, как одна семья.

Шло второе лето после появления в доме Барса. Ирин-ка, радуясь каникулам и свободе, носилась с подружками по дворам. Однажды забавы привели их на соседнюю ули-цу. Девчонки копошились в песчаной куче у забора, а на лавочке у дома сидели и беседовали две старушки.

Вдруг меж сараев мелькнул полосатый пушистый веер хвоста. Кот, как под парусом, выплыл во двор и прямиком направился к лавке.

Иринка обрадованно бросилась к коту: «Барс!»

А с лавочки встала пожилая женщина, удивлённо глядя на девчушку.

«Вася, Васенька его зовут, милая. Иди ко мне, моя ра-дость!» – приговаривала старушка, беря на руки пуши-стый шар.

Ирка растерянно замерла рядом.

Кот захмурил и потёрся влажным носом о старушкину щёку.

Иришка протянула к нему руку, и кошара лизнул её, как-то даже по-собачьи.

«Бабушка, это наш кот. Его Барсом зовут» – пролепета-ла взволнованная Ирка.

Женщина удивлённо глядела на девочку: «Что ты, детка, ты ошиблась. Это Васенька мой, седьмой год у меня этот любимец». Вторая старушка на лавке согласно кивала головой.

К Иринке присоединились подружки, и к её голо-су добавились ещё два: «Это Барс, Иркин кот. Правда, правда!»

Потом все поуспокоились. Девчушки уселись на соседнюю лавочку. И Ирка принялась рассказывать бабушке Соне (так представилась старушка) историю появления у них в квартире Барса. Женщина внимательно слушала, охала, качала головой и удивлялась.

Хмурящего у неё на руках кота оглядели обе хозяйки.

«Вася», – гладила одна. «Барс, конечно, другого такого быть не может» – приговаривала другая.

Бабушка Соня припомнила, что как-то зимой котяра и впрямь исчезал надолго:

«А то, что на пару дней то и дело пропадает, – так ведь кот. Думала – гуляет где-то».

Вот так неожиданно выяснилось, что у Барса – Васи есть второй дом и хозяйка.

Да и то сказать – он появился в квартире у Ирки уже огромным взрослым котом.

Вот и выяснилось, где он жил до того новогоднего вече-ра и куда исчезает то и дело.

Иринка пришла домой расстроенная, чуть не плача. Ей казалось, что кот больше не появится у них в доме.

А Барс пришёл вечером как ни в чём не бывало, был ла-сков и пел свои хмурельные песенки, вылизывая солёные от слёз Иркины щёки.

Вот такая история. Не мог он обидеть людей, пришед-ших на помощь в трудную минуту. Но и любимую хозяйку бросать не собирался.

Кто сказал, что кошки эгоистичны и не знают, что такое благодарность?

Не верьте! Кошки, как и люди, бывают разные – каждая со своим норовом и характером.

А благодарность…

Наверное, её просто нужно заслужить.

Теперь и бабушка Соня, и Зина, и Люся с Иринкой знали о жизни любимого кота на два дома. Все то и дело посмеивались и шутили, называя баловня то – Барсом Ва-сильевичем, то – Василием Барсовичем, и по-прежнему любили его.

К тому же бабушка Соня оказалась милым и добрым человеком.

«Общий» кот сдружил всех своих хозяев.

А Барс? В его поведении тот день ничего не изменил.

Он по-прежнему приходил и уходил когда и куда хотел.

На то он и кот – гуляет сам по себе

Любовь СИДОРОВА

Москва

ПЕТЯ В ГОРОДЕ ЛЕНТЯЕВ

Сказка-притча

Петя был добрым, но ленивым мальчиком. Он очень любил сказки, готов был целыми днями читать про благо-родных героев и мечтать… Петя мечтал совершить какой-нибудь подвиг, спасти кого-нибудь, например, вытащить дрессировщика из пасти льва или хотя бы стрекозу из варенья. Он вовсе не хотел прославиться. Просто он был добрым. Но так как Петя был ещё и ленивым, то больше всего на свете он не любил ходить в школу и выполнять домашние задания.

И вот в один ничем не примечательный день Петя си-дел дома и делал уроки, вернее, пытался, но никак не мог сосредоточиться, потому что на столе рядом с учебниками лежал новенький сборник сказок. Петя отложил учебник и взял книгу сказок. Открыв её, он забыл об уроках и по-грузился в волшебный мир. «Вот бы оказаться в сказке!» – подумал мальчик.

И только он так подумал, как на страницу книжки села голубая бабочка. Петя никогда не видел такой красивой бабочки . Вот она взлетела, начала кружиться в воздухе, и вдруг… бедняжка угодила в паутину. Петя вскочил и при-нялся распутывать паутину. Непростое это было дело, но в конце концов ему удалось освободить бабочку. Она

взлетела, и тут на глазах у Пети произошло чудо: пря-мо в воздухе бабочка превратилась в красивую девочку с золотыми волосами и в голубом платье. Петя зажмурил глаза и протёр их, а когда открыл, девочка стояла перед ним.

– Большое тебе спасибо, Петя! – сказала она. – Ты спас мне жизнь. Открою тайну: я Маленькая Фея из Волшеб-ной страны. Правда, я начинающая фея, но уже кое-чему научилась. И вот решила принять образ бабочки, слетать в земной мир и посмотреть, как там живут дети. Если бы не ты, я бы погибла. От страха все волшебные заклинания вылетели у меня из головы. Однако феи не могут оставать-ся в долгу. Я обязана тебя отблагодарить. Загадывай лю-бое желание.

– У меня только одно желание, – без раздумий ответил Петя, – не ходить в школу.

– Нет, я не могу выполнить такое желание! – испуганно воскликнула Фея. – Загадай что-нибудь другое.

– Другого нет, – заявил Петя. – Что это за фея, которая не может выполнять желания?

– Я ведь учусь на добрую фею. А если выполню такое желание, то сделаю зло. Очень жаль, что не смогла тебя отблагодарить, – вздохнула Фея, превратилась в бабочку и улетела.

Петя загрустил. Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, он снова открыл книгу сказок. И вдруг на книгу опять села бабочка, только чёрная. Потом она взлетела, стала кружиться и залетела в угол, где лежала горка Петиных учебников. Петя отодвинул учебники. Бабочка вспорхну-ла, превратилась в девочку с чёрными волосами и в чёр-ном платье, немного покружилась в воздухе и опустилась рядом с Петей.

На этот раз он почти не удивился.

– Спасибо, Петя, – сказала девочка. – Ты меня спас, и я должна тебя отблагодарить. Я Маленькая Колдунья из Волшебной страны и могу выполнить любое желание. Загадывай!

Петя недоверчиво покосился на Маленькую Колдунью.

– У меня только одно желание: не ходить в школу.

– Отличное желание! – воскликнула Колдунья. – Мы с тобой прямо сейчас отправимся в Город Лентяев, где живут мальчики и девочки, которые тоже не хотят ходить в школу.

– А как туда отправиться?

– Очень просто. Закрой глаза, скажи: «Здравствуй, Город Лентяев!» Потом открой.

Петя сделал так, как велела Колдунья, и, открыв глаза, обнаружил, что находится не в своей квартире, а на улице у незнакомого дома. Около дома в круг стояли дети и играли в мяч. Мяч был непонятного цвета. Наверно, в него столько играли, что он совсем загрязнился. Одежда на играющих была тоже непонятного цвета. Похоже, её никогда не стирали.

– Дорогие ребята! – торжественно произнесла Колдунья.

Те неохотно оторвались от игры и оглянулись.

– Я привела к вам новичка, – объявила Колдунья. – Он тоже не хочет ходить в школу. Ну, вот, – обратилась она к Пете, – твои новые друзья. А мне пора возвращаться домой.

Колдунья исчезла.

– Давайте знакомиться. Меня зовут… – начал Петя.

– Послушай, новичок, – перебил его самый высокий мальчик с оттопыренными ушами, – нас это не интересует. Зачем ещё тратить силы на запоминание имён? Продол-жим играть.

«Тогда будешь Баскетболист», – вздохнул Петя.

Дети принялись кидать друг другу мяч. Сначала Петя обиделся, но потом ему стало так весело, что он забыл обиду.

Через некоторое время один толстый мальчик сказал:

– Что-то я проголодался. Пойдёмте домой, поедим.

«Толстяк», – назвал его про себя Петя.

Ребята гуськом потянулись в дом. Петя последовал за ними и оказался в комнате, где стояли только большой стол и стулья. Все сели за стол, Петя тоже занял свободный стул.

– А что мы будем есть? – спросил Петя.

– Каждый раз, как являются новички, приходится объ-яснять, – проворчал Баскетболист. – До чего надоело! По-нимаешь, это Волшебная страна. Стукни кулаком по столу, будет тебе еда.

Ребята стукнули кулаками по столу. Петя тоже стукнул. На столе тут же появились тарелки с аппетитной едой. Особенно много было сладостей: всевозможных конфет, тортов, пирожных.

– А чем есть? – спросил Петя. – Ведь нет ни ложек, ни вилок, ни ножей.

– Руками, чем же ещё! – засмеялся Толстяк.

Все начали хватать грязными руками кушанья и жад-но запихивать в рот. Пете тоже пришлось есть руками. Сначала это показалось ему непривычным, но вскоре он приспособился и подумал, что так даже удобнее. Когда все насытились, тарелки исчезли.

– Теперь, наверно, надо помыть руки? – снова задал во-прос Петя.

Вокруг раздался смех.

– Это ещё зачем? – вдоволь насмеявшись, сказал Тол-стяк. – Всё равно испачкаемся.

Дети вышли на улицу, встали в круг, Баскетболист взял мяч.

– Опять в мяч? – недовольно протянул Петя. – Давайте во что-нибудь другое. Или можно поставить сказку. Будем изображать смелых героев, спасать друг друга.

– А ты знаешь сказки? – спросила девочка с растрёпан-ными волосами.

– Я знаю много сказок, – начал было Петя и вдруг, к своему изумлению, обнаружил, что не может вспомнить ни одной.

– Понимаете, со мной что-то случилось, – растерянно проговорил он. – Я забыл все сказки. У вас есть книжки со сказками?

– Книжки?! – возмутилась рыжая девочка. – Да ты что!

– У меня прямо мороз по коже, как вспомню, что мы когда-то читали, – дрогнувшим голосом сказала Растрёпа.

– Не хватало, чтобы всякие новички наводили здесь свои порядки! – прогремел Баскетболист. – Будем играть в мяч, и всё.

Петя нехотя встал в круг вместе со всеми. Ему было скучно, кроме того, не давала покоя тревожная мысль: «Почему я забыл сказки?» Он погрузился в раздумья, пытаясь вспомнить какую-нибудь сказку, и вдруг услышал, как ребята что-то кричат, глядя на него.

– Ослеп, что ли? – злобно спросил Баскетболист. – Я кинул тебе мяч, а ты… Он укатился.

– Сейчас найду, – сказал Петя.

Он вскоре обнаружил мяч в кустах, как вдруг услышал крик о помощи. Петя бросился на крик и оказался на берегу моря. Там лежали сложенная одежда и тетрадка. Из воды показалась светловолосая мальчишеская голова и снова погрузилась в волны.

Не раздумывая, Петя бросился в воду, подплыл к тонущему и вытащил его на берег. Мальчик быстро пришёл в себя.

– Большое тебе спасибо, Петя, – сказал он.

– Ты меня знаешь?..

– Я ведь живу в Волшебной стране. Ты спас мне жизнь:

бросился в воду прямо в одежде.

– Пока я раздевался бы, ты мог утонуть. Да одежда высохнет.

– Долго ждать. Я могу её высушить за одну секунду.
Мальчик взмахнул рукой, и Петина одежда сразу стала

сухой.

– Ты волшебник? – восхищённо спросил Петя.

– Вообще-то меня называют Маленький Сказочник. Я сочиняю сказки. Лучше всего мне сочиняется на берегу моря, поэтому я часто прихожу сюда. Вот и сейчас пишу сказку.

Сказочник взял тетрадь, которую заметил Петя, и при-нялся листать её.

– Видишь, сколько исписал? – с гордостью сказал он.

– Я очень люблю сказки, – нерешительно начал Петя, – но почему-то все позабыл.

– Ещё бы. Поживёшь в Городе Лентяев, позабудешь всё на свете.

– Вообще мне нравится в Городе Лентяев, – задумчи-во проговорил Петя. – Не надо ходить в школу, учиться.

169 с другой стороны, там скучновато. Играют только в мяч. Я хотел уговорить ребят поставить сказку, но они не знают ни одной, да и сам я все забыл. Хотелось бы почитать ка-кую-нибудь сказку. Ты не мог бы дать мне свою?

– Конечно, – ответил Сказочник и протянул тетрадь Пете. – Правда, она не закончена.

Петя открыл тетрадь, но, как ни старался, не разобрал ни слова.

– Кажется, я не понимаю твой почерк, – неуверенно сказал он.

– Как это не понимаешь? – обиделся Сказочник. – Все говорят, что у меня каллиграфический почерк. Ну ладно, помогу тебе.

Сказочник взмахнул рукой, тетрадка превратилась в книжку, но Петя всё равно не смог прочитать ни слова.

– Опять не понимаю! – испугался он. – Неужели разучился читать?!

– Именно. Поживёшь в Городе Лентяев, ничего не бу-дешь уметь. Тебе надо немедленно вернуться домой. Дома всё вспомнишь. Потом сделаешь уроки. И как только за-кончишь, я прилечу к тебе в виде жёлтого мотылька, стану таким, как сейчас, и дам свою сказку.

– Делать уроки? – усмехнулся Петя. – Ну уж нет! Луч-ше останусь в Городе Лентяев.

– В таком случае никогда не узнаешь, о чём моя сказка.

– Ну и не надо, – фыркнул Петя.

– Ой! – вдруг вскрикнул Сказочник и повалился на песок.

– Что с тобой? – в тревоге спросил Петя.

– Кажется, я заболел, – еле слышно пролепетал маль-чик. – Перекупался, воды наглотался. Даже встать не могу. Тебе опять придётся меня выручать. Видишь дом с выве-ской «Аптека»? Там продаётся волшебное лекарство от всех болезней. Сходи, пожалуйста, купи.

Сказочник протянул Пете кошелёк, где лежали деньги, каких Петя никогда не видел. Но его поразил не столько вид денег, сколько то, что он не мог понять напечатанные на них цифры.

– Кажется, я забыл все цифры и разучился считать, – испуганно пробормотал Петя.

– Станешь жить в Городе Лентяев, ничего не будешь уметь. Ты должен вернуться домой. Сделаешь уроки, потом окажешься в аптеке…

– Нет и нет! – закричал Петя. – Не буду делать уроки!

Не хочу!

– Тогда я не поправлюсь, – едва слышно проговорил Сказочник.

– Пусть тебе поможет кто-нибудь другой, – пробормотал Петя.

Сказочник тяжело вздохнул и закрыл глаза. И вдруг по-явилась Маленькая Фея.

– Как ты вовремя! – обрадовался Петя. – Сказочнику плохо.

– Знаю, – печально сказала Фея. – Я принесла лекарство.

Тогда Петя увидел в её руке таблетку. Сказочник проглотил таблетку и тут же встал.

– Спасибо тебе, Фея, – поблагодарил он. – Я совсем здоров.

– А я рад, что всё хорошо закончилось, – облегчённо вздохнув, сказал Петя.

– Но могло бы закончиться и плохо, – возразила Фея.

– Если бы меня не было поблизости, что стало бы со Сказочником? Ах, Петя! Ведь ты был таким добрым, всех жа-лел, всех спасал, но лень убила в тебе твоё лучшее качест-во – доброту. Мне очень жаль.

– Мне тоже, – вздохнул Сказочник.

– А мне некогда выяснять с вами отношения, – превоз-могая стыд, сказал Петя. – Меня ждут в Городе Лентяев. Кстати, где мяч?

Фея взмахнула руками, и у нее в руках появился мяч, правда, другой. Тот, в который играл Петя, был непонятно-го серо-буро-малинового цвета, а этот – красивый, голубой.

– Ты сделал свой выбор, Петя, – проговорила Фея. – Но не хочешь ли узнать, что ожидает тебя в будущем?

– Конечно, хочу! – воскликнул Петя. – Кто же не хочет!

– Поиграй с нами в мяч, и всё узнаешь, – предложила Фея.

Петя начал играть в мяч со Сказочником и Феей, а когда отвлёкся от игры , то обнаружил, что они исчез-

ли и на их месте появились какие-то взрослые люди: мужчины и женщины, кидающие мяч друг другу, слов-но дети . Этот мяч был прозрачный и блестящий, и Петя увидел в нём своё отражение. Он был уже не мальчиком, а взрослым человеком. И вдруг, как из -под земли, воз-никла черноволосая женщина. Её лицо показалось Пете знакомым.

– Не узнаёшь меня, Петя? – спросила женщина. – Это же я , твоя подруга, Колдунья . Просто я выросла, так же, как и ты. А теперь , дорогуши, – обратилась она к осталь-ным играющим, – вам пора покинуть Город Лентяев. Это город для детей. Убирайтесь! На ваше место придут дру-гие ребята. Желающих у нас хватает. А вы... поскольку ничего не умеете делать, будете дикарями. У дикарей нет домов, значит, станете жить в лесу.

Колдунья взмахнула рукой, и все оказались в диком лесу. Не будем подробно описывать жизнь несчастных лентяев-дикарей. Скажем только, что их постоянно мучи-ли голод и холод. Наконец, их стали преследовать хищные звери. Бедный Петя в страхе бежал от них, но нигде не мог найти укрытия. И вдруг он вспомнил своих друзей: Маленькую Фею и Маленького Сказочника. И тогда Петя в отчаянии закричал:

– Не хочу так жить!

В тот же миг исчез лес, исчезли хищные звери, а ря-дом с Петей стояли его друзья: Маленький Сказочник и Маленькая Фея. Петя сжимал дрожащими руками голубой прозрачный мяч, а его сердце испуганно билось. Он недо-умённо взглянул на мяч и увидел в нём своё отражение. Он снова был прежним мальчиком.

– Я не хочу оставаться в Городе Лентяев, – поспешно сказал Петя. – Хочу вернуться домой. Буду ходить в школу, буду делать уроки, только помогите мне выбраться отсюда!

– Конечно, мы тебе с радостью поможем, – сказала Фея. – Закрой глаза, скажи: «Прощай, Город Лентяев!» – и снова открой.

Петя так и сделал. Открыв глаза, он оказался дома, за своим письменным столом, и в руках у него был не мяч, а сборник сказок.

Пете очень захотелось почитать сказку, но, вспом-нив своё обещание, он отложил книжку и принялся за уроки. Быстро справившись с заданием, Петя уже хотел было взять сборник сказок, но вдруг его кольнула мысль: «Мне-то хорошо, я спасся. Но как же другие ребята? Ведь они не знают, что их ждёт. Вот бы снова увидеть Фею и Сказочника!»

Не успел он это подумать, как в окно влетела голубая бабочка, покружилась в воздухе и превратилась в Малень-кую Фею.

– А ведь я до сих пор у тебя в долгу, – сказала она. – За-гадывай желание!

– У меня есть желание, – твёрдо сказал Петя. – Я хочу, чтобы ты спасла всех лентяев так же, как спасла меня.

– Такое желание я с радостью выполню! – воскликнула Фея, взмахнув рукой.

И тут Петя заметил, что по комнате летает жёлтый мотылёк. Покружившись в воздухе, он превратился в Маленького Сказочника.

– Помнишь, я обещал прилететь в виде жёлтого мотылька? – спросил он. – Вот и прилетел. Я ведь тоже у тебя в долгу. Ты же меня спас.

– Да ладно, – сказал Петя. – Мне стыдно: я отказался помочь, когда ты заболел.

– Я не обижаюсь, – успокоил его Сказочник. – Ты был тогда в плену у своей лени, теперь опять стал добрым. А я закончил сказку. Могу дать почитать.

Он протянул Пете книжку. Это была сказка про до-брого, но ленивого мальчика Петю, которую вы сейчас прочитали.

Марина ФАДЕЕВА

Кстово

ТИХАЯ РАДОСТЬ

Сколько себя помнит Аришка, она всегда стремилась быстрее покинуть суету большого города, скученность ог-ромных высотных коробок, выматывающих тебя в жаркое время года сухостью и пыльностью мертвого воздуха, за-газованного обилием машин. А зимой… Да разве найдешь ты где зимой в городе такие высоченные (аж дух замира-ет!) снежные горки, с которых несешься на больших дере-вянных санках во весь опор!

То ли дело у бабушки в деревне! Едва заканчивались последние школьные деньки и начинались каникулы, Аришка летела как на крыльях туда, где сердцем и душой прикипела с рождения…

Как же здесь душеньке вольготно! Никто тебя домой не загоняет – гуляй хоть до позднего вечера, вплоть до тех пор, как лениво потянутся домой сытые стада коров, степенно несущие в себе целебную силу земли… А кругом стога свежескошенного сена стоят, как купола… Умостишься на один из них и смотришь на небо – а оно, как в планетарии: все перед тобой распахнутое, манящее. И звезды сразу складываются в причудливые таинственные фигуры… Разве в городе такое чудо возможно рассмотреть!

А еще любила Аришка забраться на самую верхушку горы, у подножия которой расположилась деревенька, и оттуда, с высоты, созерцать местные красоты… Стояла

Смотрела на бескрайние, протянувшиеся до самого горизонта луга, любовалась золоченым куполом церквушки

Наблюдала, как вырисовываются в высоком небе очерта-ния облаков в виде фантазийных замков и неведомых зве-рей, как срываются их лохматые тени в зеркальную гладь пруда…

деревенька вся как на ладошке – махонькая, где десятка два деревянных срубов с приземистыми крышами, с побеленными известкой мазанками и похожими на сказочные избушки бабки Ёжки погребушками притулились друг к дружке… Чуть поодаль, через дорогу – родник с холоднющей водой, словно из хрусталя переливчатого. Брызги так и завораживают, так и играют на солнце всеми цветами радуги!

вокруг колоды стоят вековые ветлы-исполины, стволы необхватные, высоченные. Бабушка говорила, что лет по триста им, не меньше… Но, что интересно, как пойдешь к роднику-то, зашелестит листва, ветвями, словно изможденными жилистыми кистями, затрясет да и заплачет, будто девка разнесчастная – так и закрапает на тебя капель с ветвей… Даже в жаркий день роняет ветла свои печальные слезы…

Бабушка на то Аришке сказывала, что, мол, потому те дерева кручинятся, что давным-давно заключены в них были души грешниц, которые страсти и смуту сеяли по свету… Горделивы они были своей красотой, но счастья никому не приносили: сердца холодны, расчетливы, а кровь горяча, да только все от мамоны:

Есть поверье – души грешных обретают тело древа…

Те, что страстью жили спешной от несдержанности
чрева… Наказанье за беспутство было для блудниц
ужасным – Огнедышащие чувства под
корой огнеопасны… Жадно ветлы
вековые тянут скрюченные ветки…
Слезы капают скупые скованных в
древесной клетке… Почему горят леса?
Может, это небеса, души грешных
Очищая, снова к жизни возвращают?

И когда огонь пожарищ пепелит порока завязь,

Сучья, в пепел превращаясь, шепчут тихо: «Каюсь, каюсь…»

правда, не раз и не два вспыхивали те ветлы, словно кто-то изнутри их воспламенял, но люди тушили всем ми-ром, ведь рядом дома – займутся огнем, особенно в сухую, ветреную погоду, – выгорит вся деревня! А спилить никто не решается: говорят, начинают стенать и скрипеть эти дерева, будто по живой плоти человеческой острием заде-ваешь… Сколько еще им, неприкаянным, маяться!

Много разных историй знает бабушка. Аришка же страсть как сказки да старинные легенды любит слушать!

– Бабуль, а Боженька справедливый? Он всем помогает?

– Справедливый, Аришенька…

– А почему же бабка Клавдея постоянно сетует: «За что ты меня оставил, Боже?»

– Боженька никого не оставляет, Ариша… Это мы от него отходим денно и нощно… В словах, в поступках сво-их… Оно ведь как бывает: человек хороший, но по недо-мыслию, неразумению своему творит иногда непотреб-ное. Господь и посылает ему напасти-испытания, чтобы остановился он, заглянул в душу свою. Видно, скопилась там темнота непроглядная, плохо душе без светлячка-то Божьего, неуютно, вот и одолевают её происки лукавого.

172 темноте-то ведь все кошки серы… Вот и бабке Клавдее невдомек, что давно уже Бога в душе не носит. В церкву ходит и посты блюдет, да ведь не то грешно, что в уста, а то, что из уст выходит словами нехорошими да мысля-ми темными. А всё почему? Жалко её, Клавдею-то: всю жизнь бобылихой, безмужницей век коротает. Как в детст-ве лицом-то окривела – нелюдимкой стала, своего счастья нет, а на чужое смотреть больно…

Крепко запали в душу Аришке бабулины слова. Иной раз разозлится по какому поводу, уже готовы сорваться с губ напраслины обидные, и всплывет в памяти светлым облачком Боженька с фонариком – вот-вот затухнет ого-нек! Аришка сразу к груди сильно-сильно ладошки при-жмет, аж зажмурится от натуги – как боязно ей потерять Боженькина светлячка!

А к бабке Клавдее все же как-то осмелилась зайти Аришка, когда прознала, что занедужила она. На порог только ступила, та брови сурово нахмурила:

– Чего надобно?
Аришка и протяни

– Угощайтесь, бабушка
чайком… Хворь как рукой

Бровки-ежики так домиком стом
лбу старушки, и руки задрожали
ладонью по Аришкиным волосам, а у
лым щекам течет тягучая.

– Спасибо, милая… Погодь… Нат
угощает Аришку медовым пряником.

«Вовсе не злая она, бабка Клавдея… ва
сердце её зачерствело, от беспросветности

добрые, только непонятые, теплом обделенные… пойду завтра и помогу ей грядку прополоть, а то вон сорняками зарощена. То-то она обрадуется!» – улыбалась Аришка, возвращаясь домой. ейполную плошку отборной малины:!Саманасобирала…Выеёснимет…исложилисьнаморщини-.Гладитзаскорузлой самойслезаповпа-.котебевот…– иЭтоотодиночест-.ВселюдиВоткак

Бабушка Аришки, что птаха ранняя, сызмальства привыкла подыматься на зорьке, когда еще деревенька дремотной ленцой окутана. Как только выгонит в пятом часу скотину со двора, начинает бабка чугунками и ухватами греметь да печку налаживать – накормит она сегодня любимую внучку и оладьями на топленом маслице, и яичницей в глиняной плошке.

А к обеду на столе, как на скатерти-самобранке, появятся и наваристые щи в чугунке, и картоха в сметане с пеночкой, с малосольными огурчиками и квашеной ка-пусткой из подпола.

Зимой же заберется Аришка с утречка на горячую печку и слушает, как весело , живехонько потрескивают дрова в печурке, отражаясь горящими языками в отта-ивающем морозном окне, да как с посвистом, похлеще Соловья-разбойника, завывает призывно ветер в тру-бе. За окном вьюжит, бьет мелким крошевом в стекла, беснуется метель, а в избе уютно, тепло, неспешно по-стукивают ходики . У Аришки под боком мурлычет кот Васька, подрагивая усами от аппетитных запахов, доно-сящихся из кухни. И так на душе безмятежно и спокой-но станет, что снова тебя разморит, разнежит, да и за-

дремлешь ты, обласканная благодатной чистой светлой любовью…

И сквозь сладкую дрему услышит Аришка бабулин го-лос, как складно да ладно поет она песню:

низенькой светелке огонек горит… Молодая пряха под окном сидит… Молода, красива, карие глаза… По плечам развита русая коса… Русая головка, думы без конца… Ты о чем мечтаешь, девица-краса?

увидит Аришка чудный сон, словно заглянет в сказку с царе Салтане. Ловко крутится веретенышко, с каждой минуточкой округляются, добреют его бока. И сидит у окна справная красавица… Разрумянившееся солнце в ставенки, с любопытством поглядит, подивится на такую спорую работу, да от щедрот своих вплетет в серебристую пряжу нити-лучики.

сердце будто материнской лаской наполнится, душа развернется во всю свою необъятную ширь, и затеплится в ней тихое счастье – какое-то нездешнее, незыблемое, кото-рое никуда и никогда не уйдет, сохраняя свое семя, Богом данное на долгие-долгие лета…

Стихи по кругу

Валентина КОРОСТЕЛЁВА

г. Железнодорожный, Московская область

В Троицу

...И суета, и мысли дерзкие –
Всё не важнее чепухи.
Идём в село Великорецкое
Смывать великие грехи.

Как будто вверх идём по лесенке,
Послушны Богу и судьбе...
И космонавт не прячет крестика
На радость людям и себе.

Когда сама страна на краешке –
И суть одна, и путь один.
И тает сердцем перед батюшкой
Паломник праведный – Крупин.

И так блаженно дремлет ивушка,
И расправляет крылья ель,
И, может статься, вся Россиюшка
Святую пробует купель!

Вот такой он, милый...

Посреди распахнутого рая
На исходе солнечного дня
Милый землянику собирает,
Собирает, милый, для меня.

Говорить он сладко не умеет,

Да и не старается уметь.

Пусть подруга от букетов млеет,

Я от земляники буду млеть.

Земляника знатная поспела,

Сладостью душистою маня...

Он любовь доказывает делом.

Вот такой он, милый, у меня

Болдино

Все степь да степь, – куда уж проще,

Все путь да путь, – куда длинней...

Но ждет и днем и ночью роща

Того, кто стал ей всех родней.

Не мог забыть он эти дали,

Не мог покинуть навсегда!

Быть может, где-то кони стали,

Быть может, где-то с ним беда...

За всё

Ещё восходит радуга,

И день ещё высок,

И сердце даже радует

Бодрящий холодок,

Ещё тепло спасительно

И ласкова трава…

Но так шумят пронзительно

Под ветром дерева!

176 даже птичье резвое Утихло голосьё,

177 спросит осень трезвая, Как водится, за всё!

Владимир РЕШЕТНИКОВ

Сухобезводное, Нижегородская область

* * *

Вы знаете, я Вас любить боюсь,
Мне совестно губить места святые.
Вы будто бы загадочная Русь,
А я – орда коварного Батыя.

Не в силах я прекрасное топтать,
Как некогда топтал другие страны.
И видя в Вас особенную стать,
Себя не узнаю, и это странно…

Надену шлем, и волю дам копью,
И ринусь в даль, минуя Ваши веси!
Чужою кровью боль свою запью,
Запью любовь свою, и в этом весь я!..

Оганес МАРТИРОСЯН

Саратов

* * *

178 та
ких
городах,
как я,
ничто не
осталось
прежним
. Ты
выбежал
а в меня
птенцом
босоноги
м,
нежным,
во мне
отыскав
насест.

Я думаю, слабых мест

во мне
теперь не
должно
быть. Ты
будешь
колготки
штопать, а
я нарезать
арбуз;
входя в
поцелуя
вкус,

года наши – льнуть друг к
другу, друг друга держа за руку,

чтоб не пролетали мимо.

А все потому: любима:
нежданна и долгожданна,
легла в мое сердце Жанна.
Пока горизонт безлюден,
с тобою давай не будем
друг друга не находить.
Устал без тебя не жить,
устал на тебя смотреть.
Куда эту боль мне деть.
В ночи просыпаясь без,
я вздрагиваю: ты здесь,
увидеть тебя не чая

и так по тебе скучая…

Ксения СЕВАСТЬЯНОВА

Казань

* * *

Прости меня, братик. Порой я бываю жестокой, когда из проблем
лишь моя состоит голова.

Я раню словами, как ранила в детстве осока, но только острее
осоки бывают слова.

Ты носишь игрушки, показываешь «кубик-рубик», мешаешь в
прозрачном стаканчике ты акварель, от Феи зубной раз от раза
запрашивал рублик, ложась на кровать, расправляя лениво постель.

Смеешься как ангел, пускай в дневнике даже тройки, пускай разорвался
пиджак, потерялась тетрадь… Ведь счастье – когда остывают черничные
слойки, когда можно бегать по снегу и будто летать.

Ты добрый и светлый, а смех твой точь-в-точь колокольчик.

Готовый отдать все, что есть, даже больше того.

Любимый мой брат и любимейший мамин сыночек – ты
веришь в привязанность, в Бога, в любовь, Рождество.

Ты любишь салюты, дожди, а особенно – лужи,
готов всему миру раздать всю любовь и весь свет.
Хранитель пластмассовых пуль, пистолетов и
ружей и тот, у кого над кроватью висит арбалет.

Мой братик, который находит всю радость – в конфете,
кто взгляд оторвать не способен от искр костра...

Пока ты ребенок – ты счастлив, как могут лишь дети.

Прошу я, не стань таким взрослым, как стала сестра.

Ольга ТЕЛИЦИНА

Осень

Поливает осенним дождем

Тротуары и редких прохожих.

Это – вид за моим окном.

За твоим, может быть, похожий?

Напиши мне хоть несколько строчек,

Я так жду их! – неважно о чем…

Горстку слов, запятых и точек

В ящик брось, под осенним дождем.

* * *

Светит солнце, слепит солнце!

Блеск капели, плеск ручья!

Мне прохожий улыбнется,

Улыбнусь ему и я.

Все метели – отшумели,

Все печали – улетели!

Далеко ли? Навсегда ли?..

Хорошо бы! Но едва ли…

Ярослав КАУРОВ

* * *

Когда мы шли путем отцов,
Москву от немца защищали,
На бруствер клали мертвецов,
И бруствер был прочнее стали.

Кряхтела, корчилась страна.
Вот мертвецы, а тоже в дело.
Росла китайская стена
Вокруг Москвы обледенелой.

Один из нас прокашлял грудь,
Хотя держался парень с форсом.
Ему б погреться где-нибудь,
А он на пост ночной попёрся.

А к утру вроде бы исчез,
Его недолго и искали.
И снова взрывы до небес
На нас осколками плескали.

Решили, может, дезертир,
А может быть, попал под мину.
Непрочен у солдата мир,
Сечет его то в грудь, то в спину.

Вот солнце село на стреху,
Как фитилек под образами.
Так вот же парень, наверху,
Глядит стеклянными глазами.

Он понял, смерть не обмануть,
А помереть хотел по-русски.
И совершил последний путь,
Пошел и грудью лег на бруствер.

Он сам улегся, ничего,
Ещё живой, пока что в силе,
Не дожидаясь, чтоб его
Туда ребята положили.

* * *

Эта грязь забивала нам рты и глаза
И, как волосы, дыбом вставала от бомб.
От нее ни сбежать, ни отмыться нельзя,
И в нее, как в спасенье, мы тыкались лбом.

И она забирала нас, злобно смеясь,
Эта черно-окопная грязь.

Эту грязь мы несли на плечах много лет,
Нас в окопах она заливала до глаз,
И она пропитала военный билет,
И в нее нас живых зарывали не раз.

И хоть нас обрекали в ней плавать опять,
Мы не можем ее никому завещать.

Мы ползли, обнимая ее как могли,
В ней смотрели свои довоенные сны,
В наших ранах ее в медсанбаты везли...
Кто не ел эту грязь – тот не видел войны.

Лариса БУХВАЛОВА

Павлово, Нижегородская область

* * *

Разбирают ёлку в феврале,
на площадке у кинотеатра.
Сыплет снег с дождинками от марта,
хоть зима ещё в календаре.

Вот и кошка пёстрая спешит
к парку, на котовы именины.
Быстротечны, сутолочны зимы.
Сдвинут неба непорочный щит.

Вижу всюду сущие моря.
Ветрено. Расшатана планета.
Ремонтёры бытности и света –
ангелы хлопочут по краям.

Это, говорят, их ремесло.
И Господь склоняется над нами.
Просто Новогодие прошло
с голубыми хрупкими шарами.

Зимы – мемуарная пора,
хоть ни дна погоде, ни покрышки…
И выкрикивает ангел с вышки
падающих веток номера.

Сергей **ФИЛИППОВ**

Москва

* * *

Старушка с маленькой иконкой,
Ладошку выставив вперед,
Стоит на улице в сторонке
И милость просит круглый год.

Уже совсем-совсем немного
Осталось бабушке до ста,
Стоит и просит ради Бога
Иисуса нашего Христа.

Минуя бабку, шагом скорым
Идет с десяток человек,
В Москву приехавших на форум
«Россия XXI век».

Где все галдеть неделю будут
И повторять: «В конце концов,
Пора подумать и о людях
И повернуться к ним лицом».

Нина ЯГОДИНЦЕВА

Челябинск

* * *

Выбегаешь на крылечко, на мороз –
И косыночка сбивается оплечь.
Ничего на этом свете не всерьёз.
Никого на этом свете не сберечь.

Едут сани, режет полоз ледяной,
Виснет месяц от беды на волоске.
Покрывается нежданной сединой
Растрепавшаяся прядка на виске.

Едут сани, едут сами – а куда?
Позасыпаны дороги да пути.
Говорят, что это горе – не беда,
Только зиму поперёк не перейти.

А повдоль неё крутые берега,
В берегах текут позёмка да пурга,
Набухают светом звёзды на мороз –
Ничего на этом свете не всерьёз.

* * *

Задувает, метелит,
вьюжит – но как легко
Пить ледяное,
хрустящее снежное
молоко!

Так и льнёт, так и льётся
широкой рекой на грудь –
Успевай шубейку драную
запахнуть…

Пахнет розами ночь – но
откуда такой цветник,
Ароматный родник – даже
ветер в испуге сник.

Словно смотришь в уютный садик через забор – И глядишь на розы как вор, и дышишь как вор…

Это чистое, нежное, чуть взглянул – и уже украл… Это в сердце как в тайнике: декабрь, Урал, Ночь, морозец, сердце рвётся из-под руки Собирать горячие белые лепестки…

Эльвира КУКЛИНА

Линда

Держат берег сосны
Мощными корнями.
Величавы, рослы –
Высятся над нами.

...Небо многозвёздно.
Мир – благополучен.
Отдыхают вёсла
В кандалах уключин.

Небо отражая,
Дремлет Линда – Лета,
В вечность погружая
Посредине лета.

Медленно
Минуем
Топляки да мели.
Мысленно малюем
Чудо-акварели.

...Держат берег – сосны.
Держит тело – лодка.
Держит небо – звёзды.

Нежно-нежно.
Вот как.

...Кто-то –

На ладони –

В этом сердце –

Боль вся –

Держит –

Не уронит...

Ничего не бойся.

До конца

...Мальвы – головы клонят –

Тяжело. До земли.

От рожденья – в короне,

А сегодня – в пыли.

...«Лезвиё» опустилось,

Завершая замах, –

По толпе прокатилось

Приглушённое «ах»...

...Тёмной кровью венозной

Лепестки запеклись.

По главе венценосной

Чьи-то ноги прошлись...

Но и в смертной рубахе –

Можно –

жертвой не стать.

...И на плахе, и в прахе –

Королевская стать.

Прощальное слово

Эдуард КУЗНЕЦОВ

«ПИШИ ДУШОЙ НЕРАВНОДУШНОЙ»

Ушёл Анатолий Гринес (1938–2018)

Пережив 80-летие, полный оптимистических планов, неожиданно умер Анатолий Зигмундович Гринес. Причина – одна из тех, что настигает многих – оторвавшийся тромб…

В нижегородской литературе поэзия Гринеса представляла сочетание, встречавшееся не так уж часто, – он писал и лирические и сатирические стихи, но по большому счёту был выше того, что обычно обозначается как лирик и сатирик.

Он заявил о себе в начале 60-х годов и к «шестидесятникам» относился не столько по времени начала публикаций, сколько по образу мыслей, поведению и жизненным установкам.

Гринес начинал вместе с Юрием Адриановым, Валерием Шамшуриным, Лазарем Шерешевским, прошёл выучку

180 поэтической школе Бориса Пильника. Уроки литератур-ного наставника оставили отпечаток не только в его поэ-зии, но и в судьбе. Он и сам со временем превратился в умелого руководителя поэтических студий.

Литературной работой Гринес занялся ещё будучи студентом Горьковского педагогического института – исполнял обязанности сменного редактора газеты « За учительские кадры». Ну а после окончания вуза жизнь предоставила возможность приобрести не только богатый литературный, но и жизненный опыт. Он работал на Урале, в Якутии, на Колыме, в Германии…

Судьбоносные события, конечно же, нашли отражения в стихах Гринеса, но, может быть, стоит пожалеть, что они не были закреплены в его мемуарах: ведь он был не шапочно знаком с многими известными поэтами и прозаиками, с театральными деятелями, с людьми экзотических профессий. Прихотливая судьба журналиста с неожиданными встречами, поездками, происшествиями (вплоть до полётов на Северный полюс) могла бы стать любопытной темой для его зрелых размышлений. Возможно, к этому ответвлению творчества Гринес со временем и пришёл бы. Знавшие его люди отмечали, что он не спешил выкладывать на бумажные страницы поразившие его впечатления. Они копились, чтобы постепенно обрести ясную и точную (и чаще всего – лаконичную) форму обобщений, характерных для человека, не скользящего по поверхности.

в жизни, и в творчестве Гринес был далёк от суеты и поспешности. У него трудно найти стихи с мгновенной реакцией на какое-то событие или яркое ощущение. Если такие импульсы и возникали, то они в конечном счете становились поводом для фиксации не столько визуальных ощущений, сколько глубоких внутренних переживаний.

Пройтись Большой Покровкой не спеша,

Как будто нет важнее в жизни дела,

182 вдруг понять: не умерла душа, А просто от разлук окоченела…

Или:

Май за окном черёмухою веет,

184 вновь волнует ветер перемен. Мы счастливы,

пока в нас кто-то верит

185 ничего не требует взамен…

Не простое внимание к явлениям повседневности по-чти всегда прочитывается в стихах Гринеса. За каждым из них возникают небанальные раздумья об особенностях существования мыслящего человека – о природе, о Роди-не, о любви, о власти, о литературе, о поведении… Произ-вольные мысли поэта естественным образом увязываются с общечеловеческими ценностями. Это подтверждают и программные стихи из его книги с неслучайным названи-ем «Мир держится на любви»:

Так бывает. Так было от века.

186 со мною, и с ним, и с тобой. Человек приручил человека, Называется это – любовь.

Позовёт – и пойдёшь на край света

По тернистой тропе бытия.

Человек обручил человека,

Называется это – семья.

Праздник жизни, загадка, причуда,

Ускользающий шар голубой.

Этот мир не погибнет, покуда

Человек человеку – любовь.

стихи и размышления поэта отмечены своеобра-зием , остротой, парадоксальностью, субъективизмом.

188 смутные 90-е годы, в период «перестройки» Гринес не мог не откликнуться на происходившие в стране собы-тия. Так появились горькие – порой гневные, порой юмо-ристические – «толики», саркастически переплавляющие драматическую прозу жизни в поэтические сентенции.

Сатира как таковая, хотя и появилась в творчестве Гринеса несколько позже лирики, нисколько не уступала ей ни по объёму, ни по накалу страстей, ни по воздействию на читателей . Сатириков в Нижнем Новгороде никогда не было много, поэтому каждый вступивший на эту стезю вызывал к себе пристрастное и заинтересованное отноше ние. Гринес достойно выдержал пристальное внимание любителей; его «толики», эпиграммы и пародии завоева-ли заслуженный успех. Он чувствовал себя в сатире естественно и свободно. Пародии и эпиграммы создавались им не из конъюнктурных соображений, не из желания покрасоваться на чьём-то фоне: он старался в них выра-зить сугубо личное мнение о творчестве авторов. Даже в эпиграммах – жанре казуистическом и кусающем – он не столько высмеивал, сколько расшифровывал вну-треннюю суть персонажей . Да и пародии писались им не желчно, с желанием наказать за вольный или невольный промах, а более с позиций литературного критика, анали-зирующего и оценивающего.

В пародиях Гринеса иногда проявлялись менторские нотки, восходящие к истокам его воспитательной работы в качестве ведущего поэтических студий. К этому роду деятельности его, скорее всего, подвигли воспоминания о занятиях в литературном объединении при Доме учёных на самой заре его поэтических устремлений и уроки Бориса Пильника, вошедшие в его плоть и кровь . Они раз-будили желание и самому повести за собой поэтическую поросль. Начало было положено в 60-е годы: при газете «Автозаводец» была организована студия «Струна», по-лучившая широкую известность среди начинающих поэ-тов и читателей . После этого сколько их было – и в Нижнем Новгороде, и на Севере, и даже в Германии. Знание людей, подводных литературных течений, особенностей творческих устремлений закрепило за Гринесом в среде начинающих и развивающихся поэтов положение если и не мэтра, то заслуженного авторитета . Ну а его литературное кредо, которому он следовал всю жизнь и старал-ся привить участникам поэтических объединений, было им выражено предельно чётко:

Ты стихотехникой владеешь?

Совет бывалого послушай:

Пиши не ямбом и хореем,

Пиши душой неравнодушной.

190 юбилейный день 80-летия Анатолий Зигмундович размышлял о литературе, о книгах, о летнем времяпре-провождении, о новых зарубежных маршрутах. Но жизнь распорядилась по-своему…

снова не хватило света,
синих васильков во ржи.
Как быстро пролетело лето!

Как быстро пролетела жизнь!

ЗЕМЛЯКИ

НИЖЕГОРОДСКИЙ АЛЬМАНАХ

Выпуск двадцать четвертый

Редактор-издатель *Олег Рябов*

Составители *Андрей Иудин, Олег Рябов*

Редактор *Андрей Иудин* Макет *Арсения Костромина* Дизайн обложки *Геннадия Щеглова* Корректор *Лев Зелексон*

Подписано к печати 01.06.2018. Выпущено в свет 20.06.2018.

Бумага 60×84 1/16.

Гарнитура «Times New RomanC». Печать офсетная.

Бумага офсетная. Усл.-печ. л. 27,9. Тираж 1000 экз.

Издательство «Книги»

603057, Нижний Новгород, ул. Бекетова, 24/2. Тел. (831) 412-16-04

Отпечатано в типографии АО «ИПК «Чувашия» 428019 Чувашская Республика, Чебоксары, пр. Ивана Яковлева, д.13